

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

БРЭК

СОКРОВИЩА
КОЛДУНА

Джон
Джейкс

ПЕРЕД НИМ
ТРЕПЕТАЛИ
БОГИ ЗЛА!

Иллюстрация: [signature]

Сказание о Брэке

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

**СОКРОВИЩА
КОЛДУНА**

Джон Джейкс

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

Руна 1 КОЛДУНЬЯ

Джейкс Д.

Д 40 Сокровища колдуна /Пер. с англ. — СПб.:
Азбука—Терра, 1996. — 416 с.

ISBN 5-7684-0158-X

Джон Джейкс, известный американский писатель, уводит читателей в таинственный мир, где правит волшебство. Его герой — варвар Брэк путешествует в поисках волшебной страны — Золотого Курдистана. Но чтобы достичь заветной цели, Брэку приходится сражаться с многочисленными посланцами темного бога Йог-Саггота.

Глава 1

КОЛОДЕЦ ЧЕРВЕЙ

Проснувшись с первыми лучами солнца, Брэк еще раз с удивлением отметил, как разительно переменялось все вокруг.

Последние три дня путь его пролегал по приветливой, купающейся в буйной зелени речной дельте. Потом ей на смену пришел дикий край выветренных серых сланцев и разбросанных тут и там горных пиков, скрывавших вершины в заоблачной выси. Местность выглядела совершенно дикой. Казалось, здесь никогда не ступала нога человека. Меланхолическое настроение Брэка вполне соответствовало мрачному виду этих безлюдных мест.

Не прошло еще и месяца с того вечера в роще фиговых деревьев за стенами великого города, когда он, сам того не желая, простился с молодой темноволосой красавицей Реей.

Рея, королева Фриксоса...

Непривычно было ему, необразованному варвару из диких северных земель, думать о ней как о королеве. Брэк спас девушку от смерти в водах адской реки Фриксоса, вырвав из лап мятежников, свергших ее с престола. Потом не покладая рук варвар трудился для нее в великом городе — вначале в каменоломне, затем целых полгода в кузнице перековывая Великий Щит. Этот легендарный символ он передал Рее. Обладая им, она могла выйти к своим подданным, считавшим ее мертвой, и убедить их, что невредимой прошла страшное испытание в водах священной реки, обретя древний талисман, знак благосклонности богов... Так Рея получила возможность

отвоевать свой трон и править собственным народом мудро и милосердно...

Но не это стало для Брэка главной причиной разлуки. Тем же вечером в роще варвар понял, что влюблен и королева отвечает ему взаимностью. Лишь зов курдистанского золота, далекой цели его затянувшегося путешествия на юг, гнал его прочь. Кроме того, Брэк понимал, что королеве нелегко будет делить свой трон с варваром-изгнанником.

Расставание было болезненным, но все же Брэк заставил себя отправиться в путь, и вот теперь он проснулся в краю рвущихся в небо гор со странным ощущением надвигающейся опасности.

Накануне вечером, почти перед самым закатом, он очутился на развилке дорог. Одна вела между скал строго на запад, к видневшимся на горизонте горам, в направлении Эбеновых Столпов на западной оконечности известного людям мира. Другая сворачивала на юго-запад, к скрытым туманами горным отрогам Гор Дыма, венчающих мир на востоке, где, по преданиям, рождались боги, властвующие над царствами земными, большими и малыми.

На этом перепутье Брэк и решил заночевать, оставив на утро выбор дальнейшего пути. Он окончательно отказался от мысли двигаться на юго-запад, глядя на сланцевые откосы, грозящие обвалами. Громадные валуны и мелкий щебень, перегораживающие дорогу в сотне мест, — вот что ждало путника, избравшего этот путь. И — главное — было ведь пророчество оракула...

Брэка пробрал озноб, и он поплотнее запахнул на груди выделанную волчьей шкуру, служившую ему защитой от холода ночи в этой горной стране. Он подошел к своему коню, фыркающему и нервно переступающему ногами у большого камня, нежно похлопал его по морде, прошептал пару успокаивающих слов в большое мягкое ухо, пошарив в седельном подсушке, достал несколько пригоршней зерна и скормил проголодавшемуся скакуну. И тут Брэк заметил колоссальное манящее скопление камней, словно упрашивающее выбрать западный путь, хочется путнику того или нет.

Брэк медленно провел языком по пересохшим губам и зажмурил глаза. Валуны и утесы канули во тьму. Вокруг стояла абсолютная тишина. Брэк вообще не слышал ни звука за всю ночь, несмотря на то что спал очень чутко в малопривятных местах вроде этого. Зато в мозгу его загредел голос и возникло ужасающее видение — мрачный бритоголовый человек с крючковатым орлиным носом, тонкими, в нить, губами, острым выпирающим подбородком. Остроконечными были и его уши. Огромные темные глаза состояли, казалось, из одних только зрачков. Глазные веки отсутствовали, очевидно удаленные в ходе чудовищной хирургической операции. Корка иссеченной шрамами кожи окружала провалы глазниц, в глубине которых горели никогда не закрывающиеся глаза...

Но самым страшным в этом лице было то, что вся его поверхность была живой, неустанно двигалась. Каждый дюйм кожи пестрел крошечными фигурками обнаженных людей, переплетенными и извивающимися в страшных мучениях. Фигурки, непостижимым образом заключенные в складки кожи, медленно, но безостановочно двигались — корчились в мешанине бесчисленных голов, рук, ног, торсов...

Брэк резко надавил пальцами на веки, однако это не разрушило иллюзии. И голос, этот загробный голос, исполненный издевки и язвительности все еще звучал в его ушах:

— Мы еще встретимся. Куда бы ты ни отправился, я последую за тобой. Вот увидишь, варвар, я последую за тобой.

Так обещал Верховный Наместник Зла на Земле, Септенгундус.

Воспоминания о шевелящейся плоти Септенгундуса не раз тревожили сон Брэка в последнее время. Варвару никак не удавалось выбросить из головы первые испытания, выпавшие на его долю в так называемом цивилизованном мире, а именно в Ледяном крае.

Собственный народ изгнал Брэка за то, что он слишком часто и охотно высмеивал их воинственных богов. Вынужденный искать свою судьбу в чужих краях, Брэк покинул северные равнины и открыл для себя королевства цивилизованного мира, шумные и густонаселенные, где многое сбивало с толку диковатого северянина.

Так, например, в Ледяном крае он впервые услышал о титанической, продолжающейся от сотворения мира, борьбе двух величайших божественных начал, властвующих над всеми прочими богами. Йог-Саггот, Темный бог, черною тучей нависал над человечеством, угрожая как душам людей, так и самому их существованию. Во всяком случае, именно так утверждали противники Бога Тьмы, странные жрецы таинственного культа, Несторианцы. В ледяном крае судьба свела Брэка с одним из их числа, монахом по имени Джером. От него-то Брэк и узнал о великой битве за владычество над Землей между слугами Безымянного бога, чьим первым апостолом стал экстатический пастырь Нестор, и мощью Йог-Саггота, ставленником которого в мире людей был отвратительный колдун Септенгундус.

Во всех деталях и красках помнил Брэк едва не состоявшееся жертвоприношение огромному древнему каменному идолу, изображавшему Йог-Саггота, — чудовищное существо, сидящее на корточках, лишь отчасти напоминало человека. Глыбы каменных кулаков покоились на бедрах, а широко открытая пасть была обращена вниз, словно посылая проклятие всему людскому роду. У ног истукана Брэк и его друг монах чуть было не стали — в качестве жертв — участниками мерзкого обряда, совершаемого под руководством Септенгундуса и его дочери Арианы.

Ариана...

Прекрасная настолько, что красоту ее не могла затмить даже Рея. Юная. Розовокожая. Грациозная. С губами, соблазнительными как спелая слива. Она кокетничала с Брэком, предлагала ему себя, рассчитывая обрести власть над ним... И была отвергнута.

В яростной схватке, когда Брэк и Джером с боем добывали себе свободу, стремясь избежать заклания,

варвар все время маневрировал так, чтобы Ариана находилась между ним и со свистом разрезающим воздух, изящным кинжалом в руках ее отца. В итоге кинжал нашел себе пристанище в спине Дочери Ада, а идол Йог-Саггота рассыпался в прах под всполохи красных молний.

Брэку, монаху и старому слепому менестрелю Тирецию удалось тогда ускользнуть. Брат Джером всячески убеждал и уговаривал великана с копной волос цвета спелой пшеницы встать на путь Безымянного бога, пытался вложить ему в руки символ своего Господа — каменный крест с перекладами равной длины. Но Брэк, чье отношение к верованиям «цивилизованных» людей варьировалось от непонимания до ненависти, отказался от талисмана. Он избрал собственный путь, и это была дорога в Курдистан, далекий южный рай, где — как говорил ему шаман еще до той поры, когда он был изгнан из пустошей Севера, — все города были из золота. Брэк стал врагом Септенгундуса и всего, связанного с Богом Тьмы. Вскоре он уехал из Ледяного края, но и поныне преследовал его призрачный голос зловещего чародея, оставшегося в неведомой дали:

«Дорога в Курдистан длинна, варвар. Я последую за тобой...»

Брэк замер в изумлении — ему привиделось, будто Септенгундус, прежде чем исчезнуть, указал рукой прямо на него. Невысказанные сомнения одолевали варвара: стоит ли что-то реальное за его видениями-кошмарами, или это лишь его сознание играет с ним дурные шутки, будя демонов страха?

Набежавшее облако скрыло новорожденный солнечный лик, на землю пала лохматая тень. Брэка опять передернуло. Он потрянул головой и шагнул к своему коню. Пора было собираться в путь, единственный оставшийся для него открытым. И вел он на запад.

Сунув в рот выуженный из седельной сумки кусок соленого мяса, Брэк оседлал коня и пустился в дорогу.

Облако стинуло, и солнце засияло как отполированный медный диск. День становился все жарче. Тропа

под ногами скакуна вилась серпантин, каждый удар копыта вздымал крутящиеся облачка рыжевато-коричневой пыли. Вокруг не видно было ни одной живой души. Едва Брэк поймал себя на мысли, что не встречал людей вот уже трое суток, как в уши его на крыльях стонущего ветра ворвался звук, подозрительно напоминающий крик. Брэк резко осадил коня и схватился за рукоять массивного двуручного меча, висящего в ножнах на поясе.

— Будто бы человеческий голос, — пробормотал он, обращаясь к коню. — Или это ветер сыграл со мной злую шутку?

Конь, послушный воле седока, застыл как вкопанный. Задрав подбородок, замер и варвар, прислушиваясь. Марево смешанного с пылью, разогретого солнцем воздуха скрыло окружающие кручи, оставив глазу наблюдателя лишь неясные силуэты самых причудливых очертаний. Наконец Брэк убедил себя в том, что его на самом деле разыгрывает ветер. Название места, где он находился, было ему неизвестно, но оно и без того ему не очень-то нравилось, и желтоволосый варвар хотел поскорее оставить его позади. Он вновь пришпорил коня.

Без сомнения, это память — мрачные воспоминания о Септенгундусе и светлая тоска по Рее — наполнила его голову призраками.

Снова прозвучал высокий, пронзительный, как свист стрелы над ухом, крик.

Теперь Брэк был уверен — ему не послышалось. Крик определенно был человеческим. Кричала женщина, охваченная смертельным ужасом. И донесся он из-за ближайшего поворота извилистой горной дороги. Брэк пустил коня вскачь. Меч его сверкал на солнце, хвост львиной шкуры, охватывающей бедра варвара, хлестал по лошадиному крупу, за спиной выпелом развевались золотистые волосы, собранные в толстую косу, под загорелой кожей обнаженной спины вздулись бугры исполинских мышц.

Поворот остался позади. Прикинув, Брэк решил, что крик исходил из-за сланцевых скал, расположенных

по правую руку. Добраться до них верхом было невозможно — огромные обломки усеяли землю у их основания нерукотворным валом. Варвар спешил и стал взбираться на каменный вал. Перед ним поднимался отвесный склон — и ни единого признака человеческого присутствия.

Крик раздался в третий раз, отчаянный, безнадежный, жалобный. Источник его явно располагался где-то выше. Брэк решительно убрал меч в ножны и бросился на штурм скального массива. Его сильные пальцы использовали как опоры малейшие неровности в сланцевой стене. Северянин двигался с ловкостью и изяществом, свойственными охотящимся хищникам. Перевалив через гребень скалы, Брэк, заслонив ладонью глаза от слепящего солнечного света, замер на краю просторной каменной площадки, — могучая обнаженная фигура, если не считать львиной шкуры на поясе со свешивающимся хвостом. Открывшаяся взору картина удивила варвара, если не сказать больше. Он даже усомнился на мгновение, не стал ли он опять жертвой колдовских чар. Никаких женщин не было видно поблизости, куда ни глянь. Вместо того перед ним предстала, высотой в два его роста, колонна из голубоватого, с искрящимися вкраплениями, камня. Века и стихии, более древние, чем само время, обтесывали и обтачивали ее, создав монумент странных очертаний — широкая у основания, колонна постепенно сужалась кверху и вновь расширялась каменным цветком на вершине.

На этом природном насесте, скрестив ноги и обхватив узловатыми руками с выпирающими венами веретенообразную грудь, восседал древний старец. Грубое серое одеяние, прикрывающее его тощее тело, давно утратило свой изначальный цвет, превратившись в ветхие лохмотья. Лицо в мелкой сетке морщин было настолько бесстрастным, что напоминало маску. Длинную седую бороду трепал ветер. Было что-то комичное во внешности этого живого анахронизма. Но варвар не стал смеяться.

Во-первых, у незнакомца на ремешке вокруг шеи висел один из этих странных, знакомых северянину, каменных

крестов Безымянного бога с горизонтальной и вертикальной перекладинами равной длины. Да и вел себя старик странно. Тот сидел с глубоко запрокинутой назад головой, глаза зажмурены, губы судорожно сжаты, образовав тонкую белую линию. И все его тело медленно раскачивалось из стороны в сторону, как у впавшего в транс или одержимого демонами.

— Что это еще за фокус? — пробормотал Брэк себе под нос, подходя к основанию колонны. — Имитация женского крика для отпугивания странников? Или, напротив, для их прельщения? Вероятно, так. А где-нибудь неподалеку таятся в засаде грабители, готовые наброситься на незадачливого...

И снова крик разорвал тишину, сопровождаемый истерическим воем ветра. Встрепенувшись, Брэк позырнул глазами и обнаружил позади каменного столба отверстие в скале, полускрытое нагромождением камней. Наверняка крик исходил из разверстой пасти пещеры. Брэк быстрыми шагами миновал колонну, мельком заметив деревянный пастуший посох, лежавший на земле. Если его и поджидали в засаде разбойники, то они пользовались весьма странным оружием.

Держа меч наготове, Брэк ступил в темноту пещеры. В нос ему ударил отвратительный смрад. Варвар брезгливо скривил губы, к горлу подкатила тошнота. В струившемся мутным потоком из тьмы запахе слились воедино трупная вонь разложения и черно-зеленое зловоние первобытного болота.

Впереди послышалось едва различимое жалобное похныкивание. Потом раздался другой звук — яростный рев взбешенного животного. И ни один из слышанных Брэком ранее звериных криков не был даже вполтину так громок, как этот. Он отозвался ноющей болью в голове и тяжелым буханьем сердца.

Был краткий миг, когда инстинкты Брэка взбунтовались, принуждая его повернуть и спастись бегством из давящей тесноты тоннеля. Случилось это, когда впереди раздался громopodobный треск, эхом разнесшийся по каменному коридору. Варвар ощутил, как затрясся пол у него под ногами.

Что же за существо обитает в толще скал, испуская кровожадные вопли и сотрясая гору словно ударами молота?

Глаза Брэка уже привыкли к мраку, смягчавшемуся лишь тусклым светом от входного отверстия пещеры. Он разглядел, что та под резким углом уходит вниз, — похоже она была не такой и длинной. Держась рукой за влажную стену, крепко сжав рукоять меча, Брэк стал красться вперед. Под сводами пещеры загредел звериный рык. Казалось, он подымался откуда-то снизу, из черноты в конце тоннеля. Колодец?

Некоторое время Брэк не слышал ни звука. Но, когда он достиг края вертикального колодца, ушей его достиг очередной полувсхлип-полустон. Он поспешно лег на живот и, подтянувшись к краю, заглянул за него.

Далеко внизу светились два огромных алых пятна. Что это? Неужели глаза? В какой же чудовищной голове могли уместиться столь громадные глазищи? Никогда прежде Брэку не доводилось видеть ничего подобного.

Почти рядом с собой, на расстоянии вытянутой руки, он разглядел женщину. Точнее, юную девушку, явно моложе самого Брэка. Валявшаяся неподалеку от распластавшегося на каменном полу пещеры варвара грубой выделки кожаная сандалия с порванным ремешком ясно указывала на то, как случилось несчастье. Что бы ни делала она в этом отвратительном месте, она очутилась в колодце по воле случая и капризу лопнувшей полоски кожи. Теперь же девушка съежилась на крохотном уступе в стене бездонного каменного колодца. В кромешной тьме ее можно было разглядеть лишь благодаря белизне ее туники. Она не видела Брэка, ибо взор ее был прикован к тлеющим внизу красным угольям глаз.

— Эй, детка, — тихонько позвал Брэк, боясь напугать незнакомку, — погляди сюда. Думаю, я смогу вытащить тебя отсюда.

Лицо девушки тут же обратилось к нему, Брэк услышал изумленное восклицание... и шорох камней, выскальзнувших из-под ее обнаженной ноги. Камни

каскадом запрыгали по узким уступам в глубь колодца. Через несколько бесконечных секунд далеко внизу послышался глухой стук их падения, тысячекратным эхом отразившийся от стен. Брэк с девушкой увидели, как принялись открываться и закрываться глаза потревоженной твари. Чудовище взревело и заворочалось на дне пропасти. Земля заходила ходуном. Из бездны с силой дохнуло смертью и разложением. У Брэка скрутило живот от страха.

— Дай руку, — стиснув зубы, приказал он.

— Слишком высоко, — ответила девушка. — Я боюсь шевельнуться.

— Другого выхода нет. Давай одну руку, а другой держись.

Девушка колебалась лишь мгновение, затем протянула вверх правую руку. Расставив пошире для большей устойчивости мускулистые ноги, Брэк перегнулся через край колодца, вытянув руку вниз. Девушка не сумела подавить рыдания — их ладони разделяло расстояние не больше ширины ножен меча.

— Поднимись на цыпочки, — прохрипел варвар, что есть силы вытягивая руку. — Еще чуть-чуть...

Цепляясь пальцами за голую стену, девушка тянулась к нему. Брэк до боли напряг ноги, миллиметр за миллиметром продвигая вперед свое тело, пока практически все его туловище не свесилось в темноту. Лишь сила могучих ног да впившаяся в каменный пол левая рука удерживали его от падения в бездну.

Ужасные красные глаза, огромные, как луны середины лета, открылись снова и глядели, глядели, глядели из темноты, откуда тянуло невыносимым смрадом. То был не просто запах, — казалось, из колодца поднималось некое безымянное древнее зло, осязаемое, как облако.

Лицо Брэка скривилось от напряжения, расстояние между руками еще немного сократилось. Острые камни впивались ему в живот и бедра крошечными копьями боли. Плечи ныли.

Вытянувшись в струну девушка потеряла равновесие... Она вскрикнула и начала падать. Брэк из пос-

ледних сил рванулся всем телом вперед и поймал ее пальцы.

Вес девушки едва не вырвал его руку из сустава. «Еще немного...» — И вот он уже держал ее, обхватив пальцами хрупкое запястье. Теперь варвару предстояло вытащить девушку наверх. Брэк молился, чтобы ему хватило на это сил.

Девушка висела в пустоте над узким каменным козырьком. Нечеловеческим усилием напрягая мускулы руки, он начал поднимать девушку. В глазах потемнело. Брэк закусил губу и почувствовал во рту соленый вкус собственной крови.

Выше. Еще выше... И еще...

Внезапно камень, за который держался варвар, сдвинулся под весом двух тел и выскочил из своего ложа. Варвар застыл, сию секунду удержаться от падения в колодец. Запястье девушки заскользило в его пальцах...

Одно нескончаемое мгновение желтоволосый варвар был уверен, что и ему, и девушке пришел конец. Смерть ждала их в черном сердце Земли, откуда на них взирали горящие глаза. Снова и снова раздавался жуткий рев, этакое громоподобное «Добро пожаловать» для невинных жертв. Чудовище тоже чувало близость смерти.

Но вдруг будто невидимый поток чужеродной силы влился в гигантское тело Брэка, пройдя его насквозь и наполнив новой жизнью.

По правой руке варвара прошла теплая волна дрожи. Она налилась силой столь сокрушительной, что от нее заболели мускулы. С мучительным криком Брэк крепче обхватил руку девушки, потянул на себя и поднялся на колени. Кровь застучала в висках, в глазах двоилось. Но правая рука варвара не ведала слабости, охваченная силой, которая, как он смутно сознавал, не принадлежала ему.

Голова девушки показалась над краем колодца. Брэк рискнул освободить другую руку, перехватил девушку под мышки рванул вверх. Секунду спустя мужчина и женщина прижались друг к другу, ловя ртами воздух. Еще через секунду Брэк поднялся на ноги. Странная

огнеподобная боль в правой руке отступила. Осталось лишь покалывание невидимых игл. Вскоре и оно прошло.

Тем временем девушка встала. Заглянула в бездонную черную пропасть и обернулась. Даже в неясном сумраке пещеры Брэк увидел, что она весьма недурна собой: овальное лицо, полные, чувственные губы, большие темные глаза. Пышные, растрепавшиеся в нелегких испытаниях волосы опускались на плечи. Несмотря на некоторую присущую юности хрупкость, формы, просматривающиеся под простым платьем из белой шерсти, схваченным на талии тонким кожаным ремешком, были весьма женственными.

Девушка выглядела ошеломленной.

— Н-но ведь я упала. Я падала туда, к этой твари внизу. Да нет, мы оба падали, оба должны были погибнуть. И тем не менее я стою сейчас здесь. Благодаря тебе.

Губы Брэка разъехались в насмешливой улыбке.

— У меня есть для тебя сюрприз, милая, — мои руки достаточно сильны, но все же не настолько, чтобы создавать такие штуки.

— Тогда как...

— Понятия не имею.

Из расщелины в стене высунулась чешуйчатая мордочка ящерицы, моргнула подслеповатыми глазами и спряталась обратно. От вони, подымавшейся из колодца, у Брэка снова стало подводить живот. Пора было убираться из этой жутковатой червоточины в теле Земли, слишком много сверхъестественного тут таилось.

Он тронул девушку за руку:

— Как бы то ни было, мы свободны. Так что давай договорим снаружи.

И они заторопились прочь из пещеры. Глаза спасенной округлились — только теперь свет позволил ей оценить богатырскую статью ее избавителя, размах плеч, мощь мускулатуры, дикий вид — ветер играл желтой косой и львиной шкурой набедренной повязки. Они выбрались из пещеры. Запыхавшаяся девушка прижалась к отвесной скале то ли в смущении, то ли в страхе.

— Меня зовут Брэк. Я ехал мимо по дороге, когда услышал твой крик.

— По твоему виду я догадалась, что ты прибыл издалека.

— С далеких северных нагорий. Из диких земель, лежащих в многих лигах отсюда. А направляюсь я на юг. Но расскажи мне, кто ты и как вышло, что ты забралась в эту дыру? Она, должно быть, ведет прямоком в ад.

— Не в ад, но к месту, где обитает Червь Червей.

— Червь Червей? — Брэк ощутил неприятное покалывание в спине.

— Так называют в этих местах хозяина пещеры. Еще никто и никогда не возвращался, чтобы описать его.

— Всем червям червь... Наверняка что-то допотопное, — наморщив лоб, пробормотал варвар. — И разит от него старьем, как ни крути...

— Чтобы ты знал, меня привело в пещеру не праздное любопытство, — все еще трепеща, сказала девушка. Очевидно, соседство Брэка беспокоило ее. — Мое имя Элинор. Я родилась и выросла в этих горах, — она показала на далекие горы. — Меня воспитал отец. Он всю свою жизнь пас овец, теперь, когда его нет в живых, этим занимаюсь я. Через каждые шесть полных лун я веду свою отару на рынок у пересечения дорог.

— Довольно одинокое житье для столь юной особы, как ты.

— Пожалуй. Но это куда лучше, чем жить среди людской толпы, если хотя бы часть баек, что рассказывают на торжище, правда. Так или иначе, сегодня утром одна из моих овечек сбежала. Я отправилась ее искать. Она забрела в пещеру и, судя по тому, куда попала я вслед за ней, упала в яму Червя Червей. Моя сандалия порвалась, и я едва не угодила туда же, но каким-то чудом удержалась на том маленьком карнизе. Я не помнила себя от ужаса, потому и кричала... и сейчас благодарю за это богов.

Она смущенно поглядела на стоящего рядом с ней гиганта, будто в словах ее было что-то неприличное.

— Эта страна полна удивительных вещей. Не могла бы ты, хотя бы в качестве платы за мою помощь, рассказать мне побольше о Черве? И еще о старике вон на той каменной игле? — Брэк прищурил глаза. — Похоже, он все еще спит.

Элинор вытаращила глаза:

— Может, спит, а может, находится в опасном путешествии.

— Путешествии?

— Его называют Амброзом Столпником. Он поклоняется какому-то своему особенному божеству, властвующему, как он полагает, над всеми царствами земными.

Брэк ничего не сказал, и девушка продолжала:

— Дни напролет он сидит здесь, грезя. Торговец на рынке сказывал мне однажды, что Амброс обладает удивительным даром — он может отправлять свое сознание в странствия. Куда именно, ведомо ему одному. Должно быть, в воображаемые миры снов и видений.

Варвар расправил плечи, обтер львиным хвостом кровь с пораненного острыми камнями живота, а потом произнес:

— Решив искать судьбу в неведомых землях Курдистана, я и помыслить не мог, какие встречи сулит мне дорога к этой цели. Стоило решить, что я попал в самое заброшенное и скучное королевство мира, как судьба привела меня сюда...

Огорченный заметным недоверием пастушки, Брэк добродушно улыбнулся и шагнул к ней, желая как-то продемонстрировать свое дружеское отношение. Должно быть, Элинор расценила его действия иначе — как грубую попытку силой получить «награду». Брэк понял это слишком поздно — она выставила перед собой посох:

— Я очень благодарна тебе за твое мужество и помощь, да ниспошлют боги успех твоему путешествию, да будет оно спокойным и безопасным. Но сейчас, извини,

я должна возвращаться к стаду. В холмах появились волки, а овцы остались совсем одни.

— Подожди!

— Увы, мне пора.

— Прежде чем уйти, скажи мне хотя бы, где здесь найти место для ночлега...

— Спасибо тебе, Брэк... — донес ветер последнюю фразу пастушки, когда сама она молниеносно скользнула за выступ скалы. Вспылив, варвар бросился следом, но лишь успел мельком увидеть ее, бегущую, лавируя, между глыб сланца, в направлении горных пиков, где сочная зелень травы оттеняла камень цвета перламутра. Нечего было и пытаться догнать ее. Пробормотав пару нелестных слов о женском непостоянстве, Брэк повернул назад.

Вдруг варвара пронзило необъяснимое ощущение, что за ним наблюдают. Он резко повернулся, — Амброс Столпник все так же раскачивался на своем ненадежном каменном насесте, но позади колонны варвар ясно различил вспышку света, словно начищенный медный шлем мелькнул, скрывшись за валуном. Выходит, ему не почудилось, рядом затаился неведомый соглядатай. Довольно загадок! Брэк обнажил меч и, прыгая с камня на камень, ринулся в небольшую расщелину, где, как он был уверен, и таился наблюдатель. Но там никого не оказалось. Брэк опустил на корточки и поводил по каменистой иссохшей почве подушечками пальцев, но не обнаружил ни единого отпечатка человеческой ноги. Он прислушался.

Завыл, застонал ветер, и, вторя ему, застонал Амброс, а потом внезапно закричал тонко и пронзительно, как от сильной боли.

Этот крик и определил направление движения варвара: возможно, ему удастся разбудить старца и получить хоть несколько ответов на мучившие его вопросы по поводу этой удивительной страны. Не то чтобы Брэк собирался задерживаться тут надолго, но все же любопытство переполняло его. Брэк уже почти полностью уверился, что таинственный наблюдатель был лишь плодом его собственного воображения, а вспышка света —

невинной шалостью солнечного луча, на миг пробившегося сквозь тучи. У него ведь и раньше были проблемы с видениями — взять хотя бы преследующий его фантом Септенгундуса...

Опустив меч в ножны, гигант пересек каменную площадку и подошел к основанию колонны. Амброз проснулся. Он встретил Брэка взглядом ясных янтарных глаз, казавшихся необычайно молодыми и яркими на изборожденном морщинами лице.

— Ну наконец-то ты проснулся, — приветствовал его Брэк.

— Отчасти, отчасти... — Старик теребил пальцами висевший на шее каменный крест.

— Я надеюсь, этого все же будет достаточно, чтобы понять то, что я говорю?

— Спящий иногда пробуждается, а иногда и нет.

— Что бы там это ни означало, старик, мое имя Брэк. Я родом с далекого севера, в этой стране проездом. Пока ты тут дремал, рядом взывали о помощи — девушка упала в колодец вон в той пещере.

Глаза отшельника впились в мускулистого мужчину, что стоял как раз под ним.

— Да-да, пастушка с гор, по имени Элинон. Она искала пропавшую овцу.

— Для человека с закрытыми глазами не слишком ли много тебе известно о происходящем вокруг?

Янтарные глаза старика подернулись дымкой.

— Не искушай судьбу, вопрошая о неподобающем.

— О чем это ты?

— Неважно. В этих краях ты не сыщешь иного существа женского пола, кроме Элинон, кто рискнул бы проникнуть в пещеру, невзирая на грозящую опасность. А коль скоро девушка в пещере была Элинон, значит, она разыскивала одну из своего стада. То, что ты спас ее с помощью своих могучих рук, — тут потрескавшиеся губы старика изогнулись в едва заметной улыбке, — тоже очевидно, ибо ее здесь нет, а ты невозмутим и спокоен. Ведь ты бы не беседовал сейчас со мною, зная, что она погибает в пасти Червя Червей?

Брошенное вскользь имя заставило Брэка совершенно забыть о том, что еще он собирался выяснить у отшельника.

— Червь Червей, — повторил он, — что это за тварь? Змея?

Амброз Столпник хмыкнул:

— Можно сказать и так, но обладающая куда более изощренным умом. Эта громадная, покрытая слизью тварь — последняя из своего рода. Она обитает в этой пещере в незапамятных времен. И кое-кто полагает, что создал ее сам Бог Тьмы.

— Йог-Саггот, — уверенно сказал Брэк.

Янтарные глаза сверкнули.

— Тебе известно о нем?

— Только имя, — отмахнулся Брэк. — Боги меня не интересуют.

Амброз поразмыслил над его словами, затем сказал:

— Червь Червей — лишь одна из причин, почему эту страну называют дважды проклятой.

Прежде чем Брэк успел задать вопрос, старец, уставившись на него расширенными глазами и стиснув узловатой рукой каменный крест, зачастил:

— Бери своего коня, варвар, прыгай в седло и скачи, не оглядываясь. Отправляйся на юг, как и собирался. Место сие злое, равно как и наше время. Здесь, в единственной из всех ям и трещин обитаемого мира, вопиет и сотрясает землю Червь Червей. Здесь после убийства Цельсуса-алхимика началось наступление Хаоса и опустошения. Здесь лгует Алая Пасть. И набирает силу Йог-Саггот. Уезжай не медля, варвар. Уезжай прочь из проклятых земель...

Этот момент навсегда запечатлелся в мозгу Брэка: восседающий на своем троне-игле древний старец, выглядевший беспомощным и слабым, если бы не яростно полыхающие очи. Глаза эти, казалось, видели насквозь и Брэка, и вообще все вокруг, тая в себе бездонные глубины времени и множество темных угроз, кой Брэку не дано было постичь.

В варваре зародилось недоверие в отношении Амброза и его всеведения. Слишком много знал о нем отшельник:

знал, что он едет на коне, знал, что собирается на юг, в Курдистан. Какова же истинная природа ясновидения Столпника?

И тут Брэка осенило: а не мог ли внезапный, необъятный прилив силы в его правой руке быть как-то связанным со странными способностями отшельника? Брэк не верил в такие вещи, но сила-то была. Она влилась, непрощеная, в его тело. Только откуда она взялась, оставалось тайной. Если допустить, что Амброз... а может, демонстрация могущества Безымянного бога... Ах, как все чертовски перепуталось. Брэк потряс головой. По спине его поползли мурашки, не столько от страха, сколько от ощущения собственной безоружности перед непостижимым.

— Я не понял ничего из того, что ты сказал, — буркнул Брэк почти с вызовом.

— Оно и к лучшему, — несколько раздраженно ответил Амброз. — Или тебе мало моего предостережения?

— Послушай, старик, я ведь не ребенок. Сотни раз отстаивал я свою жизнь в сражениях. И, когда недобрые ветры дуют мне в лицо, я, по крайней мере, хочу знать, откуда они берутся.

Столпник устало улыбнулся:

— Небеса? Ветры? Как странно, что ты заговорил о них. Пройдет не так много дней, и ветры задуют по всей этой стране. Поднимутся и заревут, как нигде более во всем цивилизованном мире, включая и далекий Курдистан. Все сойдутся здесь, когда Она станет вызывать к ветрам. Ветры — лишь часть Ее магии.

Брэк в бешенстве топнул ногой:

— Будь прокляты твои загадки! Кто будет призывать ветры? Та пастушка, что ли? И о какой такой Алой Пасти ты лепетал перед этим? Еще ты сказал, был убит кто-то по имени Цельсус. А теперь будь любезен, старик, разъяснить мне все, что тут происходит, не то я выну меч и...

Мучительный крик смертельной агонии донесся из-за гряды каменных глыб, где варвар оставил своего коня. Гнев, вскипевший в Брэке, мгновенно угас, щеки его

побелели. Он развернулся и помчался между камней. Выхваченный из ножен меч поблескивал в могучей руке воина.

Проскочив два последних валуна, Брэк замер в полном смятении. Самообладания его хватило лишь на короткое проклятие. Прямо посередине петляющей по холмам дороги в луже пузырящейся крови плавали обломки костей, мешанина кишок — все, что осталось от его коня. Кровь чернела, впитываясь в землю.

В отдалении Брэк услышал металлический звон и стук копыт. Он бросился к повороту дороги. Ведомая упряжкой черных, как ночь, коней, бронзовая колесница с грохотом покатила прочь, быстро скрываясь из виду. За нею тянулся шлейф зловония даже худшего, чем то, что подымалось из логова Червя. Это было нечто вроде запаха прелой шерсти, присущего цепным псам, но гораздо более интенсивный и смешанный с ароматом свежей крови. Брэк знал откуда-то: тварь, что воняет псиной, и разорвала на куски его коня... Но какая собака способна справиться с животным, вдвое ее большим? Нет собаки, которая может сделать такое. Нет, если только не предположить... Брэка передернуло. Ненависть отравляла ему кровь. Но разве может существовать пес во столько же раз больше обычных размеров... И какая вонь от него исходит, — отвратительный смрад, словно смертельный яд, проникал, казалось, до самого мозга.

Колесница исчезла в облаке пыли, обогнув очередной поворот дороги. Брэк нырнул обратно в нагромождение скал.

— Старик! Старик! Промчалась колесница. И какой-то зверь...

И тут варвар остановился, плечи его опустились. Опять чувство грядущего зла овладело им.

Амброз Столпник опять раскачивался, закрыв глаза, и что-то бормотал себе под нос. Брэк еще некоторое время пытался докричаться до отшельника, но безрезультатно. Его безответные крики разносились среди сланцевых откосов, многократным эхом отражаясь от них. Солнце закатилось за тучи, и сумрак уныния воцарился над миром.

Глава 2

ЗВЕРЬ НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Оставив бесплодные попытки разбудить дремлющего отшельника, Брэк спрятал меч в ножны и, забросив их за спину, пешком отправился по серпантину горной дороги в том направлении, куда умчалась колесница, — до того как крик Элинора остановил Брэка, варвар ехал как раз в этом направлении.

Вскоре Брэк очутился на перекрестке дорог, который неторопливо пересекала крестьянская подвода, влекомая парой волов. Крестьянин-возница, поглядывая на огромного чужестранца с опаской и подозрительностью, объяснил, что сворачивающая направо дорога ведет к еще одной развилке и там находится большой постоялый двор.

— В последнее время на постоялом дворе не очень-толюдно, — сказал крестьянин. — Торговцы с островов моря Чэм нынче не решаются вести свои караваны так далеко, как водили еще год назад. Дурные вести разносятся быстро.

— Что же за напасть терзает твою родину, фермер?

— Ничего такого, что следовало бы обсуждать с незнакомцем. Тому, кто излишне болтлив, злые духи могут причинить много неприятностей. Всего тебе хорошего.

С этими словами крестьянин подстегнул животных, и телега покатила дальше. Полный противоречивых чувств, Брэк зашагал направо. Новая дорога явно использовалась куда чаще, чем та, что петляла среди скал и холмов. Неожиданно, словно призрачный мираж, перед ним открылась просторная долина. Тут и там стояли разрозненные подворья, а воздух был кристально чист, — можно было во всех подробностях рассмотреть окружающие долину горы, одетые лохматыми шапками облаков.

Женщина, глазевшая на Брэка из-за ограды фруктового сада, сделала знак от дурного глаза, едва он, отвернувшись от нее, прошел мимо неторопливой походкой.

Во всем вокруг — в садах, домах, полях — сквозила удручающая бедность. Быть может, на постоялом дворе ему объяснят, что за беда стала причиной нищеты этой благодатной земли. После оказанного ему крестьянином на подводе холодного приема он решил не соваться с вопросами к работникам, которых видел на полях.

Грозовые тучи рассеялись. Болезненно распухшее красное солнце уже клонилось к закату, когда Брэк наконец достиг следующей развилки дорог. Как и говорил крестьянин, здесь располагался постоялый двор — несколько ветхих строений за общим забором. Тут стоял тяжелый запах навоза. Вереница одолеваемых клещами ослов дожидалась своих хозяев. Погонщики каравана, смуглые южане с курчавыми бородами и золотыми кольцами в ушах, заняли единственный стол внутри главного здания. Они жадно глотали кислое вино, споря между собой на незнакомом певучем языке, и встретили варвара недружелюбными взглядами.

— Могу я купить здесь вина, мяса и место для ночлега? — спросил Брэк тощего содержателя постоялого двора, извлекая на свет один из своих последних диншасов и бросив его на стойку. Монета громко звякнула в наступившей внезапно тишине.

— За эти деньги, незнакомец, ты сможешь вечер за вечером снимать хоть полгостиницы. Ты путешествуешь верхом? Мы можем присмотреть за твоим конем.

— За своим конем я уже присмотрел — похоронил его, вернее, то, что от него осталось, у дороги в нескольких лигах отсюда.

Худой взглянул на Брэка с любопытством:

— Должно быть, ты оказался в нашей славной стране случайно, а не по собственному выбору. Выглядишь ты чужеземцем.

— Я из края высокогорных равнин, что на крайнем севере.

Брэк принял от хозяина кувшин с вином, пригубил, а потом пил долго и жадно. Наконец он вытер рот тыльной стороной ладони и продолжал:

— Похоже, королевство ваше знавало лучшие времена.

— Увы. Еще год назад страна наша процветала. Вряд ли и тогда ее можно было назвать богатейшей из стран света — судя по тому, что рассказывали мне торговцы, такой славой по праву пользуется Курдистан на далеком юге, — но жили мы безбедно и достойно, чем были весьма горды. Сейчас все по-другому.

Русые брови Брэка сошлись на переносице.

— Что же случилось? Новый правитель пришел к власти?

— Нет, правит нами по-прежнему Странн, Повелитель Серебряных Весов.

— Необычное имя.

— Его прозвали так за умение договариваться с людьми. Он всегда быстро разрешал любые споры к общему удовлетворению и умело хранил мир в государстве благодаря терпимости и мудрости. Но он уже старик. Армия его мала и практически беспомощна.

— Но отчего же она беспомощна, хозяин? Что за чума поразила вашу страну?

— Ужас, — прошептал хозяин. — Ужас перед вещами непостижимыми и пугающими.

— Я сталкивался с кое-какими ужасами, которым ваш и в подметки не годится. — С этими словами Брэк хлопнул по своему верному мечу, лежащему рядом на стойке, и добавил про себя: «Прежде всего это касается Септенгундуса и его доченьки».

Худой мужчина вздохнул. Что за грустный и жалостный звук это был!

— Поди попробуй поразить стальным клинком призрака. Или ведьму. Или зверя, со шкурой прочной, как...

Увидев, что Брэк нахмурился, он оборвал себя на полуслове и покачал головой:

— Ах, к чему пытаться объяснить необъяснимое... Я не чародей, ничего о магии не знаю, да, честно говоря, и знать не хочу.

— Магия? Какая магия?

— Магия, что опустошила наши земли, разрушила нашу жизнь и лишила нас будущего.

— А эта армия, о которой ты упоминал...

— Армия Повелителя Странна? Так что насчет нее?

— Ты сказал, магия сделала ее совершенно беспомощной. А остальное королевство? — Брэк пренебрежительно фыркнул, желая продемонстрировать свое отношение к подобным историям.

Владелец постоялого двора оглянулся на скопище теней в углу, как если бы там затаилась немыслимая угроза.

— Лучше бы тебе не дразнить силы, которые ты и представить себе не можешь.

— Так объясни, по крайней мере...

— Другие клиенты требуют моего внимания, — последовал резкий ответ. И, хотя бородатые погонщики, сбившиеся в кучу за своим столом у одного из небольших окон залы, не подзывали его, служитель поспешил к ним и негромко заговорил с ними.

Брэк, перехватив свой кувшин другой рукой, уселся. Он чувствовал себя беспокойно. Он не любил находиться в помещении — любые ограничения были чужды его натуре, всей той жизни, что вел он в родных нагорьях.

Вечерний полумрак постепенно переходил в ночь. Варвар пил и размышлял над малопонятными замечаниями хозяина. И, чем больше он об этом думал, тем больше скрытность тощего хозяина постоялого двора раздражала его. Северянин уже готов был снова подступить к тому с вопросами, когда звон оружия и доспехов привлек его внимание к происходящему во дворе.

Небольшой отряд воинов въехал во двор. Числом около двух дюжин, солдаты в большинстве своем напоминали оборванный сброд и имели удручающий вид. Командовал ими высокий, крепко сбитый чернобородый мужчина, чье обмундирование разительно отличалось от одежд его людей. Командир приказал солдатам спешиться. Через открытое окно, у которого он сидел, до Брэка донеслись возгласы недовольства и досады.

Хозяин поспешил к дверям:

— Добро пожаловать, Повелитель Искандер!

— Эту ночь мы проведем в твоих стенах, — обернулся к нему командир. — Вели подать вина моим людям.

— Сию минуту. Удалось ли вам отыскать беглецов?

Искандер сдернул с головы шлем с плюмажем.

— Нет. Как сквозь землю провалились, будто и не было их вовсе. Я полагаю, они уже в ее замке. — Офицер презрительно сплюнул. — О чем говорить, если даже мои отборные гвардейцы едва не взбунтовались, когда я приказал им отправиться в погоню. Еще несколько дезертиров — и Странн останется вовсе без армии.

Сказав так, Искандер тряхнул головой и, отойдя в угол, сел там в ожидании вина, а получив его, сделал несколько глотков и смежил веки, отдавшись дреме. Брэк сидел, наблюдая, как шепчутся между собой воины. Немало пространствовал по свету, он не раз сталкивался с армиями и солдатами, служившими разным монархам и властителям. Но никогда еще не доводилось ему видеть настолько деморализованных воинов, как эти. Чем дальше вступала в свои права ночная тьма, тем теснее сбились они в беспорядочную кучу, не выпуская из потных ладоней рукоятки мечей.

Допив вино, Брэк поднялся. Он собирался выйти поговорить с солдатами, как раз отворял дверь, когда не видимые во тьме лошади солдат принялись ржать и бить копытами.

Офицер немедленно вскочил и выхватил меч. Послышался громкий треск ломающегося дерева, а вслед за ним на открытое пространство двора вылетел один из жеребцов, очевидно сорвавшийся с привязи. Искандер отскочил с дороги, едва не попав под копыта безумевшего животного, мчащегося прямо в открытые ворота постоянного двора, — грива скакуна развевалась, побелевшие глаза вылезли из орбит.

В сгустившейся тьме закрипели колеса, заиграли оранжевые всполохи. Свет исходил от пары факелов, воткнутых в подставки на ободке колесницы. Экипаж остановился, въехав в ворота. Брэк напрягся — черные кони, раздувающие ноздри и нервно перебирающие ногами, были впряжены в экипаж.

Несколько солдат бросились к расположенным рядом стойлам, стараясь успокоить перепуганных лошадей. Остальные сгрудились под стеною дома в нерешительности.

Слуги сбились в дверном проеме за спиной у Брэка. Могучий варвар впился глазами в выбравшихся из колесницы людей.

Первой оказалась стройная, высокая молодая женщина в роскошном платье цвета морской волны. За нею в темном плаще с капюшоном, простеганном серебряными нитями, образующими символы природных первоэлементов — земли, воздуха, огня и воды, следовал седовласый человек, еще более высокий, с отталкивающими чертами труп.

Брэк вспомнил, что видел такие плащи на ярмарке к северу от этих мест. Человек, одетый так, был членом секты магианцев, устраивающих свои тайные оккультные сборища в теплых южных краях на границе с Курдистаном. Магианец излучал высокомерие. По его надменному лицу с острым крючковатым носом можно было легко прочесть, как горд он своим положением. Он готов был без сомнения следовать туда, куда вела молодая женщина.

В неверном свете факелов пышные волосы девушки цветом напоминали самородную медь. У нее были высокие аристократические скулы и полные яркие губы. Властность странным образом соседствовала с изяществом и женственной грацией. Чуть раскосые, нефритового цвета глаза без устали перескакивали с предмета на предмет и от лица к лицу стоящих во дворе гостиницы. Весь ее вид говорил, что ее визит имеет единственную цель — продемонстрировать свое могущество и власть, реальные или воображаемые.

Взгляд ее остановился на Брэке, на мгновение встретившись с его взглядом, затем двинулся дальше. Но скоро, как бы невзначай, вернулся к его лицу.

Вдруг Брэку показалось, как будто нефритовые глаза красавицы вспыхнули сверхъестественным огнем. Волна тошноты накатила на варвара, облако головокружения вихрем ворвалось в мозг. Быть может, причиной тому было просто истощение или усталость после бурных событий, произошедших с ним сегодня?

...Глаза девушки заслонили для Брэка весь свет, и он не видел сейчас ничего, кроме этих пылающих глаз,

проникших в такие далекие уголки его сознания, куда и сам он не отваживался заглянуть...

Наваждение рассеялось столь же внезапно, как и нахлынуло, но Брэк знал, что отмечен, выделен из числа других; мысль эта привела его в смятение, мешая уловить какую-то другую, очень важную ускользающую мысль.

Девушка одарила его многообещающей похотливой улыбкой и, мгновенно разрядив напряженность момента, подхватила подол сине-зеленого платья и прошествовала мимо, задев тканью обнаженную ногу Брэка. Кожу варвара словно обожгло. Он уловил идущий от девушки запах — то был густой и сладкий парфюмерный аромат, и было в нем что-то от сернистого духа гниения. Запах облаком завис в воздухе, хотя девушка уже скрылась за дверью. Магианец следовал за нею по пятам.

— Хозяин! — требовательно крикнула девушка. — Эй, где ты? Выйди к нам, да поживей!

— Здесь я, здесь, — тут же отозвался высокий голос хозяина. — Необычайно рад приветствовать вас, госпожа.

— А наше доброе расположение духа уже кончается, вслед за нашим терпением, — сказал магианец. — Не испытывай его более и принеси два бокала своего лучшего вина. Еще куриных грудок и кусок запеченной баранины.

— Мы нынче вечером еще не резали барана, Повелитель Тамар, — вымолвил хозяин, слотнув и вытирая руки о перепачканные штаны. — Но если прикажете, я мигом его разделаю и приготовлю.

— Спасибо, хозяин. — Девушка рассмеялась смехом чистым, как звон колоколовцев. — Мы ценим твою заботу и уважение. Для того я и заехала к тебе — выяснить, кто почтителен, а кто нет.

Со своего места Брэку вся сцена была видна как на ладони. Хозяин поспешно раздавал поручения своим помощникам, со всех ног бросавшимся кто на кухню, кто в винный погреб. Искандер, не отрываясь, смотрел в окно гостиницы, губы его побелели, гримаса жгучей ненависти исказила лицо, сделав его маской урода.

Брэк тихо подошел к нему.

— Офицер?

— Да? — Искандер с усилием переключил свое внимание на варвара.

— Мое имя Брэк, я недавно в этом королевстве...

— Откуда ты? — Бегло оглядев собеседника, Искандер вновь обратил взор на происходящее внутри комнаты. — С севера?

— Точно. Я вот хотел полюбопытствовать насчет этих мужчины и женщины. Кто они? И почему их так боятся?

— Поди прочь, чужеземец. У меня нет ни времени, ни желания вести праздные... — Тут до командира отряда дошло, какого угрожающего вида мужчина стоит перед ним; он слегка прищурил глаза. — Подумав, я решил ответить на твои вопросы.

— Очень любезно с твоей стороны, — сказал Брэк с Ремешкой.

Улыбнулся и Искандер, но лишь слегка, и улыбка его была усталой.

— Будь у меня сотня солдат или около того, я бы не стоял здесь, дрожа при виде ее. Если ты подумываешь удержаться здесь, тебе самое место в армии. Есть сотня Египетских, да что там — пять сотен. Ведь эта тварь сманила большую часть моих солдат, пообещав им баснословные богатства!..

Он замолк, а когда заговорил вновь, в голосе воина сквозил неприкрытый страх.

— Нордика Огнегравая. Ее считают ведьмой, и, право, я начинаю этому верить.

Брэк нахмурился, лоб избородили морщины.

— Ведьма? Для этого она выглядит слишком юной.

— Твои слова доказывают, что ты чужой в этих местах. Ей сотни, тысячи лет, если мерить возраст числом тайных знаний и чар, которыми она, как говорят, владеет. Она единственная дочь алхимика Цельсуса Гиркануса. А, ты переменялся в лице — тебе знакомо это имя?

— Я только сегодня услышал его от человека, встреченного мной на дороге, — ответил Брэк.

— Мрачный тип, Тамар Зед, принадлежит к культу магианцев. Восемь полных лун назад он объявился тут, словно возник из воздуха. От одних людей я слышал, что, путешествуя, он завернул погостить у старого Цельсуса, другие божатся, что он просто материализовался из пустоты в своем мрачном наряде. Нордика же, как я упоминал, была дочерью пожилого алхимика.

Брэк снова наморщил лоб:

— Была? Почему ты все время говоришь о ней в прошедшем времени? Она ведь все еще жива и здорова.

— Жива — да, но это давным-давно не та Нордика, какую мы знали, — ответил Искандер. — Что-то изменилось в ней. Отравило ее уста. Ее глаза. Ее разум. Лишь год назад она была образцом любящей дочери — очаровательной, добродетельной, учтивой и вежливой со всеми. Изменения произошли одновременно с прибытием магианца, или чуть ранее, — быть может, он источник ее одержимости? Так или иначе, Нордика и Тамар образовали богопротивный альянс, скрестив его печатью похоти и крови, убив старого Цельсуса.

— За что?

Искандер пожал плечами:

— Он был безвредный и добрый старикан. Магические знания, которыми он обладал, никогда не обращались во зло. Но незадолго до его смерти распространился слух, что ему удалось совершить фантастическое открытие, — посвятив всю свою жизнь поиску и исследованиям, он наконец раскрыл главный алхимический секрет.

Брэка словно ужалило.

— Превращение металлов в золото?!

— Да. Трансмутация. Во всяком случае, так утверждает Нордика. И еще она клянется, что теперь эта тайна известна и ей. Благодаря этому она переманивает людей у лорда Станна и формирует из них собственную армию в замке — «орлиное гнездо» высоко в горах, — суля воинам золотые горы, которые они с Тамаром намереваются получить из простого свинца. Способны они на это или нет, никто точно не знает. Но дезертирам хочется верить, что это так, и этим уже выиграно полбитвы. В результате

власть лорда Станна пошатнулась, страна быстро приходит в упадок. Нордику бояться все. Знают они секрет или нет, но точно говорю тебе, они с Тамаром убили ее старика отца, стараясь выведать его. Вот до чего она дошла, насколько переменилась. Она говорит, что стала колдуньей, но я скажу — она стала проклятием этой земли.

Брэк собирался что-то сказать, но тут дуновение холодного ночного ветра донесло до него уже знакомый мерзостный запах. Он резко обернулся. Отсветы от факельных огней затанцевали на его загорелой коже.

— Командир, я чую что-то, воняющее могилой.

— Животные в стойлах унюхали этот запах задолго до прибытия экипажа Нордики. Это и есть воплотившийся в реальность кошмар, подкравшийся к нашему королевству. То, из-за чего люди прячутся по домам не только ночью, но и днем. То, из-за чего так трусят мои вояки. То, из-за чего даже я — да поразят меня боги тьмы, — даже я не решаюсь сделать то, что должен бы, — вбежать внутрь и вспороть ей живот.

Смрад сгустился вокруг Брэка, всеподавляющий, жаркий. Перед глазами его встало видение растерзанного коня. И тогда варвар решительно направился к воротам.

Позади колесницы на длинной цепи вытянулось на земле какое-то существо. Едва Брэк как следует разглядел его, разум варвара взбунтовался, отказываясь принять то, что видели глаза, — ни одна собака на свете еще не достигала таких грандиозных размеров.

— Что же это? — выдохнул Брэк. — Что за чудовище?

Искандер подошел сзади и встал у него за спиной.

— Жуткая тварь, каких не видывали отродясь ни в этих местах, ни где-либо еще, пока Нордика не изменилась. Эта нечисть однажды возникла позади ее повозки, словно всегда там была.

Брэк похолодел. Ему вспомнились слова Амброза Столпника о двойном проклятии, тяготеющем над этой землей.

— У этого отродья есть имя? — спросил он.

— Алая Пасть, — прохрипел Искандер.

Алая Пасть. То самое чудовище, убившее его коня. Адская вонь, пропитавшая все вокруг, не оставляла никаких сомнений в этом.

Псина, развалившаяся на земле, пристроив массивную тупомордную голову на передних лапах, размером вдвое превосходила варвара-великана. В свете факелов огромные клыки блестели каким-то особенным стальными блеском. Создание тьмы дремало. Два самых крупных клыка торчали наружу, выступая над верхней губой, — влажные, длинные и острые, как кинжалы.

— Она, должно быть, и вправду ведьма, раз создала такую мерзость, — процедил сквозь зубы Брэк.

— Да, — стараясь оставаться спокойным, согласился Искандер. — Большую часть времени чудовище проводит на цепи. Но время от времени колдунья спускает его ради собственного развлечения. Ты, кажется, начинаешь понимать, почему дрожат мои люди?

Брэк выхватил меч, кровавая пелена застила ему глаза.

— Это просто пес. И он убил моего коня.

Лицо Искандера вытянулось.

— Постой, чужеземец! Шкура его как броня...

Брэк не слышал окончания тирады, ибо уже заходил сзади колесницы с воздетым вверх мечом. Глаза пса открылись, затрепетали огромные влажные ноздри. С неожиданным проворством он вскочил на ноги.

Брэк обхватил рукоять меча обеими руками, занес его над головой и обрушил вниз со всею мощью своего огромного тела. Алая Пасть оскалился, выставив напоказ толстый, цвета сырой печени язык и зубы, подобные рядам стальных шипов.

Удар меча в бок зверя способен был развалить пополам взрослого леопарда. Но — меч опустился и отскочил от тела чудовища, как дождевые капли от камня. Брэк выругался, руки обожгло болью. Варвар качнулся назад — неудачный удар лишил его равновесия. На обнажившихся гигантских челюстях пса блеснула слюна. Правой передней лапой Алая Пасть толкнул Брэка в бедро. Удар выглядел слабым, но Брэка он поверг в пыль. Алая Пасть пригнулся, загремев цепью, горящие смертоносным желтым огнем глаза зверя буравили противника.

К воротам сбежались солдаты Искандера. Их командир прокричал:

— Я пытался предупредить тебя, странник! Сталь бессильна перед шкурой...

Алая Пасть принялся наскаками атаковать поверженного варвара; тот крутился в пыли из стороны в сторону, пытаясь уйти от удара. Но Алая Пасть был проворней. Он возвышался над варваром, хищно оскалив зубы. Брэк перекатился на левый бок и изо всех сил рубанул мечом снизу вверх. Лезвие проскрежетало по бронированной шее, отдача от удара заставила варвара невольно вскрикнуть.

Разекая пещероподобную пасть, ужасный зверь то отступал, то снова бросался на человека, грозя одним ударом снести ему голову с плеч. Брэку никак не удавалось откатиться за пределы досягаемости сдерживаемого цепью животного, а только это могло спасти его сейчас.

Рывками могучего тела Брэк посылал себя из стороны в сторону, ни на секунду не выпуская меча из рук. Но вот два звука коснулись его ушей: протестующее клацанье натянувшейся цепи и отчетливая команда женщины:

— Назад! Назад, зверюга! Оставь его!

Мгновение спустя Брэк уже поднимался на ноги, пошатываясь. Его желтые волосы спутанными космами упали на глаза. Он вывалился в пыли, и все его тело покрывали кровоточащие порезы. Сквозь кровавый туман ярости и заливающий глаза пот Брэк разглядел прекрасное женское лицо и еще одно — смуглое и бородатое, — выглядывавшее из-за ее плеча.

Брэк сделал шаг в направлении Нордики Огнегровкой. Она внимательно разглядывала его со смесью гнева, изумления и чего-то еще не определимого в нефритовых глазах. Алая Пасть вытянулся, поскуливая, у ее ног, то выпуская, то втягивая когти. Его странные, непостижимо прочные бока тяжело вздымались.

Нордика обратилась к Брэку:

— Откуда ты взялся, чужеземец? Уж конечно, ты издали, иначе знал бы, что не стоит злить мою собачку... И меня.

Все еще дрожащий от ярости Брэк сплюнул ей под ноги.

— Я приехал по вот этой дороге.

— Дороге?

— По той, что петляет средь скал неподалеку отсюда. По той самой дороге, где некая четвероногая мразь загрызла моего коня.

Нефритовые глаза Нордики округлились.

— Вот оно что, — протянула она. — Мы ехали себе мимо, бедная животина проголодалась, а я не заметила никого, кому принадлежала та лошадка. — Судя по тому, как женщина, безразлично пожав плечами, говорила о жестоком убийстве, жизнь коня она считала ничего не значащим пустяком.

— Тогда ты не станешь обижаться на меня за то, что я мимоходом решил отплатить убийце, — сказал Брэк, поигрывая мечом. — Местные простофили боятся этой твари. Что ж, пожалуй, я тоже. Но я мужчина и привык вести себя соответственно.

Нордика медленно кивнула, растянув губы в улыбке. Внезапно в глазах ее вновь зародилось то странное мерцание. Теперь они испугали варвара, но и манили, манили... Брэк опять столкнулся с ощущением, будто какая-то важная мысль об этой женщине постоянно ускользает от него, но сил собраться с мыслями не хватало, настолько велика была власть над ним этих глаз. Он отвернулся.

— Да уж, — прозвенел смех Нордики. — Несмотря на всю твою неотесанность и неряшливый вид, ты, несомненно, мужчина. В отличие от многих из стоящих здесь.

Магианец безмолвно возвышался позади нее в течение всего разговора, но тут он подался вперед:

— И ты собираешься снести оскорбление от этого быдла, Нордика? Пускай собака поужинает. А у дикаря будет еще один шанс испытать свой клинок и свою самонадеянность.

Брэк внимательно посмотрел на смуглолицего мужчину:

— Может, лучше отдадим ему тебя, святоша?

Тамар Зед с проклятьем схватился за кинжал, висевший у него на поясе. Рука Нордики резко взметнулась, обхватив его запястье, — Брэк с удивлением отметил, какие длинные у нее ногти.

— Нет, Тамар!

— Проклятье! Отпусти меня!

— Я же сказала: нет!

Разозлившись, она утратила все свое обаяние. Лицо Тамара налилось кровью. Кивком головы он показал, что подчиняется, но против воли. Нордика выпустила его руку и сказала:

— Помни, кто я такая, магианец. Не забывай, какими силами я владею, и заодно — кто из нас хозяин, а кто слуга.

Униженный Тамар Зед с клацаньем вогнал кинжал в ножны. Вид его говорил о том, что он предпочитает безоговорочно признать себя рабом медовласой девицы, нежели лишиться ее расположения. Но глаза его, обращенные на Брэка, были полны ненависти.

Нордика медленно обошла кругом гиганта, а ему вспомнилось, как Искандер говорил о том, что Тамар был виновником одержимости Нордики. Но, может, все обстоит совсем иначе? В этой паре она явно занимает главенствующее место. Столь же не вязалось с происходящим заявление офицера о семейной идиллии в доме алхимика до прихода туда магианца. Здесь крылась какая-то жуткая тайна. Наверно, было бы лучше для Брэка держаться от всего этого подальше, да теперь уже поздно. Нордика делала вокруг северянина круг за кругом, ступая мягко, по-кошачьи и внимательно с ног до головы разглядывая воина. Наконец она остановилась.

— Я подумала и решила, что ты мне не нравишься, варвар.

— Так же, как и ты мне, женщина.

— Мне не по душе любой, кто противится мне.

Выражение его лица было утрюмым и вызывающим.

— Но с другой стороны, дерзость добавляет тебе привлекательности.

Молниеносным движением руки она дотронулась до его щеки. Мягкая ладонь красавицы источала все тот же

экзотический аромат с ужасным привкусом тлена. Сверкающие зеленые глаза насмешливо поблескивали.

— И все же не вставай у меня на пути слишком часто, варвар. Еще раз — и ты, такой большой и сильный, чудесно послужишь моим целям, став элементом земли, последним из тех, что требуются мне, дабы замкнуть круг четырех стихий и ветров.

Маловразумительными для Брэка были ее слова. Элементы? Круг ветров? Опять загадки. Колдунья дразнила его. Слова были лишь масками, за которыми скрывалась непостижимая истина. Что за истина? Это Брэк и пытался понять.

— Ради тебя же самого надеюсь, что ты внял моему предостережению, хотя я тем самым и лишаю себя удовольствия. В противном случае, — глаза ее потемнели до цвета изумруда, — мне останется пожалеть твою растрептанную душу и беспутную жизнь. Тамар?

Сопровождаемая мрачным магианцем, она проворно запрыгнула в экипаж и, схватив поводья, погнала лошадей по двору. Воины Искандера бросились врассыпную, чтобы не угодить под колеса. Колесница мерцающим светляком исчезла во тьме. За нею на длинной цепи огромными скачками мчался Алая Пасть. Испарения от его шкуры повисли в воздухе грозным предупреждением. Брэк, не отрываясь, смотрел вслед удаляющейся повозке, пока огни факелов не канули в ночь.

Он устало отер вспотевший лоб, почувствовав боль, — пристальный взгляд ведьмы было снести не проще, чем удары лап Алой Пасты. И тут из глубин его разума всплыло: «Я уже встречался с ней прежде». Он насутился, смахнул пот с верхней губы. Встречался прежде? Невозможно. Однако уверенность в этом болью отозвалась во всех его членах. Брэк сморгнул, пытаясь стряхнуть наваждение. Быть может, она принадлежала к тем же злобным силам Бога Тьмы, с чьими приспешниками он сталкивался раньше? В колдовских ее глазах ему виделось отражение этого зла. Если он прав и она действительно каким-то образом связана с происками Йог-Саггота, значит, он встретился с очень опасным противником.

И Брэк был уверен: они еще встретятся.

Пусть для нее жизнь его коня мелочь. Но варвар придавал ей куда большее значение. Так что выбор ясен: зло должно быть наказано. Он, Брэк, останется здесь, пока не покарает ведьму, даже если она призовет на свою защиту последнего из древних демонов, затаившегося в каменном колодце.

Глава 3

НАБАТ КОЛОКОЛА СУДЬБЫ

Ночью Брэк спал плохо. Сны его были наполнены призрачными псами с разверстыми бездонными пастьми, нефритовыми глазами, образом бородатого магианца с печатью ревности и гнева на лице.

Утро было немногим лучше. Отвратительная серая пелена затянула небо. Моросило. Вода капала с карнизов, собираясь в лужи во дворе. Позавтракав краюхой хлеба из отрубей и тарелкой каши, Брэк решил заняться поиском нового коня. Он заканчивал есть, когда дверь гостиницы отворилась. Закрыв собой квадрат затянутого мглой неба, в дверном проеме появился невысокий, плотного телосложения молодой человек с простоватым, но приятным лицом. Увидев варвара, незнакомец запagal к нему.

Брэк нахмурился. Не был ли это один из лизоблюдов Нордики? Снаружи, в грязи раскисшего двора, Брэк увидел небольшого ослика и чудесного крепкого коня красно-бурой масти под искусно сделанным седлом с отделкой из серебряных украшений. На вислоухого была наброшена грубо тканая крестьянская холстина.

Вновь прибывший остановился перед Брэком, запустив большие пальцы рук за веревку, служившую ему поясом.

— Поскольку ты единственный здешний постоялец, полагаю, ты и есть тот иноземец, что напал на собаку Нордики.

Варвар настороженно кивнул, неуверенный в намерениях незнакомца.

— Эта ~~зверь~~ убила моего коня.
— Я послан из дворца Странна, Повелителя Серебряных Весов, чтобы возместить твою потерю, если возможно.

Ответом Брэка было негодующее фырканье:

— С какой стати? В схватке зверь показал себя куда лучше, чем я.

— У тебя, по крайней мере, хватило храбрости встать с мечом против Нордики. Не каждый отважился бы на это в наше время. Я рад познакомиться с человеком, который, как и я, относится к ней как к мерзости и дряни.

Впервые за это утро Брэк почувствовал себя в хорошем расположении духа. Он громко рассмеялся:

— При дворе тебя явно не ценят, приятель. Для слуги ты весьма откровенен.

Теперь настала очередь коренастого парня посмеяться.

— Слуга я лишь для одного-единственного господина, Брэк. Я понимаю, почему ты так меня назвал. И все же — я не давал обета верности никому, кроме моего отца Странна.

Опрокинутая потрясенным варваром тарелка из-под каши грянулась об пол. Он, разинув рот, уставился на бедную одежду парня:

— Ты — сын Правителя?!

— Да. Мое имя Пемма. Принц Пемма, если быть точным. Хотя, откровенно говоря, я не вижу особого смысла в наследственных титулах в такие зловещие времена, как нынешнее.

Без всяких церемоний принц зацепил носком сандалии ножку табурета и, вытянув его из-под стола, уселся.

— Известия о происшедшем здесь прошлой ночью быстро достигли ушей моего отца. Искандер с войсками вернулся еще до рассвета.

— Я рано проснулся и видел, как уходили солдаты, — кивнул Брэк.

— Так вот, в тот же миг, как лорд Странн прослышал о твоём поединке, он разбудил меня и велел выбрать лучшего коня из оставшихся в наших конюшнях со столь же добрым снаряжением. Отец приглашает тебя посетить его дворец. Он хотел бы лично поблагодарить тебя. Конь, пища, жилье — все, что пожелаешь. Быть может, нам

даже удастся убедить тебя остаться на некоторое время. — Взор Пеммы помрачнел. — Нам сейчас очень пригодились бы храбрецы.

— Понятно, — снова кивнул варвар. — Хотя проблема не в одной только храбрости. Даже самых смелых воинов непросто заставить выступить против магии.

— Ты совершенно прав. Но порою попытка — это уже половина победы, как сказал бы Искандер. Вот я и подумал, может, ты достаточно далек от суеверий, чтобы попробовать?..

— Да. — Брэк не колебался ни секунды. — Колдунье надо преподать урок. Я не великого ума человек. В чарах и ведовстве я смыслю мало, хотя и сталкивался с ними не раз. Но в степи, где я родился, закон такой: убийцу чьего-либо коня хватают и четвергуют, ибо смерть коня в тех краях обычно стоит жизни и его хозяину.

— Что ж, справедливо. Воспользуешься ли ты гостеприимством моего отца и его подарком?

— Обязательно. — Брэк поднялся. — И прямо сейчас.

Двое мужчин вместе покинули постоянный двор. И двинулись по дороге, ведущей к отрогам гор. Пемма, указывая на крестьян, примитивными орудиями возделывающих поля, рассказывал:

— Земли эти принадлежат моему отцу. Моя обязанность — присматривать за его хозяйством. Низкое занятие для королевского сына, согласен. Но Странн приучил меня любить эту землю, показал тихое чудо жизни растений. Поэтому теперь я предпочел бы держать в руках ручки плуга, а не рукоятку меча.

Брэк разглядывал работников, гнувших спины на своих наделах.

— Ваши посевы выглядят бедными. Это тоже проделки молодой ведьмы?

— Отчасти. Земля наша скудеет вместе с нашим духом.

— Неужто все настолько плохо?

— Еще и хуже, чем кажется на первый взгляд. Хоть и не всегда так было.

Брэк кивнул:

— Я слышал эту историю вчера вечером, на постоялом дворе. «Идеальная дочь» — так Искандер говорил о девушке.

— Пока ад или Тамар Зед, или и то и другое вместе, не овладели ее душой, — согласился Пемма. — Как сверхъестественно быстро, сколь отвратительно полно охватила ее эта трансформация! А теперь еще эта богомерзкая собака. Тварь-Из-Ниоткуда. Возможно, все это плоды трудов того чудовищного бога, которому она поклоняется и о котором постоянно твердит.

Плечи варвара покрылись гусиной кожей.

— Что еще за бог?

— Он точно не один из наших местных божков, — кисло усмехнулся принц. — Наши боги толстобрюхие пропойцы, которых если что и волнует, так только мех с вином, да и то лишь когда внутри булькает благословенная влага. Нет, этот бог — нечто странное и недоброе. Имя его мне неизвестно. Я даже не знаю, правда ли все то, что Нордика с великим почтением о нем рассказывает. Да и нет нам нужды проникать в столь темные материи. Мы не хотим, чтобы над нашей землей воцарились силы Тьмы, которые воплощает Нордика, и куда более злые, чем она сама.

Могучий варвар в раздумье смотрел на дорогу перед собой. Перед его мысленным взором вставали незрячие каменные глаза Йог-Саггота, он снова необыкновенно ясно, словно кошмарное жертвоприношение в Ледяном крае только-только ушло во вчерашний день, слышал голос монаха Несторианца Джерома, наставляющий: «Всякое царство и княжество этого мира управляется собственным богом или богами. Некоторые из них довольно могущественны. Среди их паствы есть достойные маги и множество колдунов. Главенствуют же среди богов двое, что ведут нескончаемую войну за вечную верховную власть над миром. Об их существовании и борьбе не ведают, в большинстве своем, правители и принцы, простой люд и маги, ибо все они заняты мелкими делишками своих захудалых божеств... И вот недавно были знамения и знаки того, что Йог-Саггот вновь явил свою силу...»

«Не стала ли перемена, свершившаяся в Нордике Огнегровкой, одним из проявлений этой силы?» — размышлял Брэк. Должна же как-то объясниться противоясственная власть ее зеленых, как нефрит, глаз, равно как и убежденность варвара в том, что он встречался с ней не впервые. Тревожные мысли будоражили разум северянина, но он не стал делиться ими с принцем, не желая беспокоить его своим догадками. Вместо этого он спросил:

— Не может ли твой отец как-нибудь договориться с Нордикой?

Удивленный, Пемма недобро воззрелся на него:

— А ты стал бы договариваться после того, что ее пес сделал с твоим рысаком?

— Ни за что, Пемма. Но ты — сын короля, а короли призваны прежде всего заботиться о своем народе.

— Если и дальше все пойдет так, как ныне, скоро она, а не мой отец будет править этой страной. При жизни ее отца никто не страшился оккультных тайн, хотя они и передавались, по его словам, из поколения в поколение с незапамятных времен. Цельсус Гирканус был всегда одержим одним лишь желанием — постигать новое; но никогда не было в нем ни злобы, ни жажды власти. Всю свою жизнь он посвятил отысканию универсальной алхимической формулы, и лишь факт ее открытия мог даровать ему удовлетворение. Цельсус обещал раскрыть секрет Повелителю Странну, если сам отыщет разгадку, ибо желал процветания всему королевству... Но затем объявился магианец, Нордика превратилась в исчадие ада, и старый Цельсус исчез... Уверен, они убили его. Убили... или того хуже.

Пемма остановил своего осла рядом с верстовым столбом на обочине дороги. Здесь, за небольшой пирамидой, сложенной из камней, от дороги отходили несколько тропок, ведущих на поля.

— Возможно, — рассуждал вслух принц, — дух Цельсуса Гиркануса все еще не обрел покоя, терзаемый в аду или в месте наподобие того.

— Как он умер? — спросил Брэк.

— Никто этого не знает. Его просто не стало, и все.

По широкому лбу варвара зазмеились морщины.

— А Нордика завладела его секретом?

— Опять же, никто не возьмется утверждать наверняка. Но иной причины исчезновения — или смерти — ее отца я не вижу. Она клянется, что знает формулу. Но ведь это не значит, что она способна ее использовать. В лавках не появилось ни одного свежееотлитого золотого слитка, а перебежавшие к ней солдаты получили в уплату за предательство только надежды и обещания. Что же, здесь я вынужден покинуть тебя, Брэк, и заняться заботами земли. Поезжай дальше по этой дороге и очень скоро увидишь дворец. Надеюсь, вечером за ужином мы сможем обдумать и обсудить, как нанести удар медноволосой ведьме. Полагаю, у каждого из нас есть свои планы, но желание увидеть падение колдуньи у нас общее.

Брэк с готовностью кивнул:

— Падения до самого дна земного чрева и то не будет достаточно...

Принц Пемма рассмеялся и направил ослика по одной из дорожек, ведущих к обширным виноградникам. Брэк поплотнее запахнул на груди накидку из волчьей шкуры — туман становился все гуще — и прищипорил коня.

Скакун, которым снабдил его Пемма, понравился варвару. Низкорослое животное выглядело выносливым и резвым. Настроение Брэка постепенно улучшалось.

Дорога пошла в гору. Конь, чуть напрягшись, двинулся на подъем, его седок, привстав в стремях, выискивал дворец на горизонте. Зубчатые стены неожиданно выросли на фоне неба, цветом сливающегося со сланцем гор. За мощными воротами виднелась высокая четырехугольная башня, на вершине которой располагалась звонница. Там висел огромный колокол. Копыта коня процокали по мосту, перекинутому через ров. Брэк въехал в ворота, где жались, подрагивая в туманной сырости, двое стражей. Если бы не эти люди и не одинокий дым, протянувшийся от одного из строений, дворец Странна — чудо архитектуры — выглядел бы покинутым.

Вскинув на плечо ножны с мечом, Брэк зашагал вверх по широким ступеням. Еще один стражник появился из темной караулки. Он и указал варвару путь к залу для приемов. Миновав череду пустующих, скудно обставленных комнат, Брэк достиг высокого сводчатого зала. В дальнем его конце за серебряными дверями открывался еще один зал, больший по размерам. Несколько гвардейцев в потертых мундирах опирались на копыя около дверей. Над дверным проемом на стене красовалось изображение серебряных весов. Проходя арку, Брэк отметил, что серебряная отделка во многих местах осыпалась. В самом деле, весь дворец имел ветшающий вид, он словно умирал.

Брэк пересек огромный зал с выщербленным полом, направляясь к человеку, ожидающему его на небольшом возвышении. Человек этот был облачен в выцветшую пурпурную тогу, еще сохранявшую следы былой роскоши. Борода мужчины отливала серебром, подобно весам, украшающим портал. Благородное лицо было изрезано морщинами и поражало нездоровой бледностью. Попытавшись приподняться на ложе, где он возлежал, чтобы поприветствовать вошедшего, Правитель хрипло застонал от боли. Лишь подойдя к нему вплотную, Брэк понял, насколько болен этот человек, прикованный к постели. Из челяди рядом был лишь карлик в пестром отрепье. Он храпел, устроившись в ногах повелителя. Больше, насколько можно было видеть, за Странном никто не присматривал.

— Мое имя Брэк, милорд. Меня послал к вам ваш сын, принц Пемма.

Странн закивал. Пронизывающие темные глаза, столь не соответствующие изможденному лицу, смотрели в упор на Брэка.

— Добро пожаловать, Брэк. Боюсь, никто не встречал тебя как подобает.

— Никто, милорд.

— Увы, у нас почти совсем не осталось прислуги. Едва хватает людей, чтобы поддерживать горящим огонь, — он указал на огромный камин, где багровели тлеющие угли. В речи Странна не было и намек на

жалость к самому себе, лишь констатация свершившегося неприятного факта. — Присядь, воин, рядом со мною, а я прикажу принести нам вина.

Странн потрепал карлика по плечу. Маленький человек проснулся и, переваливаясь, поспешил исполнять приказ господина. Странн тем временем продолжал:

— Сегодня ранним утром Искандер поведал мне о том, как ты сражался с Алой Пастью.

— Ваш сын сообщил мне об этом, милорд.

— Вот я и подумал, что подобная храбрость достойна награды.

— Храбрость — никудышнее оружие против чар колдуны.

— Это так. Но все же и Нордика Огнегривая смертна, хотя истоки внезапно обретенного ею могущества лежат за пределами понимания большинства смертных. Лежа здесь, я часами пытаюсь придумать, как помешать ей, пока она не оболестила всех моих людей своими посулами. Но — бесполезно. Я пока так и не нашел способа противостоять ее магии. Я даже не обладаю достаточной силой, чтобы самолично поднять против нее меч. Врачи утверждают, что моя слабость вызвана просто приходом старости. Может, и так. Ноги отказались служить мне, временами подводит зрение. Но воля моя остается твердой. И она порождает во мне единственное страстное желание — уничтожить Нордику и слюнявую тварь, что ее охраняет.

Странн взял кубок с вином, который карлик поставил перед ним. Он становился все более грустным. Брэку больно было видеть это мужественное лицо, изуродованное годами, болезнью и страхом.

— Уверен, — сказал варвар, пока карлик наполнял сладким ароматным вином его кубок, — есть какой-то способ убить чудовище.

— Конечно. — Странн приподнялся на локте. — Ты поэтому принял мое предложение, странник? Потому, что хочешь драться?

Брэк кивнул.

— Ваша с ней ссора ничего для меня не значила — это не означает, что меня не удручает увиденное проездом

по вашей стране. Но происшедшее вчера на дороге в горах и на постоялом дворе сделало вашу войну и моей войной тоже.

— Добрая весть, — слабо засмеялся правитель.

— Я не имею магических талантов, милорд. В моем распоряжении лишь верная рука да острый меч.

— И смелости! Мой сын Пемма тоже смел, но ему недостает навыков бойца. Вероятно, вы вдвоем с Искандером могли бы составить план... — Странн, спохватившись, покачал головой: — Прости меня. Ты наверняка устал. Мы вернемся к этому разговору за ужином. А сейчас не соблаговолишь ли ты поведать мне о себе, откуда и куда держишь путь?

Желтоволосый варвар рассказал о приключениях, случившихся с ним с тех пор, когда он не по своей воле покинул северную родину, не вдаваясь, однако, в подробности своего столкновения с Септенгундусом в Ледяном крае. Умолчал он и о предупреждении колдуна, то и дело повторяющемся в его ночных кошмарах. Когда он описывал свое появление в королевстве Странна и то, как был сделан выбор пути дальнейшего следования, Повелитель оживился.

— Похоже, появление твое в нашей стране было предопределено, — прокомментировал рассказ Странн.

— Предпочитаю считать это игрой случая, — заявил Брэк, без особой, впрочем, убежденности.

Странн задумался. Минуту спустя он пришел в себя и виновато улыбнулся:

— Необыкновенно красочный и интересный рассказ, Брэк, благодарю. Но боюсь, я слишком утомил тебя разговорами, и давно пора дать тебе хоть немного отдохнуть.

Брэк покосился на большое блюдо с кусками холодного мяса, которое недавно принес карлик. Странн кивнул:

— Все, больше никаких разговоров. Сделай одолжение, поешь немного.

Брэк не заставил себя упрашивать. Он вгрызался в сочные ломти, отрывая зубами и глотая большими кусками. Странн глядел на него, изумленно улыбаясь. Варвара

мало заботил устроенный им спектакль. Он был голоден, как волк, и находил удовольствие в еде, тогда как в этой стране практически ничего естественного и нормального уже не осталось.

Беликан вытирал блюдо последним куском мяса, запивая его большими глотками вина, когда воздух разорвал гулкий печальный звон.

Странн весь напрягся на своем ложе. Рука его дернулась, смахнув кубок с вином. Тот с шумом разбился, вино брызнуло на мрамор как кровь.

— Колокол Судьбы, над воротами... — прошептал Странн.

Брэк вскочил на ноги:

— Что это за сигнал? Нападение?

— В него бьют лишь тогда, когда в поле происходит несчастье.

— Ваш сын! — воскликнул Брэк. — Повелитель, мне нужно идти.

— Да, и поскорее. Солдаты стали так медлительны и робки...

Брэк вихрем пронесся прочь из зала через анфиладу ветшающих комнат во двор королевского дома, где его ждал конь. Небольшой отряд дворцовой стражи уже собрался там, но солдаты, похоже, не спешили, снаряжая лошадей и прилаживая седла.

Варвар запрыгнул на своего скакуна. Могучий колокол гудел, медленно раскачиваясь взад-вперед. Язык его приходил в соприкосновение с корпусом, порождая медный гром, от которого ломило в ушах. На полном скаку проносясь сквозь ворота, Брэк заметил гвардейца на башне, который и бил в колокол, сильно дрожа не то от холода и промозглой сырости, не то от страха, не поддающегося контролю.

Холодный влажный ветер жалил щеки Брэка, скачущего вниз по горной дороге, львиный хвост набедренной повязки и коса пшеничных волос развевались у него за спиной. Варвар привстал в стременах, вглядываясь в туман в поисках источника тревоги. Краем глаза он заметил человека, лежащего в придорожной канаве в полубессознательном состоянии, — на голове его зияла страшная рана, на

лице черными разводами запеклась кровь, — и резко осадил коня.

— Что случилось? — прокричал он. — Почему звонит колокол?

— Пемме нужна помощь, — с трудом выговорил человек, приподнявшись на локте, от этого усилия лицо его побелело, как мел. — Неужели ты единственный, кто едет из дворца на подмогу? Где остальные?

Брэк выдернул меч из ножен и свесился из седла, лицо его перекошилось.

— Говори толком, приятель, не то не сносить тебе головы. Что произошло?

— Солдаты, — простонал раненый крестьянин. — Когда-то они служили Повелителю Странну, но теперь продались Нордике.

Слабеющей рукой он показал в сторону окутанных туманом полей. Обернувшись в указанном направлении, варвар смутно различил звон стали и крики людей.

— Там... — трясущимся пальцем ткнул человек, — за верстовым столбом... в виноградниках... люди Нордики... они охотятся за принцем...

Брэк резко выпрямился и прищипорил коня. Тот стрелой полетел по дороге. Когда он доскакал до столба и свернул направо, звуки сражения заметно приблизились, теперь варвар мог различить пронзительные крики женщин и глухой стук копыт.

Конь вскачь неся по нахоженной поколениями крестьян тропе. В тумане возникли размытые очертания вооруженных мечами и копьями всадников, замелькали огни факелов, которыми те поджигали виноградные лозы.

Брэк миновал страшно изувеченный, с отсеченными руками труп женщины. Затем взору его предстало тело крестьянского мальчика, буквально разрубленное на части. С окаменевшим лицом он поскакал дальше.

На месте сражения все смешалось в рукопашной схватке. Там несколько группок крестьян пешими бились со вдвое большим числом вооруженных всадников. Туман мешал варвару ориентироваться среди врагов, но давал ему преимущество неожиданного нападения, которым Брэк не преминул воспользоваться. Оказавшись в гуще

воинов, он атаковал их прежде, чем те разобрались, что он не один из них.

— Прочь! — кричал он. — Убирайтесь, шакалы, убийцы детей!

Меч его прочертил в воздухе гигантскую дугу слева направо — один из солдат попытался парировать удар. Но клинок варвара перерубил его шею. Брэк выдернул меч. По ребрам его чиркнуло копьё. Он послал коня вперед, моля богов, чтобы у того оказалась хорошая реакция... Брэк и его скакун одним прыжком ушли из-под удара другого копьё, который мог стать смертельным. Одновременно варвар левой рукой перехватил прошедшее рядом с его головой копьё за древко и рванул на себя. Солдат, направлявший удар, от неожиданного рывка полетел вперед — прямо на острие меча варвара, выпустившего ему кишки.

— Пемма! — Брэк носился туда-сюда, убивая воинов колдуны. — Принц Пемма!

— Варвар? — послышался слабый отклик из-за пожираемых огнем зарослей. — Это ты?

— Не связывайся с желтоголовым, — крикнул один из солдат. — Приказано было только принца... — Увидев скачущего прямо на него полуобнаженного гиганта с занесенным для удара мечом, он попытался, натянув поводья, убраться с дороги. Конь его встал на дыбы, и всадник вылетел из седла.

Брэк пронесся мимо, к горящим лозам, прорубая себе кровавую дорогу громадным мечом. Искраженные злобой лица врагов мелькали справа и слева, но никто не рискнул заступить путь разъяренному великану, который, словно смерч, пронесся сквозь клубы дыма и тумана.

В одном из разрывов в тумане Брэк заметил Пемму. Принц, опустившись на одно колено, отражал атаки троих всадников, тыкавших в него тупыми концами копий. Брэк напал на атакующих, рубя сплеча. Меч его напоролся на кирасу одного из кавалеристов и рассек ее пополам вместе с телом воина. Пемма увидел путь к спасению и потянулся к Брэку, надеясь запрыгнуть к нему в седло.

Варвар поздно заметил набежавшего сзади противника, — спину обожгло болью. От верной смерти его спасло лишь то, что конь его в этот момент споткнулся и его

повело в сторону. Брэк увидел приближающееся к лицу древко копьё. Последовал тяжелый удар в висок, из глаз посыпались искры...

— Хватайте принца, — вопил кто-то. — Нордике нужен только принц!

Брэк сделал отчаянную попытку вышибить из седла ближайшего из врагов, но меч его вспорол лишь воздух. На череп варвара обрушился еще один удар. Гигант качнулся в седле и, проклиная себя за то, что ничем не может помочь принцу, рухнул на землю. Вокруг бешено грохотали копыта, грозя раздробить ему голову. Пронзительно закричал Пемма. Брэк взревел, попробовал подняться, но тут лошадиное копыто угодило ему в лоб, и он опрокинулся навзничь, потеряв сознание.

«Бум-м-м, бум-м-м, бум-м-м», — звенело у Брэка в голове, словно невидимый молот колотил по наковальне богов. Он медленно приходил в себя. Голова кружилась, все тело отзывалось болью. Рот был полон земли.

Туман рассеялся, и зловещий багровый закат во всех деталях высветил страшную картину: обугленные пенки — все, что осталось от виноградных лоз, — затоптанные людьми и лошадьми посевы... и трупы изувеченных крестьян.

Брэк с трудом поднялся на ноги, потряс головой. К нему постепенно возвращалась память. Вдруг вспомнив что-то, он заметался по обезображенному полю:

— Пемма? Пемма, где ты? Пемма, отзовись!

Но принца нигде не было видно. Пламенел кровавый закат, а колокол в замке продолжал похоронную песнь.

Глава 4

ВОСХОЖДЕНИЕ СКВОЗЬ ТУМАН

Брэк решил, что остался жив лишь благодаря оплошности налетчиков, посчитавших его мертвым. После недолгих поисков он выудил свой меч из-под покрывавшего

все вокруг слоя пепла. Последний взгляд на учиненное зверство (прислужники Нордики методично перебили всех крестьян, едва ли не сотню людей, не оставив ни единой живой души) — и Брэк, повернувшись к мертвым спиной, еле передвигая ноги, потащился во дворец.

Едва пройдя во двор, Брэк застыл на месте, лицо его искажил гнев. Отпечатки копыт на земле свидетельствовали, что подмога из замка выехала. Но почему же в таком случае воины не доехали до места битвы? Варвар сильно подозревал, что, воспользовавшись временным отсутствием Искандера и боясь встретиться лицом к лицу с войсками Нордики, солдаты попросту трусливо удрали в противоположном направлении.

Быстрым шагом миновав пустые комнаты, Брэк нашел Странна в аудиенц-зале в том же положении, как и оставил его недавно. Властитель указал на узкую амбразуру окна, где пристроился карлик.

— Шут видел дым над виноградником, — с придыханием выговорил Странн, — н-н-над виноградником, где работал мой сын...

Брэк мрачно кивнул:

— Всадники колдуньи увезли его, милорд.

Странн уронил лицо в ладони, плечи его затряслись. Пытаясь хоть как-то поправить положение, Брэк добавил:

— Но он остался в живых, я уверен в этом. Остальные убиты.

На миг варвар испугался, что седобородого мужчину хватил удар. Но если тело Правителя плохо повиновалось ему, то о духе его этого нельзя было сказать: приподнявшись на правой руке, он сел почти вертикально. Отсвет заката, упавший сквозь щель окна, окрасил половину его лица в цвет свежей крови.

— Но если сына моего не убили, — твердо сказал Странн, — значит, Нордика имеет на него какие-то виды. И, может быть, это нечто более ужасное, чем смерть.

Брэк навис над помостом, где было устроено ложе Странна.

— Что может быть у нее на уме? Заставить вас сдаться и передать ведьме бразды правления в обмен на жизнь сына?

— Возможно. Или он понадобился Нордике для одного из ее оккультных обрядов. Самое страшное в том, что, по слухам, древняя церемония трансмутации свинца в золото, тайну которого раскрыл Цельсус Гирканус, включает ритуал... — Странн замялся в нерешительности, — человеческого жертвоприношения.

Варвар ничего не сказал в ответ. Странн расправил плечи:

— Я не позволю ей сломить меня. Пемма стал бы презирать меня за это. Нужно отыскать какой-то способ разведать, жив или мертв мой сын, и, если жив, узнать, зачем он понадобился этой женщине.

В зале повисла напряженная тишина. Наконец Странн хлопнул в ладоши. Карлик соскочил с окна и подбежал к возвышению. Но прежде чем правитель успел что-либо сказать, во дворе громко зацокали копыта. Брэк презрительно фыркнул:

— Возвращаются ваши войска, милорд. По какой-то непостижимой причине они никак не могли достичь виноградников.

На лице Странна отразилась скорее печаль, нежели гнев. Он удрученно покивал головой, как если бы хотел сказать, что понимает, почему его воины могли вскачь ринуться на битву, но так и не скрестить мечей с врагом. Когда люди сталкиваются со сверхъестественным — даже профессиональные воины, получающие плату за свою службу, — нельзя судить об их храбрости или трусости, пользуясь обычными мерками. Примерно так Брэк истолковал невысказанные слова Повелителя. Он не разделял подобной терпимости.

Странн велел карлику:

— Седлай мула и скачи к Амброзу Столпнику. Передай ему, что я просил выяснить — и поточнее, насколько это возможно, — местонахождение моего сына. А также планы колдуньи в отношении его. И поскорей возвращайся.

Уродец кивнул и бросился к выходу. Охваченный любопытством, Брэк спросил:

— Но как может спящий на верхушке каменной иглы ветхий старик узнать все это для вас?

— Амброз Столпник сидит на вершине каменного перста с тех пор, как я себя помню. По правде говоря, не найдется никого, кто мог бы с уверенностью определить, насколько он может быть стар. Одно несомненно — ум его вмещает куда больше, чем все наши, вместе взятые. Он способен видеть за много лиг, не сходя с места.

— Ясновидение как-то связано с его сном? — поинтересовался Брэк.

— Не проси объяснить недоступное моему разуму, я все равно не сумею этого сделать. Амброз — это живая тайна. Он поклоняется некоему богу, не имеющему лица, чье имя не может быть произнесено или написано и символ которого — особый формы странный крест. Быть может, именно он дарует Столпнику его силу. В любом случае своим мысленным взором Амброз отыщет Нордику, где бы она ни скрывалась, и принесет нам весть от Пеммы.

С кубком вина в руке желтоволосый варвар опустил в кресло, приготовившись ждать возвращения карлика. Чем дольше он находился в этой злополучной стране, тем больше ему не нравилось происходящее. В самом деле, как можно ожидать сколь бы то ни было серьезной помощи от немощного старого отшельника? Брэк возлагал не слишком-то много надежд на Безымянного бога Несторианцев. А вера в ментальные силы Амброза зиждется, вероятно, наполовину на его долгожительстве и наполовину на местных суевериях. Но тут размышляющему в тишине Брэку вновь припомнилась та странная обжигающая сила, вошедшая в его руку непосредственно в миг, когда пастушка Элинор стала падать в колодезь Червя Червей. Не Амброз ли Столпник наделил его этой силой? Как ни старался, варвар не мог отыскать ответа на этот вопрос.

Прошел час. Другой.

Слуга в заношенной ливрее проскользнул в зал, чтобы запалить факелы, укрепленные на стенах, и перевернуть стоящие близ ложа Странна песочные часы. Стемнело. Угли в камине едва тлели, потрескивая. Брэк начал засыпать.

Но вот вернулся карлик, с ног до головы покрытый пылью. Он вскарабкался на помост и что-то зашептал на ухо своему хозяину. Вид Странна красноречиво свидетельствовал о том, что новости не были добрыми.

— Что сказал Столпник? — пожелал узнать Брэк.

— Отшельник так крепко спал, что его невозможно было добудиться.

— Значит, пришла пора довериться чему-то понадежней видений, — проворчал варвар. — Милорд, твой сын был добр ко мне, а я оказался недостаточно проворен, чтобы спасти его. Так что случившееся — отчасти и моя вина. И я считаю, что должен попытаться выволить его из плена, насколько это в моих силах.

— Ты готов рискнуть собственной жизнью?!

— За добро принято платить добром, во всяком случае я придерживаюсь этого правила. И не имеет значения, какой будет цена.

Странн, степенно кивнув, принял официальный вид.

— Я принимаю твоё предложение, Брэк, и ценю твою жертву. Кресло к твоим услугам, постарайся отдохнуть. Искандер должен вернуться с минуты на минуту, и тогда мы разработаем оптимальный план действий.

— Вам бы тоже не помешал отдых, мой господин.

Глаза Странна потемнели, он проговорил:

— Пока Пемма в застенке у Нордики, не видать мне покоя.

Еще дважды были перевернуты песочные часы, прежде чем варвар, закутавшийся в волчью шкуру, пробудился от тяжелого сна. Тяжелые башмаки протопали по мраморному полу. Искандер, пройдя через зал, преклонил колени перед помостом:

— Мой господин, никто из пропавших не обнаружен. Теперь мы точно знаем, что все они переметнулись к колдунье.

— Поиски твои выпали на плохое время, хотя и не по твоей вине. Во время твоего отсутствия похитили Пемму.

Лицо офицера сделалось мертвенно-бледным. Старый правитель поведал ему подробности происшедшего и сказал в заключение:

— Брэк вызвался попытаться выручить его.

— Дурацкая идея, — отмахнулся Искандер. — Не то чтобы я был против, — откровенно говоря, меня уже до смерти тошнит при виде этих сбившихся в кучу трусов, полагающих себя воинами. У них сердце в пятки уходит при одном упоминании медноголовой суки. Но боюсь, варвар просто не понимает ситуации.

— Так разъясни же мне ее, капитан, — язвительно сказал Брэк, все более раздражаясь.

Искандер ощерился:

— Что ж: замок Нордики расположен высоко среди отвесных скал. Надежно устроен и защищен мощными стенами. Располагая людьми, которых ей удалось сманить, она может выдержать осаду бесконечно долго. Далее, дорога, ведущая к замку, всего одна, полна неприятных сюрпризов и прекрасно просматривается со стен. Ночью там стоит густой туман, и это единственное пригодное время для атаки.

Брэк попробовал пальцем остроту клинка.

— А что, если на штурм замка пойдет не сотня людей, а только один воин. Я подумываю справиться с делом в одиночку.

Искандер не выдержал и громко расхохотался.

— Милорд, вот так храбреца мы нашли! — обратился он к Странну. Но Повелитель не разделил его веселья.

Весь вид Брэка выражал нетерпение.

— Есть ли какой-нибудь другой способ проникнуть в замок, кроме дороги?

Искандер покачал головой.

— Нет... — Он осекся.

— О чем ты подумал? — тут же спросил Брэк.

— Невозможно.

— И все же скажи мне.

— На мгновение я подумал о скале с западной стороны замка. Там самая низкая часть стены, и в ней есть амбразуры, — я думаю, никто не удосужился выставить возле них часового. Но ты ни за что не заберешься по отвесной скале, да еще ночью и в тумане. Это слишком опасно.

— Я бы все-таки рискнул, — понизив голос, твердо сказал Брэк. — И сделаю это, как только мы выясним, где Пемма.

Трое мужчин, перейдя почти на шепот, продолжали обсуждение. К тому времени, когда ночь сменилась нежно-розовым заревом рассвета, отсветы которого заиграли на стенах, скользнув через узкие окна, они разработали приблизительный план. Искандер, стоя на коленях около королевского ложа, нарисовал карту горной цитадели, водя пальцем по пеплу из камина, рассыпанному на мраморном полу. Брэк внимательно рассматривал изображения дороги, утесов, замка. Наконец он удовлетворенно кивнул:

— Все ясно. Остается узнать, жив ли принц и где его содержат.

Искандер поскреб подбородок.

— Торговцы бывают везде. Коробейники и им подобные. Может...

Варвар усмехнулся, но усмешка эта больше смахивала на волчий оскал.

— Может быть, мы сумеем убедить одного из них помочь нам.

Взвесив меч на руке, он поднялся и зашагал к двери. Искандер порывисто вскочил и последовал за ним.

Вскоре после рассвета главная площадь перед дворцом начала заполняться повозками фермеров и ремесленников, булочников и бакалейщиков. Они деловито разгружали припасы для королевского домашнего хозяйства. Брэк притаился на корточках за стеной конюшни. Он выжидал и высматривал.

Вот прибыл осанистый, солидный горшечник и принялся вытаскивать свои изделия из телеги на расстеленный на земле кусок материи. Дворцовый камердинер, высунувшись в окно, известил его, что в королевской казне нынче нет средств на покупку его товара.

Гончар так же неторопливо начал укладывать обратно горшки и кувшины. И тут к нему пружинистой походкой подошел Брэк.

— Здравствуй, торговец. — И Брэк улыбнулся так, что тому не оставалось ничего другого, как осторожно улыбнуться в ответ:

— Доброе утро, господин.

Варвар продолжал скалиться:

— Вез бы ты лучше эти чудные вещички в замок Нордики Огнегровой. Собственно говоря, это тебе поручение от твоего повелителя Странна.

Торговец выглядел смертельно испуганным.

— В жизни не пойду в эти проклятые ворота! Я достаточно слышал историй о жутких проделках этой ведьмы. Нет-нет, господин, это абсолютно невозможно! Но что это вы делаете?!

Бронзовокожий великан водрузил поверх нагруженной телеги свой огромный меч. Лезвие его, казалось, горело холодным белым огнем.

— Послушай, разносчик, — выдохнул Брэк. — Или ты нанесешь визит в жилище Нордики тотчас после того, как уедешь отсюда, или ты никогда отсюда не уедешь.

Толстый живот торговца затрясся, когда варвар продемонстрировал, что и как будет с ним сделано. Немой спектакль Брэка вкупе с его устрашающим оружием, блистающим на верху повозки, скоро сделали торговца более сговорчивым, и в считанные минуты все было устроено.

Брэк подозвал слуг отцепить от повозки четверку мулов. Три из них вместе с телегой и с большей частью товара должны были стать залогом возвращения их хозяина.

Брэк и Искандер наблюдали за тем, как горшечник проследовал через ворота с опускной решеткой. Он выехал на спине единственного мула, с несколькими изделиями в мешке, перекинутом через плечо. И выглядел он совершенно несчастным.

Два часа, прошедшие после отъезда торговца, тянулись как вечность. Наконец он возвратился и отыскал Странна, Брэка и Искандера в парадном зале. Вид у него был больной, он обильно потел и, похоже, изрядно потерял в весе. Голос его был жалок.

— Как я и боялся, эти, из замка, ничего не купили.

— Но ты побывал внутри? — спросил Искандер.

— Да. — Торговца передернуло. — Целый час. Ох и долгий же час это был...

— Ради твоей собственной жизни надеюсь, — повысил голос Брэк, — что ты провел его с пользой.

Горшечник сглотнул и нервно закивал:

— Да, да! Принц жив.

Странн шевельнулся на своем ложе:

— Где? Где его держат?

— Насколько я мог выяснить у слуг, с которыми разговаривал, его поместили в камеру.

— Куда же еще, чертова ты деревенщина, — вскипел Искандер. — В какой части замка находится тюрьма? Вот что нам нужно знать!

— В за-за-западной части. С той стороны, где замок опирается на скалы. Самый нижний ряд оконных проемов — это и есть застенки. Я так понял, что окно камеры принца — второе слева, если смотреть с дороги вниз. Я притворился, что был в свое время обижен принцем и хочу крикнуть ему в окно пару крепких словечек на обратном пути. По-моему, выдумка была очень удачной.

Тишина. Торговец спал с лица.

— Что я сделал не так, господа? Я рисковал своей жизнью из-за вас! А теперь только-то и хочу, чтобы мне вернули мое добро.

— Ты получишь все обратно, и даже кое-что сверх того, — сказал Странн. — Дай кошель с монетами нашему другу, Искандер. И пусть кошелек этот будет полон.

Вскоре горшечник отправился восвояси в сопровождении трех вооруженных всадников, которые должны были в целости и сохранности доставить его до дома и убедиться, что толстяк не повернет с полпути и не выдаст их Нордике ради какой-нибудь выгоды.

С наступлением ночи, под моросящим дождем, Брэк, Искандер и небольшой отряд ворчащих полусонных солдат покинули дворец Странна, двинувшись сквозь холод и ночь, черную как смоль. Накапывал дождь, преобразившись в клейкий призрачный туман, окутавший их промозглым влажным покрывалом. Время тянулось

мучительно медленно. Но вот Искандер подал негромкую команду, и колонна воинов остановилась.

— Здесь, Брэк, — прошептал, указывая вытянутой рукой, Искандер. Высоко над головой во мраке варвар разлились неясные пятна оранжевого света.

— Факелы на стенах? — спросил он.

— Да.

Варвар слез с коня. Несмотря на то, что ночь, и без того холодная, стала еще холодней из-за тумана, он снял и отшвырнул в сторону накидку из шкуры волка и шагнул к подножию скалы. Она показалась невероятно высокой и абсолютно отвесной. Он провел ладонью по камню:

— Влажный. Держаться ногами будет трудно.

— Следующей ночью вряд ли станет лучше, — отзывался Искандер. — По ночам тут всегда туман.

— Тогда давай веревку.

Один из солдат подал варвару большой моток прочной веревки. Брэк закинул его на правое плечо. На левом плече у него висел меч. И вот северянин начал восхождение, затем остановился на небольшом скальном карнизе и поглядел вниз. Искандер и его спутники уже стали призраками в окружающей мгле.

— Пемма спустится первым, когда я отыщу его, — крикнул он.

— Понятно, — донесся до него ответ Искандера. — Да пребудут с тобою боги!

Невнятно пробурчав что-то вместо ответа, Брэк полез дальше. На ощупь находя опору для рук, он перебирался с уступа на уступ. Скала не была такой уж неприступной, как представлялось снизу, поверхность ее оказалась неровной, с выступами и впадинами, достаточными для того, чтобы ловкий человек мог за них ухватиться. Но туман, пронизывающий ветер и влага, скользкой пленкой покрывшая камень, делали ночное восхождение исключительно непростым и опасным делом. Брэк осторожно продолжал карабкаться. Он преодолел расстояние, впятеро превышающее его собственный рост, когда ноги его соскользнули.

Обе его ноги провалились в пустоту, ступни лихорадочно скребли шероховатый камень в поисках опоры. Уда-

рившись правым коленом о скалу, Брэк ощутил под ногами небольшой уступ.

Отпустив крепкое ругательство, он прильнул к скале и медленно подтягивал вверх ногу, пока не сумел закрепить ее на уступе.

Свет факелов наверху стал ярче, под ногами варвара клубился туман, — Искандер и его всадники исчезли, словно их поглотила земля. Прижавшись щекой к холодному камню, варвар переводил дух.

Меч затруднял движение воина. Пальцы покрылись порезами и ссадинами от острых камней. Тяжелый моток веревки пудовым булыжником оттягивал плечо. На минуту Брэком завладело чувство небытия и забвения. Он словно провалился в ничто, оказавшись между землей и небом.

Передохнув на уступе, с которого едва не скользнул в лапы смерти, Брэк выбросил вверх руку и, ухватившись за торчащий камень, полез дальше.

Сильнее задул ветер, он вылетел как покинутая, загубленная душа, страдающая от невыразимой боли. Над головой Брэк уже мог видеть размытые очертания зубцов крепостной стены. И вдруг веревка соскользнула с его плеча.

Брэк инстинктивно взмахнул левой рукой, чтобы перехватить ее... Он закачался, выгибаясь назад, едва не сорвавшись вниз. Его левая рука бешено скребла по скале, пока не нащупала каменный бугорок, держась за который, варвар смог правой рукой приладить веревку на место.

Мощная грудь северянина ныла от напряжения. Сырость тумана смешивалась с выступившим на коже потом. Брэка качнуло назад, от скалы, и лишь левая рука, вцепившаяся в камень, удержала его от падения в бездну. Брэк медленно подтянулся и прижался к поверхности камня.

Мимо, хлопая крыльями, пронеслась ночная птица. Тяжело дыша, Брэк продолжил восхождение.

Когда он был уже совсем рядом с тем местом, где скала переходила в стену замка, Брэк нащупал ногой торчащий из скалы камень. Стоило перенести на него вес тела, как

вниз обрушился целый камнепад, загрохотавший в темноте, поднимая шум на всю вселенную.

Варвар распластался на скале. Над головой его послышались голоса окликающих друг друга стражников. Рискнув посмотреть наверх, он в мерцающем свете факелов различил четкие контуры голов в шлемах. Брэк затаил дыхание, все его огромное тело, повисшее над жуткой пустотой, ныло от напряжения и усталости.

Наконец стражники ушли. Брэк полез вперед. Он подтянулся к подоконнику второго черного провала в нижнем ряду окон.

Ноги варвара повисли в пустоте, когда он обеими руками ухватился за каменный карниз. Он подтягивался на одних только руках. Это был критический момент.

По ту сторону окна царила тишина. Брэк понимал, что нельзя вспокоить Пемму или его охранников. Однако без шума, похоже, не обойтись. С трудом оттолкнувшись от стены, он перекинул левую ногу через подоконник; меч его звонко клацнул, когда, перебравшись через широкую каменную полку, Брэк свалился на пол.

Не успел он подняться, как кто-то вскрикнул. Пошарив рукой, варвар наткнулся на чье-то тело и зажал пальцами рот принца Пеммы. Тот яростно сопротивлялся, стремясь усидеть на грубой каменной скамье.

— Ни звука, — прошептал Брэк. — Молчи, или нам ни за что не выбраться. Это я, Брэк, и у меня с собой веревка.

Пемма перестал вырываться, и Брэк отпустил его. Сквозь маленькое зарешеченное оконце в двери пробивался свет далекой лампы. Румяное лицо Пеммы блестело от пота.

Отыскав в одной из стен шатающийся камень, Брэк обвязал вокруг него конец веревки. Надежно закрепив веревку, он подтолкнул Пемму к окну:

— Лезь наружу и спускайся. И побыстрей.

Пемма не стал тратить время, задавая вопросы своему освободителю. Он перебрался через подоконник, схватился за веревку и скользнул во мглу.

Тяжело дыша, Брэк ждал, держась рукой за веревку и проверял ее натяжение. Услышав шум шагов в кори-

доре, он встрепенулся. Ножны со стуком упали на каменные нары.

Голова стражника мелькнула за глазком в двери.

— Эй, узник! Что там за шум? Отвечай!

Тут Брэк почувствовал, как веревка ослабла. Пемма спрыгнул на землю. Перед Брэком вставал жестокий выбор: если он сейчас побежит, возбудив подозрения стража, то люди колдуньи нападут на отряд Искандера, ожидающей его на дороге внизу; ну а если он останется...

Тюремщик уже вставлял ключ в проржавевший замок.

— Узник! Отзовись немедленно!

— Все в порядке. — Брэк понизил голос до еле слышного ворчания. — Мне снился плохой сон, я закричал, вот и все.

Несмотря на отклик Брэка, тюремщик сказал:

— Зайду-ка я лучше погляжу, как ты там...

Ключ заскрипел в замочной скважине. Проклиная изменившую ему удачу, варвар дернул веревку, освобождая ее от самодельного якоря. Он швырнул ее в открытое окно в тот самый момент, когда дверь заскрипела, открываясь. Брэк бросился на каменную скамью и вытянулся на ней. Он успел натянуть на себя ветхое одеяло, повернувшись на левый бок, спиной к двери, когда она полностью открылась. И Брэк очень надеялся, что его тело, покрывало и ночная тьма скроют от глаз охранника меч.

— Дай поспать, — промямлил он, — уходи и дай мне поспать.

Стражник остановился в дверях, вглядываясь в бесформенную кучу на каменных нарах, и проворчал:

— Ну ладно, похоже, все нормально. Но больше не кричи. Мне хочется покоя.

Тяжелая дверь с грохотом захлопнулась.

Брэк долго лежал, не меняя позы и глядя в черноту стены. Пемма был освобожден, но — дорогой ценой.

С рассветом, крича и ругаясь, охранники обнаружили подмену и потащили Брэка по заросшим плесенью коридорам к Нордике Огнегровкой.

По непонятной ему самому причине Брэк стал находить нечто забавное в том неприятном положении, в которое он попал. Трое тюремщиков волокли его лабиринтом коридора с отделанными камнем стенами. Они доставили варвара в высокий темный чертог, редкие окна которого были вместо стекол затянуты тончайшими пластинами нефрита.

В этом гулком помещении царил глубокий, изумрудный, подводный сумрак.

Брэка столкнули по трем низким ступеням. Он заметил несколько глобусов из золотой проволоки, позолоченный потир и другие атрибуты оккультных наук, разбросанные по табуретам и низким скамьям. Его смех мгновенно смолк, сменившись изумлением. Он никогда не предполагал даже, что во всем мире существует столько разных книг, сколько было собрано в одной этой комнате. Самый массивный из стражей, толстомордый детина с кривым белесым шрамом через всю щеку, сказал:

— Держите его крепче, а я пойду разбужу госпожу. Здоровяк пересек зал и скрылся за занавесом в другом его конце. Прозвонил колокольчик. И тут Брэка разобрал смех.

— Ну-ка прекрати, — потребовал один из оставшихся воинов. — Так ты разозлишь ее еще больше.

Вместо ответа варвар запрокинул голову и дал волю своему веселью. Его гомерический хохот, грохочущий в мистическом зеленом полусвете, был своего рода расслаблением, компенсацией за напряжение последних часов. К его нынешнему положению куда более подошло бы полнейшее отчаяние. Он отдавал себе в этом отчет, но был не из тех, кто подолгу пестует свои страхи и горести, предпочитая, когда только возможно, насмехаться над опасностью, тем самым лишая ее силы. Так что смех был и обдуманной тактикой, которая, как обычно, привела к желаемому эффекту.

— Я, кажется, велел тебе заткнуться! — воскликнул стражник, пихнув его в плечо.

— Отпустите меня, я и перестану, — простонал Брэк между взрывами хохота.

— Да он сумасшедший! — прошептал другой солдат. — Одержимый...

— Берсерк? — отозвался первый. — И правда, есть у него в глазах что-то такое...

— Вы, болваны, отпустите же меня, — заливался Брэк, — я не собираюсь ни бежать, ни даже драться. Иначе, — гигантский вдох и еще один мощный взрыв смеха, — зачем бы я позволил вам забрать мой меч, а?

— А ведь верно, — согласился второй охранник.

— Поосторожней! — фыркнул первый. — Ты сам сказал, что с головой у него не в порядке, и я этому верю!

— Какая чужь, — задыхался Брэк. — Просто мне окружающее видится правильным образом. Я вспомнил ваши рожи, когда вы ввалились в тот каменный мешок и вдруг разобрали, кто там на самом деле сидит. Надо было видеть, как вы посерели, словно штукатурка, а ведь это в первый раз кто-то выкидывает трюк с вашей хозяйкой, не так ли? По крайней мере, за то время, что я провел в этой чертовой стране, ни о чем подобном не слыхивал и нахожу это забавным, весьма забавным...

Смех захлебнулся у него в горле. Из-за занавеса раздался крик. То был громкий крик боли.

Следом за ним прозвучал женский голос:

— Спустился по веревке?! По веревке, несчастные вы идиоты?

Шатаясь, в зал ввалился здоровяк-гвардеец. На его правой щеке зиял глубокий длинный разрез, сочащийся кровью. За ним по пятам в помещение ворвалась Нордика, сжимающая в руке изогнутый кинжал. Ее просто трясло от гнева. Медного цвета волосы замерцали в зеленоватом свете, когда она, хищно выгнувшись, набросилась на окровавленного стражника:

— Прочь с глаз моих, пока я не вспорола тебе брюхо в награду за верную службу!

Нордика замахнулась на него кинжалом, и солдат поспешил ретироваться. Белое платье колоколом качнулось вокруг обнаженных ног. Нордика, обернувшись, посмотрела на Брэка.

— Хохочи, пока можешь, варвар, — процедила она сквозь зубы, — я ведь предупреждала тебя держаться от меня подальше. И ты пожалеешь о том, что не послушал доброго совета.

Брэк, как мог, старался сохранить видимость веселья, встретив взгляд колдуньи.

— И все же эту партию ты проиграла.

Нордика вскипела:

— Солдаты, оставьте нас! Вы, двое, останьтесь за дверью. И пошлите кого-нибудь передать мой приказ — чтобы к закату все до единого окна в западной стене были заложены камнями. Да поживей! Вон!

Солдаты убежали. Брэк едва подавил в себе желание схватить Нордику за тонкую белую шею и задушить. Ему наверняка удастся убить ее прежде, чем стражники настигнут его. Он заколебался не из страха, но из желания узнать побольше о ее замыслах. Что-нибудь такое, что может помочь Странну и принцу Пемме одолеть ее. Разумеется, при условии, что он останется жив достаточно долго, чтобы сообщить им об этом.

Скрестив руки на груди, Нордика ходила взад-вперед перед Брэком.

— Ты пробрался в замок по скале?

— Да.

— Никто до тебя не сумел подняться по этой скале, слышишь? Никто.

— Теперь таких двое: я поднялся наверх, Пемма спустился вниз.

— Конец хитроумного предприятия будет плохим — ты умрешь.

— Возможно, — сказал Брэк. — И все же: тебе был необходим принц, а его у тебя больше нет. Так что я посмеюсь над твоей потерей.

Странная гнетущая тишина установилась в зале. Нордика, склонив набок голову, изучала мощную грудную клетку варвара, мускулистые ноги, выступавшие из-под

львиной шкуры на бедрах. Краска гнева сошла с ее лица, уголки рта тронула улыбка. Брэк тут же ощутил, как его желание посмеяться растаяло без следа. По позвоночнику его поползли мурашки, когда взгляд нефритовых глаз девушки медленно пополз от одной части тела к другой, будто исследуя их на предмет поджаривания на вертеле.

Изумрудный сумрак, казалось, стал глубже, глаза Нордики, напротив, запылали ярко. В глубине их мельтешили крошечные пятнышки и узоры. Брэка снова охватило то же жуткое необъяснимое чувство, что и на постоялом дворе. Эта женщина была абсолютным злом. И что еще хуже — злом, которое ему еще только предстоит в полной мере познать.

— Пожалуй, — промурлыкала девушка, — я придумаю для тебя интересную казнь. Побег принца Пеммы может оказаться вовсе не потерей, а подарком судьбы.

— Объясни, что ты имеешь в виду, женщина.

Нордика медленно прошла к большой грудке шелковых подушек, уложенных прямо на полу, и села, обхватив руками колени. Она разглядывала Брэка, и за маской равнодушия угадывались тайное изумление и личная заинтересованность. Ее запах распространялся вокруг, тягелый, мускусный, гнетущий, наводящий на мысль о чем-то очень сладком с начисто прогнившей сердцевинкой.

Голос девушки стал почти веселым.

— Я имею в виду, что ты, возможно, сумеешь послужить мне так же хорошо, как и принц. Вернее сказать, — она звучно рассмеялась, — послужит мне твое роскошное тело.

— Зачем тебе тело, женщина? Чтобы сделать сильнее свои заклятия?

— Ах, как ты догадлив. Ну конечно. Одно замечательное событие скоро произойдет в этом захолустном уголке мира. После того, как это свершится здесь, то же самое произойдет во всех прочих королевствах, от северных степей до Курдистана. — Она многозначительно замолкла, словно понимая, что название это имело для варвара особое значение. Брэк сохранил беспристрастное выражение лица. Какой-то инстинкт

подсказывал ему, что колдунья знает о нем намного больше, чем он подозревает.

— И что же такое замечательное ты готовишь этому королевству?

— То, что мог бы свершить мой отец. Но он был чересчур щепетил.

— Главный секрет алхимии?

Смех ее был хуже жестокой брани.

— И ты наслушался баск от этих зарывшихся в землю людишек?

— Это были весьма интересные и поучительные истории, — парировал Брэк. — Об идеальной дочери, которая в один прекрасный день превратилась в свою полную противоположность.

Лицо Нордики выражало презрение.

— Я ничуть не стала другой, чем была раньше. Я была и остаюсь дочерью Цельсуса Гиркануса.

— Люди говорят иное.

Порывисто поднявшись, она уставилась на него:

— И что же?

— Люди говорят, что перемена, произошедшая с дочкой алхимика, была столь резкой и неожиданной, что, вероятней всего, в ее обличье — совсем другая женщина.

— Эти побасенки только и доказывают, как мало ума у грязных крестьян.

Нордика резко повернулась к нему спиной, но варвар успел заметить странную муть, всколыхнувшуюся в нефритовых глазах, словно она пыталась за маской скрыть от него свои тайны, лишь слегка поддразнивая.

— В течение многих лет я питала отвращение к лепету отца насчет использования его сил и умений на благо людей, для приличных целей. Приличия, порядочность — что за гнусные, лицемерные словечки! Нет никакой порядочности в этом мире. В природе человека заложено зло. Как и в основе мира!

Спокойно, даже флегматично Брэк откликнулся:

— На этот счет я как-то не уверен.

— Тогда ты так же глуп, как и мой отец Цельсус! Он раскрыл секрет, но отказался использовать свое открытие.

— Насколько я понял, он готов был рассказать секрет Повелителю Странну.

— С таким же успехом его можно было забыть!

— А как бы ты, женщина, распорядилась им?

В ответ — змеиное шипение:

— Для завоевания...

— Для завоевания чего?

Колдунья оставила его вопрос без ответа.

— Всеу свое время, варвар, всеу свое время...

— Можешь не продолжать, — фыркнул Брэк. — Я понял тебя очень хорошо.

— Ничего ты не понял. Даже того, что, как бы там ни говорили, я была, есть и всегда буду дочерью Цельсуса Гиркануса.

— Нужно ли нам это обсуждать?

— Ты сам затронул эту тему. И по-моему, именно ты нес тут всякий вздор насчет того, что я не та, кем кажусь.

— В самом деле, это моя ошибка, — сказал он и потом солгал: — Мне и дела нет до того, кто ты такая.

— Ах! — В глазах колдуньи появился странный блеск. Она снова дразнила его. — Мне-то показалось, что ты уловил во мне что-то... знакомое?

— Верно, — проворчал Брэк, — ведь я уже встречался со злом.

Его дерзость не разозлила колдунью, напротив — она, похоже, была польщена.

— Вот и славно. А что до этих смехотворных слухов о внезапной перемене, могу сказать тебе только то, что умело притворялась все это время до поры, пока мой папаша, ах, — она в притворном отчаянии заломила руки, — не покинул меня навсегда, отправившись в вечность. Много лет назад я поняла, что, если даже великая тайна алхимии и откроется отцу, он никогда не отважится заплатить истинную цену за могущество. Вот я и вжилась в образ скромнейшей из девиц, послушнейшей из дочерей настолько, что он, продолжая работу, так никогда и не заподозрил, — быстро, непрочно сжались пальцы изящных рук колдуньи, ногти

впились в ладонь, — что я пытаюсь узнать его секреты для собственной пользы.

Говоря, она отошла от Брэка в дальний конец зала. Сумрак избавил варвара от чарующего взгляда нефритовых глаз, чему тот был несказанно рад. «Слишком упорно колдунья оправдывается, — подумал Брэк. — Она добросовестно доказывала свое родство с алхимиком, словно школяр, заучивший порученный урок». Варвар был уверен, что так и не услышал правды.

Брэк погружился в размышления. Если Нордика действительно завладела секретом превращения неблагородных металлов в золото — секретом, за которым ученые и чернокнижники охотятся с незапамятных времен, — ее обещание скорых завоеваний вполне может стать реальностью. Но завоевания чего? Этого королевства? Близлежащих держав? Нет. Неожиданно северянин понял, что колдунья собирается завоевать весь мир! С тайной философского камня в качестве источника могущества колдунья действительно может бросить к своим ногам целый мир. Алчные наемники будут толпами отовсюду стекаться к ней, как они уже сделали это в королевстве Странна. И быть тогда великой войне, вселенскому катаклизму. Перед варваром предстало бросающее в дрожь видение марширующих армий, горящих городов, черно-красное небо в клубах дыма и языках огня, криков умирающих и бескрайних рядов братских могил. И над всем этим — Нордика Огнегривая, правящая своей колесницей с прикованным к ней цепью Алой Пастью. Ее медные волосы развеваются ветер, в воздетой к небу руке — сверкающая сфера из чervонного золота.

Брэк стряхнул с себя наваждение. Надо придерживаться реальности. И в первую очередь установить, существует ли на деле философский камень.

— Ответь мне на один вопрос, женщина.

— Какой же?

— Ты действительно знаешь, как превратить свинец в золото? Или это часть твоего хваленного притворства и лицемерия?

— Разве я не сказала уже, что знаю секрет?

— И как ты заполучила его у отца?

— Это мое дело.

— Как, опять тайна? А может, все твои тайны — одно большое вранье? — Улыбка Брэка была варварски язвительной.

Во взоре Нордики вспыхнул гнев. Издевка Брэка явно поставила ее в затруднительное положение, и теперь она колебалась, подобно простым смертным.

— Трансмутация не миф. Но для этого потребуется провести ритуал... тот, что окончательно убедит тебя: секрет и вправду принадлежит мне.

По спине его вновь пробежал холодок.

— Как это?

— Этот ритуал требует, в частности, присутствия четырех людей, каждый из которых будет олицетворять один из первоэлементов творения — землю, воздух, огонь и воду. — Девушка сделала паузу. — Ты еще не догадался, почему Пемма был невредимым доставлен сюда, в отличие от прочих работников?

— В отличие от убитых и растерзанных, — эхом откликнулся Брэк. — Пемма должен был стать одним из этой четверки?

— Землей, — сказала Нордика. — Он королевских кровей, но в сердце истый земледелец. Он идеально подходил для этой роли.

— И эти четверо — пленники — позволят тебе совершить ритуал?

— Именно. Отец мой отдал жизнь за эту тайну.

— И сколько несчастных попало в твою западню? Сколько людей ты уже погубила, проделывая свой адский обряд?

— Пока несколько, варвар. Ты да еще три будущие жертвы, уже посаженные в кандалах в каземат, будете первой четверкой. Пемма тоже должен был быть закован в цепи сразу по прибытии в замок. Но я хотела вначале пообщаться с ним. Ты явился прежде, чем мне удалось освободиться от дел и призвать его к себе.

— Ведьма, — сказал Брэк, делая шаг по направлению к ней, — ты употребила слово, которое мне не нравится. «Жертвы».

Нордика метнулась за низкий столик, крышка которого была инкрустирована кусочками перламутра.

— Сохраняй дистанцию. Не то я кликну гвардейцев, стоящих у дверей, и ты заработаешь копье в спину. Будь вежлив со мной, Брэк, и я постараюсь сделать конец твоей жизни менее болезненным.

Мышцы на шее варвара вздулись, рот скривился.

— Жертвы... Кровавые ритуалы... Какая-то первобытная мерзость!

Нордика снисходительно улыбнулась:

— Пусть так, зато я добьюсь успеха. Я просто горю желанием начать. И час этот близок.

Она, грациозно покачивая бедрами, прошествовала к одному из нефритовых окон.

— Там, снаружи, бушуют ветры сокрушительной силы. День ото дня станут они набирать силу. Вот-вот наступит пора созывать их, после чего можно начать ритуал. Четыре ветра, Брэк, с четырех концов света. В комбинации с четырьмя первоэлементами они и совершат трансмутацию. Я знаю, как призвать ветры. А когда я сделаю это — неблагородный металл превратится в золото, — не будет пределов моему могуществу!

В зловещем молчании колдунья еще раз внимательно оглядела желтоволосого гиганта, потом сказала:

— Теперь я вижу, что напрасно сожалела о потере Пеммы. Ты, конечно, не земляной червь, как он. Но по своему ты тоже человек земли. В твоих могучих руках сосредоточена ее сила. Да, ты прекрасно подойдешь на место принца, когда поднимутся четыре ветра.

Брэк нахмурился:

— Прежде чем я позволю зарезать себя по твоей извращенной прихоти, каждый, кто приблизится ко мне, будет убит. Под конец я убью себя.

— Мой дорогой! К чему такая свирепость? Что стало с твоим чувством юмора?

— Было да сплыло. Жаль, я дал вытащить себя из камеры, когда твои псы нашли меня. Лучше сдохнуть, чем хоть как-то поспособствовать твоим замыслам.

На один неуловимо короткий миг в зрачках колдуньи вспыхнула неукротимая ярость. Усилием воли она пода-

вила свои чувства и прошла мимо варвара, — тот стоял, широко расставив мускулистые ноги, стиснув пудовые кулаки. Его широкие плечи сотрясались от дрожи — так он был разгневан.

— Ах, Брэк, Брэк... — мурлычущий голос колдуньи переполняло кокетство и соблазн, — стоит ли принимать все так близко к сердцу?

— А что ты ожидала, ведьма? Восхваления тебя и твоих планов?

— Можно было бы, по меньшей мере, быть более терпимым ко мне, коль скоро конец все равно предопределен. — Нордика взяла его руку, сжала сладко пахнущими пальцами — острые ногти укололи кожу. — Разве я не говорила тебе той ночью на постоялом дворе, как возбуждают меня дерзкие смельчаки? И, хотя твоя храбрость ничего теперь не стоит, она все же не перестала быть желанным товаром. Мне пригодится твоя сила, когда соберутся ветра. Ты умрешь. Но до той поры мы могли бы наслаждаться друг другом...

В голове у Брэка все закружилось, зашумело. И вдруг ему показалось, что он видит перед собой не нефритовые глаза Нордики, а иссиня-черные волосы, белую кожу и зовущие очи Арианы. Ариана, Септенгундусово отродье, прозванное Несторианцами Дочерью Ада. Ему вспомнилось, как Ариана возила его по небесам на сказочной колеснице. Или то была лишь иллюзия? Под ними расстилались королевства мира до самых дальних южных границ, до залитого солнцем Курдистана. Ариана соблазняла его, обещая варвару все, что видел он в том волшебном полете, лишь бы он любил ее. Она предлагала ему удовольствия, способные убажить самую изощренную чувственность. И сила ее очарования оказалась настолько велика, что Брэк еле преодолел искушение сказать «да». Ее ценой — ее единственной ценой — было признание Йог-Саггота своим хозяином и господином своей души. Но северянин не поддался ей и отверг предложение.

Дочь Септенгундуса погибла, ненавидя его, в грохочущем хаосе обрушившегося истукана в Ледяном крае. Но вот она, как живая, вернулась к нему в пугающем

видении, проступившем сквозь черты Нордики Огнегровкой.

Брэк, скривившись, отвернулся от колдуньи — ему были отвратительны ее манеры: обрекая его на смерть, она одновременно делала ему недвусмысленные, грязные предложения. Тело Брэка заблестело от пота, он тяжело задышал, так как близко подошел к постижению той важной истины, что никак не давалась ему... Впрочем, вздор! На него просто повлияло сходство предложений Арианы и Нордики — обычное совпадение. Разве не так?

Нордика же выглядела неуверенной. Пока она колебалась, Брэк решил, что настал момент для решительных действий, — он и так уже слишком долго ждал. Он обвел глазами комнату в поисках предметов, которые можно было бы использовать как оружие. Невмоготу было дольше выносить рыжеволосую ведьму, терпеть, когда с тобой обращаются как с цепным псом, вроде Алой Пасты, в человеческом облике, готовым на любые трюки, дарующие благосклонность хозяйки, до тех пор, пока они доставляют ей удовольствие. Колдунья не дала ему осуществить это намерение. Она резко отстранилась от него, так что волосы хлестнули его по лицу, обдав все тем же приторно-гнилостным духом.

— Тебе что, неприятно мое предложение? Разве я столь уродлива?

— Внешне? Нет. Но глубоко внутри... внутри ты...

С языка его готово было сорваться крепкое площадное слово. Нордика догадалась, лицо ее потемнело. Гнев заглушил взор.

— Здесь госпожа я! И не потерплю такого!

Брэк опешил. Он подумал, что девушка сейчас бросится на него с кинжалом, и приготовился защищаться. Но вместо этого она пронеслась мимо него и побежала к декоративной решетке, прикрывавшей одну из стен. Тронув резную деревянную панель, она поспешила по ведущим вверх ступеням открывшегося в толще камня тайного прохода и в мгновение ока исчезла из виду.

— Гвардейцы! Сюда! Мечи наголо!

Брэк остался в одиночестве. Он был совершенно сбит с толку. Где-то в каменных коридорах снаружи перекликались солдаты Нордики. Потом раздался еще один, отличный от других крик — крик страха. Брэк кинулся к лестнице. Вот он, шанс вырваться...

На полпути он резко остановился — в проход толпой ввалились стражники, толкающие перед собой упирающегося человека. Одежда на пленном была разорвана, а у гвардейца, подгоняющего его слева, в руке виднелся лоскут черной ткани с серебряной отделкой. Человеком этим был Тамар Зед. Нордика появилась вслед за солдатами, обошла их и остановилась перед раскрасневшимся магианцем. Тот махнул рукой в сторону воинов:

— Эти наглые собаки посмели прикоснуться ко мне!

— По моему приказу, — отрезала Нордика. — Когда я показала тебе глазок в решетке, магианец, то сделала это лишь для того, чтобы мы сообща могли наблюдать за работой отца здесь, в кабинете.

Магианец покраснел еще сильнее. Нордика обратилась к Брэку, указывая на решетку:

— Смотри, варвар. Третий промежуток в правом ряду. Отверстие ведет в крохотную каморку, примыкающую к этой комнате. Минуту назад мне почудилось, будто там мелькнуло что-то белое, словно соглядатай прильнул к глазку. Я не ошиблась.

Брэк разглядел небольшую дырочку в решетчатой панели лишь теперь, когда ему подсказали, где искать. Магианец тем временем оправился от неожиданности, расправил плечи и выглядел даже более высокомерно, чем обычно.

— Так он подглядывал за нами? — спросил варвар. Нордика кивнула:

— Он утомил меня своей дурацкой ревностью.

— Да. Я был дураком, веря всему тому, что ты говорила мне! — воскликнул Тамар.

— Особенно когда говорила, будто ласки твои дарят мне наслаждение? — Нордика опять усмехнулась в привычной своей манере. Она подошла к магианцу и коснулась его щеки. — Возможно, когда-то так и было. Но

теперь... нет. — Она без всякого предупреждения вдруг глубоко вонзила ногти в его плоть.

Магианец закричал, а девушка со смехом отпрыгнула в сторону. На щеке Тамара выступила кровь.

— Ответь мне, с чего это тебе вздумалось шпионить за мной? — потребовала колдунья.

Черные брови Тамара сошлись к переносице. Он тронул пальцами окровавленную щеку.

— Почему ты унижаешь меня перед ним, Нордика? — невнятно проговорил он. — Заклинаю тебя, не веди себя так. Не позорь меня.

— Да кто тебя позорит, ревнивый идиот? Ты сам позоришь себя!

Тамар был настолько удивлен, что еле нашел в себе силы ткнуть пальцем в Брэка.

— Поверить не могу, что ты кривляешься и позируешь перед этим... этим ублюдком, этой деревенщиной с тупой рожей!

— Зато мужского в нем больше, чем ты мог бы обрести за десять жизней!

Ведьма явно переборщила. Тамар, не сдержавшись, сделал два быстрых шага вперед. Нордика подала сигнал гвардейцам. Дротики солдат блеснули на свету, готовые к броску. Магианец, заметив движение уголком глаза, застыл на месте. Снедающая его страсть отлилась в обличительных словах:

— Обращаться со мной так, зная о моих чувствах по отношению к тебе... — Тамар осекся и замолчал, злобно глядя на острия копий.

— А что бы ты сделал с чужаком на моем месте? — глумясь, поинтересовалась она.

— Убей его, — выдохнул Тамар. — Скорми Алой Пасти.

— А что, если я откажусь? Что ты будешь делать тогда? Уберешься ты, наконец, из моего дома? Что-то я сомневаюсь. Ведь только я одна знаю секрет. Одной мне известно, как провести все последние — важнейшие — фазы ритуала: как призвать ветер, как заполучить жизненную силу жертв... И разве сможешь ты забыть удовольствия, что я дарила тебе? Кто

знает — может, я не так уж и зла, чтобы совсем лишить тебя их?

Несколько бесконечных секунд Тамар Зед пожирал глазами Нордику. Во взгляде его читалась любовь пополам с ненавистью. Потом он прошептал дрожащим, срывающимся голосом:

— Ты слишком хорошо меня знаешь. И знаешь, что я не в силах покинуть ни это место, ни тебя.

Нордика громко засмеялась — искренне, с удовольствием:

— Иди, Тамар, и никогда больше не давай мне повода уличить тебя в подглядывании, иначе все дураки этого королевства скоро будут шептаться об еще одной смерти.

Запахнув разорванное одеяние, Тамар Зед удалился. Пытаясь сохранить поруганное достоинство, он подымался по лестнице, задрав кверху острый подбородок. Лишь один раз он оглянулся, чтобы посмотреть на Брэка. И черные его глаза обещали варвару такое, рядом с чем даже смерть — ничто.

После ухода магианца Нордика отпустила и гвардейцев. Когда дверь с грохотом закрылась за ними, она, как ни в чем не бывало, указала на подушки в центре зала:

— Посиди со мной немного, Брэк. Выпей бокал вина.

— Не вижу для этого ни малейшего повода.

Она протянула руку к его лицу. Внутри у варвара все болезненно сжалось — он был почти уверен, что сейчас острые ногти вопьются в его тело. Вместо этого он ощутил нежнейшее прикосновение. Глаза колдуньи увеличились до размеров двух зеленых лун, и таящаяся в них колдовская сила вновь овладела Брэком. Это было как обморок, бред, помрачение рассудка — он видел перед собою лишь странные завихрения внутри заслонивших все зрачков ее глаз. В ушах его зазвенел резкий порыв ветра и принес с собой ее слова:

— Будь нежен со мной, варвар...

Нежен? Когда она готовит его на заклятие? Брэку хотелось закричать, но сделать этого он не смог —

магическая сила светящихся очей запечатала его уста, оставив открытыми только уши — для речей колдуньи:

— Да, да, нежен. Ты могуч, и могучи таящиеся в тебе страсти. Но ведь и я такая же. Ты можешь подумать, что никогда не имел дела с женщинами, подобными мне, но это не так. Ты ведь и сам это знаешь? Что, не можешь говорить? Признайся же, мы не чужие друг другу. Мы давно уже знакомы...

Что-то неуловимо изменилось в окружающей обстановке. Брэк едва сумел побороть томительную вялость и головокружение, наколдованные голосом и глазами колдуньи. Брэк поглядел на Нордику, — уста ее были сомкнуты, губы блестели.

— Ты не ответил мне, Брэк. Разве тебе не нравится мое предложение? Будь со мной...

— Нет, — вымолвил он непослушными губами. — Пусть магианец волочится за тобой, если хочет. Но не я. Не люблю подержанные вещи.

Она дважды ударила варвара по лицу. Голову Брэка откинуло назад — удары оказались неожиданно сильны.

— Будь осмотрителен, варвар, — прошептала колдунья в ярости. — Я могу подарить наслаждение большее, чем любовь, но могу устроить и так, что ты никогда не увидишь света этого мира...

— Ведьма, да я скорее стал бы целоваться с трупом... — Брэк восстановил самообладание.

Нордика побелела.

— Да будет так! Гляди же, ты сам выбрал темницу. Там, в оковах, во тьме, тебя уже ожидают другие жертвы.

Она взбежала вверх по ступенькам — платье ее развело на бегу — и толчком распахнула дверь.

— Стражники! Взять его! Меня уже тошнит от крестьянской вони. Бросьте его вниз к остальным.

Солдаты окружили варвара, схватили за руки. Когда они выводили его в коридор, Брэк бросил последний взгляд на Нордику Огнегивую, оставшуюся в одиночестве в зеленоватом сумраке комнат. В полутьме пылали ее гневные и таинственные глаза.

В мозгу его звенели странные слова колдуньи: «Мы не чужие» — и ужас вполз в его сознание от одной

посетившей Брэка мысли. Бог весть что их породило, но жуткие вопросы роем закружились в его мозгу. Действительно ли дочь Септенгундуса погибла в Ледовых пределах? Умерла ли Ариана из Ада от удара в спину отцовским кинжалом? Ведь пророчил же Септенгундус: «Я последую за тобой...»

Стоп! Нордика — это Нордика, и ничего больше. Но так ли? Ведь варвар подумал об Ариане только потому, что ему довелось сходным образом отказать обеим женщинам, взывавшим к наиболее животной части его естества.

Сердце северянина заныло при воспоминании о Рее, королеве Фриксоса. Насколько проще было бы остаться с нею и избавиться от всех этих тягот и злоключений...

«Довольно! — сказал он себе. — Думать стоит только о том, как быть дальше».

Гвардейцы вели Брэка сырыми, плохо освещенными коридорами, и, когда они неожиданно вышли под открытое небо и прошли по короткому отрезку стены, соединявшему две башни, Брэк ощутил неслыханное наслаждение от свежести пропитанного туманом воздуха, омывшего его лицо.

Вдруг снизу донеслись лязг оружия, крики и ужасающее рычание. Конвой остановился. Один из солдат подбежал к краю стены и, перегнувшись через парапет, глянул вниз.

— Принц, — воскликнул он, осклабившись, — с целой компанией приятелей. Держу пари, явились выручать эту скотину. Госпожа уже спустила на них Алуу Пасть.

Брэк рванулся к парапету. Руки схватили его за плечи. Воины колдуньи царапали ему спину, били по голове древками копий, но Брэку все же удалось стать свидетелем кошмарной сцены, разыгрывающейся на дороге, ведущей к замку.

Огромный пес с непробиваемой серо-стальной шкурой прыгал, окруженный дюжиной воинов. Широкие мечи не оставляли даже царапин на боках чудовища. Люди и кони падали, перекушенные едва не пополам ужасными челюстями. Кровь лилась рекой.

Копье ударило Брэка по голове за ухом, картина перед глазами варвара расплылась и потемнела. Он выкрикнул имя Пеммы, но принц, конечно же, не услышал. Увидев, что погиб последний из его людей, Пемма развернул коня и пустил его вскачь вниз по дороге.

Алая Пасть помчался следом.

Пес вернулся очень скоро. С высунутого языка на землю капали красные капли. Брэк понял, что у него больше нет надежд. А может, ее и не было никогда.

С диким криком он обернулся и, решив продать свою жизнь подороже, бросился на конвоиров.

Полдюжины коний тупыми концами, как молотами, обрушились на его голову. Брэк повалился лицом вперед.

Отчаяние зародилось в его сердце за миг до того, как свет солнца померк.

Глава 6

ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ, ВОДА

Очнувшись, Брэк решил, что время повернуло вспять и он снова у колодца Червя Червей. Прямо над головой он увидел овал знакомого миловидного лица.

Затылок ломило от боли. Шевельнувшись, он ощутил тяжесть на запястьях. Звякнула цепь.

Потом он расслышал перешептывания. Едва различимое в неясном свете лицо девушки, казалось, плавало в воздухе. Постепенно оно обрело четкость очертаний. Девушка повернулась и сказала в темноту:

— Он пришел в себя. Это тот самый странник, о котором я рассказывала вам. Тот, что помог мне. Он называет себя Брэк.

— Так поинтересуйся, нет ли у него каких-нибудь умных идей насчет того, как помочь нам, — ответил высокий мужской голос.

— Где... — Брэк запнулся, сморгнул. — Что это за место? Еще одна темница?

— Увы, — спокойно отозвался третий голос, он был куда ниже и грубее второго, рокочущий бас. — Мы в

глубоком подземелье, в темнице ведьмы. Спрячась я вместо того, чтобы гордо стоять на своей земле, когда всадники налетели на мою кузницу, не сидел бы сейчас со всякими свиньями.

Высокий голос воскликнул:

— Мы все в одинаково бедственном положении, Рунга, так что давай не ссориться.

— Я сам приглажу за собой, одноногий. И тебе тоже самое советую, — ответил Рунга.

Несколько освоившись в темноте, Брэк смог разобрать некоторые детали внутреннего убранства подземного каземата. Это было большое сводчатое помещение с застланым соломой полом. Под сводами гуляло зловещее гулкое эхо голосов. Единственным освещением был свет лампы, проникающий из коридора сквозь отверстие в окованной железом двери. В полумраке Брэк изучал лицо пастушки, стоявшей над ним на коленях.

— Элинор, — позвал он. — Как ты попала сюда?

— Я хотела задать тебе тот же вопрос. Двое нордиковских служак поймали меня в холмах за берлогой Червя в тот самый день, когда я встретила с тобой. С тех пор я здесь, закована в цепи и теряюсь в догадках, что нужно от меня этим людям.

Элинор подняла правую руку, демонстрируя толстый железный браслет на запястье. От него цепь шла к такому же на левой руке Брэка. Посередине этого отрезка цепи крепилась другая цепь, идущая к кольцу, закрепленному в скользком камне стены.

Приблизились два других обитателя темницы. Рунга оказался дородным, широким в кости и выглядел настоящим силачом. Другой мужчина был стар и тощ, с деревянным протезом на месте левой ноги. Мужчины оказались скованы одной цепью таким же образом, что и Брэк с Элинором.

— Что им от нас нужно? — повторил Брэк. — Это я могу рассказать тебе, Элинор. — Он приподнялся на локтях. — После того, как ты сбежала от меня у пещеры Червя Червей, мне показалось, что кто-то наблюдает за мной из-за скал. Должно быть, это были солдаты Нордики.

— Вероятно, так.

Брэк бережно коснулся ее руки:

— Я постараюсь по возможности точно передать то, что услышал от колдуньи. Тебя доставили сюда потому, что ты живешь высоко в горах и, значит, можешь символизировать элемент воздуха в ритуале, который она планирует провести. Я занял место принца Пеммы, который должен был изображать землю. Ты... — Он указал на Рунгу, чье широкое лицо выглядело очень недружелюбно. — Я слышал, ты упомянул кузню, верно? Стало быть, ты кузнец?

Рунга кивнул:

— Причем лучший в этих краях. Вернее, был, пока чертова баба не умыкнула меня.

— Полагаю, она выбрала тебя потому, что ты тесно связан с огнем. Что касается тебя, незнакомец...

— Дариосом меня кличут, — просипел одноногий; в его проколоте ухе покачивалась золотая серьга. — Не вполне понимаю, о чем ты говоришь, но моя роль мне ясна. Я был помощником капитана на торговой галере, совершающей рейсы из Порта Ножей. Две недели тому назад я покинул морское побережье, чтобы съездить на родину, — умер мой брат. После похорон я собрался возвращаться в порт. На пути через эту страну, на постоялом дворе, где я остановился на ночь, меня схватила банда вооруженных людей. Ответь мне на один вопрос: мы, судя по всему, очутились в логове какой-то психопатки, и если каждый из нас представляет одну из стихий, то мне, я полагаю, быть водой. Но какой во всем этом смысл?

Как можно доступнее Брэк пересказал кое-что из того, что узнал от Нордики, — по крайней мере, то, что можно было обсуждать открыто. Свои личные подозрения он предпочел оставить при себе. Он описал суть ритуала, насколько сам ее понял, — четыре человеческих жертвы, каждая из которых олицетворяет одну из стихий.

— Так вот, чтобы ритуал увенчался успехом, колдунья вынуждена ждать сезонного усиления ветров. Тогда, по ее словам, она призовет четыре великих ветра с четырех сторон света. И настанет наш черед.

— Милости! — в ужасе возопил моряк Дариос. — Великие боги, о милости молю я вас. Кто бы мог подумать, что мне выпадет такая ужасная судьба!

Со злобным рычанием Рунга подскочил к нему и ударил тщедушного старика.

— Заткнись ты со своим мяуканьем! Нытьем делу не поможешь.

— Равно как и делая больно тому, кто слабее тебя самого, — тихо сказал Брэк. — Моряк ведь прав — беда у нас одна на всех, общая.

— Правда? — Толстые губы Рунги изогнулись недовольно. — А тебя кое-кто уже назначил нашим предводителем?

В могучем теле варвара вскипал гнев. Усилием воли он подавил его, сдержав рвущееся с губ оскорбление. Элинор тихонько заплакала. Слезы прочертили серебряные дорожки на ее щеках. Брэк положил руку на ее плечо поверх шерстяного платья, и от этого прикосновения она немного успокоилась и притихла.

— Обязательно должен существовать какой-то способ бежать отсюда, — сказал Брэк, сам не очень в это веря, — и мы найдем его. У нас есть еще время до того, как мы понадобится колдунье в качестве жертв.

Элинор вздрагивала у его груди, охваченная ужасом.

— Отсюда нет выхода.

— Честно признаться, — вставил Рунга, присевший на корточки и как-то сразу ставший похожим на громадную человекообразную обезьяну, — я бы в жизни не оказался жертвенным бараном, если бы колдунья не... гм-м... оказала мне кое-каких знаков внимания. Никогда прежде, даже среди шлюх, не имел я женщин, подобных этой. И если кто-то из вас полагает, что меня вероломно предали, он совершенно прав.

Дариос подергал кольцо в ухе и обратился к Брэку:

— Эта женщина здорово затуманила мозги нашему другу. Он ни о чем другом, кроме нее, и говорить не может с тех самых пор, как охранники втолкнули его сюда.

Брэк презрительно заворчал:

— Тогда у тебя должно быть некоторое представление о том, насколько прогнила ее душа, кузнец.

Рунга сплюнул на устланный соломой пол:

— Я сам позабочусь о том, как выбраться отсюда, и обо всем остальном тоже. Это мое дело, и ничье больше.

Накопившаяся усталость накатила на Брэка. Он сел, согнувшись, цепь на его запястье звякнула.

— Выражайся яснее, кузнец. Жестокий рок свел вместе нас четверых в этом каменном мешке. Нам уготована смерть. Я не собираюсь в бездействии ждать, пока Нордике не вздумается убить нас. Думаю, эта девушка и наш друг моряк согласятся со мной. Но вот как насчет тебя? С нами ты или нет?

Уродливая ухмылка скривила лицо Рунги.

— Я сам по себе, чужак. Делаю, что хочу и когда хочу. Если это медноволосое создание поманит меня и позовет к себе, что ж, может, я и пойду. Если вам это не нравится, то и черт с вами! Теперь все ясно? По-моему, даже полуголый дикарь должен бы сообразить...

С яростным криком Брэк прыгнул во тьму каземата. Короткая цепь рывком остановила его, но он все-таки ухитрился сжать пальцами горло Рунги.

— Ты готов продаться этой мерзкой шлюхе, обрекая остальных на смерть?..

Задышавшись и кашляя, кузнец бился в стискивающих его шею могучих руках. Неожиданно Брэк понял, что слепой безотчетный гнев толкает его на жестокое да и ненужное убийство. Он разжал пальцы.

И тут обезумевший от ярости Рунга бросился в ответную атаку. Его колено с силой ударило варвара в пах. Брэк задохнулся. Рунга попытался накинуть на шею Брэку импровизированную петлю из собственной цепи.

Взметнулась желтая шевелюра — Брэк отшатнулся. Едва обретя способность дышать, он приготовился продолжить схватку, которую сам же и начал.

— Прекрасно, — проревел Рунга, — давайте поглядим, кто же правит нашим маленьким тюремным королевством.

И тут между ними встал моряк Дариос.

— Перестаньте, вы оба! Это ничего нам не даст!

Элинор потянула Брэка за руку, но он не обратил на девушку никакого внимания.

— Надо воздать этому болвану по заслугам.

— Ты уже позабыл обо всех остальных? — Элинор всхлипнула. — Еще минуту назад ты говорил, что, только действуя сообща, мы сможем вырваться из этого места. Я поверила тебе! И теперь ты собираешься сделать наше спасение невозможным — мы окончательно лишаем себя шансов, проливая кровь друг друга...

— А я бы с удовольствием посмотрел, какого цвета его кровь, — загоготал Рунга. — Небось она такая же рыжая, как его башка.

Брэк вскочил, горя желанием прикончить кузнеца. Но отчаянные призывы и мольбы пастушки и Дариоса проникли-таки в его затуманенное яростью сознание, поэтому он с негодующим рыком выпустил из рук цепь, которую намеревался использовать как оружие. Она глухо звякнула об пол.

Варвар отер ладонью пот со лба и сказал:

— Вы правы. У нас сейчас на счету каждая рука и каждая голова. И без того проблем больше чем надо.

— Говоря о недостатке голов, ты, конечно, имеешь в виду себя, а, варвар? — изголялся Рунга. Видя, что его колкости не достигают цели, он повернулся к Брэку спиной и устроился, хихикая, в углу камеры, явно довольный собой.

Брэк посмотрел на кузнеца. Он испытывал отвращение к самому себе за то, что позволил задире одержать над ним верх, но в то же время понимал, что теперь отвечает за других узников. Ведь он был сильнее, выносливей и куда опытнее в ратных делах. И то, что они говорили об объединении усилий, было правильно.

Повернувшись спиной к стене, варвар присел под кольцом, к которому крепилась цепь. Элинор последовала его примеру и села неподалеку. Дариос свернулся калачиком на полу, пытаясь уснуть. Никто не промолвил ни слова.

Брэк то и дело бросал взгляды на Рунгу. Большие темные глаза кузнеца поблескивали. Возможно, было бы лучше для всех, если бы он убил Рунгу в схватке, подумал Брэк. Увлечение кузнеца Нордикой могло таить в себе серьезную угрозу для них. В следующий момент

Брэк уже мысленно смеялся над собой: какую угрозу? Ведь думать, что у них есть реальный шанс бежать из этой темницы, чистое безумие. Стены, равно как и цепи, надежны и крепки...

Некоторое время они с Элинор провели, переговариваясь шепотом. Брэк поподробнее рассказал ей о том, что выяснил у Нордики относительно ее планов. Элинор в ответ поведала ему, как она была похищена всадниками медноволосой колдуньи.

Вскоре в замке заскрежетал ключ. Вошли двое солдат, один из них нес фонарь.

Первый слегка уколол Брэка в грудь острием копья:

— Вставай, желтоволосый. Нам приказано доставить тебя к госпоже еще раз.

— А я-то полагал, что мы уже разрешили все наши проблемы.

— Это уж госпоже решать. — И солдат обратился к своему спутнику: — Отомкни кольцо от каменного блока. Чтобы вывести этого бугая, нам придется взять и девочку.

Подойдя к стене, второй тюремщик вставил большой медный ключ в отверстие под замыкающим цепи кольцом.

Брэк нахмурился: зачем Элинор должна сопровождать его? Ведь солдаты могли с таким же успехом разомкнуть наручные кандалы.

Брэку не дали времени разрешить эту задачу. Солдаты отсоединили их цепь от кольца и повели узников в коридор — один держал конец цепи, другой фонарем освещал дорогу. Брэк обнял рукой вздрагивающие плечи девушки.

Рунга пристально смотрел вслед удаляющемуся варвару. Тот же, чувствуя спиной этот взгляд, поражался слепоте кузнеца. Как можно было так безумно и страстно желать Нордику?

— Сворачивайте в левый тоннель, тот, что ведет вниз, — приказал стражник.

— Вниз? — удивился Брэк. — Я думал, что мы и так на самом дне этого вместилища порока и чародейства.

Солдат промолчал.

Элинор вопросительно посмотрела на Брэка, она тоже осознавала странность ситуации. Из ниш по обеим сторо-

нам ведущего вниз коридора на них пялились крошечные красные глазки, слышалось какое-то неприятное пощелкивание. Брэку показалось, что он разглядел в одной из ниш человекоподобное личико. Какая-то скульптура? Но они прошли мимо слишком быстро, чтобы Брэк смог рассмотреть, что там скрывается.

Почему же Нордика вызвала их в самое глубокое подземелье замка? Ее приемная зала располагалась на более высоком уровне. Подозрения Брэка росли с каждым шагом.

После бесчисленных поворотов коридор снова пошел прямо. На большом удалении друг от друга чадили вставленные в опоры на стенах факелы. Жаркий воздух пропитался сыростью. Трещины в стенах заросли переливчатой голубоватой плесенью. Впереди Брэк заметил освещенный прямоугольник. Дубовая дверь была полуоткрыта. Гвардейцы грубо втокнули туда пленников. Зацепившись ногой за провисшую цепь, Брэк упал внутрь помещения на четвереньки. Вскрикнула Элинор — резко натянувшаяся цепь болезненно дернула ее за руку.

Брэк поднял голову.

Первое, что он увидел, была зияющая черная дыра высотой в человеческий рост и вдвое больше в ширину, из которой шел отвратительный и очень знакомый запах. Массивный круглый камень был сдвинут в сторону от отверстия при помощи головоломной системы деревянных рычагов и каменных валов. Брэк услышал шарканье шелковых домашних туфель, посмотрел вверх...

...и встретился взглядом с черными глазами Тамара Зеда. Магианец подошел ближе и встал перед ним.

— Маленькая военная хитрость, варвар. Нордика Огнегривая сейчас спит. Если ты тем временам исчезнешь, даже она не в силах будет что-либо с этим поделать.

Перепуганная насмерть, Элинор прижалась к Брэку.

— Но солдаты сказали, что нас вызвала Нордика.

— Ложь, — сказал Брэк. — Магианец был любовником Нордики, а тут его подружка решила пококетничать со мной. И хоть я ни за что не коснулся бы ее даже пальцем, в Тамаре Зеде достаточно ревности, чтобы он решил прибегнуть к этой уловке и избавиться от меня.

Слушая разоблачения Брэка, чернобородый магианец улыбался все шире и шире.

— Ну что ж, магианец. Убей меня, и дело с концом, — завершил Брэк свою речь, непривычно для него длинную и витиеватую.

Тамар Зед покачал головой:

— Не так быстро.

Он вразвалочку подошел к отверстию в стене и постучал костяшками пальцев по огромному каменному диску.

— По правде говоря, я вовсе не собираюсь прикасаться к тебе. Видишь этих двух молодцеватых солдат? За пару пригоршней монет они поклялись хранить молчание о нашем ночном randevu. Так вот, я велю им бросить вас в этот пролом, потом они задвинут камень на место. По этому самому пути мы с Нордикой однажды отправили старого Цельсуса. Говорят, он ведет на самое дно Земли. Там, внизу, ты будешь обниматься с костями алхимика, пока не сдохнешь от голода или не сойдешь с ума. Вполне подходящий для тебя конец.

Брэк покачал головой в изумлении:

— И ты рискнешь вызвать гнев своей хозяйки, избившись от меня таким образом?

— Да я решусь и на худшее дело, лишь бы она оставалась моей!

— Выходит, ты еще извращеннее, чем я предполагал, — сердито ответил Брэк.

На щеках магианца выступила краска.

— Невежественная скотина! Ты даже представить себе не можешь, какой властью она обладает!..

— Я знаю только, что она для какой-то, одной ей ведомой, цели прибрала тебя к рукам, так же, как орлиные когти хватают крохотного птенца. Но если птенец не может сопротивляться силе, то мужчина-то может.

— Да что ты, знаешь о ней, кусок дерьма?

— Она настолько сильна, что может превратить человека в пресмыкающееся? — эхом откликнулся Брэк.

— Я делаю то, что считаю нужным! — разбушевался Тамар.

— И в грязи ползаешь по собственному желанию? — спокойно поинтересовался варвар.

— Если на то есть основания — да! — Тамар сорвался на крик.

— Нет силы ни в аду, ни в каком ином месте; способной победить человеческий дух, пока сам человек продолжает бороться и не позволяет ей этого!

К тому моменту ярость Тамара Зеда, казалось, истощилась. Губы его сложились в жалкую, почти бессмысленную улыбку. Тень в глазах его углубилась, и во всем облике этого мертвенно-бледного человека улавливалась какая-то странная, омерзительная вялость.

— Тебе не дано знать, чужак, — сказал он, — не дано...

Напряженное молчание.

Тамар коснулся блестящей от пота щеки, моргнул несколько раз, затем указал на наручники Брэка, обращаясь к охране:

— Раскуйте его и бросьте в тоннель.

Солдаты бросились выполнять приказ. Один выхватил кинжал и приставил к горлу Элинора. Предупреждение было недвусмысленным, — начини Брэк сопротивляться, нож немедленно вонзится в тело девушки.

Сдерживая кипящую внутри ярость, боясь, что пастушка будет убита, Брэк замер, как пораженный ударом огромный зверь, пока ключ размыкал оковы. Цепи со звоном упали на пол. Из темного угла комнаты появился Тамар Зед, неся в руках что-то длинное и сверкающее. Брэк с удивлением узнал собственный двуручный меч.

— Возьми его, варвар, — сказал магианец, просяив. — Возьми с собой туда вниз, куда бы ни вел тоннель. Тогда ты сможешь провести остаток дней своих, доказывая свою храбрость, сражаясь с темнотой. — Тамар кивнул солдатам: — Бросайте его!

Солдаты среагировали мгновенно. Один все так же держал Элинора, другой втолкнул Брэка в черноту прохода, за массивный камень. Тамар швырнул следом меч. Металл зазвенел о камень.

— Я возьму кинжал, — сказал магианец, скользнув за спину Элинора.

Когда он сменил стража, оба солдата прыгнули к рычагу — деревянной колоде. Налегли на него всем своим весом. С треском камень начал поворачиваться.

Тамар склонился к уху Элинора и принялся что-то нашептывать девушке. Пастушка покраснела. Смеясь, магианец потребовал ключи от ее оков. Один из солдат бросил ему связку. Тамар ловко поймал ее, и спустя несколько секунд кандалы слетели с рук Элинора.

Теперь в руках у Брэка был меч. Он стоял в темном тоннеле, глядя на край громадного жернова, неумолимо движущегося, перекрывая отверстие. Уже наполовину закрывший его, круглый камень двигался со все нарастающим грохотом.

Пальцы Брэка до боли стиснули рукоять меча. Как бы он хотел нырнуть назад в комнату и насадить на острие солдат и магианца. Только вот нож Тамара все еще трепетал у нежной шеи девушки-пастушки. Северянин слышал его шипящий голос:

— ...а когда камень вкатится на место, я смогу поразвлечься с тобой, детка. Нордика в последнюю нашу встречу была не очень-то любезна со мной. И не слишком щедра на ласки. Но ведь ты же не станешь возражать, если я...

Остальные слова Брэку не удалось различить, так как Тамар снова склонился к уху Элинора. Его свободная рука скользнула по ее обнаженной руке, постепенно поднимаясь вверх...

А чудовищный круг катился — отверстие закрылось уже на три четверти.

Хватая ртом воздух, Элинора билась в руках магианца. Тот засмеялся и снова зашептал. С неистовым криком ужаса пастушка рванулась к Брэку.

Тамар протянул руку ей вслед:

— Задержите ее!

Опоздав лишь на миг, солдаты столкнулись друг с другом. Тамар перехватил кинжал для броска и с силой метнул его.

Но Элинора оказалась быстрее. Кинжал сверкнул у нее над головой и вонзился в стену на долю секунды позже, чем она бросилась в отверстие тоннеля.

— Откатите камень назад! — завопил Тамар. — Эта девка нужна Нордике...

— Слишком поздно, господин, — прокричал в ответ солдат. — Теперь собственный вес толкает камень вперед.

Элинора врезалась в Брэка и схватилась за него, стараясь удержаться на ногах. Щель между стеной и камнем становилась все уже... уже... пока не исчезла совсем.

Бешеные крики Тамара стихли. Брэк заморгал во внезапно наступившей полной тьме. Он ждал, пока не успокоится рыдающая у него на груди Элинора.

— Нам надо двигаться, милая, куда бы ни вел этот проход. Мы должны уйти подальше, пока наши враги снова не отодвинули камень. На крайний случай у меня есть меч, и лучше оказаться здесь, в неизвестности, полагаясь на самих себя, чем быть заточенными в каменном мешке. Ты меня слушаешь?

— Д-д-да, — проговорила она.

— Тогда держись за мою руку и пошли. Я поведу тебя.

Пальцы девушки оказались холодными. Брэк осторожно занес босую ступню над скользким полом тоннеля и... сделал первый шаг. За ним другой. Брэк шел вытянув вперед руку с мечом, ощупывая перед собой каждый метр подземного коридора.

— Магианец сказал, что тоннель ведет к самому сердцу Земли, — дрожа, выдавила Элинора.

Брэк потянул носом воздух:

— Или в куда худшее место.

— Что ты имеешь в виду?

— Так, неважно.

Необходимо было спешить. Брэк разрывался между желанием двигаться побыстрее и необходимостью избегать возможных препятствий и ям. В какой-то момент ему показалось, что он слышит крики, проклятия, даже топот ног, словно камень снова отодвинули и воины колдуньи пустились в погоню. Он остановился и повернул голову, прислушиваясь.

Вскоре все стихло. Очевидно, Тамар Зед и подкупленные им подручные решили прекратить преследование.

У Брэка промелькнула крамольная мысль: не лучше ли было бы вернуться в комнату и сражаться, чем блуждать во тьме.

Брэк выстукивал путь вдоль стены прохода, идущего все вниз и вниз в крошечную тьму. И вдруг его вытянутый вперед меч провалился в пустоту.

— Назад! — Крик варвара заглушил стук камней, посыпавшихся в бездонную тьму из-под скользнувшей правой ноги. Элино́р с силой дернула варвара за руку, оттаскивая от обрыва.

Тоннель заканчивался узким каменным выступом, и беглецы едва не рухнули в ничто. Брэк стоял, с трудом переводя дух.

— Вот так они, должно быть, и избавились от Цельсуса Гиркануса. Они не стали убивать его, а просто загнали сюда. Медленная смерть в пещере, ведущей в никуда. Или, возможно, он упал в... в...

Слова застряли у него в горле. Он вдруг осознал, что тьма вокруг уступила место сочащемуся откуда-то неверному слабому свету. Брэк вскинул голову в поисках его источника. Далеко вверху тусклый свет проникал в подземелье сквозь то, что, вероятно, было круглой дырой в земной поверхности. Брэк судорожно схватил за руку Элино́р, внутри у него похолодело от ужаса.

— Не приходится удивляться тому, что Цельсус исчез навсегда. Магианец не имел и представления о том, куда ведет этот тоннель. Но я теперь знаю это.

— Брэк, послушай! Где-то внизу странный такой шум...

— Камни, которые я нечаянно столкнул, разбудили чудовище, — прошептал Брэк, ощутив массивный двуручный меч, поблескивающий в его руке, не более чем детской игрушкой. — Я признал этот мерзостный смрад. Мы попали в...

Он не смог заставить себя произнести это вслух и вместо слов ткнул пальцем вниз за край обрыва.

Внизу горели красным два огромных глаза.

Элино́р узнала их, едва увидев. Глаза ее полезли из орбит, она закрыла ладонью рот и тихонько завывала.

Горящие во тьме глаза с каждой секундой увеличивались в размерах, невольно наводя на мысль о поднимающейся из глубин ада ужасной твари. И точно — чудовище подымало голову на чешуйчатой, невероятно длинной извивающейся шее. Огромные белесые челюсти были утыканы копьеобразными зубами, поблескивающими в тусклом свете, поступающем сверху.

Брэк с ужасом почувствовал свою абсолютную беспомощность перед лицом чудовища. Он как зачарованный смотрел на грандиозную голову, движущуюся из невообразимых недр по направлению к двоим людям, замершими над каменным колодезем. Ближе... Еще ближе... Еще...

Червь Червей полз разобраться с крохотными букашками, осмелившимися потревожить его сон.

Глава 7

ПЛЕННИКИ КОЛОДЦА

Пастушка Элино́р узнала создание, в чье логово их, сам того не зная, бросил магианец. Пальцы ее стиснули широкое предплечье варвара, лицо превратилось в застывшую маску ужаса. Девушка тесно прижалась к могучему воину, единственной ее защите.

Элино́р начала всхлипывать.

— Тихо, девочка! Может быть, если мы затаимся и не будем кричать, чудовище нас не заметит?

Но, видимо, пережитых страхов оказалось слишком много для Элино́р, и, прежде чем Брэк смог помешать ей, она пронзительно завизжала. Ее всю трясло. Слишком поздно... Брэк зажал девушке рукой рот, пытаясь заглушить ее крики. Элино́р принялась отбиваться. Она извивалась, стонала, молотила кулачками по держащим ее мускулистым рукам.

Брэк вышел из себя и грубо встряхнул девушку, голос его был тих, но грозен, в нем звенела сталь:

— Я сказал: тихо! Ты только беспокоишь чудовище своими воплями.

Глаза Элинора широко раскрылись — только теперь до нее дошел смысл сказанных Брэком слов. Издав негромкий жалобный стон, она слабо кивнула. Варвар несколько ослабил захват руки, зажимавшей губы Элинора.

Вдруг стены пещеры задрожали от грохота, в колодезь посыпались камни — то Червь забил своим громадным хвостом. Гнилостная вонь, исходившая от твари, наполнила воздух. Элинора перестала рыдать, и Брэк отпустил ее, легонько подтолкнув к стене от края узкого каменного козырька, где они оба стояли. Затем понадежней обхватил рукоять меча и наклонился вперед, выглянув за край выступа.

Голова Червя на длинной гибкой шее росла подобно какому-то отвратительному грибу. В центре чудовищной морды, размерами втрое больше роста Брэка, зловеще светились овальные красные глазищи с вытянутыми черными зрачками.

Желтоволосый варвар попытался представить, какой же формы тело чудовища, скрытого тьмой колодца. Вероятно, оно было змеевидным и колоссальной длины. Он разглядел две гибкие передние лапы, каждая из которых была вооружена дюжиной больших, как лезвие косы, когтей. Тварь использовала эти когти, чтобы тащить свое тело кверху, цепляясь за отвесные стены колодца. Червь поднимался, а его громадная голова тем временем покачивалась из стороны в сторону, красные глаза обследовали сумрак пещеры.

Вот голова Червя достигла края колодца. Чудовище исторгло рев из необъятной глотки, да такой громкий, что у Брэка заломило в ушах. Из тьмы метр за метром появлялся грандиозный хвост, которым пришедший в бешенство Червь колотил по стенам, производя сотрясение всей пещеры. Брэк почувствовал, как дрогнул каменный выступ под его ногами, — по его поверхности зазмеилась узкая трещина длиною в руку.

Брэк отшатнулся к стене, прижавшись к Элинору и не отрывая глаз от чудовища. На лбу варвара выступила испарина. Брэк замер, как статуя, чуть дыша, с мечом наготове.

Голова чудовища мотнулась вперед. Огромные челюсти раскрылись, обнажив длинные острые клинья зубов. Облако гнилостной вони исторглось из глотки, вызвав у Брэка приступ тошноты. Червь ткнулся рылом в уступ, где стояли люди, будто обнюхивая его. Элинора снова начала тихонечко всхлипывать, не в силах совладать с собой. Но варвар не рискнул повернуться, чтобы заставить ее замолчать. Малейшее движение могло привлечь внимание Червя Червей.

Но рыдания пастушки становились все громче. Червь взревел, красные глаза вспыхнули ярко, как два маяка. Он был так близко от людей, что варвар запросто мог бы вытянуть руку с мечом и острием достать до морды чудовища.

Исполинское змеиное тело чудовища свивалось в кольца. Вдруг хвост твари обрушился на противоположную стену провала. Гром титанического удара — и с потолка лавиной посыпались камни. Казалось, весь мир содрогнулся. Выбитые из стен булыжники застучали о голову чудовища. Взылась вверх змеиная шея разъяренной твари, ревушей и хлещущей хвостом во все стороны.

Дождь из камней надолго отвлек тварь. Брэк успел развернуться и опять зажать ладонью рот Элинора. Находясь в этой неудобной позе и дыша сквозь крепко стиснутые зубы, он прислушивался к глухим ударам камней о дно колодца.

Секундой позже Червь Червей стал погружаться обратно в свое обиталище. Голова его исчезла за краем колодца.

Нескольких убийственных долгих мгновений Брэк продолжал держать ладонь плотно прижатой к губам девушки. Он готов был молить каких угодно богов, только бы камнепад заставил Червя забыть о поисках добычи. Очередной рев чудовища, эхом бесчисленных криков донесшийся из глубины колодца, сказал варвару, что так и вышло. Он отпустил Элинора.

— Больше ни звука! Не то тварь вернется. Если не вынуждать ее к этому, мы можем пока чувствовать себя в относительной безопасности.

Зацепившись пальцами за край карниза, он подался вперед и посмотрел вверх. До поверхности земли, куда выходила шахта колодца, было так далеко, что отверстие казалось лишь размытым пятнышком обманчивого слабого света. Брэк подумал об исполинском теле, свивающемся в кольца глубоко под ними, о странных глазах, светящихся словно два фонаря, заполненные кровью. Посмотрев вниз, он увидел, что красные пятна глаз постепенно становятся двумя узкими щелями, словно их прикрывают кожаными мембранами век. Еще секунда, и глаза сомкнулись; внизу была одна лишь чернота.

Дыхание со свистом вырывалось из горла Брэка, он весь был покрыт холодным потом. Варвар изобразил улыбку, хотя веселья не чувствовал.

— Ну что ж, теперь ты можешь посидеть и отдохнуть. Чертова тварь убралась восвояси и вроде собралась спать.

Элинор села. Она перестала дрожать и всхлипывать, но лицо ее было очень бледно.

— И как долго она будет спать? — прошептала она.

— Откуда мне знать? Надеюсь, достаточно долго, чтобы мы успели попробовать выбраться из этой дыры. Так вот, если мы... ну, что еще случилось?

Элинор мотала головой:

— Я не могу. У меня нет сил.

Варвар гневно схватил ее за плечо:

— Ты предпочитаешь ждать, пока она вернется за нами?

— Нет, Брэк. Но нам некуда идти. Люди Тамара Зеда перекрыли выход камнем, — и она показала назад во тьму тоннеля.

— Зато вот этот путь открыт, — ткнул Брэк мечом вверх.

— Но как нам попасть туда?

— Вскарабкаемся по стене колодца, — мрачно ответил он.

Одна только мысль о подобном испытании вызвали у Элинор новый приступ рыданий. Она живо припомнила кошмар последних нескольких минут. Варвар прижал ее спиной к стене.

— Стоны и плач не приведут ни к чему хорошему, девочка! Либо мы постараемся удрать, пока тварь спит, либо останемся здесь навсегда, позволив ей сожрать нас. Или умрем с голода, если она не обнаружит нас. Какой вариант тебе нравится больше? Я считаю, у нас есть шанс и мы должны им воспользоваться. Попробуем забраться по скале.

Пересилив себя, Элинор кивнула:

— Хо-хо-рошо, я постараюсь.

— Отдохни минуту-другую, потом начнем. — Брэк поднялся и прислонил меч к стене.

— В расщелине, мимо которой мы проходили, я видел какие-то растения. Подожди.

Ощупывая перед собой каждый дюйм поверхности, варвар вернулся в темноту коридора и нашел щель в каменной стене. В ней росли сочные зеленые стебли неведомого растения. Брэк оторвал несколько побегов, понюхал, откусил кусочек, пожевал. На вкус стебель был сладким и достаточно нежным. Проглотив первый кусочек, варвар откусил еще. Удовлетворенный, он собрал все, что сумел найти, и отнес Элинор.

— Думаю, они пригодны в пищу. Попробуй поесть немного, это придаст тебе сил.

Девушка отщипнула несколько кусков и принялась жевать. Столь обыденное дело, как прием пищи, несколько успокоило нервы, но главное — заполнило давно бунтовавшие желудки. Некое подобие покоя снизошло на обоих беглецов.

Наконец Элинор откинула упавшую на лицо прядь длинных каштановых волос.

— Как далеко до верха колодца?

— Не нужно думать о конце пути, девочка, а то никогда его не достигнешь. Просто скажи себе, что путь достаточно короток и прост, чтобы сильный мужчина и сильная женщина смогли бы подняться наверх. Будь добра, оторви мне полосу от подола платья — нужно сделать перевязь для меча.

Девушка стеснительно повернулась к нему спиной. Ее шепетильность вызвала легкую улыбку на губах гиганта. То, что Элинор даже в такое время не утратила

свойственной женщинам стыдливости, было обнадеживающим знаком.

Варвар еще раз заглянул в колодец. Полная темнота. Только мощный запах разложения сохранялся как напоминание о Черве, спящем во тьме. Без сомнения, любой, даже самый незначительный шум может разбудить его снова. А бесшумно вскарабкаться по скале едва ли удастся.

И все же они не могли дольше оставаться на каменном карнизе. Они бы ослабли от голода, или сошли с ума, или и то и другое вместе. Именно этого желал Тамар Зед. Брэк заскрипел зубами, — эх, добратся бы сейчас до Тамара и Нордики, свести бы с ними счеты...

Элинор подала Брэку полоску ткани. Он на скорую руку соорудил из нее перевязь для меча и забросил клинок за левое плечо.

— Готово, — объявил он.

— Где мы начнем подъем?

— Вон там, чуть левее. Видишь тот выступ породы? В том месте на скале больше неровностей, за них можно будет ухватиться. Разреши я пойду первым. — И он порывисто сжал ее ладонь, желая как-то передать ей толику спокойствия и уверенности, чего он в себе не ощущал. — Придерживайся за львиную шкуру у меня на поясе, когда начнем подниматься. Если что, я смогу удерживать нас обоих.

Она попыталась улыбнуться, но не слишком успешно. Вытянув руку влево, варвар ухватился за выступ и, перешагнув пересекавшую карниз трещину, отыскал опору для ноги — шишковатый обломок скалы. Держась за стену левой рукой, правую он протянул назад Элинору. Она, взявшись за его предплечье, прыгнула и... неудачно приземлившись, врезалась в Брэка. Секунду оба — девушка и варвар — раскачивались над пустотой, рискуя сорваться вниз. Брэк вжался в стену, на могучих плечах буграми вздулись мышцы. Элинор отчаянно вцепилась в шкуру, плотно охватившую его живот и бедра. Когда они восстановили равновесие, пастушка чуть отстранилась и заставила себя улыбнуться. Теперь в глазах ее загорелся, пусть

и крохотный, огонек храбрости и надежды. Сделанный ею первый шаг убедил ее, что у них есть возможность выжить.

Брэк улыбнулся в ответ. Вряд ли этот оптимизм можно было считать искренним: стена тянулась далеко-далеко вверх, а смутно различимое выходное отверстие было не более чем пятнышком сероватого света. Брэк ухватился за торчащий над головой камень и с кряхтением подтянулся. Секунду спустя он втянул за собою Элинору и стал карабкаться дальше...

Если бы Брэка потом спросили, сколько времени отняло это ужасное восхождение, он бы не сумел ответить. Передвигались они чрезвычайно осторожно. Северянин опробовал каждую новую опору для руки или ноги. Линия их подъема не была прямой, много раз они вынуждены были перемещаться по скале в ту или другую сторону, ища следующую надежную ступеньку. Постепенно огромные руки варвара начали болеть, но он ничем этого не выдал. Скучный свет вверху начал казаться недостижимым.

Отдыхая на очередном узком карнизе, Брэк спросил, тяжело дыша:

— Ну, как самочувствие, девочка?

— Каждый дюйм, каждая клетка моего тела болит.

— Сможешь продолжать подъем?

— Мы уже так много прошли. Значит, надо пройти и остальное.

— Молодец! — только и ответил он.

Затерявшийся в чужой стране, брошенный врагами в пещеру, где обитает Червь Червей, вынужденный преодолеть преграды, перед которыми обычный человек давно бы спасовал, Брэк ощутил неожиданный прилив нежности к своей спутнице, испуганной хрупкой девушке. Он бывал груб с ней, — в нагорьях, где родился варвар, изысканные манеры были неизвестны.

Он провел ладонью по щеке своей спутницы. Элинор почувствовала тепло его руки, девушка плечом прижалась к лицу его пальцы, затем отстранилась, засмущавшись. Брэк улыбнулся. Пришедшее к нему чувство товарищества придало варвару дополнительных сил.

— Мы уже преодолели полпути. Видишь, там тень глубже? Я так полагаю, это еще один карниз, и судя по всему, довольно большой. Доберемся до него, а там до верха рукой подать.

Элинор кивнула. Брэк продолжил восхождение. Большая каменная площадка находилась на расстоянии, вдвое большем его роста, и на первый взгляд казалась легко достижимой. Когда они окажутся на ней, их опасное предприятие будет наполовину завершено. Он поставил Элинор рядом с собой, высоко вытянул руки и почти коснулся края выступавшего в пустоту карниза.

— Это будет непросто, — проворчал он. — Мне придется качнуться назад и подпрыгнуть, чтобы ухватиться за него. Когда я это сделаю, хватайся и держись за мои ноги, я вытяну наверх нас обоих.

Судорожный вздох Элинор показал ему, что она поняла всю опасность маневра. Брэк поправил ленту, на которой держался его меч, отер губы тыльной стороной ладони, откинул со лба пряди пшеничных волос. Он присел на пружинящих ногах, высоко подпрыгнул и вдруг представил себя плывущим в пустоте высоко над спящим Червем... Тут он, невольно вскрикнув, зацепился пальцами за уступ.

Левая рука его соскользнула. Он повис лишь на правой. Мускулы сводило от напряжения, трещали суставы и сухожилия. Варвар раскачивался над бездной.

Постепенно, нечеловеческим усилием, ему удалось подтянуть и закрепить другую руку на камне. Брэк позвал девушку:

— Пора, девочка. Прыгай и хватай меня за ноги.

Сказав так, он напрягся, приготовившись принять на себя дополнительный вес. И все же тот обрушился на него внезапно, непосильным грузом, грозящим утянуть его в ничто.

— Брэк!!! Брэк, мне не удержаться — я соскальзываю...

Варвар почувствовал это — руки девушки, обхватившие его могучие ноги, постепенно сползали вниз. До крови закусив нижнюю губу, мобилизовав всю свою

силу, варвар медленно, медленно стал подтягивать вверх свое тело.

Его лоб коснулся края выступа.

Его подбородок поднялся до этого уровня.

Но вес Элинор неудержимо тянул его вниз. Силы таяли стремительно. Руки ее соскальзывали все быстрее.

Брэк подтянулся чуть выше...

Еще выше...

Вот его плечи поравнялись с острым краем камня.

Грудь.

Живот.

Брэк заполз на уступ и на мгновение замер, восстанавливая дыхание.

— Хватайся рукой за край, — прохрипел он. — Тогда я смогу втащить тебя.

Он услышал сдавленное рыдание, следом почувствовал, как уменьшился вес, тянувший его в пропасть. До предела вывернув голову назад, варвар увидел белые от напряжения пальцы девушки, впившиеся в камень. За ту секунду, что она удерживалась за кромку, он успел затянуть наверх ноги (теперь все его тело вытянулось на уступе), развернуться и схватить руку Элинор в тот самый момент, когда ее обессилевшие пальцы разжались.

Теперь он держал ее на весу. Вначале одной рукой, потом — обеими. Через несколько секунд, вконец измотанный, он вытянул пастушку из пропасти на сулящую отдых и безопасность каменную плиту. Не в силах совладать с охватившей их тела дрожью расслабления, с колотящимися сердцами и тяжело дыша, они долго лежали на холодном камне друг около друга.

Наконец Брэк поднялся, чтобы осмотреть площадку. По форме она напоминала грубо вычерченный треугольник. В центре его маячило пятно тьмы, даже еще более глубокой, чем чернильная темнота колодца. «Не может ли этот сгусток тьмы быть пастью пещеры?» — подумал Брэк. Он сделал шаг в том направлении, чтобы проверить свою догадку, но вдруг застыл как вкопанный, подобравшись.

— Элинор! — прошептал он, не оборачиваясь. — Лежи, не двигаясь. Тут кто-то есть, и оно... дышит.

Ошибиться было невозможно — он явственно слышал свист воздуха, вырывающегося из чьего-то горла. Брэк осторожно вытянул меч из матерчатой петли и широко расставил ноги для устойчивости. Шум их восхождения неминуемо должен был растревожить обитателя ниши, кем бы он ни был.

Теперь помимо учащенного дыхания стали слышны гнусавое сопение и шуршание, как если бы нечто выползло из своей берлоги. Брэк шагнул вперед... и резко пригнулся, когда в облаке затхлого воздуха и развевающимся одеянии на него из пещеры бросилось с яростным криком привидение. Когти оцарапали щеку варвара, истлевшие одежды хлестнули по плечу. Слепленный хлопающей тканью, Брэк отмахнулся мечом с силой, способной разрубить человека пополам.

— Нет! Не надо! — закричала Элинор. — Это всего лишь старик.

Обезумевший от бешенства, Брэк снова занес меч и отступил назад, спиной прижавшись к скале. Очертания существа, выскочившего из пещеры и теперь стоявшего, пошатываясь, напротив варвара, стали видны в скудном свете, поступающем из далекого отверстия над головой. Брэк вытаращил глаза.

Едва державшийся на ногах живой человек — почти скелет — был до невероятности грязен. Его брови и борода превратились в спутанное серое мочало. Развевающееся одеяние было не более чем длинными лохмотьями полусгнившей ткани. В одном месте на выцветшей тряпке Брэк разглядел странный символ — полумесяц, вышитый потускневшей золотой нитью.

Крошечные глазки, глубоко запрятанные в морщинистой грязно-желтой коже лица, безостановочно перебегали с лица Брэка на его меч и обратно. Привидение явно до ужаса боялось за свою жизнь. Оно издавало странные стонущие звуки:

— Ух-х-х, ух-х-х, ух-х-х!

Варвар вздрогнул. Кажется, он знал имя этого кошмара в человеческом облике.

— Алхимик? — прошептал он.

— Ух-х-х!

— Цельсус Гирканус?

Старец замахал руками, будто отбивался от кого-то невидимого.

— Ух-х-х! Ух-х-х!

— Алхимик, послушай! Эта девушка и я не причиним тебе вреда!

Трепещущая фигура выговорила что-то вроде:

— Прочь! Прочь! Я-то знаю!..

— Нас бросили в подземелье те же враги, что предали тебя. Магианец...

На растрескавшихся губах запузырилась слюна, он снова заколотил руками:

— Да! Тамар! Это его имя! Это зло! Зло! Как и вы...

— Вот именно, Тамар. Он и бросил нас сюда. Заодно с твоей дочерью.

— Нет! Больше — нет! — пронзительно выкрикнул старец на удивление внятно. — Это уже не моя дочь! Она одержима. Зло прибрало ее — зло вселилось в мою дочь! Ух-х-х! Ух-х-х!

Старик прикрыл лицо руками. Воспоминания о Нордике были слишком ужасны.

Брэк, покусывая губу, задумался о слове, произнесенном стариком: «Одержима».

Нордика была одержима?

Но чем? Или кем?

И снова — в который раз — ощущение затаившегося рядом зла посетило его. Ему представилось лицо Арианы.

Нет, нет, невозможно! Она была мертва.

Но разве не говорили ему Несторианцы, что зло Йог-Саггота и его созданий может лишь уснуть или скрыться, но никогда не умирает? Странные насмешки Нордики Огнегровой, его необъяснимое чувство, что он уже встречался с нею прежде, — а теперь еще эта развалина толкует что-то об одержимости его дочери какой-то сверхъестественной силой. Все это образовывало зловещую систему, впрочем пока не до конца ему понятную.

Скелетоподобное создание снова завывало-запричитало, обращаясь к нему:

— Вы... ух-х-х... тоже враги... прочь!

— Мы не враги, — настаивал Брэк.

— Ух-х-х, ух-х-х! — Старик завывал и заламывал руки.

Брэк решил попытаться в последний раз. Он медленно потянулся к старику. Тот отшатнулся к стене, забубнил, захныкал. Лишь глаза его блестели крошечными влажными светлячками в окружавшей его тени.

— Это в самом дела алхимик? — выдохнула из-за спины варвара Элинон.

— Посмотри, на его одежде вышиты знаки луны и солнца.

— Выходит, он выжил, Брэк!

— Вероятнее всего, ни ведьма, ни магианец не знали, куда ведет подземный коридор. Или понимали, и в их планы как нельзя лучше вписывалось обрежь старика на смерть от голода и забвение. Но он оказался достаточно живуч, чтобы добраться до этой площадки, поддерживая в себе жизнь чем-то вроде тех растений, что ели и мы с тобой. Так что тело его уцелело, но вот остальное — его разум...

Брэк, скривившись, мотнул головой в сторону Цельсуса Гиркануса. Движение испугало старика.

— Ух-х-х, ух-х-х!

Возвысив голос до пронзительного крика, бешено молотя по воздуху руками, привидение соскользнуло от скалы. Когда лицо его на секунду попало в зону лучшего освещения, Брэк с ужасом увидел, что не скрытые бородой участки кожи были густо усеяны отвратительного вида серо-зелеными гнойниками и язвами. И с этого лица глядели глаза человека, чей разум давно уничтожило безумие. Старик вскрикивал все громче с каждым разом.

— Мы тебя не обидим, старик, — успокаивающе начал Брэк. — Вот если бы ты сказал мне...

Тот не обратил на его слова никакого внимания, ковыляя вперед.

— Прочь, прочь, идите прочь.

— Цельсус Гирканус! — взревел Брэк. — Мы твои друзья, мы заберем тебя отсюда!

— Это бесполезно, — сказала Элинон. — В его голове нет места ничему, кроме страха.

Брэк вынужден был признать, что девушка права. Жалкое создание еле волочило ноги. Руки с отросшими длинными ногтями без устали рубили пустоту. Безумец продолжал испускать жутковатые, бессмысленные крики. Единственное, что еще как-то связывало его с реальностью, был инстинкт самосохранения.

Неожиданно Брэк осознал, как громко кричит Цельсус Гирканус. Внутри у него все сжалось от дурного предчувствия.

Из глубины колодца послышался грохот, затем недовольный рев. Времени на колебания не оставалось. Брэк бросился вперед и зажал локтем тощую шею старого алхимика.

— Тихо! Уймись! — рявкнул Брэк. Цельсус отчаянно сопротивлялся, стремясь укрыться в своем логове. Он оказался на удивление силен, словно сумасшествие придавало дополнительную энергию хлещущим плетям рук и лежащим ногам.

— Да уймись же, говорю тебе! Ты разбудишь спящее внизу чудовище, и тогда всем нам будет...

Каменная плита под ногами содрогнулась, из темноты донесся звук громоподобного удара.

На губах старика заблестела слюна. Он затараторил, без конца повторяя одно только слово: «Червь, Червь, Червь...»

Чудовище ревело все громче. Брэк оттолкнул от себя алхимика, ругаясь от отчаяния. Элинон отскочила от края площадки. Цельсус забился в свою пещерку, но крики его раздавались и оттуда, стократно усиливаясь эхом. Иногда рев из глубин колодца заглушал их.

И тут Брэк вспомнил о мече, который продолжал сжимать. Тут же руки его будто свинцом налились. Он занял позицию на краю площадки и сказал Элинон:

— Держись позади меня, постарайся спрятаться.

Красные глаза Червя росли в размере, надвигаясь из темноты. Хвост чудовища бешено колотил по стенам колодца.

На этот раз битвы было не избежать.

Глава 8

МЕЧ И ДЕМОН

Не раз за время своего путешествия на юг, в Курдистан, Брэк сталкивался с вещами необычными и пугающими. Но все прежние впечатления и переживания забылись в тот же самый миг, когда он, стоя на скальном карнизе, смотрел, как грандиозный царь червей вырастает из тьмы.

Вонь, исходящая из разверстых челюстей адского создания, была запахом самой земли, но земли гниющей и разлагающейся в течение бесчисленных веков. Запах заполнил все вокруг, вызывая тошноту.

Несмотря на свои внушительные размеры, рядом с огромным чудовищем варвар выглядел не более чем жалкой фигуркой. Он стоял, широко расставив мускулистые ноги, чуть пригнув голову, устремив взор вниз, на извивающуюся змеевидную тварь.

Но вот Брэк вскинул подбородок, будто глотнув холодного вина, и раскатисто, оглушительно рассмеялся. Поправил львиную шкуру, заменявшую ему одежду. Да, он был до смерти напуган. Но с другой стороны, он с того самого момента, как Тамар решил бросить его в тоннель, был готов к тому, что в любую секунду может расстаться с жизнью. А раз жизнь его уже давным-давно ничего не стоила, нельзя позволить страху сыграть на руку врагу.

Элинор вжалась в стену за его спиной. Из пещеры, куда удрал старый Цельсус, доносились безумные заывания.

Громадная змеевидная тварь не смогла сразу обнаружить свои жертвы, и это еще более злило ее. Длинный чешуйчатый хвост молотил из стороны в сторону по стенам

колодца, выбивая из них большущие обломки сланца, с грохотом полетевшие в бездну.

Красные глаза достигли уровня площадки. Червь оглушительно заревел. В открытой пасти, между клыками в человеческий рост, шевелился сочащийся жидкостью язык, разделенный натрое на конце. Этот язык метался между челюстями, словно пытаясь выхватить из воздуха какой-нибудь лакомый кусочек.

Брэк замахнулся мечом. Горячая волна возбуждения залила его нутро.

Трехзубая вилка языка извивалась в воздухе. Чудовище до сих пор не подозревало, что тот, за кем оно охотится, находится совсем рядом, стоя на площадке.

Рыщущий во все стороны язык подобрался ближе.

Еще ближе.

Дождавшись, пока тварь полностью высунула свое расстроенное жало, Брэк рубанул по нему мечом, вложив в этот удар всю силу своих могучих рук.

Едва Червь ощутил движение рассекаемого клинком воздуха, глаза его вспыхнули глубоким пурпурным светом. Изогнулась длинная змеиная шея, голова резко дернулась в сторону, в тщетной попытке избавиться от внезапной боли. Клинок глубоко вонзился в мякоть и отсек два из трех извивающихся отростков змеиного жала. Из пореза на Брэка брызнула черная гнойная сукровица.

Теперь-то Червь заметил его. Заметил и понял, что такую сильную боль причинила ему едва заметная козявка. Голова зверя отшатнулась к противоположной стороне колодца, потом резко взвилась вверх. Червь взревел... Он ревел, ревел и ревел не переставая. Брэку показалось, будто острое копье вонзилось прямо ему в мозг. Капли черной крови чудовища, попав на кожу, стали немилосердно жечь. Варвар еле успел отскочить от края площадки, когда голова Червя столкнулась с дальней стеной и тут же метнулась вперед. Брэка окатило жгучим гноем. Жидкость фонтаном била из разрубленного языка. Пещера содрогалась от непрекращающегося рева и ударов исполинского хвоста — чудовище разъярилось до предела.

Прижавшись к стене, Брэк увидел, как гигантский язык снова метнулся вперед. Он шарил по площадке, словно ищущая на ощупь рука. Брэк занес меч для нового удара... и тревожно закричал, когда ноги его заскользили в луже черного ихора. Элинор, увидев, что Брэк падает, истошно закричала.

Язык Червя скользнул по животу варвара, переместился на ребра и петлей обхватил его поперек туловища. Как огромная веревка, он кольцо за кольцом обвивался вокруг тела человека. Облака отвратительно смердящего воздуха из утробы чудовища окутали Брэка.

Тщетно орудующий мечом человек был поднят пленившим его огромным языком и перенесен к краю уступа, к бездонной пасти. Брэку показалось, будто ряды отточенных клыков понеслись прямо на него. Язык чудовища стискивал тело северянина, по капле выдавливая из него жизнь. В следующее мгновение варвар мог быть разорван пополам или целиком проглочен громадными челюстями, уже начавшими неумолимо смыкаться. Брэк беспомощно повис над бездною колодца, тело его горело с головы до ног от текущей с обрубка языка сукровицы. Челюсти твари приближались.

Ближе...

Брэк извивался как мог в спеленавших его живых путах. Тело его страдало от невыносимой боли. Он таки ухитрился ухватиться обеими руками за рукоятку меча и поднять его вверх. Он наметил себе целью розоватобелый хрящ, гребнем идущий чуть выше корней верхних зубов Червя. Но если гребень этот окажется твердым как кость, — а ведь именно таким он и выглядел в слабом свете...

Варвар приготовился, когда язык уже втягивал его между белыми, блестящими от слюны зубами, он с силой опустил меч, и тот глубоко вошел в плоть.

По языку твари прошла судорога. Он еще сильнее сжался вокруг тела варвара. Брэк неистово забился в объятиях твари. Его голые ступни скользнули по шероховатой влажной поверхности огромных нижних зубов.

Брэк из последних сил напряг свое тело, чувствуя, как вылезают из орбит глаза и ломит в висках, словно

кровь его рвалась наружу из тесной черепной коробки. Уперевшись в гигантские клыки ногами, сжав в вытянутых руках меч, впившийся в податливый хрящ, варвар превратился в страшный живой клин, вбитый между челюстями зверя.

Лишь отчаянно сопротивляясь, варвар держался, не соскальзывая в пасть чудовища. Но вот вопрос — как долго он сможет удерживаться в таком положении?

Живот Брэка был сжат, смят, истерзан болью. Вдруг его правая нога сорвалась с клыка, на который опиралась. Брэк отчаянно дернулся, ища точку опоры.

Язык начал сокращаться ритмичными рывками, с каждым разом все сильнее стягивая адские кольца вокруг тела человека. Брэк громко закричал от боли. Сил терпеть больше не было — позвоночник вот-вот готов был треснуть. И, когда после очередного сжатия язык несколько ослабил хватку, варвар из последних сил выдернул меч из хрящеватого гребня и вогнал его в оставшийся отросток языка.

Червя подбросило вверх, Брэк едва не ослеп от хлынувшего из глазниц монстра яркого света. Ноги его опять залило жгучим гноем. И тут что-то подсказало варвару, что на сей раз он нанес чудовищу серьезную рану.

Давление колец на его тело несколько ослабло. Долбя мякоть языка мечом, как долотом, варвар попытался сбросить с себя смертоносные кольца. И вот бедра его стали свободными, затем вся нижняя половина тела. Язык твари обмяк.

Брэк высоко подпрыгнул и ухватился за ноздрю чудовища — роговой выступ, большой, как средних размеров могильный холм. Он стал карабкаться на идущий посередине чудовищного рыла хребет. Червь дернул головой, и Брэка швырнуло напрямик на плоскую перемычку между кроваво-красными глазами. Чешуи на шкуре животного были достаточно велики, чтобы за них можно было зацепиться руками. Варвар и ухватился за одну из них, когда обезумевший от боли Червь заметался из стороны в сторону. Огромная голова то резко ныряла вниз, то взмывала вверх. И лишь кровавые овалы громадных глаз, каждый вдвое больше Брэка, горели, не

мигая. Варвар крепко держался за чешуи возле этих глаз, пока чудовище пыталось сбросить с себя досаждающее ему назойливое и кусачее насекомое.

Все еще не придя в себя, Брэк жадно пытался отдышаться. Тело его болело в сотне мест. Но сейчас он не мог позволить себе расслабиться, не хотел этого. Ярость берсерка переполняла его, он превратился в хищника, одержимого единственной целью — убить своего врага.

Конвульсии, сотрясающие Червя, вышибали из стен все больше камней. Они падали на дно колодца с оглушительным треском. Сотрясалось все подземелье.

Вдруг Брэк догадался, как одолеть монстра. Если бы ему удалось переползти к одной из громадных глазных впадин и воткнуть меч в глаз чудовища, он мог бы поразить его мозг. Черный жгучий гной, покрывающий его тело блестящей пленкой, тут был кстати — он делал человека неразличимым на шкуре зверя.

Брэк осторожно взялся за одну из соседних чешуй и переместился на шаг ближе к правому глазу. Шкура чудовища была очень жесткой, но все же, видимо, достаточно чувствительной, ибо движение Брэка сразу подсказало твари, где находится его добыча. Из темноты показалась одна из лап чудовища, за ней — другая, ухватившаяся за край каменной площадки, где Брэк начал свою битву. Лапа, загребая вовнутрь, двигалась к нему по воздуху. Брэк бросился ничком на чешуйчатое междуглазье, когда дюжина серпообразных когтей просвистела рядом, пытаясь достать его в ненадежном убежище. Когти, образовав белый круг отточенных лезвий, вспахали рыло Червя. Тварь сделала еще одну попытку и снова нанесла себе еще одну рану. Она била вслепую, желая отловить наконец существо, присутствие которого чувствовала, но видеть не могла. Один из когтей задел Брэка, оставив длинный кровоточащий разрез на бедре.

И в третий раз когти пробороzдили прочную шкуру, пройдя лишь в нескольких дюймах от тела варвара. Брэк вдруг сообразил, что чем дольше он выжидает, прижавшись к чешуе, тем меньше шансов у него остается выжить и нанести смертельный удар.

Червь отвел лапу в сторону. Рев его, от которого пещера гудела, как колокол, дополнялся грохотом катящихся в бездну камней. Прежде чем лапа ударила вновь, Брэк прыгнул к самому правому глазу. Пальцы правой ноги угодили в щель на стыке чешуй. Когти обрушились...

Как метательный снаряд из осадной машины, огромный камень врезался в лапу чудовища. Червь закричал. Когтистая лапа с клацаньем зацелкала когтями-копьями, сжимаясь и разжимаясь.

Помедлив еще мгновение, Брэк оттолкнулся и прыгнул, вытянув вперед руку с мечом. Клинок полыхнул огнем в зловещем свете красных глаз... и столкнулся с прочной чешуей. Брэка швырнуло, он отчаянно пытался удержаться. И в этот миг клинок скользнул по бронированной пластине и с чмоканьем вошел в глазницу.

С неистовым криком триумфа варвар ухватился за эфес своего оружия и налег на него всем телом, вдавливая вглубь. Брэк навалился на меч, одновременно проворачивая его в ране, пока не вогнал его по самую рукоять. Правый глаз твари, ярко-рубиновый еще мгновение назад, излился на нижнее веко мутной черной слизью. Смертельно раненный Червь забился в агонии, жесткие конвульсии сотрясали огромную древнюю тварь. Голова его рванулась вверх, описывая гигантскую дугу. Брэк что есть силы вцепился в роговую пластину между глаз, стараясь удержаться. Второй, левый глаз чудовища тоже постепенно угасал. Чудовище испустило рев, куда громче всех предыдущих, способный, казалось, разрушить всю пещеру.

Чешуя монстра под ногами у Брэка была вся залита липкой черной жижой, толчками извергающейся из пробитого мечом глаза. Брэк поскользнулся и упал, когда голова чудовища рванулась вниз в тщетной попытке избавиться от стального шипа, пронзившего его глаз и поразившего мозг. Шкура Червя вдруг ушла из-под ног варвара, его швырнуло в воздух. Брэк отчаянно замахал конечностями, ища и не находя опоры.

Варвар победил, и все же он погиб. Червь сбросил его. Страшный конец — умереть, разбившись о дно

колодца, придавленным исполинским телом, что билось сейчас в предсмертных судорогах.

Варвара и его опору болтало из стороны в сторону так сильно, что Брэк решил — еще немного и голова его попросту оторвется. Он сообразил, что ухватился и держится за хвост чудовища, охваченного безумием агонии. Варвар увидел, что его несет прямо на стену пещеры, еще секунда промедления — и он будет смят в лепешку... Брэк выпустил хвост лишь за мгновение до того, как тот врезался в каменную стену. Увлеченный сквозь пустоту силой инерции, Брэк со страшной силой ударился о стену, почти потеряв сознание, и лишь инстинкт самосохранения боролся за жизнь гигантского тела, когда ноги северянина скользнули и сорвались в бездну. Молниеносным движением Брэк глубоко вогнал пальцы рук в узкую трещину на поверхности скалы и повис, закрыв глаза и стараясь не думать о боли.

Лавина каменных обломков с грохотом полетела вниз сквозь тьму. Червь уже упал на дно колодца, и его затухающие глаза горели теперь едва различимыми светящимися пятнами. Рев звучал все слабее, ослабевали и удары хвоста. Вскоре глаза в бездне потухли совсем, перестали сыпаться камни. Замерло эхо громогласного рева и грохота ударов. Наступила тишина.

Прижавшись щекой к холодному камню, Брэк позволил соленым слезам триумфа и облегчения омыть его лицо.

Несколько успокоившись, варвар закрепился на скале, после чего высвободил из трещины пальцы и, усилив воли отбросив мысли о терзающей все его тело боли, стал карабкаться к площадке, где он оставил Элинора. Чувство смертельного одиночества и беспомощности охватило его в сгустившемся мраке — казалось, идущего из отверстия наверху света стало куда меньше, и передвигаться приходилось практически на ощупь... Он позвал Элинора, но не получил ответа.

— Элинор?!

Тишина.

Брэк уже утратил надежду найти девушку, решив, что, возможно, старый Цельсус убил ее в припадке бешенства, когда она вдруг отозвалась:

— Брэк?

Варвар ощутил прилив сил и проворно полез дальше.

— Продолжай громко кричать, девочка, так, чтобы я знал, где ты.

Над головой он услышал радостно-удивленное восклицание пастушки.

Как Брэк и приказал, Элинора выкрикивала его имя снова и снова. Он же со всей скоростью, на которую было способно его измученное тело, спешил к ней. Неожиданно перед Брэком выросла отвесная каменная стена, голос Элинора звучал совсем рядом. Варвар подтянулся на руках, закинул на уступ одну ногу и, задышавшись, вполз на просторную площадку.

Девушка отпрянула от него — варвар был весь в крови. Тело его покрывала корка немилосердно вонючего подсохшего черного гноя.

— Тварь... издохла, — прошептал варвар окровавленными губами. — Теперь мы можем... найти дорогу... из... из...

Перед глазами его заплескали искры, поплыли радужные круги. Он упал, словно все глубже и глубже погружаясь в бездонную черную пучину, пока окончательно не лишился чувств, опрокинувшись на спину.

Первым, что проникло в сознание приходящего в себя гиганта-варвара, было знакомое уже бормотание. Следом пришло какое-то необычное ощущение во всем теле. Он со стоном повернулся на бок и, приподнявшись на локте, потряс головой, чтобы разогнать наполняющий его голову туман. Изможденная и бледная, над ним склонилась Элинора. С ее помощью Брэку удалось принять сидячее положение. Это усилие отозвалось в теле новым приступом боли, однако, похоже, все кости были целы и среди полученных ран не оказалось ни одной

чересчур серьезной. Брэк обнаружил, что странная воркотня исходит из пещеры.

— Что, алхимик все еще прячется в своем кроличьем садке?

— Да, Брэк. Я много раз просила его помочь, но он так и не ответил.

— Долго я спал?

— Точно не знаю, но, думаю, много часов. Я сидела рядом и обмывала тебя, пока сама не задремала. — Она указала на кучу измятых, напоминающих мох растений рядом с собой и продолжала: — С помощью этого я постаралась счистить как можно больше черной гадости. Ты был весь в ней. Что это за отвратительная штука?

— Кровь Червя Червей. Больше уже ей не литься.

Брэк поднялся, опираясь на девушку. Натренированный глаз сразу отметил, что в пещере стало гораздо темнее, но варвар решил не волновать Элинора понапрасну и сказал:

— Нужно попробовать выбраться-таки наружу. Я слазаю наверх, чтобы разведать путь, а ты подожди, пока я не вернусь.

— Ни за что, — мгновенно отреагировала она. — Только не здесь, рядом с этим старым безумцем.

Мычание и бормотание, раздававшиеся из пещеры, звучали как издевательство над человеческой речью. Брэк посмотрел в лицо Элинора. В глазах ее появился тусклый стеклянный блеск, — похоже, силы ее были на пределе. Лучше не давить на нее.

— Хорошо, — устало сказал он. — Мы вместе доберемся до следующего уступа. Там я оставлю тебя и пойду дальше один.

Элинора согласилась. Брэк взял ее за руку и повел вдоль края уступа... И снова варвар прокладывал дорогу, девушка цеплялась за его набедренную повязку из львиной шкуры. Так они медленно поднимались выше и выше. Вскоре они достигли еще одной площадки, значительно меньше предыдущей, но все же достаточно просторной, чтобы Брэк мог оставить там пастушку и в одиночку продолжать путь. Тело его, истерзанное в смер-

тельном поединке с Червем Червей, страшно болело, но Брэк старался заглушить боль мыслями о скором освобождении и представлял, как отомстить Нордике Огнегровкой и Тамару Зеду.

Задолго до того, как варвар достиг выхода на поверхность, он понял, почему в колоде стало темнее. С ноющим сердцем прополз варвар остаток пути, потратил массу времени и еще больше ругательств, сляясь сдвинуть с места здоровенный валун, первый из груды, завалившей входной тоннель. Все впустую. Варвар в сердцах съездил кулаком по каменной глыбе, проклиная на чем свет стоит всех злобных богов земли. Затем осторожно стал спускаться вниз.

— Червь вызвал обвал, перекрывший выход, — сказал он Элинора, присоединившись к ней на площадке. — Осталась лишь небольшая дырочка, в которую едва можно просунуть руку. Судя по всему, тоннель завален камнями до самого конца. Потому и свет стал таким слабым.

— Значит, мы снова в тюрьме, и это после всего, что нам пришлось пройти... — вымолвила Элинора, глядя в посуровевшее лицо Брэка.

— Все не так безнадежно. Мы...

— Нет! Мы будем заключены здесь до самой смерти!

— Не смей кричать на меня, девчонка!

— Мне страшно, Брэк...

— Чего бояться? — огрызнулся он. — Червь-то подох.

— Всех, — передернуло девушку. — Сумасшедшего старика в пещере, колдунью, магианца. Мне кажется, мы оба прокляты — всеми без исключения злыми богами.

— Что за вздор, — фыркнул Брэк, но невольно отвел глаза. Ему живо представился человекоподобный истукан: массивные каменные кулаки покоятся на скрещенных каменных ногах, недобро кривится каменный рот. В каменных глазах светится злорадство, будто они видят, в какое сложное положение попали двое измученных людей...

Зачем же Брэк мучил себя призраками? Почему именно сейчас ему вспомнился Йог-Саггот? Этому не было

объяснения, но северянин чувствовал — есть какая-то связь. Было нечто, услышанное или увиденное в замке Нордики... но что? Опустошенный страданиями мозг откашивался отвечать.

Наконец Брэк встряхнулся, оставив на время головоломки и тайны, когда Элино́р ущипнула его за руку. Слезы сбежали серебряными нитями по перепачканным щекам.

— Я молилась своим богам, Брэк, но это ничем не помогло нам.

— Может, как раз твои боги и помогли нам одолеть Червя, — цинично ответил Брэк.

— И мы теперь не в лучшем положении, чем были до его нападения.

— Ну, по крайней мере, мы живы. Думаю, худшее позади.

Конечно, Брэк кривил душой. Некое сверхъестественное присутствие, тревожившее его в замке Нордики, продолжало ощущаться и в пещере. Загадки еще требовали своего разрешения, еще оставались несорванными маски (впрочем, Брэк и не был уверен, что очень этого хочет). Он лгал Элино́р, стараясь хоть немного ее успокоить.

Попытка не имела большого успеха. Ладонь девушки судорожно стиснула широкое запястье варвара.

— Ты должен помолиться вместе со мной, Брэк! И тогда боги, быть может, окажут нам милость.

— Но они, как ни крути, непременно нам предстоят, девочка. К тому же много ли толку от мольбы вашим слабым местным божкам?

— Тогда помолись великим богам! Любому божеству, в которое ты веришь.

Призрак крестообразного символа Несторианцев всплыл в его сознание.

— Таких нет, — отрезал он. В глубине души варвар хотел бы, чтобы такие боги существовали.

— Но как же нам быть, Брэк? Что мы можем... — Его резкий рубящий жест испугал ее и заставил умолкнуть.

— Если ты прекратишь свою болтовню, я смогу поразмыслить об этом.

Элино́р засопела и начала всхлипывать. Брэк поспешил принести неуклюжее извинение. Смиловившись, она замолчала.

Брэк задумался. Мысли о богах отступили под натиском мыслей практических и насущных. Наконец он сказал:

— Есть лишь одна вещь, которую мы можем попытаться сделать, хоть и не стоит питать на этот счет особых надежд и тут все зависит от того, сколько у тебя осталось сил.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы могли бы возвратиться в тоннель, куда нас бросил Тamar Зед, и растормошить охрану. Вновь очутившись у Нордики в когтях, мы будем иметь очень мало шансов выжить, но здесь их и вовсе нет.

Элино́р порывисто поднялась, — видимо, она уже устала бояться и обитающая за гранью страха отчаянная храбрость побудила ее собраться с силами и принять решение.

— Пошли.

— Больше не боишься?

— Я... я боюсь, конечно. Но замок ведьмы лучше этого подземелья.

Они спустились на большую площадку. Брэк заглянул в отверстие пещеры и позвал:

— Цельсус! Цельсус Гирканус! Мы твои друзья. Мы собираемся вернуться в дом твоей дочери, чтобы воздать ей по заслугам. Мы можем взять тебя с собой.

Бормотание прекратилось. Затем:

— Ух-х-х, ух-х-х! Убирайтесь!

И старик снова невнятно забубнил.

Элино́р и Брэк обменялись безнадежными взглядами и оставили старого безумца в покое — там, где он сам хотел оставаться, затерянный в темноте подземелья и еще более глубокой темноте собственного помутившегося рассудка.

Медленно, с величайшим трудом и множеством остановок двое людей сползали по каменной стене, пока не достигли карниза, за которым начинался тоннель. Половина карниза обломилась, вероятно от чудовищных сотрясений

громадного тела Червя. Тоннель был частично засыпан камнями, но пройти можно было без труда. Они двинулись по проходу. Стены тоннеля во многих местах ощерились хищными ртами трещин, а выпавшие из них каменья устилали пол под ногами, препятствуя движению. Когда пленникам уже стало казаться, что время стоит на месте и коридору не будет конца, Брэк утробно зарычал — впереди, из-за очередной кучи обломков сланца пробивался желтый свет.

В круглом камне, перекрывавшем выход в подвальную комнату, зияла V-образная щель. Столь велика и неукротима была ярость Червя, так далеко она простиралась, что расколола пополам этот монолит.

Повернув голову, варвар встретился глазами с испуганным и настороженным взглядом трепещущей перед неизвестностью пастушки. Путь в замок Нордики был открыт.

Брэк замер в нерешительности. Сомнения овладели им: он был до предела утомлен, лишился оружия и был вовсе не уверен, благословением или же проклятием станет для него треснувший камень. Скорее всего, за ним варвара ждут разгадки тайн, которые он вовсе не жаждал узнать, и сдернутые маски, открывающие то, что едва ли хотелось видеть. Он вновь ощутил вокруг гнетущую атмосферу надвигающегося чудовищного зла.

Взгляды варвара и пастушки снова скрестились. Они сделали свой выбор, и теперь поздно отступать. Жизнь продолжается, и значит, нужно идти вперед.

Взяв девушку за руку, Брэк повлек ее за собой из тишины и тьмы коридора сквозь пролом в обители их врагов.

Глава 9

В КАТАКОМБАХ ЙОГ-САГГОТА

Глаза Брэка молниеносно обшарили углы подземного помещения, — там было пусто. В комнате горела лампада, фитиль плавал в крохотной лужице масла. Язычок

пламени то угасал, то вспыхивал вновь, отбрасывая на сырые стены причудливые тени массивной фигуры варвара. Брэк позволил себе несколько расслабиться: «Шкалы сделали свое дело и убрались восвояси брехать о своих успехах».

Он показал на дальний из двух выходов в темные, пропахшие плесенью коридоры:

— Судя по всему, этот проход ведет наверх, в замок. Нас притащили сюда по другому.

— Я была настолько перепугана, что ничегошеньки не запомнила, — призналась Элинор.

— Надо попробовать отыскать двух других узников, оставшихся в каземате. Одноногий моряк и этот кузнец, Рунга, который мне, признаться, очень не по душе, это две пары способных сражаться рук. У троих мужчин куда больше шансов вырваться из этих стен, чем у одного.

Брэк двинулся в проход. Элинор последовала за ним, в глазах девушки отражались снедающие ее неуверенность и страх.

Подниматься по гладкому наклонному полу было значительно труднее, чем идти по нему вниз. Брэка вел инстинкт, его охотничье чутье. Это чутье частенько помогало ему наполнить пищей желудок в таких местах, где, казалось, отродясь не водилось ничего живого. У каждого разветвления каменных коридоров Брэк на секунду останавливался, со свистом втягивал носом воздух, потом командовал:

— Сюда.

Дуэль с Червем Червей не прошла бесследно, и каждый шаг варвара отзывался болью в натруженных ногах. Обессиленная Элинор несколько раз падала.

Впереди показался яркий желтый свет. Оставив девушку, варвар крадучись двинулся вперед. Стена слева, вдоль которой он крался, неожиданно оборвалась. Брэк взгляделся в короткий коридор, пересекающий тот, по которому они шли. Он заканчивался аркой, по другую сторону которой огонь ламп, стоящих в стенных нишах, выхватил из темноты часть большой комнаты.

— Там какая-то комната, — прошептал Брэк. — Я пойду осмотрю ее.

— Я пойду с то...

— Нет! — Варвар сам удивился собственной резкости. Зло, которым был буквально пропитан воздух, вновь дало о себе знать. Северянин покрылся холодным потом, и мурашки поползли у него по спине. Варвар подтолкнул Элинок к стене и шагнул к каменной арке.

Тень его, вытянутая, искаженная, скользила рядом с ним по стене. Варвар шел на цыпочках, двигаясь предельно осторожно. Коса желтых волос и львиный хвост подергивались за его спиной при каждом шаге, ноздри Брэка раздулись, губы сжались, глаза тускло блестели. Никогда не подводивший варвара инстинкт подсказывал, что за каменным сводом таится нечто, порожденное преисподней.

Из мрачного чертога не доносилось ни звука. Более того, противоестественная тишина и неподвижность саваном окутывали варвара, лишь тоненькие струйки дыма призрачными змейками вились, поднимаясь от укрытых в стенах светочей. Нос Брэка уловил необычный, но вместе с тем очень знакомый запах.

И вдруг варвар узнал его. Так пахла высохшая кровь. В этой освещаемой лампадами комнате умирали люди, истекая кровью.

Брэк стремительно рванулся вперед, пригнувшись, готовый отразить атаку неприятеля. Но никто не материализовался из воздуха перед ним, и натиск, который он ощутил, был не физический, а, скорее, психологический.

В течение одного лишь удара сердца зоркие глаза северянина запечатлели сцену: древние, потемневшие за бесчисленные века стены в пятнах и выпербинах. В центре комнаты находился каменный куб алтаря. Он был бледно-серого цвета, покрытый темными разводами, поблескивающими в свете дюжин ламп, установленных цепью в стенных нишах. Что-то, пролитое недавно на вершине алтаря, стекло вниз по боковым граням, оставив густую сеть дорожек и пятен бурого цвета, напомнившую Брэку отвратительную паутину.

Это, без сомнения, были следы крови. Человеческой крови.

Позади алтаря, тоже выглядящая чужеродно новой среди древних стен, под самым потолком возвышалась статуя. Каменные глаза с издевкой взирали на пришельца, в невыразимой злобе кривился высеченный из камня рот, руки упирались в бедра.

Точно его кто-то преследовал, Брэк обернулся и стремглав бросился назад в коридор. Он вспомнил. Вспомнил еще одно изображение, мельком увиденное им в темной нише, когда его вели в подземелье на очную ставку с Тамаром Зедом. Тогда ему не удалось рассмотреть изображение, но теперь он был убежден — то была миниатюрная версия идола, с отвратительно-жестоким весельем взирающего поверх алтаря.

Сколько же еще подобных истуканов в этом проклятом доме? Новых кумиров, поклонение которым началось одновременно с внезапным перерождением примерной девушки по имени Нордика?

От страха желчь прилила к горлу, все поплыло перед глазами. Брэк спешил к Элинок, не различая перед собой ее черт, — лишь белое пятно в полутьме. Как рассказать ей, что самая темная и злая сила из известных миру царит теперь в этом месте? Как сказать, что они попали в логово приспешников Йог-Саггота?

В эту минуту варвар понял, почему неведомая сила сбила его с пути на юг, почему ему почудилось что-то знакомое в насмешливых искорках за зеленым омутом очей колдуньи. Ему стало ясно, почему с такой легкостью он был признан достойной заменой принцу Пемме.

Септенгундус, ставленник Йог-Саггота на Земле, ведь обещал: «Я последую за тобой». Но, возможно, он поручил покарать Брэка своей дочери? Сознание варвара затопили могучие волны ужаса...

— Ну, что ты там нашел, Брэк?

Внутренности варвара сжались в комок, ему стоило большого труда выговорить:

— Ничего. Там просто кладовая или что-то в этом роде. Ничего, заслуживающего внимания.

— А можно мне посмотреть?

— Некогда. — Он схватил девушку за руку и потащил в коридор, которым они следовали.

Всем своим видом Элино́р дала понять, что вовсе не поверила объяснениям Брэка. Но она натерпелась достаточно и не хотела видеть новые ужасы.

Брэк был рад поскорее и подальше уйти от злополучного перекрестка коридоров. В мозгу его теснились догадки, тайны, страхи, вопросы... Мог ли дух Арианы, дочери Септенгундуса, вселиться в Нордику? Если так, то для чего она так много внимания уделяла предстоящему ритуалу и зачем ей богатства, добытые с помощью алхимии? Какой в этом смысл? А может, планы Арианы вовсе и не были связаны с личной мстью ему, Брэку, и его появление просто предоставило ей удобную возможность разом убить двух зайцев? Теперь варвар куда лучше понимал магианца с его заявлениями о скрытой мощи Нордики и готовностью пресмыкаться перед нею. Ибо никто из продавших душу Йог-Сагготу не мог не пресмыкаться перед дочерью его помазанника.

Сверхчеловеческое усилие потребовалось Брэку, чтобы отогнать кошмары и сосредоточить внимание на темном тоннеле, по которому медленно и осторожно двигались они с Элино́р. Впереди он увидел еще одно желтое зарево, но продолжал идти вперед, прикрывая спиной девушку и со страхом думая о том, что может увидеть, заглянув за поворот коридора.

Он обернулся к Элино́р, приложив палец к губам в качестве предостережения, но остановился при этом столь резко, что девушка врезалась в него и невольно вскрикнула. Брэк рискнул выглянуть за поворот стены на пересечении двух коридоров. В нескольких шагах от них по правому коридору стоя дремал, опершись на копье, гвардеец в шлеме. Видно было, что возглас Элино́р насторожил его. Тогда варвар упал на одно колено и пригнул голову девушки. Собственную голову тоже постарался опустить как можно ниже, чтобы гвардеец не заметил их в свете лампы, горящей в нише рядом с его постом.

— Кто здесь? Кто это тут шатается? — Гвардеец взвесил копье в руке. В сомнениях, не послышался ли

ему разбудивший его звук, солдат медленно прошелся по коридору в сторону прячущейся пары. — Отзовитесь немедленно, кто бы вы ни были!

Брэк отчаянно соображал, как же выпутаться из нового сложного положения. Коленом он чувствовал рассыпанный по полу щебень. Быстро зачерпнув пригоршню камней, он швырнул их в темноту, одновременно тонко зашипав. Родившееся в далеких закоулках эхо превратило эту инсценировку в странный шум. Гвардеец застыл на месте, вглядываясь во мглу. Брэк надеялся, что шорох посыпавшихся камешков вкупе с криком убедят стража, что лишь жирные серые крысы шныряют во тьме.

Солдат в нерешительности топтался на месте.

Щека Элино́р, прижатая к лицу Брэка, была холодной, как лед. Варвар сгреб еще пригоршню камней и кинул их. На этот раз шум падения камней прозвучал глуше. Равно как и крик Брэка. Для этого варвар специально прижал ко рту ладони.

Стражник облегченно расслабился:

— Опять эти мерзкие четвероногие твари...

Бормоча что-то себе под нос, он развернулся кругом и, вернувшись на свое место у освещенной лампой ниши, привычно оперся на копье.

Дыхание со свистом вырывалось сквозь стиснутые зубы Брэка. Еще раз судьба пощадила их. Долго ли им будет сопутствовать удача, пока усталость и страх не возьмут свое, ослабив зрение и рассудок, замедлив реакции, и приведут их к смерти? Особенно теперь, когда он знает, что этим местом правит Йог-Саггот?

Стражник снова принялся клевать носом, и Брэк с девушкой на цыпочках пересекли перекресток. Скоро свет лампы остался далеко позади.

Коридор круто пошел вверх. Более свежим стал воздух, здесь уже не так ощущался пропитывающий его кровавый аромат глубокого подземелья. Брэку послышался отдаленный шум. Он замер, прислушиваясь.

— Или я рехнулся, девочка, или где-то неподалеку идет битва.

— Ты прав, — с готовностью согласилась пастушка. — Я тоже слышу, там кричат люди.

— Посмотри, вон там, впереди, виден какой-то про-свет. Может, окно? Шум доносится оттуда.

И они поспешили в этом направлении. В самом деле, полоска света падала из высокой узкой бойницы. Через щель в стене в помещение втекала жемчужная дымка тумана, холодными каплями оседавшая на лице варвара. Брэк лег грудью на подоконник, стараясь рассмотреть происходящее снаружи. Похоже, битва шла прямо под ними, но клубящийся ночной туман не позволял толком ничего разглядеть. Время от времени до Брэка доносились крики и лязг оружия, а один раз он разглядел оранжевые всполохи, словно от множества факелов. Еще несколько секунд, и он мог уверенно сказать, что распознал звон мечей, ржание коней, скрип боевых колесниц. Он радостно повернулся к пастушке:

— Там снаружи армия, это совершенно точно. Наверняка маленькая — ведь в королевстве Странна не много осталось людей, способных сражаться, — но все-таки армия.

Серую мглу под стенами замка прорезали отчетливые резкие звуки боевых труб, показавшиеся обоим райской песней. В глазах Элинора заблестел огонек новой надежды. Она глубоко вздохнула:

— Это принц Пемма? Или повелитель Странн?

— Надеюсь, что это они. И их люди, готовые штурмовать стены. Слышишь этот грохот? Держу пари, это осадные машины. Со своей стороны, мы должны освободить остальных узников. Пока солдаты Нордики отражают атаку, у нас больше всего шансов вырваться отсюда. Скорей!

Гигант повернулся и бросился вверх по коридору. Близость кипящей битвы возбуждала его, придавая сил. Элинор помчалась следом. На бегу Брэк услышал новый звук — тяжелый стук камней, выпущенных из осадных машин по стенам замка.

— Думаю, мы уже рядом с тюрьмой, — прорычал он. И побежал еще быстрее. Он так стремился воспользоваться преимуществом сложившейся ситуации, что утратил бдительность и не заметил приближающегося врага.

Солдат выбежал прямо на них из-за поворота, в руках его был сигнальный горн. Элинор закричала.

Мужчины увидели друг друга одновременно. Гвардеец отшвырнул горн и выхватил из ножен меч, открыв было рот, чтобы поднять тревогу. Брэку не оставалось ничего другого, кроме как броситься навстречу ему. Один гигантский прыжок — и варвар обрушился на противника, сдавив могучими пальцами горло солдата. Крик умер, не успев родиться. Брэк почувствовал, как вдоль его ребер скользнул клинок, едва не вспоров кожу. Гвардеец извивался в его руках, стараясь достать мечом голову желтоволосого великана. Варвар все сильнее стискивал свои десять пальцев на тощей шее солдата. Наконец-то перед ним был настоящий, обычный враг из плоти и крови! Первобытная ярость забурилась в сердце северянина.

Гвардеец ударил мечом, целя Брэку в лицо. Клинок чиркнул по стене, выбив сноп искр. Уклонившись от этого и сразу последовавшего за ним удара, Брэк что есть силы швырнул стражника о стену. Шлем слетел с головы солдата и покатился по каменному полу. Стражник все не сдавался, и его оружие описывало круги в опасной близости от мускулистой шеи варвара. Брэк же раз за разом бил его о стену, сжав руки на тощем горле. Он сокрушил череп врага о камень прежде, чем меч добрался до его тела. От могучего толчка затылок солдата треснул, как ореховая скорлупа. Выпучив глаза, гвардеец сделал несколько неверных шагов. Меч выпал из его руки. Брэк, тяжело дыша, отступил в сторону. Ноги гвардейца подкосились, и он с деревянным стуком рухнул наземь. Варвар хрипло рассмеялся и пнул ногой бездыханное тело. Оно покатилося вниз по коридору и глухо ткнулось в стену у поворота, замерев бесформенной грудой.

Брэк подхватил упавший меч. Прикосновение ладони к холодному металлу вызвало в нем новый прилив сил. Он повернулся к Элинор, чтобы подать сигнал идти дальше, и с изумлением обнаружил, что девушка выглядит испуганной сильнее, чем когда-либо ранее. И не мудрено — лицо обратившегося к ней Брэка, еще охваченного пылом боя, выглядело жуткой уродливой маской божества войны. Варвар усмехнулся.

— Да не дрожи так, детка, — сказал он. — Я убиваю только тех, кто служит Ар... колдунье. Лучше давай поспешим, время не ждет.

И Брэк с Элинором побежали дальше. Вскоре они очутились в коридоре тюрьмы. Он был совершенно пуст.

В отдалении прогромыхали башмаки бегущих куда-то людей. Время от времени пол под ногами вздрагивал и слышались глухие удары, ясно говорящие о том, что у нападающих были достаточно мощные осадные машины.

Элинор указала на ряд окованных железом дверей:

— Их камера должна быть где-то там.

Брэк подбежал к караульному посту, сдернул с крючка на стене связку бронзовых ключей (похоже, в суматохе внезапного нападения стража замка и думать забыла о своих боевых постах) и помчался вдоль дверей камер, громко выкрикивая:

— Дариос? Рунга?

— Мы здесь! За этой дверью! — отозвался грубый голос кузнеца.

Варвар быстро подобрал ключ, вставил его в замочную скважину и повернул. Дверь открылась, и он вихрем ворвался внутрь.

— У нас есть шанс бежать. Повелитель Странн штурмует ворота. Мы должны... эй, что это с моряком?!

Дариос плашмя лежал на соломенной подстилке. Щеки его были белы, как мел, лишь в середине их горели пунцовые пятна. Глаза блестели, будто стеклянные.

— Да ничего особенного, просто лихорадка, — угрюмо проворчал Рунга. — Уже много часов, как его прихватило.

Губы Дариоса дрогнули, он сделал усилие подняться, как если бы признал Брэка.

— Кузнец... ночью кузнец ходил...

Кузнец пнул в бок лежащего ничком человека.

— Никуда я не ходил, просолившийся ты дурак. Это всё твои лихорадочные бредни.

Рунга торопливо повернулся к разгневанному Брэку:

— Я вовсе не собирался бить его. Просто у меня вспыльчивый характер, а этот несчастный олух все стонет

да видит призраки в каждом углу с тех пор, как лихорадка скрутила его. Лучше будет оставить его здесь.

Безвольная, дрожащая рука Дариоса приподнялась.

— Остерегайтесь кузнеца, он был... был...

Дариоса всего передернуло, он перекатился на бок, сильно дрожа. Речь его превратилась в невнятный лепет.

Брэк, перебрав всю связку ключей, выбрал один, выглядевший подходящим по размеру и форме, и вставил в кандалы Дариоса. Разомкнув оковы, он недобро взглянул на Рунгу:

— Мы не бросим его — ни здесь, ни где-либо еще, кузнец. Он, как-никак, наш собрат по заключению.

Учуяв возможность побега, Рунга стал (или старался выглядеть) покладистым и сговорчивым.

— Хорошо, хорошо. Хоть ты опять раскомандовался, я не буду спорить. Бери его и тащи, если тебе угодно. Но помняи мои слова, на его крики мигом сбежится охрана.

Брэк поднял на ноги больного.

— Несмотря ни на что, он отправляется с нами.

Рунга выхватил у него кольцо с ключами и в один миг освободился от своих железных оков, после чего стрелой вылетел из темницы. Брэк вывел в коридор Дариоса. Деревянная нога моряка с неприятным скрипом терлась о камень.

— Помоги мне нести его, — приказал варвар Рунге. Кузнец нехотя принял свою часть ноши. Глаза его странно блеснули, когда он бросил мимолетный взгляд на варвара. Может, кузнец тоже был болен?

Могучий варвар оставил свободной правую руку, держа наготове меч убитого им воина, пока они поднимались по наклонному коридору. Дариос продолжал бредить, губы его блестели от слюны.

За очередным поворотом проход разделялся надвое. Левое ответвление шло параллельно стене замка. В дальнем его конце Брэк разглядел оставленную приоткрытой дубовую дверь, за которой виднелся бруствер, забитый солдатами. Они, сыпя проклятиями, стреляли из луков и арбалетов, швыряли вниз дротики. И такие же снаряды — железные и деревянные — летели в них снизу.

— Здесь не пройти, — тихо сказал кузнецу Брэк, — поворачиваем направо.

В следующую минуту они уже спешили по второму коридору, освещаемому огнем факелов, укрепленных в стенах на равных расстояниях друг от друга. Брэк подождал Элинора:

— Возьми один из факелов, девочка. В пути нам может понадобиться свет.

Пока Брэк не имел представления, где они находились и куда двигались, он не был знаком с расположением помещений в верхней части замка. Но даже блуждание вслепую казалось предпочтительнее стычки с людьми Нордики. Быть может, им повезет найти выход. Дариос споткнулся и застонал, на секунду речь его стала более разборчивой.

— Остерегайтесь кузнеца. Он был...

«Был, был, был, был...» — неожиданно громкое эхо высокого голоса откликнулось со всех сторон. Сырой холодный воздух, нахлынув, окатил Брэка. Варвар остановился. Судя по распространению эха, они оказались в каком-то просторном помещении. Брэк расставил руки в стороны, но они не нашли стен коридора. Значит, беглецы оказались в еще одном зале или пещере внутри замка, построенного в скалах.

Факел в руках Элинора стал затухать — сказывался недостаток кислорода в окружающем их воздухе. Факел больше дымил, чем светил. Брэк уже собирался повернуть назад, как вдруг услышал над головою шелест и злое хлопанье крыльев. Вначале тихое, потом значительно громче, будто большая стая птиц готовилась сняться с места.

Схватив факел, варвар поднял его высоко над головой. В свете пламени заблистали сотни крошечных алых самоцветов. Только вот драгоценности эти были... живыми, мечущимися, сверкающими во тьме точками. Все громче и громче становилось отвратительное шуршание.

— Мы растревожили логово летучих мышей. — Брэку пришлось повысить голос, чтобы его услышали остальные. — Идем назад тем же путем, что пришли...

Сухое кожистое крыло чиркнуло его по лицу. Брэк едва успел, опустив Дариоса, обернуться, когда животное спикировало на его предплечье. Рунга пронзительно закричал и бросился бежать.

Размах крыльев серовато-белой твари был едва ли меньше раскинутых в стороны рук желтоволосого гиганта. Она ударилась о его предплечье чуть пониже локтя, и Брэк невольно дернул головой, почувствовав страшную, сокрушительную боль, судорогой пронзившую все его тело. Он затряс рукой, пытаясь сбросить летучую мышь, и тут, задышав от боли и ужаса, увидел, что из-под впившихся в его плоть, утопленных в маленьких полупрозрачных кожистых мешочках когтей крылатого отродья, течет темная жидкость.

Его кровь...

Кругом носились по воздуху, то взмывая ввысь, то бросаясь вниз, тучи летучих мышей. Одна вцепилась в щеку Элинора. Девушка с визгом оторвала тварь от себя. Теперь и она увидела, что на дне каждого мешочка маленьких чудовищ располагался сосущий хоботок. Летучие мыши питались кровью! Вампиры из ада, высасывающие человеческую кровь и человеческую жизнь...

Колотя рукой по полу, Брэк пытался стряхнуть вампира, но тот держался с устрашающим упорством, мешочки уже на четверть были заполнены кровью. Как она попадала туда через проколы в коже, варвар не понимал, да и не до размышлений ему было, страдающему от невыносимой боли, вызванной соприкосновением с тварью.

Меч выскользнул из безвольных пальцев. Мыши дюжинами шныряли около сбившихся в кучу людей. Одна уселась на лоб Дариоса. Брэк ткнул пылающей головней в мерзкую харю маленькой жирной твари. Кровосос тонко, визгливо заверещал, когда языки огня слизнули половину его головы, и немедленно убрал в мешочки когти, уже впившиеся в лицо моряка. Тварь упала на пол, и Брэк раздавил ее ногой. Из мешочков брызнула кровь. Вампир, терзавший руку варвара, скрылся в тот самый момент, когда Брэк взмахнул факелом, чтобы помочь Дариосу. Но он оставил на

месте своего пиршества ряд багровых выемок-ран, глубоких и полных крови.

Еще одна летучая мышь напала на Элинора. Брэк подпалил ей правое крыло. Тварь метнулась от огня и нырнула в темноту, оглушительно вереща. Стоя на коленях, Элинора голыми руками отчаянно отбивалась от нескольких других белесых тварей, метящих ей в лицо. Крошечные мешочки с сосущими хоботками почти касались ее тела...

Взревев, Брэк обеими руками ухватил факел и принялся размахивать им, как мечом. Взад-вперед, вправо-влево, — за его импровизированным оружием протянулся след из искр и дыма. Даже самой маленькой из этих искр было довольно, чтобы отпугнуть летучего кровососа. Брэк и Элинора встали спиной к спине в центре огненного круга. Во тьме все так же хлопали кожистые крылья, но ни одна тварь не решалась приблизиться, опасаясь плюющей огнем головы в руках огромного человека.

— Помоги ему встать, — переводя дыхание, велел Брэк Элиноре и кивнул в сторону Дариоса.

Девушка взяла моряка под мышки и попыталась поднять. Дариос был очень слаб и изнурен, белки закатывшихся глаз матово поблескивали, словно выточенные из мрамора. И все же он понял, что ему хотят помочь, и, собрав остатки сил, поднялся.

— Подай мне меч, пожалуйста, — снова обратился к девушке Брэк. — С помощью огня мы сможем выбраться отсюда. Рунга поможет идти Дариосу... а где Рунга?!

— Он... удрал, — сглотнув, ответила Элинора, — сбегал в ту же секунду, когда напали эти... твари.

Не успел варвар отпустить проклятье по адресу предателя, как ушей его достиг новый звук.

Множество людей.

Бегущих.

Все ближе.

И тут же к этому шуму присоединился очень знакомый голос, орущий что есть мочи:

— Сюда, солдаты, в пещеру! Я обещал верно служить Нордики, и вот смотрите. Я держу свое обеща-

ние, веду вас к бежавшим пленникам. Посветите мне кто-нибудь.

Внезапно одна из стен пещеры оказалась залита огнем. Варвар, ошеломленный и кипящий от ярости, увидел целую толпу воинов Нордики, перекрывшую выход. Каждый нес горящий факел.

И среди них был Рунга.

Смеющийся кузнец держал высоко над головой собственный факел, отгоняя крылатых вампиров. Испуганные наступлением целого моря пламени, кровососы поспешили убраться подальше, на свои насесты в темных углах и нишах под потолком громадной залы.

Гротескные тени плясали на каменном полу. Брэк отшвырнул головню и выхватил меч из рук Элиноры, изготовившись к бою.

Он услышал стон Дариоса:

— Я пытался предупредить: опасайтесь кузнеца, он ходил...

— Хватайте их! — закричал Рунга солдатам. — И не забудьте сказать Нордики, кто позвал вас.

Голос предателя потонул в топоте сапог, криках вооруженных людей, окружавших могучего северянина. Брэк сделал выпад, целя в горло одного из солдат, но промахнулся. Сразу несколько воинов перехватили его руку, держащую меч, и вырвали оружие.

Рукоятки мечей и древки копий градом обрушились ему на голову. Охваченный бешенством, весь в крови, варвар, как мог, отбивался от врагов тяжелыми, как молоты, кулаками. Но солдат было слишком много. Брэка вынудили опуститься на колени, а через минуту его, почти лишившегося сознания, уже тащили по каменным катакомбам четверо стражников. Остальные сгрудились около Элиноры и Дариоса.

Вскоре отряд вышел во двор замка. Почуввав свежий воздух, варвар пусть нетвердо, но встал на ноги. Неподалеку он увидел Рунгу. Предатель стоял, скрестив руки на груди, и самодовольно улыбался. Рядом с ним не было охраны, никто даже не думал о том, чтобы схватить и связать продажного кузнеца.

Брэк скользнул взглядом по лицам гвардейцев, притаивших его в окруженный высокими стенами двор. Ветер сыпанул ему пыли в глаза. Он дул, завывая.

Удерживаемый двумя солдатами, пока другие образовали вокруг варвара живой круг, Брэк смотрел на горные пики, видневшиеся по ту сторону стен. Клубы утреннего тумана скользили среди вершин. По их движению было заметно, насколько силен и порывист гуляющий в горах ветер. Он быстро разогнал низко стелющийся над землей туман, но утро все равно оставалось сумрачным, словно укрытым зловещим призрачным саваном.

— Подымаются ветры, — проговорил Брэк себе под нос. — Как она и говорила.

Элинор, которую тоже держали двое дюжих солдат, услышала эти слова и озабоченно взглянула на северянина:

— Сейчас пора бурь. Редкое живое существо рискнет бродить по горам в такие дни.

— Она говорила мне...

— Нордика?

— Да, девочка. Она сказала... — Он вздрогнул. Кто она? Кто же на самом деле скрывался за нефритовыми глазами юной колдуньи? — Она сказала, что свершит ритуал, когда подымутся ветры. Возьмет наши тела и...

Брэк замолчал на полуслове, сообразив, что говорить сейчас об этом — значит только попусту волновать ее. И он обратился к закованному в латы командиру гвардейцев:

— Где она, солдат? Давай покончим с этим.

Командир ответил ему молниеносным ударом в челюсть. Брэка качнуло назад, но державшие его воины помогли северянину устоять на ногах. Придя в себя, варвар рванулся к обидчику, рот его скривился в диком реве бешенства. Острые копыта чувствительно кольнуло его незащищенный затылок.

— Мой человек стоит у тебя за спиной, — сказал командир. — Он готов в любую секунду выпустить тебе

кишки. Но я хотел бы передать тебя госпоже Нордике живым. Наш друг кузнец, — он показал на идиотски ухмыляющегося Рунгу, — оказал нам неоценимую услугу, когда привлек внимание стражи. Ради себя самого не дергайся. И говорить будешь только тогда, когда кто-нибудь обратится к тебе.

Брэк закусил губу. Все тело его болело, раны кровоточили. Он попытался отвлечься, разглядывая окружающий его двор. Тем временем командир отряда стражи направился к фигуре, едва различимой в тени высоких запертых ворот.

Из тучи со стороны гор вылетела птица, крылья ее неистово били по воздуху, словно она в панике спасалась от некоей сверхъестественной силы. По спине Брэка пополз холодок, — он вдруг понял: вой ветра над замком стал слышен лишь потому, что звон мечей и громохание осадных машин по ту сторону стен стихло.

Солдаты Нордики вытянулись цепью на стенах, внимательно глядя на ведущую в замок дорогу, но самой колдуньи нигде не было видно. Офицер, дойдя до ворот, присоединился к скрытой в тени фигуре, которая, похоже, вглядывалась куда-то, согнувшись пополам. Когда офицер подошел к нему, человек выпрямился, и его лицо вынырнуло из тени.

Это был Тамар Зед.

Одеяние магианца хлопало на ветру. Через смотровое отверстие, прорезанное в тяжелой створке ворот, он следил за чем-то снаружи. За чем он наблюдал? За приготовлениями армии к новому штурму?

Командир отряда стражи показал на Брэка, Элинор и Дариоса. Моряк, скрючившись, лежал на земле и бормотал что-то невнятное в горячечном бреде. Тамар бросил на варвара долгий ненавидящий взгляд, затем вернулся к прерванному занятию, явно более заинтересованный происходящим по другую сторону ворот.

Наплевав на предупреждение офицера, Брэк заговорил с солдатом из группы, приставленной к пленникам:

— Что случилось с войсками принца Пеммы? Они отступили?

Солдат заржал:

— Можно и так сказать!
— Они сняли осаду, ты это имеешь в виду?
— Можно ли сказать, что они делают что-то, когда они стоят покорно, как стадо овец?

— С чего бы это им...

— Разве командир не велел тебе заткнуться, дубина?

Брэк сверкнул глазами и отвернулся. Он посмотрел на Рунгу. Предатель прогуливался неподалеку от схваченных беглецов. Но вот кузнец приблизился. Руки Брэка зачесались. Варвар хотел схватить меч и с наслаждением снести с жирных плеч голову предателя.

Рунга протолкался между гвардейцами и встал перед Брэком, уперев руки в бока.

— Ну, чужеземец, у кого теперь власть и сила, а?

Высокомерная улыбка молниеносно исчезла с губ Рунги. Он наотмашь хлестнул Брэка по лицу. Голова северянина откинулась назад. Подобно мощному дереву под порывом урагана, варвар пошатнулся, но устоял.

— Подумать только, она воображала тебя своим любовником! — глумился Рунга. — Скотина, тупая и невежественная скотина, вот ты кто! Во мне она нашла куда лучшего мужчину, могу гарантировать. Я обещал, что отплачу за ее благосклонность, и сдержал слово.

— Глупец, ты обрек себя на...

— ...На блаженство, которое такому болвану, как ты, даже и не снилось, — отрезал Рунга. — Она призвала меня вскоре после того, как исчезли вы с пастушкой. Как она искала вас, как гневалась на магианца! Но потом, — на лице его заиграла бесстыдная похотливая улыбка, — она отвлеклась на иные удовольствия. То, что творилось в ее чертоге, просто не передать словами. Ощущения, о которых мужчины грезят, но никогда не...

Кузнец вдруг умолк и стиснул руку Брэка, на лбу его обильно выступила испарина. Можно было отделаться от липких пальцев, но не от лихорадочного блеска в глазах Рунги, ясно показавшего варвару, что кузнец стал одержим и более не принадлежит себе.

Но и не этой женщине он принадлежал, а Темному богу, Йог-Сагготу.

— Ты не представляешь себе, что она за человек, чужеземец. — Голос кузнеца с каждым словом становился все более хриплым.

— Но я знаю это, — выдохнул Брэк.

Рунга, казалось, не слышал его.

— Она вовсе не такая, какой выглядит.

Вспоминая предательскую красоту Арианы, гигант ответил:

— Я знаю.

Кузнец вздрогнул:

— Знаешь? Как так?

— Неважно. — Он заглянул Рунге в глаза и различил в глубине затаившийся безграничный страх. — Я очень надеюсь, да нет, я точно знаю, что гореть тебе в аду, кузнец. Мне ведь тоже приходилось сталкиваться с Йог-Сагготом. Так что радуйся, если можешь, тому, что сейчас получаешь все желаемое. Недолго этому длиться.

Лицо Рунги перекосилось. Он сделал знак от дурного глаза. Вся его надменность испарилась в мгновение ока. Он облизал пересохшие вялые губы.

— Я предал... предал вас, — заскулил, запричитал он. — Когда она позвала меня... позволила прикоснуться к себе... дала понять, что ей ведомы такие утехы, от которых кровь мужчины вскипает... и что у меня в жизни не будет другого такого шанса... если я не докажу свою верность. И тогда... я... я решил сделать это.

— Да, — равнодушно ответил варвар. — Когда-то давно она так же пыталась соблазнить и меня.

Брови кузнеца поползли вверх.

— Нордика?

— Нет, не Нордика... Та, другая.

Тут Рунга понял, что Брэку действительно все известно. Недоумевая по поводу большей части услышанного, Элинора все же поняла суть.

— Да проклянут тебя боги, кузнец!

Рунга засмеялся, но не было в его смехе ни радости, ни торжества, лишь звенящий звук разбитого сердца.

— Они уже сделали это, — сказал он и, повернувшись, пошел прочь, стараясь сохранить важный вид, что не очень ему удавалось.

Брэк посмотрел на пожилого моряка. Дариос уставился невидящим взором в небеса, где ветер трепал клочья тумана. Тогда Брэк обратился к Элинор:

— Он так старался предупредить нас, все лепетал, что Рунга уходил куда-то. Как жаль, что я вовремя не понял, что он имеет в виду.

Девушка печально кивнула. Воцарилось молчание, лишь ветер стонал. Жуткие призраки Йог-Саггота и его адептов вставали перед внутренним взором Брэка отголосками ночных кошмаров.

Варвар оглядел гвардейцев. Непокколебимо уверенные в своей власти, они дружно уставились на высокие мощные ворота, окованные железом, где замер Тамар Зед, прильнув к шпионскому глазку. Люди ожидали сигнала или каких-то известий. Наверняка армия принца Пеммы перестраивалась, готовясь идти на новый приступ. Чем еще можно объяснить противоестественную тишину?

Брэк изучал ворота. Массивный дубовый брус — чудовищной величины засов, лежащий на V-образных скобах, держал ворота закрытыми. Брэк нахмурил брови. В голове его созрел рискованный, но все же осуществимый план.

Гигант-северянин критически оглядел толчею на стенах и башнях замка. Оставалось только надеяться, что Нордика (странно, но он продолжал думать о ней под этим именем) еще достаточно долго будет занята своей адской работой и не появится во дворе.

Он прислушивался в расчете услышать какой-нибудь звук — ржание коней, скрип колес повозок и осадных машин, — который подсказал бы ему, что силы принца готовы снова пойти на штурм. Но — тишина.

Но многое можно было определить и по поведению воинства Нордики, — солдаты замерли на стенах вереницей статуй с копьями и арбалетами наготове. Все их внимание было приковано к тому, что происходило снаружи.

Брэк стер выступившую из раны на левом боку кровь, сложил ладони рупором вокруг рта и позвал:

— Магианец!

Стоявший у ворот Тамар Зед обернулся, оторвавшись от глазка.

— Послушай, магианец, я тут узнал одну забавную новость, которой готов с тобой поделиться!

Обрамленное черной бородой лицо Тамара прямо-таки излучало ненависть. Командир бросился к варвару, чтобы заставить его замолчать. Солдаты сошлись теснее с мечами наголо.

— Заткни ему глотку, — крикнул Тамар вслед офицеру. — Нам тут ни к чему суматоха. Она может помешать происходящему снаружи.

— Суматоха уже закончилась, магианец, — опять прокричал Брэк. — Весьма любопытная суматоха, надо заметить. Узнаешь вот это?

И он с утробным хохотом изобразил знак рукой — вытянул мизинец и указательный палец, подогнув оба средних между ними. Получились импровизированные «рожки».

Тамар Зед побелел. В его взоре, устремленном на варвара, чередовались смущение и гнев. А Брэк возвышался могучим исполином среди замерших солдат и крепчающего ветра. Правую руку он отвел в сторону, дразня сложенным из пальцев символом, во все века обозначающим рога носца.

— Примерь вот это, магианец, — крикнул он. — Тебе должно быть в пору!

И он издевательски продемонстрировал, как это должно выглядеть, приставив рожки к собственному лбу.

Командир гвардейцев ворвался через кольцо своих людей и, вырвав дротик у одного из них, нацелился в Брэка:

— Чертов идиот! Я же велел тебе молчать!

— Стой!

Капитан повернул голову назад. Брэк по-прежнему строил рожки. Приказ отдал Тамар Зед. Бледнее мела, магианец бежал к ним. Он миновал Рунгу, который, кажется, начал понимать, что происходит. Кузнец шагнул было вперед, но заметил знак офицера и то, как по нему один из солдат отвел за плечо руку с копьем, острие которого нацелилось Рунге в живот. Кузнец замер.

Тамар подбежал к Брэку. Его темные глаза пылали. Он хлестнул рукой по пальцам варвара, заставляя разжать

их. Брэк без единого слова протеста опустил руку, но смеяться не перестал.

— Остерегись, чужак, — сказал Тамар. — Ты нужен Нордике живым. Но я могу иметь собственное мнение на этот счет.

— Ничего ты не можешь. Ты принадлежишь ей и будешь делать, что она велит.

— Как смеешь ты говорить такое перед лицом всех этих людей! — брызгая слюной, зашипел Тамар.

— Все равно они скоро узнают правду. Узнают, кто она на самом деле.

— Ты... — Тамар нервно сглотнул. — Ты... знаешь?

— Да.

— Что еще?...

— Что она вынудила меня прийти в эти края, подстроив так, что я мог выбрать лишь одну дорогу.

Тамар кивнул. Явно эта часть истории не была для него тайной, но тут же вернулся к первоначальной теме. Поскольку многие солдаты слышали насмешки Брэка и теперь смотрели на них двоих с нескрываемым любопытством, магианец, как мог, постарался вернуть себе пошатнувшийся авторитет.

— Я ведь запросто могу кое-что присочинить, сообщив Нордике о произошедшем с тобой досаднейшем несчастном случае. Например, ты пытался бежать, и эти люди во главе с их достойнейшим командиром были вынуждены убить тебя. Как ты выбрался из тоннеля, куда я бросил вас с девчонкой, я не могу сказать, но...

— Она едва не поджарила тебя за это, я слышал, — фыркнул варвар.

Стрела попала в цель — покрывшись потом, Тамар разом утратил высокомерие и браваду.

— Но у меня все еще достаточно власти, чтобы отправить тебя в далекое мрачное путешествие, из которого не возвращаются. Путешествие к смерти. И я сделаю это, если ты не прекратишь свои мерзкие шуточки вроде этих рожек.

— Называй их шуткой, если тебе так нравится, магианец. Носить-то их тебе все равно придется. По-другому и быть не может.

— Лжешь, — прошептал Тамар, его рука рванула кинжал из ножен на поясе. — Ты бы никогда не осмелился на такое, зная, что я сделаю, если застану вас вместе. А уж если бы ты с ней...

— Да как ты можешь сделать хоть что-то самостоятельно? — усмехнулся Брэк. — Не ты управляешь ею, а она — тобой, она и ее отец...

Еще одно меткое попадание. Кровь отлила от лица Тамара Зеда.

— ...А еще хозяин, которому они служат. — Глаза варвара скользнули с Тамара на внимающих гвардейцев. Голос его понизился до гортанного, грудного. — Должен ли я произнести его имя вслух, чтобы доказать, что знаю его?

Щека Тамара задергалась от нервного тика, он едва мог говорить.

— Тот, о ком ты говоришь, не хозяин мне, и его слуги не правят мной.

— Ложь!

— Они мне не правители! — пронзительно взвизгнул магианец, и лезвие его кинжала заплясало у горла Брэка.

Что-то остановило руку Тамара в последнюю секунду, хотя он и успел надавить на нож так сильно, что на шее варвара появилась блестящая капля крови. Элинор тихонько ахнула.

— Ты напуган, варвар, — задыхаясь, проговорил Тамар Зед, почти с надеждой ожидая, что его слова окажутся правдой. — Напуган и пытаешься разозлить меня. Ты не мог быть с Нордикой просто потому, что все это время находился в тоннеле. Потом ты как-то выбрался, а теперь дразнишь меня своими байками. Ведь так, а? Признай это!

Жизнь Брэка висела на волоске — острие кинжала еще на долю миллиметра вдавилось в его плоть. Но отступить было поздно, и варвар решил рискнуть — молниеносным движением вскинул руку и отбросил кинжал. Его удар был столь быстр и точен, что солдаты просто не успели среагировать. Брэк обхватил запястье Тамара и выкручивал его до тех пор, пока кинжал магианца не указал прямо на Рунгу.

— Гляди, придурковатый звездочет! — проорал он. — Он, а не я насмехаюсь над тобой. Расспроси его о

наслаждениях, что дарит Нордика. Расспроси его, кто посылал за ним в то время, когда Нордике наскучивало твое общество!

Губы Тамара Зеда задрожали, и на мгновение он превратился в жалкое, безвольное, трусливое существо, каким, вероятно, и был под маской показного высокомерия.

— Неправда, — сказал он. — Она бы никогда...

— Спроси его!

Тамар Зед перевел взгляд на Рунгу. Кузнец попытался изобразить улыбку. Бескровные губы Тамара сжались, взгляд стал злобным и пронизывающим. Неумелая игра Рунги — нервное подрагивание век и явное нежелание встречаться взглядом с магианцем выдали его с головой.

Тамар снова повернулся к Брэку:

— Теперь я знаю, кого следует покарать.

И, пригнувшись, магианец двинулся к Рунге. Он сумел справиться со слабостью, теперь его веда ярость. Кузнец спохватился и попытался удрать, но было слишком поздно — кинжал Тамара Зеда просвистел, описав широкую дугу сверху вниз. Рунга в страхе закричал, выставив перед собою руки, словно они могли остановить сталь... Лезвие вонзилось ему в руку. Поток хлынула кровь. Солдаты вокруг Брэка разинули рты. Рунга оступился и упал. Тамар выдернул кинжал, стараясь возместить неудачу первого удара следующим, смертельным. И в этот момент, когда внимание окружающих было приковано к схватке, Брэк сделал следующий ход.

Руки его сомкнулись на костлявом запястье стоящего рядом стражника и принялись выкручивать его руки. Не выдержав чудовищного давления, кость затрещала и сломалась. Человек закричал и выронил меч. Брэк подхватил его на лету.

— На землю, девочка! — крикнул он, швырнув Элинор на землю рядом с впавшим в беспамятство Дариосом. А потом варвар громко, радостно засмеялся.

С боевым ревом Брэк принялся прорубать себе дорогу из кольца ошеломленных солдат. У его горла сверкнул наконечник копья. Взмах меча Брэка перерубил древко пополам, острое вошло и вышло из левой глазницы врага. Тот опрокинулся навзничь, увлекая за собой еще двоих

стражников. Путь к свободе был открыт, но Брэк не спешил бежать — жажда убийства охватила его. Меч описал огромную дугу. Солдаты в панике разбежались, пытаясь уйти от косы смерти. Двоим не суждено было спастись. Когда они упали, Брэк перепрыгнул через бьющиеся в предсмертных судорогах тела и помчался к закрытым воротам.

Солдаты на стенах заметили его маневр. Тут же хлынул смертоносный дождь стрел. Брэк стал петлять, уворачиваясь от летящей смерти. Вот он преодолел половину расстояния, отделяющего его от ворот. Еще четверть...

Рунга тщетно пытался спастись от магианца. Ему повезло: Тамар Зед оставил его в покое и неожиданно, словно вездесущий призрак, встал на пути у Брэка. В развевающемся серебристом одеянии, призрак этот сделал обманный выпад кинжалом, целя Брэку в лицо. Варвар не успел отразить удар мечом, и широкое лезвие прочертило кровавую борозду от скулы до правого уха северянина. Но и самого Тамара Зеда этот удар заставил раскрыться на мгновение.

— Пусть Йог-Саггот залатает твою шкуру, если сумеет! — проревел Брэк, когда смертоносная сталь его клинка вошла в живот магианца. Тамар Зед закричал в агонии и развернулся на месте, медленно оседая.

А Брэк уже несея дальше. Порез на щеке обильно кровоточил, как и другая рана на плече, оставленная слегка задевшей варвара арбалетной стрелой. Но северянин был уже в тени стены, совсем рядом с воротами, где его ждала последняя преграда между ним и армией принца Пеммы — тяжелый дубовый запор. На полной скорости Брэк врзался в ворота. Он подставил левое плечо под брус в месте, где сходились створки ворот, и напрягся, поднимая его. Огромный брус оказался невероятно тяжел. Брэк лишь наполовину выдвинул его из скоб, когда его атаковали стражники. Возле лица северянина мелькнул дротик и с тупым «бум-м-м» вонзился в правую створку ворот. Брус на плече варвара словно налился свинцом. Все тело Брэка содрогнулось от тяжести непосильного груза, но варвар все давил и давил вверх, одновременно размахивая мечом в свободной правой руке.

Надежно прикрытый длинными пиками в руках его подчиненных, на варвара напал командир стражи. Брэк, парируя удар клинка офицера, промахнулся. На лице врага появилась торжествующая ухмылка...

Казалось, время замедлило свой бег в продуваемом ветрами внутреннем дворе замка. Брэк видел, как меч серебристой молнией несется к его горлу, и в этот самый миг он ощутил, как чудовищный вес засова лег на его плечи. Огромный брус вышел из скоб, и Брэк по инерции едва не отлетел от ворот. Чтобы удержаться на ногах, он выгнулся назад, и меч офицера вонзился в освободившийся конец деревянной балки там, где только что была голова варвара. Брус обрушился на землю, раздался нечеловеческий крик боли — офицер лежал на земле, тело его было придавлено тяжелым засовом.

Брэк изо всех сил потянул за железное кольцо, отворяя левую створку ворот, и скользнул в образовавшуюся щель, едва она стала достаточно широка для него.

— Пемма! Принц Пемма! — прокричал Брэк — устрещающе громадный, окровавленный воин, стоящий в открытых воротах, потрясая мечом. Желтые волосы вздымались и опадали волнами, когда варвар сбегал вниз по насыпи.

— Принц! Прикажи своим воинам атаковать ворота, принц! Скорее, пока...

Он остановился как вкопанный и замолчал, эхо его голоса замерло в скалах. В наступившей тишине оглушительно прогремело рычание огромного зверя. Брэком овладел беспредельный ужас.

Нордика Огнегрия не скрывалась внутри своего замка. Она стояла перед варваром. В ее нефритовых глазах отразилось вначале удивление, затем безудержное веселье.

— Я узнал тебя, Ариана! — крикнул Брэк.

— Ну и что это меняет? — засмеялась она. Огненные волосы Нордики плясали на ветру. Левое запястье девушки обвивала тонкая серебристая цепь, другой конец которой крепился к металлическому ошейнику, охватывающему шею Алой Пасти. Огромный пес в возбуждении перебирал лапами, мотал массивной головой и поглядывал на Брэка глазами убийцы.

И тут варвар увидел самое худшее.

Позади Нордики, ниже по склону, на боевом коне сидел принц Пемма. Рядом с ним на открытых носилках лежал его отец Странн. За ними стояло несколько сотен кое-как снаряженных солдат, осадные машины, обоз.

И ни один человек не поднял оружие, чтобы помочь ему...

Брэк понял, что потерпел поражение. Тишина за стенами замка была молчанием разбитой, попавшей в безвыходное положение, запуганной, заколдованной армии.

Ее заколдовала одна худенькая девушка и здоровенная злобная тварь, сидящая на тонкой серебряной цепи.

Глава 11

ДУЙТЕ, ВЕТРЫ АДА

Картина, увиденная Брэком в этот миг, навсегда запечатлелась в его памяти. Мрачный день. Дикие скалистые горы, едва различимые сквозь туман. И — ветер. Ветер, казалось, дул то с одной стороны, то с другой, подымая громадные тучи пыли.

Вначале Брэк не поверил собственным глазам, но постепенно, разглядывая жалкое сборище солдат, вынужден был признать: все, что он видит, — горькая правда.

Вдруг он осознал, что крупницы носящейся в воздухе пыли хлещут и жалят сразу обе половины его лица. Ветер дул одновременно с двух сторон!

Сделав усилие над собой, варвар сосредоточил внимание на Нордике. Она спокойно и уверенно стояла спиной к нему, глядя на варвара через плечо. Глаза ее светились в полумраке зеленоватыми искорками.

Внезапно тело колдуньи замерцало, на глазах утрачивая свою материальность, открывая взору потрясенного северянина другой образ — женщины, еще более прекрасной, чем Нордика. Шелка цвета полуночи облегали ее тело, подчеркивая соблазнительные формы и плавные изгибы. Глаза были темны, как беззвездное зимнее небо, облако черных волос реяло над лицом, на котором изгибались в похотливой улыбке полные губы цвета спелой сливы...

Ариана, Дочь Ада. Точь-в-точь такая, какой он ее помнил. Прекрасная настолько, чтобы без труда соблазнить любого из мужчин. Однажды она пыталась соблазнить и его, но Брэк сумел устоять и отказать ей, несмотря на то, что она обещала северянину все богатства мира в обмен на клятву верности ей и отвратительному богу, которому она служила. Да, это была она, в мерцании иллюзорного образа Нордики. Видели ли это солдаты? Брэк сомневался в этом, — вероятно, эти колдовские штучки предназначались исключительно ему. Ей хотелось, чтобы давний враг посмотрел в ее глаза...

...В глазах этих была одна лишь безмерная, неукротимая ненависть.

Но вот иллюзия развеялась. Казалось, воздух на мгновение помутнел и уплотнился, и вот уже на прежнем месте стояла Нордика. Но глаза ее все еще оставались глазами Арианы.

Варвар с трудом подавил рвущийся из горла крик и проговорил:

— Принц Пемма! Отдай приказ полкам наступать. Веди им атаковать колдунью.

Конь принца бил копытами и фыркал, глаза его вылезали из орбит от страха перед чудовищем, замершим поблизости, свесив влажный красный язык между длинных клыков.

Брэк услышал позади звон металла и обернулся — через открытые ворота высыпали солдаты Нордики. Колдунья повернулась к ним лицом:

— Назад! И оставьте ворота раскрытыми настежь. Поглядим, как чужеземцу удастся поднять против меня этих людей.

Воинство ретировалось обратно во двор. А Нордика вновь, забавляясь, стала разглядывать Брэка. Варвар стиснул меч в руке и двинулся вперед. Он обошел кругом приподнявшегося на задних лапах пса (от Алой Пасти так разило падалью, что его едва не стошнило), миновал колдунью, избегая смотреть в ее полные похоти и звериной злобы глаза, и приблизился к Странну и Пемме.

В своем ратном облачении Повелитель Серебряных Весов выглядел еще более бледным и больным, чем

обычно. Он полулежал на носилках, приподнявшись на локте.

Брэк знал — сейчас не время и не место для церемоний и потому спросил напрямик, указывая мечом на шеренги воинов:

— Что это с ними? И что с вами? Ворота открыты, и уж, конечно, одной-единственной женщине не удержать вас, пусть даже и с помощью мерзкой четвероногой твари. Алой Пасти не одолеть целую армию!

Ряды воинов под штандартами Странна стояли, не шелохнувшись. Люди смотрели на северянина с нескрываемой враждебностью.

Брэк понимал, что по какой-то причине боеспособная армия превратилась в скопище трусов; хотя солдаты и не имели представления об истинном лице колдуньи, о том существе, что заняло ее тело и ум во имя своих извращенных целей, они панически боялись исходящей от ее эманации магического всемогущества. Это пугало и Брэка, но оставалась еще надежда, что если солдаты узнают всю правду о «Нордике», то, возможно...

Пемма собирался ответить на вызов Брэка, но Странн опередил его, подавшись вперед на своем походном ложе:

— Знал бы ты, что она говорила им, что обещала...

Как раз это варвар прекрасно мог себе представить, но счел за лучшее притвориться, будто пытается угадать.

— Добычу? Власть? Все это она присвоит себе, не считаясь с теперешними посулами. Я уверен в этом, как и в том, что знаю, кто она на самом деле.

Оба — и Повелитель Странн, и принц Пемма — недоумевающе посмотрели на Брэка, они явно не уловили смысла его последней тирады. Сердце глухо пульсировало внутри могучей грудной клетки варвара, когда он прошел мимо коня принца и встал, широко расставив ноги, перед шеренгами солдат, лицом к лицу с офицером, опирающимся на двуручный меч.

— Неужто клятва верности, которую ты приносил своему господину Странну, больше ничего для тебя не значит? Ты уже забыл о ней?

— Отваливай, чужеземец, — скривился офицер. — Здесь командует она.

Брэк, не задумываясь, всадил бы клинок в кишки труса, если бы не одинаковое выражение на лицах сотен солдат вокруг — лихорадочно блестящие глаза, разинутые в возбуждении рты. Выругавшись, варвар повернулся и отошел обратно к Пемме. Пора сделать попытку изменить ситуацию последним откровением. Но прежде чем он решился заговорить, ведьма воздела вверх правую руку, требуя тишины.

Брэк прошептал, глядя снизу вверх на сидящего в седле принца:

— Как, во имя всех богов, она лишила их мужества?

Ветер развеивал плюмаж на шлеме Пеммы.

— Первое, что заставило солдат умерить пыл, был сам факт, что они сражаются против женщины. Колдунья вышла из замка одна, если не считать псины. И бесполезно было напоминать, что это не просто женщина, а лютый враг. Но окончательно превратила мужчин в стадо овец — на Пемму было жалко смотреть — алчность.

Завлекающий, манящий голос Нордики раздался из-за плеча Брэка:

— Мои обещания вам, солдаты, не пустая похвальба. И не мечты. Это реальность. Старик, возлежащий вон там, на носилках, слаб и близок к смерти. Время его владычества в этой стране истекло, и так тому и быть. Устанавливается новая власть, власть величайшего из богов творенья. Бог сей напрямую общается с людскими сердцами, он знает их сокровеннейшие желания и страсти. И он исполняет их! Вот почему я с гордостью служу Богу Тьмы. Я служу бессмертному Йог-Сагготу!

Нордика замерла, словно живая статуя, с широко раскинутыми руками, величественно прекрасная и ужасающая одновременно. Кое-кто из солдат заволновался, некоторые были откровенно испуганы, услышав имя грозного бога. Но у большинства это вызвало не более чем легкое удивление. Невежественные глупцы, они вытягивали шеи, исполненные внимания, и жаждали узнать, какую выгоду верность Нордике может принести им лично. Брэка замутило от зрелища толпы, охваченной жадностью. Как сквозь вязкую пелену горячего бреда слушал он разглагольствования колдуньи:

— Для вас не так и важно, какому богу я поклоняюсь. Служите только мне! Покиньте Повелителя Странна, — он безволен и слаб, кровь еле течет по его венам. Я одна владею секретом Цельсуса Гиркануса. Я заполучила его ради осуществления одной великой цели: создать неисчислимы богатства, обратить его в армии невыразимой мощи, которые утвердят господство Темного Владыки на всей Земле, от края до края!

Наконец-то Брэк начал понимать. Септенгундус послал свою дочь захватить тело Нордики, чтобы сделать тайну философского камня достоянием прислужников Йог-Саггота. У Брэка закружилась голова от осознания собственной роли в этом грязном деле. Научившись превращать в золото неблагородные металлы, последователи Темного действительно смогут нанять сколько угодно бойцов и развязать мировую бойню, что, в свою очередь, станет началом долгой и темной ночи греха и власти демонических сил, как и пророчил Несторианец Джером в Ледяном крае.

Под адский аккомпанемент воющего ветра Нордика выкрикивала слова, острыми кинжалами вонзающиеся в мозг варвара:

— Я предложила вам сделку. Выбирайте сами: оставаться вам со Странном, дряхлым и больным, штурмовать мою цитадель, рисковать своими жизнями в безнадежной схватке с моими людьми и этой милой маленькой зверюшкой, — на конце серебряной цепи шевельнулся Алая Пасть, с челюстей его стекала слюна, — или последовать за мной. Следуйте за мной, ибо я владею секретом, который маги и мистики тилились разгадать век за веком! Следуйте за мной, и ваше богатство, ваша сила, ваша власть будут беспредельны! Ваше небольшое воинство станет ядром могучей силы, покоряющей города и царства от Черных Столбов до Гор Дыма и от Ледяного края до знойного Курдистана. Мы овладеем всем миром!

«В угоду Йог-Сагготу!» — в ужасе звучало в мозгу желтоволосого северянина, но рот его так и остался закрытым.

Нефритовые глаза колдуньи заглядывали, казалось, в лицо каждому из солдат, искушающие, дразняще-яркие.

— Кто последует за мной? — вскричала она. — Кто последует за мной, чтобы править миром?!

Странн жадно хватал ртом воздух. Ветер стонал и завывал. Солдаты переминались с ноги на ногу.

Из задних рядов послышался голос:

— Откуда нам знать, есть ли у тебя на самом деле разгадка великой тайны алхимии?

— Наверняка нету, — пробасил кто-то еще. — Ее не существует.

Рыжебородый солдат, чуть ли не на целую голову возвышающийся над своими соседями, потряс кулаками:

— А я говорю, надо рискнуть! Я слыхом не слыхивал об этом ее божестве, но, даже если десятая часть ее посулов правда, каждый из нас станет богат, что твой вельможа. По-моему, надо пользоваться шансом, и пусть пропадет пропадом Повелитель Странн!

Войско нестройным гулом выразило свое согласие. Лишь редкий солдат отрицательно качал головой или скептически поджимал губы, подозревая, что за щедрыми приманками ведьмы кроется злое коварство.

Странн, собравшись с силами, приподнялся на носилках лицом к своим воинам. Он смертельно побледнел, но голос его был тверд, звонок и силен.

— Предать меня сейчас — значит предать больше, чем престол, которым я владею. Вы предаете народ этой страны, а возможно, и всех стран мира! Ваш же собственный народ доверил вам выжечь этот гадюшник колдовства и убийств. Мне приходилось кое-что слышать о боге, которому она поклоняется. Дрянь и мерзость! Не слушайте ее, заклинаю вас. Подымите свои мечи и отправьте ее в ад, из которого эта змея выползла!

Задохнувшись, Странн упал на носилки. Пемма соскочил с коня и подбежал к отцу, опустил около него на колени. Страдание исказило его широкое простое лицо.

Брэк наблюдал за солдатами. Ответом на речь Странна был взрыв издевательских возгласов, свиста и хохота. Нордика решила воспользоваться полученным преимуществом. Она резко дернула серебряную цепь.

Алая Пасть вскочил на ноги. Солдаты передних шеренг отпрянули. Нордика торжествующе рассмеялась.

— Ну? — Голос ее стал требовательным. — За кем вы пойдете? За мной? Или за этим слабоумным стариком? Пусть нерешительные стоят на месте. Те же, кто завтра собирается отправиться со мною завоевывать царства земные, бросайте оружие, разворачивайтесь и ступайте по домам!

Рыжебородый наемник заорал:

— Можешь считать меня первым! До тошноты надоело рисковать шкурой за короля, который настолько слаб, что сам не может встать с кровати. Мне нет дела до богов, но отсюда я ухожу с радостью!

Сказав так, он швырнул оземь свое копьё, следом за ним полетел меч. Затем он повернулся кругом и плечами проложил себе дорогу через шеренги воинов. Немало голов повернулось ему вслед. Тощий нескладный солдат с придурковатым лицом захихикал, но ветер преобразил его смех в такой зловещий звук, что улыбка мигом слетела с выпяченных слюнявых губ. Солдат сорвал с головы шлем и, кинув его вместе с мечом поверх оружия рыжебородого, побегал следом за ним.

— Стоять!

Гром голоса Брэка заставил предателей остановиться и обернуться.

— В отличие от вас я знаю, каков из себя Йог-Саггот, — прокричал он. — Я едва не стал жертвой на его алтаре. В посулах и клятвах этой женщины — смертельный яд. Думаю, вы не забыли еще внезапную перемену в поведении дочери алхимика?

Кивки, гомон, утвердительные возгласы.

— Кое-кто подозревал, что Нордика Огнегрява одержима. Так и есть. Эта женщина не Нордика. В теле Нордики, да, но этим и заканчивается сходство. На самом деле это самая отвратительная из когда-либо существовавших на земле ведьм, дочь чародея — наместника Бога Тьмы. Она завладела телом Нордики, призвала своих слуг — магианца да эту чертову псину — и занялась развращением душ, товара, который покупает Йог-Саггот. Не знаю, как она провела о Цельсусе Гирканусе и его изысканиях, но при ее даре предвидения...

— Осторожней, Брэк, — змеиным шипением в вое ветра прошлестели слова Нордики.

Варвар бросил на нее косой взгляд и едва не ослеп от испепеляющего пламени, горящего в нефритовых очах. Сопrotивляясь накатывающему головокружению, варвар прорычал:

— Остерегаться? Ради чего? Ведь я был мертв уже в тот самый момент, когда ты обнаружила меня на дороге в горах, не так ли, Ариана?

— Задолго до этого... Отец ведь предупреждал тебя.

— А тебе представился такой удобный случай отомстить собственноручно...

Его речь прервалась, лицо покрылось крупными каплями пота. Варвара снова замутило.

Во время обмена репликами с колдуньей он перестал обращать внимание на солдат. А между тем вслед за откровенно смеющимся рыжебородым и его недоумком-приятелем и другие в маленькой армии Повелителя Странна стали потрясать в его сторону кулаками, отпускать нелестные замечания насчет дикарского вида и поведения. Но что хуже всего — солдаты смеялись. Они не верили словам северянина.

— Говорю вам, она поведет вас на смерть! — кричал Брэк. — Послушайте же меня! Послушайте...

Бесполезно.

Вначале по одному, потом небольшими группами солдаты начали складывать оружие в быстро растущие на земле кучи и уходить вниз по дороге. Некоторые бахвалились и ерничили. Другие старались тихонько улизнуть. Когда целая шеренга, распавшись, присоединилась к потоку людей, удаляющихся по склону холма, Брэк, не в силах больше этого выносить, яростно взревел. Кровавая пелена заволочла глаза...

Алая Пасть бросился наперерез атакующему варвару, оскаленные зубы сверкнули одновременно с мечом северянина, нацеленным в грудь колдунье.

Нордика резко дернула цепь, выплюнув слово, которого Брэк не понял, и пес тут же изменил направление. За считанные мгновения он, взрывая когтями землю, преодолел расстояние до Странна и его коленопреклоненного сына.

— Ударь меня, и моя рука выпустит цепь, — медленно произнесла Нордика. — Первым умрет Странн. Потом его сын.

Меч в руке Брэка налился свинцом. В голове варвара запульсировало, глаза заслезились, во рту пересохло. И вдруг реальность стала ужасней ночного кошмара — он увидел, как плоть оплывает с лица Нордики Огнегровкой, будто тающий воск. И под нею проступил костяной оскал черепа...

Брэк провел ладонью по глазам. Страшное видение исчезло. Огромные, горящие, как черные солнца, страстные глаза Арианы заглянули, обжигая болью, прямо в его смятенное сознание. Страдая от невыносимой боли, великан выронил меч, закрыл ладонями глазницы и зарычал, как попавший в западню хищник.

Иллюзия рассеялась, давление на его мозг ослабло. Варвар убрал руки от лица и поднял голову, тяжело дыша. Нефритовые глаза Нордики смотрели на него с холодной уверенностью.

— Пусть разум, а не ненависть ведет тебя, Брэк, — прошептала она, — я и сама не испытываю к тебе ничего, кроме ненависти за... прошлое, но ты все еще мне нужен. — Она указала рукой на хмуриющиеся небеса, по которым ветер гнал клочья тумана. — К наступлению ночи сезонные ветры достигнут пика своей силы. Она понадобится мне для проведения ритуала. Сегодня вечером я намереваюсь произвести трансмутацию — первую из многих — свинца в золото и тем самым тысячекратно усилить мощь Йог-Саггота. Что ты выберешь — твою жизнь или их?

Странн слабо запротестовал:

— Не слушай ведьму, Брэк! Убей ее!

Алая Пасть натянул цепь, когти выдрали внушительный кусок дерна. Пемма пребывал в нерешительности, он переводил взгляд со своего отца на Брэка и обратно. В голосе Нордики зазвучало нетерпение:

— Так что же, Брэк? Мне спустить пса, или ты отпавишься со мной и исполнишь отведенную тебе роль?

Варвар стоял перед ведьмой, в мозгу его затеяли пляску черный страх и красная ярость. Но воин быстро взял себя в руки.

— Оставь их в покое, — приказал он.

Нордика улыбнулась:

— Договорились. Это будет моя часть сделки.

— Нет, во имя богов войны! — заорал Пемма. — Даже если это будет стоить жизни моему отцу, я не могу стоять как трус и... Брэк!

Варвар, наподдав упавший в пыль меч, повернулся и направился к воротам замка.

— Брэк! — снова позвал Пемма.

Варвар даже не обернулся. Он миновал высокие ворота, за проход через которые так жестоко сражался еще совсем недавно. Завывания ветра поглотили последний призыв принца. Вслед за этим прозвенел веселый смех Нордики, идущей позади него с Алой Пастью на поводке.

Горечь сокрушительного поражения навалилась на Брэка, помутила рассудок, притупила ощущения. Он вскользь отметил, как с треском захлопнулись ворота, встал на место массивный дубовый засов. И тут — о ужас среди ужасов! — он услышал приказ ведьмы:

— К бойницам, лучники! Убейте обоих правителей, пока они не удрали. По кошельку серебра тем двоим, чьи стрелы уложат Пемму и Станна. Во славу Темного Владыки!

Во дворе воцарился хаос. Лучники заспешили вверх по лестницам. А в Брэке проснулся берсерк: словно громадный ослепший зверь, он водил головой из стороны в сторону, пока глаза не отыскивали стоящую у ворот Нордику.

Защелкали тетивы, запели на ветру стрелы.

— Лживая сука! — в исступлении проревел варвар. — Ты же поклялась...

— Моя госпожа!

— Попали? — вскинула голову кверху колдунья.

Солдат прокричал из-за зубца стены:

— Оба — и Станн, и его сын — упали, пораженные стрелами.

— Тварь из ада! — орал Брэк, бегом направившись к Нордике. — Дьявольское отродье!

Сбегавшиеся со всех сторон войны окружили его и принялись избивать. Варвар бешено сопротивлялся, но

вот враги схватили его за плечи, руки, ноги. Удар за ударом сыпался на его голову.

Ветер теперь неистово завывал в его мозгу. И, заглушая его, истерично хохотала женщина:

— Слишком поздно, Брэк, слишком поздно. Я так долго ждала этого дня. Стремилась к нему с той самой минуты, когда ты отвернулся от меня в Ледовом крае и послал в преддверье ада с отцовским кинжалом в спине. Его магический талант и воля Йог-Саггота вернули меня к жизни, чтобы снова послужить тьме. Сегодня круг замкнется.

— Ариана? — хрипел в полубеспамятстве варвар. — Это ты, Ариана?

— Да, да! Нынче же вечером я призову четыре ветра и превращу свинец в золото, взяв для этого твою жизнь. Ты слышал слова моего отца Септенгундуса: «Я последую за тобой». То была не пустая угроза.

Почти как избавление воспринял Брэк тьму, в которую его погрузили удары и пинки стражников.

Глава 12

СВИНЕЦ СТАНОВИТСЯ ЗОЛОТОМ, МЕРТВЫЙ — ЖИВЫМ

— ...Проснись, проснись, проснись, проснись, проснись...

То громче, то тише, голос пульсировал в голове варвара гулким эхом. Брэк пошевелил опухшим языком. Нужно было найти выход из густой холодной темноты, окутывающей его. Он почувствовал: что-то удерживает его руки. И открыл глаза.

Тьма рассеялась. Охранник, державший Брэка сзади, воскликнул:

— Госпожа! Желтоволосый воин пришел в себя.

И тут к северянину вернулась память, ворвавшаяся в мозг вихрем, сметающим все на своем пути.

Он медленно выпрямился и огляделся вокруг. Ветер тут же нанес ему пощечину. Внутри у Брэка все похолодело, когда он понял, где и в каком окружении находится.

Зал был большим и круглым. Через одну из арок Брэку были видны острые пики гор, почти черные в сероватом полумраке уходящего дня. Комната казалась очень просторной и высокой. Судя по открывавшемуся отсюда пейзажу, она располагалась в самой верхней части замка.

Сквозь арки порывами налетал ветер. Воздушные вихри образовывали то тут, то там ясно различимые облачка молочного цвета. Они исчезали почти в ту же секунду, как и возникали. Казалось, бурлящий воздух живет какой-то жуткой, сверхъестественной жизнью.

Варвара ждало очередное потрясение, когда он заметил, что в каждой из колонн, поддерживающих арки, выдолблена ниша. И в каждой нише, тараща каменные глаза, в ярости стиснув каменные кулаки и злобно искривив рот, стоял идол Йог-Саггота.

На полу из грубо обтесанного камня был начерчен огромный белый меловой круг. Особой формы кресты были расположены по его краю на равных расстояниях друг от друга. Один из них был начертан прямо перед ступнями Брэка.

Напротив него по другую сторону круга был нарисован еще один подобный знак. За ним, хотя и не связанный, подобно Брэку, но под охраной троих солдат, чьи копья упирались ему в спину, стоял Рунга. Рана на руке кузнеца была забинтована полоской льняной ткани, глаза его были мутными от страха.

Слева от варвара, рядом с другим крестом, стоял, пошатываясь, старый морской волк Дариос, борода его полоскалась на ветру. Трое вооруженных воинов присматривали за ним. И еще одна такая же троица стерегла Элинора, стоявшую по правую руку от Брэка.

Ему не понадобилось много времени, чтобы понять страшное предназначение круга с крестообразными метками и стоящих за ними людей.

Четыре жертвы замерли у символического изображения круга творения, каждая с той стороны, откуда дул один из четырех ветров земных.

В центре круга находился низкий и плоский каменный пьедестал. Вокруг него и на лучах от центра

по краю круга был устроен целый лабиринт магических символов. Варвар тщетно пытался сообразить, что же могут обозначать все эти пентаграммы и многолучевые звезды.

С очередным стенающим воздушным вихрем в зале появилась Нордика. Лицо ее было белым, и еще белее казалось надетое на нее платье. Волосы развевались за ее спиной знаменем цвета запекшейся крови. Она стояла босой, держа в руках небольшой кирпичик серого металла. Лицо колдуньи выглядело абсолютно бесстрастным.

Она медленно прошествовала к центру круга и положила слиток на каменное возвышение, неотрывно глядя на него. Ветер играл подолом ее платья, дергая его то в одну, то в другую сторону и завывая с каждой секундой все громче и громче.

Голова ведьмы медленно-медленно поднялась. Нордика развернулась.

Посмотрела на Брэка. Алые губы едва заметно изогнулись, но и это мимолетное движение было для варвара красноречивее любых слов. Он узнал улыбку Арианы — улыбку радости, триумфа и наслаждения мстью.

Нефритовые глаза Нордики были необычайно темны. Брэк ощутил отчаяние и бессилие, когда невозмутимый взгляд этих глаз настиг его.

Ариана победила. Он знал это. И она знала, что он это знает, но лишний раз убедилась в этом, заглянув в его глаза.

Тут и там варвар различал завихрения воздуха, миниатюрные смерчи, отливавшие перламутром облачка и другие порождения воздушных волн, — казалось, ветры жаждут принять осязаемую форму.

Рунга негромко заныл; один из стражей отвесил ему оплеуху. Эти движения положили конец ледяной невозмутимости Нордики. Она бешено сверкнула глазами. Двое гвардейцев тут же схватили Рунгу, не давая тому пошевелиться. Кузнец поневоле затих.

Одного взгляда на Элинора оказалось достаточно, чтобы понять, в каком смятении и ужасе пребывает юная

пастушка. Но она всеми силами старалась сохранить самообладание и не уподобиться Рунге.

Брэк ужасно страдал. Причиной тому были не удерживающие его путы и стражники, даже не страх — варвар слишком устал, чтобы помнить об этом. Нет, он мучился оттого, что столько было выиграно боев, столько перенесено тягот, и все впустую.

Свинцовый брусок зловец по блескивал на пьедестале. Один лишь Дариос был избавлен судьбой от необходимости лицезреть его, — на щеках так и не пришедшего в себя моряка по-прежнему горел лихорадочный румянец, а сам он обвис в крепких руках приставленных к нему стражей.

Нордика вскинула вверх правую руку и медленно повела ею в сторону вонзающихся в небеса гор, что виднелись сквозь арочный проем. Она заговорила. Губы едва шевелились, но, странно, Брэк отчетливо слышал каждое слово, несмотря на душераздирающий вой ветра, достигшего уже такой силы, что держащие пленников воины не могли сохранять выправку и слегка пригнулись для сохранения равновесия. Лишь Нордику буря ничуть не трогала.

— Великим именем Йог-Саггота, Бога Тьмы, я заклиная четыре ветра, — нараспев декламировала она, уткнув вытянутый указательный палец в бурлящее небо. — Слейтесь воедино и даруйте мне могущество. Четыре ветра из глубин времени... Четыре ветра от истоков творения... Четыре ветра из черной бездны за краем жизни, где властвует Темный мой Господин... Четыре ветра, придите!

На комнату обрушился шквал. Каменный пол заходил ходуном. Или Брэку просто почудилось?

— Йог-Саггот посылает северный ветер! — пела колдунья. — Посылает студеной ветер голубых северных льдов!

В арке позади Рунги застонал, забесновался ураган. Брэк ощутил на груди его леденящее дыхание. Зал словно поплыл в синеватом тумане.

— Йог-Саггот шлет южный ветер, — выла Нордика, — зеленый ветер зноя и разложения!

Обжигающее марево горячего воздуха затопило комнату, неся с собою отвратительное зловоние органических останков, веками копившихся в пропитанных сыростью джунглях. Одного из охранников Брэка затошнило.

— Йог-Саггот посылает ветер с востока! Яркого-красный ветер маковой отравы!

Элинора и ее стражи покачнулись, когда в арку за их спинами ворвался ветер, дохнувший нездоровым приторно-сладким ароматом.

— И западный ветер насыщает Йог-Саггот! Черный смерч с самого края земли!

Троица держащих одноногого моряка солдат исчезла в облаке чернильного цвета. Извиваясь и кружась, облако потянулось к центральному возвышению. Одно мгновение — и весь зал оказался втянут в ревущий смерч.

Диковинные радужные мушки заплескали у Брэка перед глазами, и в сердцевине искрящейся многоцветной дымки стало возникать изображение...

Бритый череп.

Орлиный нос.

Поджатые тонкие губы.

Сердце варвара неистово заколотилось в неожиданно ставшей тесной груди. Затем пришел страх. Страх...

В воздушных завихрениях сформировались глаза, большие, темные, с огромными зрачками, окруженные бугристой коркой иссеченной шрамами кожи. Во взгляде этих немигающих глаз, уставившихся на Брэка, светилось торжество...

Вслед за отдельными чертами материализовалось все лицо, и варвар увидел кожу, живущую жизнью судорожно извивающихся, переплетенных человеческих фигур. Из буйства колдовской бури Септенгундус, Наместник Зла на Земле, довольно взирал на мучения Брэка и остальных жертв.

Продолжалась отвратительная пляска бьющихся в корчах фигур, пронзительные застывшие глаза обзоредали зал сквозь колышущуюся мглу. Выражение призрачного лица показало, что колдун остался доволен работой своей дочери.

В нечеловеческом веселье кружились воронки смерчей. Сквозь завывания ярящихся ветров Брэк услышал глумливый, издевательский смех Септенгундуса. Колдун явно смеялся над ним, и ему было отчего торжествовать: после долгих мытарств и бесполезной борьбы варвар попал-таки прямо в лапы Йог-Саггота, не достойного зваться богом. В ушах северянина загремел голос: «Я буду там!»

Брэк изо всех сил зажмурил глаза. Когда он вновь открыл их, одна только Нордика стояла в центре смерча, где царил абсолютный штиль — белое платье висело свободно, не развеивалось гнездом черных змей волосы. Вытянув руки по направлению к великану-варвару, Нордика воззвала:

— Во славу Йог-Саггота — соединишь, южный ветер, с землей, вдохни в золото жизни!

Брэк ощутил легкое покалывание в ногах, очень скоро перешедшее в жгучую боль. Она быстро распространилась вверх по телу, обволакивая его паутиной страдания.

Нордика повернулась к Дариосу:

— Во славу Йог-Саггота — слейся, западный ветер, с водой. Вдохни в золото жизни!

Моряк протяжно и жалобно закричал, его и без того хилое тело прямо на глазах еще более поникло и сжалось.

— Во славу Йог-Саггота — соединишь, северный ветер, с огнем, вдохни в золото жизни!

Зарыдал и задергался Рунга. Крупные слезы покатились по его щекам, скрюченные руки стиснули бока.

— Во славу Йог-Саггота — восточный ветер, соединишь с воздухом, вдохни в золото жизни!

Элинон застонала и упала бы вперед, если бы один из насмерть перепуганных стражей не подхватил ее.

— Земля! Воздух! Огонь! Вода! Превращенье, начнись! Соберитесь, ветры! Дуйте, жгите, вдохните в золото жизни!

Брэк чувствовал, что слабеет с каждой секундой. Голова отяжелела, в висках стучало, заволочло мутной пе-

ленной глаза. Ноги стали ватными и подгибались, как у недавно начавшего ходить младенца.

Серая свинцовая чушка на темном постаменте начала излучать слабое желтое свечение, она словно стала наливаться жизненной силой. Той самой силой, что утекала, подобно песку, струящемуся в колбе часов, из тела, высасываемая ветрами. Варвар больше не чувствовал своего тела, он казался себе существом, состоящим из какого-то желеобразного вещества наподобие костного мозга. Когда жизнь его будет выпита до капли, от него, должно быть, останется только бесформенное склизкое пятно на мраморном полу.

Нечто подобное ощущали и три другие жертвы. Они все больше бледнели и даже, казалось, уменьшались в размерах. Потоки беснующегося воздуха сгустились в плотную непрозрачную пелену. Комнату опять закачало, на этот раз сильнее. Брэку показалось, что он слышит отдаленный грохот. Похоже было, будто весь замок сотрясся до самого основания. Борясь со слабостью, варвар продолжал держать голову высоко поднятой и в какой-то момент заметил извилистую трещину, открывшуюся в камне, венчающем арку позади Рунги. Где-то выругался охранник. Видимо, он тоже увидел трещину и понял, какую угрозу может представлять разбушевавшаяся стихия.

Лицо Нордики было озарено желтым сиянием, исходящим от слитка на возвышении, и кроме него, она ничего вокруг не желала видеть.

— Ветры, ветры, возьмите жизнь от живых! Ветры, вдохните жизнь в мертвую вещь! Ветры, отнимите силу у огня и воздуха, земли и воды. Превратите низменный свинец в пламенеющее золото, дабы грядущее владычество Йог-Саггота не знало границ!

Золотое свечение стало еще интенсивней.

И еще. По поверхности бруска пошли ярко-желтые полосы и пятна. Он преображался на глазах.

Нордика нависла над слитком, ее руки стали как птичьи когти, голос ее потерялся в кошмарном реве торнадо, объединившего все ветры небес.

Брэк почувствовал: еще чуть-чуть и он упадет. Сила, держащая его на ногах, все быстрее утекала через зал и

подпитывала светящийся брусok. Он уже распрощался с надеждой, понимая, что конец его близок, да и остальных пленных — тоже.

И все-таки какая-то дикая жажда жизни, впитанный с молоком матери на северных равнинах инстинкт не позволял варвару окончательно сдаться. Тускнеющее сознание слепо искало выход, выход или хотя бы какое-то оружие, чтобы убить себя и Норди... нет-нет, Ариану!

Впрочем, Брэк был уже слишком слаб, чтобы сражаться. Адские вихри истрепали его, словно огромные безжалостные руки. Осталось совсем мало времени... Но уступить и позволить перекачать его жизненную силу в дурацкий свинцовый брусok, который потом пойдет на покупку новых жизней, новых душ, новой мощи для Темного бога... Ну уж нет!

Раскачиваясь, Нордика медленно двинулась вокруг каменного возвышения, делая руками непонятные для варвара пассы. Губы ее шевелились, но Брэк не расслышал ни единого слова в неистовом буйстве ветра.

Небо снаружи потемнело, каменный пол и стены опять содрогнулись.

И вдруг Брэка озарило. Он вспомнил.

Вспомнил, ибо проклял тот день, когда прибыл (был силой принужден прибыть) в это заколдованное королевство.

Он вспомнил крик в колодце Червя Червей, вспомнил, как едва не окончилась трагедией попытка спасения Элинор, вспомнил, как в руку его влилась неведомая сила... И вспомнил предполагаемый источник этой силы — разум, способный путешествовать далеко за пределы собственного тела.

Губы варвара гротескно изогнулись: в глубине колодца обитал Цельсус Гирканус.

Безумный, да.

Но живой.

И Нордика — конечно, если хоть малая толика настоящей Нордики еще присутствовала в ее теле, захваченном Арианой, — была к этому не готова.

— Амброз?

Брэк попытался мысленно дотянуться до отшельника, до его всепроникающего разума. Он постарался воскресить в уме образ восседающего на каменной колонне старца с каменным крестом на шнурке вокруг шеи.

— Амброз? Амброз?!

Порывы сатанински завывающего ветра колотили варвара похлеще кулаков великанов.

— Амброз? Амброз? Отзовись, услышь меня, где же ты?!

Спустя несколько бесконечных мгновений, когда Брэк утратил уже всякую надежду, он услышал голос, доносившийся словно издалека:

— Я здесь.

Казалось, даже боль и растущая беспомощность, сжавшие его в тисках, немного отступили. Фигура Нордики, кружащей около камня, где наливался ярко-желтым сиянием слиток, расплылась перед глазами. Брэк смотрел теперь внутрь себя и взывал к таинственному чародею:

— Помоги нам, если действительно обладаешь силой, дарованной Безымянным богом. Помоги нам, пока мы еще не умерли, а она не пронеслась вместе с отцом на черном жеребце новой власти над всей землей.

Далекий бесстрастный голос отвечал:

— Сила Безымянного бога есть во мне, я попытаюсь. Вспрошай.

— В колодце... в колодце Червя... — Брэк с трудом поддерживал контакт, ибо проник в такие сферы, сути которых не понимал. — ...живет старик. Сумасшедший. Полумертвый. Перемести его оттуда той силою, какой ты или твой бог подпитывали мою руку в тот первый день. Перенеси его сюда из пещеры и доставь в этот зал прежде, чем мы погибнем.

Ответ пришел немедленно и был настолько резким, что Брэку показалось, будто в череп ему вонзилась огненная игла:

— Нет!!! Это чересчур тяжело для меня. Силы мои не те, что прежде. Я стар. Я не смогу ни извлечь

безумца из подземелья, ни перенести на такое состояние.

Магические заклинания Нордики перешли в долгий истошный крик, перекрывший даже ветер. Рунга бухнулся на колени, сложив руки в бесплодной мольбе, а сила жизни тем временем покидала его. Дариос был уже мертв, он распластался на спине. Его рот безвольно открылся. Элинор удерживали в вертикальном положении лишь ее скованные ужасом стражи. Если бы не подергивание ее головы, она тоже выглядела бы мертвой.

Комната постепенно заполнялась ослепительным желтым светом. От него было больно глазам. И еще быстрее полилась жизненная сила жертв в преображающийся слиток.

— Доставь алхимика! — из последних сил безмолвно молил Брэк. — Попробуй, мистик! Сожми свой крест! Помолись! Попроси своего бога, если нужно, но попробуй! Иначе силы зла вырвутся и затопят мир!

Сквозь гулкую пустоту далеким эхом донесся до него ответ:

— Мне не хватит сил.

— Но хоть попытайся, пока на мир еще не пала тьма!!!

Вдруг связь с отшельником исчезла. На Брэка вновь накатила слабость, куда большая, чем прежде, но ему было уже все равно. Каждый член тела налился неимоверной тяжестью.

Он утратил контакт.

— Амброз... Амброз...

Все напрасно. Все тело Брэка пронзила боль. Низкий, дикий стон отчаяния сорвался с его губ, и варвар отдал себя во власть ветров.

Еще одна трещина рассекла камень, на сей раз в арке позади Элинор. Она была значительно шире первой. Вниз посыпалась пыль и каменная крошка.

Один из солдат попытался криком предупредить Нордику, но та не слышала. Без остатка отдавшись мерзкому противоестественному ритуалу, она кружила около претерпевающего метаморфозу слитка ожившей золотой статуей.

Прямо под ноги Брэку подкатился камень. Только варвар успел подумать, что комната долго не выдержит,

как его скрутил жуткий приступ боли. Северянин запрокинул голову назад и закричал.

Стражники шарахнулись от него, столкнувшись друг с другом. Брэк опустил на колени и сжал ладонями виски, когда пульсация боли в его голове стала непереносимой.

Несмотря на боль, Брэк заметил, что лицо Нордики скривилось в ухмылке. Глаза ее были чернее ночи. То были глаза Арианы...

Боль, терзающая варвара, удвоилась.

Утроилась.

Еще утроилась...

В этот миг его гаснущее сознание прорвалось сквозь незримую стену, и он услышал мысленную речь Амброза:

— Он явится. Пусть я умру, но доставлю к вам алхимика, как того желает Безымянный бог. Боль жжет меня, терзает, но он уже покинул колодец, готовясь! Алхимик...

— Эй, женщина! — закричал Брэк. Он заполз в круг. — Нордика, Ариана, колдунья или как там ты себя называешь, послушай меня!

Заметив приближающегося к ней Брэка, она отдала солдатам приказ, которого варвар не расслышал. Внезапно в Брэка влилась волна мощи, которая все росла и росла, в противовес иссушающей силе ветров.

На солдат теперь можно было не обращать внимания: они никак не могли справиться со страхом, куда там заставить непослушные руки и ноги исполнять приказы!

Пол зала покрылся сетью трещин. Раздался грохот — это с одной из арок обрушился массивный камень.

— Эй, женщина! — завопил Брэк. — Колдунья! У тебя никудышная магия, моя куда сильнее!.. — Его тело обожгло чудовищной болью. — Я способен оживлять умерших, и сейчас ты встретишься с вызванным мною из загробного мира человеком, которого убила когда-то...

Перед глазами Брэка полыхнул белый огонь, и варвар на мгновение ослеп.

И в тот же миг ветры стихли.

Стоило Брэку вновь обрести зрение, как он во все глаза уставился в центр круга. Там, рядом с возвышением, на котором лежал слиток металла, быстро тускнея и покрываясь серо-черными разводами, в невесть откуда взявшемся белом мерцающем облаке возник торс... руки... ноги...

Из незримого далека проник в сознание Брэка мучительный стон Амброза Столпника, а в зале полностью материализовалась фигура Цельсуса Гиркануса.

— Отец... — Нордика завизжала. — Отец мой, Септенгундус, помоги мне!

— Где я?.. Где?.. — забормотал безумный старик-алхимик, крутя головой. Но вот глаза его остановились на лице Нордики, и его мозг, попавший в плен сумасшествия, не выдержав, сломался. Неповоротливый обложенный язык облизал потрескавшиеся, иссохшие губы. Цельсус Гирканус пришел в себя:

— Нордика! Плоть от плоти моей. Плоть моя, пораженная злом. Собственная плоть моя, возжелавшая смерти родному отцу, — ты ли это?

Старик часто-часто заморгал.

— Что-то в тебе не то, Нордика... Твои глаза. Эти глаза, они не принадлежат моей дочери. Я... Да! Я узнаю этот взгляд...

Один неверный шаг вперед.

— Именно такими стали твои глаза как раз перед тем, как ты постаралась уничтожить меня, девочка. Впрочем, ты ведь больше не моя девочка, верно? От дочери моей осталось лишь тело. Так кто же ты?

Скрюченными в когтистые звериные лапы руками Цельсус Гирканус потянулся к горлу девушки.

Колдунья снова возвала к Септенгундусу. Ее дикий вопль потонул в раскате грома.

Покоящийся на пьедестале свинцовый брусок раскололся пополам. За считанные секунды, в сопровождении раскатистого, рвущего уши «бум-м-м!», слиток рассыпался в пыль, а стихшие при появлении Цельсуса Гиркануса четыре вселенских ветра обрушились на центр зала. Где-то далеко с внезапным облегчением простонал Амброз.

Не успел еще стихнуть гром, как варвар, развернувшись, бросился на своих пленителей. Разорвав пути с помощью вновь обретенной силы, он схватился с одним из них и вырвал из его рук копьё. Северянин в эти минуты больше походил на хищного зверя, чем на человека: полусогнутые ноги, вжатая в плечи голова, оскаленные зубы, взгляд исподлобья, злобные гримасы.

Стены зала, величественная аркада, начали рушиться. Вздрыбился под ногами растрескавшийся пол. Уже на бегу Брэк увидел, как огромный валун, падая, превратил в кровавое месиво одного из солдат и беднягу Дариоса.

У края очерченного мелом круга Брэк столкнулся еще с одним солдатом. Обезумевший от страха, тот бросился на варвара, дико размахивая мечом. Брэк, даже не притормозив, всадил ему в живот копьё, выдернул и помчался дальше. Он подбежал к лежащей на полу девушке, подхватил ее на руки и, забросив на плечо безвольное тело, пустился в том направлении, где, по его представлениям, была лестница.

Ветры бушевали, разнося в клочья каменный чертог. Градом сыпались камни. Еще секунда — и здесь не останется ничего, кроме руин.

Бегущий варвар столкнулся с кем-то и увидел, что это Рунга...

Дородный кузнец замолотил массивными кулаками. Он тоже спешил к лестнице. Обремененный телом пастушки, Брэк ухитрился перехватить копьё и воткнуть его глубоко в брюхо предателя. Рунга с криком повалился назад, увлекая оружие за собой. Фонтаном брызнувшая кровь залила плечо Брэка чем-то теплым и липким. Какой-то горе-войка сломя голову пронесся мимо, но споткнулся на первых ступенях ведущего вниз марша и с жутким криком полетел в темноту.

Стены по бокам спускающегося по ступенькам варвара были каменными, но раскачивались и тряслись, словно шелковые драпировки. У поворота лестницы Брэк обнаружил упавшего солдата. Тот валялся на площадке со сломанной шеей. Брэк остановился, подхватил его меч и побежал дальше. Казалось, лестнице не будет конца.

Усталость все больше давала о себе знать. Наконец впереди забрезжил свет.

Едва не закричав от облегчения, Брэк доковылял до дверей, ведущих на стену замка. Вдалеке виднелась лестница, ведущая во внутренний двор. А оттуда было рукой подать до высоких дубовых ворот. Они были распахнуты разбегающимися в разные стороны, как стая спасающихся в панике крыс, воинами колдуньи.

Элинор начала подавать признаки жизни. Брэк остановился, опустил девушку и поставил на ноги, придерживая, пока она окончательно не пришла в себя.

— Можешь идти, девочка? Мы уже практически на свободе.

— Постараюсь. Поддержи меня за руку — это вся помощь, какая мне требуется.

— Нужно спешить, не то ветры разнесут башню, да и весь замок прежде, чем мы окажемся вне пределов их досягаемости.

Оглушительный грохот заглушил последние слова северянина. Он резко обернулся к башне, где располагался зал тысячи арок. Его больше не существовало, вся верхняя часть башни обрушилась в узкое ущелье позади замка.

— Все, ее больше нет. Мертва и похоронена. И ее магия — вместе с ней, — выдохнул Брэк, не вполне сознавая в окружающем его хаосе, кого имел в виду — Нордику, Ариану или обеих вместе. — Нам всего-то и осталось — выбраться отсюда живыми.

Схватив Элинор за руку, он бросился бежать. Половина пути была позади, когда варвар вдруг почувствовал ужасающе знакомое зловоние. Он резко затормозил, бросая по сторонам затравленные взгляды. Неужто им так и не суждено спастись?

Сзади, от той же двери, которую они сами только что миновали, сверкая глазами и скаля зубы, неся Алая Пасть.

Единственным оружием Брэка был меч. А он, как варвар знал по опыту, был бесполезен против адской собаки.

— Взять его!

Крик заставил варвара обернуться. Там, внизу, во дворе стояла Нордика. Но Нордика ли это была или дочь Септенгундуса?

— Взять его!!!

Брэк узнал белое платье. Оно было пропитано кровью, вытекающей из разбитой грудной клетки, порванного горла, раздавленных бедер. Он узнал волосы цвета меди, спутанную копну, припорошенную известковой пылью. Как удалось ей спастись из падающей башни? Брэк подзревал, что она погибла, погребенная под обломками, но восстала из мертвых.

Принадлежала ли часть крови на ее платье Цульсусу Гирканусу? Наверняка.

Во рту у Брэка пересохло: он увидел, как сухой коркой осыпались перепачканные щеки ведьмы и под нею обнажилась пугающая белизна черепа. Затем на смену этой иллюзии пришла другая — безукоризненно прекрасное лицо с полными губами цвета спелой сливы и темными глазами, пылающими, как адские печи.

Лицо Арианы.

Позади нее за клубилась тьма, вздулась опухолью, на которой выросло огненное облако, и оттуда выглянули лишенные век глаза Септенгундуса, окруженные шевелящейся кожей.

Ариана смотрела, как собака несется к ее злейшему врагу, и красота ее сменилась уродливой гримасой ненависти.

У Элинор началась истерика, она рыдала и никак не могла остановиться. «Настал час последней битвы», — подумал Брэк. Меч в его руке сверкал, как стальная молния. Варвар протер ладонью глаза и приготовил свое бесполезное оружие. Элинор сквозь душившие ее слезы забормотала что-то насчет тщетности усилий, но Брэк не обращал на нее внимания, сосредоточившись на предстоящей схватке с приближающимся псом. Элинор громко закричала от страха.

Промчавшись по всей длине стены, Алая Пасть взвился в воздух в гигантском прыжке, распахнув громадный рот и выпустив когти.

Видя летящее на него чудовище, Брэк даже не подумал броситься наутек. Проснувшаяся в нем ярость берсерка

диктовала единственное желание — умереть в схватке с врагом...

Северянин метнулся под брюхо зверя, когда тот уже опускался на землю, и послал вверх стиснувшие меч руки. Когти полоснули по спине и бокам варвара. Чудовищный вес обрушился на меч; Брэк почувствовал, как трещат его кости, и одним невероятным усилием сбросил падающего на него монстра со стены во двор. Исполинское тело ударилось оземь. Его сотрясла судорога. Но тварь не была мертва, она поднялась на ноги, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Зверь? — раздался потрясенный голос ведьмы. — Мой славный зверь. Ты обладаешь всей мощью Йог-Саггота, и все-таки он победил те... нет!

Алая Пасть учуял кровь на платье Нордики. Медленно, приволакивая заднюю ногу, животное потащилось к ней.

Нордика бросилась бежать. Споткнулась...

Алая Пасть прыгнул.

Нордика с лицом Арианы пронзительно закричала, взывая не то к своему богу, не то к чародею-отцу. Вихрящееся огненное облако стало обволакивать ее, пытаясь спасти. Но заплетающиеся ноги окровавленной женщины вынесли ее прочь из облака. Она успела сделать лишь пару шагов, и тут ее настиг адский пес. Брэк притянул к своей груди голову Элинора и отвернулся, не желая смотреть.

Сдавленный писк.

Треск сокрушаемых костей.

Кровь существа, некогда бывшего Нордикой Огнегривой, рекой лилась по двору.

Пес трепал безжизненное тело, как тряпичную куклу, зубы рвали плоть на окровавленные куски. Огненное облако, в котором варвару привиделись глаза Септенгундуса, опустилось поближе к трупу. От тела поднялось нечто, напоминающее струйку дыма, и растаяло в облаке.

Вдруг где-то зазвучал женский смех. Облако громыхнуло молнией. Оно начало распадаться на части, пока совсем не исчезло, растаяв в утреннем небе.

Нордика умерла. Не Ариана. Дочь Ада каким-то образом, с помощью колдовской силы ее отца, покинула тело в последний момент. Выходит, она все еще была жива и лишь временно побеждена. Только временно.

Словно в полубреду Брэк и Элинора добрались до ворот и, лишь оказавшись на дороге, бегом бросились прочь, рука в руке. Земля под ногами затряслась, варвар обернулся через плечо.

Замок Нордики был окружен черными смерчами. На глазах у беглецов он начал разваливаться на части, громадные камни сыпались вниз, один за одним, хороня под собой тела Нордики и Алой Пасты, идолов Йог-Саггота и все беспредельное зло этого места.

Все рассыпалось в прах.

Все, кроме Арианы.

И Септенгундуса.

В сознании Брэка всплыли внушающие страх слова:

«Я последую за тобой».

Брэк с пастушкой медленно пошли вниз по дороге, встречая по пути разрозненные группы солдат Нордики, никак не проявляющих враждебности.

Варвар бросил последний взгляд на злополучный замок. Он под ударами ветров со всех концов Земли превратился в грандиозную грудку щебня.

Могильный курган для Нордики.

Но не для Арианы.

Несколькими днями позже Брэк седлал коня на залитом солнечным светом дворе королевского дворца, принадлежащего Правителю Страну.

Рядом стоял принц Пемма, ставший теперь Правителем Пеммой. Подчеркивая весомость его нового положения, на голове юного правителя красовалась диадема из слоновой кости. Молодой человек был мрачнее тучи. Сбоку от Пеммы стояла Элинора. Она почти оправилась

от выпавших на ее долю испытаний, но Пемма настоял, чтобы она, так же как и Амброз Столпник, оставалась гостей его дома до полного выздоровления. Амброз все это время пребывал в состоянии, близком к коме, лишь иногда принимаясь невнятно возносить хвалы Безымянному богу.

Пемма шагнул вперед. Под его камзолом на левой стороне груди было заметно утолщение от наложенной лекарями повязки в том месте, куда его ранила неприятельская стрела. Повелителю Страну не так повезло, и тело его покоилось теперь в королевской дворцовой усыпальнице. Сын его выжил, чтобы унаследовать престол.

Брэк провел пальцами по чудесной серебряной упряжи, подаренной Пеммой.

— Я могу остаться, Правитель, — сказал варвар молодому человеку, — до той поры, пока доктора не будут уверены, что с Амброзом все будет в порядке. Я перед ним в большом долгу.

— И перед его богом?

Насчет этого Брэк не был убежден.

— Не беспокойся, мы позаботимся о нем, — ответил Пемма. — Хотя доктора так и не поняли истинной природы его болезни, они все же надеются, что он выживет и выздоровеет. Независимо от того, как повлияет на него ранение, отшельник всегда будет желанным гостем в моем доме. Он может оставаться здесь столько, сколько пожелает.

От колонны марширующих по двору воинов в доспехах отделился Искандер и приблизился к ним.

— Я был бы рад, если б ты остался, варвар. Я бы нашел применение и твоей храбрости, и твердой руке. Плата будет солидной, а жизнь достаточно вольготной — теперь, когда колдуньи больше нет.

Брэк покачал головой:

— Я должен закончить свое путешествие на юг, в Курдистан.

Глаза его глядели куда-то за линию горизонта, словно отыскивая там далекую страну.

Элинор порывисто сорвалась с места и подбежала к коню, схватила варвара за руку. Хотя она и прятала ста-

рательно глаза, румянец на щеках выдавал ее чувства с головой.

— Я многократно благодарила тебя, Брэк. Я могу повторять это снова и снова! Но и десяти тысяч раз не будет довольно. — Она подняла голову, чтобы взглянуть на него. — Быть может, твоя судьба ждет тебя здесь?

Она была необыкновенно хороша в этот солнечный день, но сердце Брэка было отдано другой — Рее, королеве Фриксося, оставшейся где-то там, в туманной дали.

Вздохнув, северянин коснулся ее ладони.

— Я не привык жить при дворах королей, детка. Наверно, мне суждено скитаться по земле до самой смерти. Такой уж я...

Тут он заметил, как изменился в лице внимательно наблюдающий за ними принц. Он ревновал!

Брэк улыбнулся, впервые за много дней. Что ж, ревность Пеммы можно было понять, девушка выглядела просто обворожительно.

Варвар осторожно высвободил руку из руки Элинора.

— Злые чары колдуньи больше не отравляют жизнь этой страны, и у нее есть прекрасный молодой правитель. Может быть, когда я уеду, ты увидишь его другими глазами. Может быть, в один прекрасный день ты найдешь, что жизнь во дворце предпочтительней томительного одиночества в горах. По крайней мере, — тут глаза варвара озорно блеснули, — тебе стоит об этом подумать.

Удивленная его словами, Элинор взглянула на Пемму и быстро отвела глаза, еще более смутившись. Пемма улыбнулся ей, затем снова стал серьезен:

— Ты так и не ответил на мой главный вопрос, Брэк...

— ...Хотя ты и донимал меня каждый час с тех пор, как мы вернулись из этого обиталища демонов, — проворчал гигант, устраиваясь на спине коня. Звякнула сбруя. Конь забил копытом, стремясь отправиться в путь.

— У ворот, — сказал Пемма, — помнишь? Ты назвал Нордику другим именем.

— Я был не в себе, — поспешно ответил Брэк, — сам понимаешь: напряженность ситуации и все такое...

— Ты рассказывал о Боге Тьмы, которому она служила, — упорствовал Пемма, — и был очень убедителен.

— Говорю тебе, я не понимал, что творю!
— Знание — лучшая защита, Брэк. И я хочу знать об этом все, чтобы быть готовым, если вдруг зло опять начнет прокладывать дорожку сюда.

— Не тебя станет она преследовать, — мрачно бросил северянин, опять посмотрев вдаль.

— Как властелин этой страны, я требую, чтобы ты объяснил, как...

Брэк тронул коня с места:

— На юг...

Пемма что-то еще говорил ему вслед, но Брэк уже проезжал через ворота под башней, где в молчании висел Колокол Судьбы.

Он пустил коня рысью по дороге среди выжженных виноградников, где снова работали крестьяне. Они вскапывали землю и сажали новые лозы взамен сожженных.

Варвар услышал песню, которую они пели. Слов было не разобрать, но бодрая мелодия сама по себе заставила его взбодриться.

За следующим поворотом дорога свернула на юг. Брэк остановился и бросил долгий, последний взгляд назад. Потом пожал плечами и, прищипорив коня, решительно поскакал вперед...

Руна 2 ДЬЯВОЛЫ В СТЕНАХ

Наследники, вот и сокровища,
Чьи стражи лишь крысы да галки,
Личинки да черви, чудовища —
Охотничьи леопарды.

Наследники, с вашей-то жадностью...
Прошу вас — остановитесь.
Пусть смерть с ледяною хладностью
Томится одна среди пыли.

Наследники, если желаете
Прожить чуть подольше родителей,
Подумайте о ненасытности
Когтей, что убили правителей...

Гамурские очарования.

— Что мне предложат? — закричал аукционист рынка рабов. — Что мне предложат за этого желтоволосого варвара, только что пойманного на дороге, ведущей из Самеринда?

Раньше чем кто-нибудь в толпе, которая могла бы быть и погуще, отреагировал на эти слова, Брэк зашевелился.

Он разорвал кольцо цепи, которая держала его прикованным к каменной колонне. Одним взмахом захлестнул он цепь вокруг шеи аукциониста. Большой, покрытый шрамами варвар кипел от ярости, и большая часть гнева была вызвана обидой на себя самого.

Холодным утром усталый Брэк проезжал в нескольких милях от этого проклятого городка, расположившегося на пересечении дорог, и тут на него налетели работорговцы — всадники с копьями и сетями. Сейчас же узколицый предводитель банды — человек с неприятным взглядом, которого звали Залдебом, — торчал среди зевак.

А там, на дороге, Брэк не был готов к атаке. Он едва оправился после лихорадки. Месяц пролежал он, ничего не видя и не слыша, на койке в доме торговца Гадриоса в Самеринде. Наконец сильный организм варвара победил болезнь — результат ранения во время бегства из болот Логола, после того как, сгорев, пал Драгоценный Город Куран.

Старый Гадриос и его дочь, приютившие Брэка, убеждали его не продолжать путешествие, пока он полностью не выздоровеет. Но огромному варвару не терпелось снова отправиться в дорогу. Вот ему и не хватило силы и

быстроты реакции, чтобы отбиться от работорговцев с сетями. Но даже так ему удалось забрать жизни четырех людей Залдеба, прежде чем сломался меч и работорговцы убили его коня...

Аукционист рванул цепь, сдавившую ему горло. Язык у него вывалился изо рта, а огромный варвар все ту же затягивал цепь, думая: «И еще один шакал умрет, прежде чем я...»

Толпа пронзительно закричала и отшатнулась. Высокий, широкоплечий, голый, за исключением львиной шкуры на талии, варвар выглядел настоящей бестией, когда, опрокинув на спину аукциониста, прыгнул на него.

Брэк ослабил цепь. Руками душил он аукциониста, но ему не повезло, ему не удалось даже на время удовлетворить свою жажду мести.

За колонной собралась толпа надсмотрщиков, которые присматривали за ныне пустующими загонами для рабов. Они были вооружены длинными плетями из кожи и, грубо вопя в предвкушении развлечения, угрожающе размахивали ими. Одна из плетей хлестнула Брэка по голове, полоснув по левому глазу огнем. Варвар взвыл от боли и рванулся вперед.

Другая плеть хлестнула его по спине. Снова и снова. Еще мгновение, и почти ослепшего от ударов Брэка оттащили прочь от потенциальной жертвы.

Истекающего кровью варвара швырнули к каменной колонне. Аукционист встал на ноги. Он отряхнул одежды, помассировал горло. Потом он подошел и злобно пнул Брэка в живот. И еще он плюнул в лицо варвару.

Брэк на четвереньках потянулся вперед, но аукционист уже успокоился. Мгновение Брэк оставался на четвереньках; длинная желтая коса свешивалась с его плеча; его угрюмый взгляд был полон ненависти. Следы плетей по всему его телу налились кровью.

Его тошнило, он чувствовал себя униженным, но потянулся к ноге аукциониста. Толпа вздохнула в ужасе, а потом в облегчении.

Брэку не хватило длины цепей, чтобы поймать своего мучителя.

— Смотрите, как он борется! — воскликнул аукционист, едва переводя дыхание. — Варвар из диких земель севера. Он сказал достойному Залдебу, что отправился искать свою судьбу в теплых землях Курдистана на юге. За определенную плату один из вас сможет насладиться обществом этого варвара, улучшив таким образом свою жизнь. У этого раба сила шестерых! Он сможет работать в поле или весь день и всю ночь без отдыха вертеть мельничное колесо. Оставьте его надежно скованным, и вы будете в полной безопасности. Вы станете хозяином великолепного раба! А теперь, что же мне за него предложат? — Аукционист хлопнул в ладоши. — Кто сделает первое щедрое предложение за такой ценный товар?

— Десять диншасов, — пропищал пожилой мужчина.

— Что? Десять? — усмехнулся аукционист. — Конечно, седобородый. Я знаю, сейчас в городе Йараха-Быка трудные времена. Урожай погиб. В животах урчит от голода. Но неужели ваши кошельки настолько тощие, что вы пройдете мимо такого молодого и сильного раба? Подумайте снова. Я же не продам ни одного раба за такую оскорбительную цену.

— Двадцать диншасов, — таким было следующее предложение.

— Пуф! Тоже мало. Подходите, друзья. Обратите внимание...

— Дайте дорогу! — В этот раз голос принадлежал женщине. — Я заплачу тебе две сотни.

— Две сотни?.. — аукционист задохнулся. — Я услышу другие предложения? — Но он не стал долго ждать, а хлопнул в ладоши и закричал: — Объявляю, что дикого человека с севера купила Миранда, дочь Спленида Гамура, Принца Тысячи Когтей.

Аукционист пнул ногой Брэка в бедро, повалил его на землю и проревел:

— Отлично, что чудовище, вроде тебя, попало в когти Миранды. Если кто и сможет сбить с тебя спесь, так вот как раз эта жадная и придурковатая карга.

Предостережение дошло до затуманенного разума Брэка. Оно ему не понравилось.

Мгновение варвар обдумывал его, а тем временем цепи на его запястьях ослабили. Его отковали от колонны. Окруженного надсмотрщиками, у которых наготове были плети, Брэка провели сквозь толпу мимо самодовольного Залдеба к покупательнице.

Миранда оказалась темноволосой женщиной с красивой фигурой. Она не выглядела чересчур старой, хотя в волосах ее белели длинные седые пряди. На ней были богатые покрывала и пояс, расшитый драгоценными камнями. Брэк заметил, что люди в толпе перешептываются, поглядывая то на него, то на женщину. С печалью и жалостью разглядывали его зеваки. Брэк подивился: с чего бы это?

Его хозяйка не выглядела столь уж грубой госпожой. У нее были правильные черты лица, даже привлекательные, и гладкая кожа. «Будет легко сыграть для нее роль запуганного раба», — подумал Брэк. Он сумеет заставить ее подумать, что он — простачок. А потом побег. Да... он просто сбежит. Или по крайней мере Брэк так думал, собираясь с мыслями.

Неожиданно он решил поступить иначе... А Миранда тем временем рассматривала его особым, напряженным взглядом.

Ее спокойный голос встревожил Брэка:

— Я дорого заплатила за тебя, варвар. Я берегла маленький запас диншасов до этого дня, но и теперь не жалею, так как человека с твоей силой редко продают на провинциальном рынке рабов. Я долго ждала этого дня.

— Меня зовут Брэк, а не «варвар», — поправил он.

— Ты пришел из высокогорных степей, не так ли? Приехал из диких северных земель?

— Конечно, госпожа. Я вижу, что ты принадлежишь к так называемым «цивилизованным людям», о которых за время моего путешествия говорили слишком часто. Я настолько же хорош, как ты, даже лучше, хотя мне недостает утонченности, необходимой рабовладельцу.

Хотя замечание разгневало Миранду, оно также и развеселило ее.

— Мечом ты владеешь так же ловко, как языком?

— Спроси вон того шакала, — ответил Брэк, махнув скованной рукой на Залдеба, который повернулся в их сторону.

Раньше чем Миранда снова заговорила, толпа зашевелилась. То и дело ударяя в барабан, верхом на осле проехал вестник, возвещающий о приезде правителя этих мест Йараха-Быка.

Брэк поднял голову. Возможно, он найдет в Йарахе человека, который внемлет разумным доводам и посочувствует тому, что случилось с варваром, хотя дальнейшее путешествие в Курдистан пока откладывалось. За время долгих скитаний Брэк проезжал королевства, заселенные странными народами, и дикие районы, где жажда наживы и иррациональность мышления перевешивали разумные доводы.

Вид толстого, богато одетого всадника на заморенной серой лошади разрушил все надежды Брэка. Некогда Йарах-Бык был могучим воином, но пал жертвой неги. Приглядевшись попристальней, Брэк заметил, что богатая одежда правителя потерта, покрыта винными пятнами. Под глазами Йараха-Быка налились огромные багровые мешки.

Опустив кольчужные рукавицы на значительное брюшко, Йарах-Бык внимательно оглядел Брэка. За спиной правителя стояло шесть воинов с пиками наготове.

— Ты местный правитель? — требовательно спросил Брэк.

Йарах нахмурился.

— Я — правитель, выбранный народом. У тебя, чужеземец, невежливые манеры. Мне они не нравятся. — Йарах оценивающим взглядом скользнул по могучим плечам Брэка. — Должен сказать, история, которую я слышал о тебе, — правдива. Ты — первый достойный образчик, который добыл Залдеб за последнее время. Жаль, что я прибыл так поздно. Я мог бы использовать твои сильные руки в своем хозяйстве. — Он рыгнул, а потом кисло улыбнулся. — Я бы стал обращаться с тобой лучше, чем она, клянусь.

Миранда чуть напряглась. Она ничего не сказала. Пальцы Брэка инстинктивно сжались.

— Правитель, — снова заговорил Брэк, — я был несправедливо...

Йарах-Бык покачал головой.

— Нет, нет. Не беспокой меня просьбами о свободе. Заруби себе на носу, что раб, если он хорошо и верно служит, в нашей провинции может дожить до старости, — заявил правитель печальным голосом. — Фактически Залдеб — единственный среди нас, кто как-то может заработать в эти дни. Мы живем в суровые времена. Неурожай, наши люди живут впроголодь. — Он бросил странный, косой взгляд на Миранду. — Возможно, она найдет способ изменить все это. Если, конечно, ты останешься в живых.

— Вы забываетесь, правитель, — сказала Миранда мягким голосом. — Вы забыли, кто я.

— Нет. — Мешочек жира под одним глазом Йараха задергался. — Совсем нет. Я все хорошо помню. — Говоря так, он коснулся ржавыми шпорами боков своей тощей лошадки. С грохотом проехал он через площадь.

Миранда дернула Брэка за цепь. Четыре евнуха в белых льняных одеждах встали за спиной огромного варвара. Некоторое время Брэк раздумывал, стоит ли прямо сейчас попытаться вырваться на свободу. Но каждый евнух держал наготове кинжал внушительного размера. Их глаза были пусты, а сами они казались послушны воле женщины. Брэк решил подождать, прикинув, что пусть вначале они уведут его с площади, подальше от толпы. И снова он удивился, почему многие смотрели на него с таким любопытством и жалостью.

На Брэка смотрели так, словно он осужден был на смерть.

Миранда же, судя по манерам, была женщиной нежной в обращении, хотя и аристократкой. Скорее всего она искала могучего спутника в постели, и Брэк был готов уступать, если необходимо, выжидая, пока не представится удобный случай для бегства.

По дороге к дому Миранды, расположенному на краю подлого городка, Брэк внимательно приглядывался к поступи своей хозяйки, но не заметил в Миранде ничего особенного. Дом его госпожи оказался маленьким, выстроенным вокруг внутреннего дворика, где росла лишь сорная

трава. Обстановка была бедной, стены облупленными. Полы находились в гнетущем состоянии, требовали ремонта. Повсюду стоял кислый запах — дом казался ничуть не лучше остальных домов этого бедного городишки.

Когда Брэк неохотно уселся на потертый ковер возле лампы, Миранда отпустила евнухов, и те вскоре принесли тарелку с нарезанным мясом и кувшин вина.

— Ты голоден, Брэк?

— В самом деле.

— Тогда поешь. Я тебе разрешаю.

— Очень гуманно с твоей стороны, госпожа.

Миранда вспыхнула от его наглости, но подавила свой гнев. Варвар взял толстый кусок мяса. Тот оказался с запашком. Вино в кувшине было дешевым и маслянистым.

Во всяком случае Брэк поел и запил, утолив голод. Теперь он стал лучше соображать.

Все это время Миранда сидела, зажав пальцы между коленями, и заговорила только после того, как Брэк вдоволь насытился.

— Наверное, ты хочешь узнать, почему я так много заплатила за тебя?

— Две сотни диншасов — значительная сумма за незнакомого раба.

— Это было почти все, что у меня оставалось.

Брэк снова налил себе вина вопреки его отталкивающему маслянистому запаху.

— Если ты, госпожа, желаешь рассказать об этом, валяй. Я ведь твоя собственность, не так ли?

— Но ведь ты не станешь терпеть рабства?

— Ага, — согласился Брэк, жадно отхлебнув вина. Потом он вытер рот тыльной стороной могучей руки. — Как только мы закончим разговор, я тебя задушу.

— Попытайся, и мои евнухи тотчас окажутся тут с ножами наготове, — улыбнулась Миранда.

— Знаю, — кивнул Брэк. — Иначе почему, как ты думаешь, я до сих пор спокойно сижу здесь?

От этих слов ее болезненно-красные губы скривились в еще более циничной улыбке.

— Там, на площади, мне показалось, что ты не только могуч, но и умен. Однако не спеши покинуть меня.

Я помогу тебе набраться сил. Я предложу тебе решить одну задачу, и когда ты выполнишь то, что мне угодно... — таинственные огоньки зажглись в ее темных глазах, — ...я сама разомкну цепи и выпущу тебя на свободу.

— Не сомневаюсь, что для решения твоей задачи потребуется восемьдесят восемь лет.

— Если у тебя хватит храбрости, на это потребуется час или два.

Брэк резко распрявился. Его потемневшее от загара лицо хищно оскалилось.

— Если ты насмехаешься надо мной...

Покачив головой, Миранда подвела варвара к оконцу, выполненному в виде замочной скважины. Вдалеке, на вершине холма за городком, возвышалась груда обвалившихся камней. Час был уже поздний. Хотя солнечный свет еще струился откуда-то из-за дома, уже взошла луна. От сверхъестественного, таинственного света ночи и прощальных лучей угасающего солнца разрушенные стены тошнотворно искрились.

— Эти груды щебня некогда были дворцом моего отца, — объяснила Миранда. — Мой отец не был выборным правителем. Его право господина передавалось по наследству. Я не могу править, потому что ни одна женщина не может сидеть на троне. Сейчас вся власть в руках Йараха — этого мешка с дерьмом. Во времена же моего отца наша провинция была много больше. На севере она протянулась до Самеринда, да и на юг вытянулась на столько же. Мой отец был могущественным правителем. Может, ты слышал его имя — Принц Гамур? Гамур Тысячи Когтей?

Брэк покачал головой.

— Это имя кажется мне несколько необычным.

— Его звали Гамуром Тысячи Когтей, потому что он держал тысячу охотничьих леопардов в клетках под землей на том месте, где стоял дворец. Мой отец давно умер. Он оставил мне три вещи в наследство. — Тут темные глаза Миранды снова странно заискрились. Она показала варвару три пальца, а потом опустила руку. — Среди этих руин, чужеземец, лежат сокровища. То, что было собрано за сорок лет грабительских поборов моей земли, награбленное с караванов, окончивших в этих землях свой не-

счастливый путь. Мой отец был разбойником. И там, среди руин, до сих пор лежат его сокровища — несметные богатства. Они по праву мои.

Тогда Брэк встревоженно спросил:

— А вторая часть наследства?

— Среди руин бродит несколько свирепых леопардов. Не много. Несколько. Правда, они — убийцы.

Наступила тишина. Свет лампы померк. Где-то перешептывались невидимые евнухи.

— Третья часть? — спросил Брэк, чувствуя, что приносит собственный приговор.

— Демоны, спрятавшиеся в стенах дворца.

Брэк усмехнулся.

— Насчет демонов я ничуть не беспокоюсь, госпожа. Я встречал призраков и другие неопишуемые вещи за время своих скитаний, но безумцем не стал. Почему ты здесь, а сокровища, принадлежащие тебе, — там? — В глазах варвара появился холодный блеск, и что-то холодное шевельнулось у него внутри. — Или это и есть та причина, по которой ты купила меня?

С веселым смехом Миранда попыталась потрепать раба по щеке.

— Мудро...

Брэк шагнул назад, крепко сжав губы.

Некоторое время Миранда пристально смотрела на него, словно раздумывала, стоит ли ей разозлиться. Возможно, решив, что пока не стоит, она сдержала гнев и объяснила:

— Годы назад, когда я была ребенком, мой отец напал на богатый караван в нескольких лигах к западу отсюда. Он захватил сорок путешественников и, пригнав пленных во дворец, развлекался, медленно убивая их по одному. Но среди его жертв оказался колдун — создатель чар и знаток колдовства, который был братом караванщика и сопровождал того на юг по собственным соображениям. Колдун наложил проклятие на Принца Гамура. Умирая, он пообещал, что души замученных путников найдут приют в стенах главного зала дворца. Их кровь останется пятнами на стенах — огромными красно-коричневыми заплатами. А потом мертвые оживут — внутри стен — в этих ужасных пятнах. Их ищущие возмездия души свели с ума

мою мать, потом моего отца. Мать утопилась во рву. Отец как-то вечером бродил по бастионам и, увидев нечто ужасное, бросился вниз со стены и погиб. Проклятие из стен пыталось дотянуться до меня и моей няни. Старушка вскоре тоже умерла. Только я одна выжила. Опустевший дворец разрушился до основания. Демоны стоят на страже над кладом, и никто не может унести его. Несколько воров — одни из города, другие издалека — пытались добыть сокровища, хранящиеся в главном зале. И они нашли...

Смерть витала вокруг них в затухающем свете. Брэк усмехнулся.

— Говори дальше.

— Ужасную смерть.

Теперь Брэк понял.

— Значит, я должен попытаться добыть сокровища?

Миранда сжала его запястье.

— Воры были тупой, глупой сворой! Для человека сильного и решительного, человека, рожденного в степях диких земель, и лучшие стражи не оказались бы непреодолимым препятствием! Сбежав из дворца, я долго ждала, когда появится такой, как ты. — Миранда посмотрела на варвара и обворожительно ему улыбнулась.

— Хороший выбор. Войти во дворец к демонам или остаться рабом. — Брэк прищурился. — Ответь мне на один вопрос: что помешает мне придушить тебя сию же минуту?

Улыбка Миранды снова стала веселой. Она хлопнула в ладоши.

— Давай. Когда я наблюдала, как ты разговаривал с Йарахом — этим трясущимся брюхом, я поняла, что в тебе есть немного чести, быть может незаметной на первый взгляд. Ты — дикарь по натуре. Но ты честен. Все твои варварские мысли я читаю в твоих глазах. Они станут моей самой крепкой цепью. Хорошенькая ловушка, не так ли, Брэк?

Сильно прикусив нижнюю губу, Брэк отвернулся. Боги прокляли его. Женщина была права. По-настоящему мудрый и разумный человек убил бы ее на месте, потом посчитался бы с евнухами, как сумел. Но Брэк не мог так поступить. Он отвернулся. Его оковы зазвенели.

— Скажи снова, что я должен сделать.

— Принеси сокровища Гамура, — прошептала Миранда.

— Принеси их, и ты станешь свободным.

— Когда я должен отправиться за ними?

— Чем раньше, тем лучше. Я ждала...

— Но не ночью, — возразил варвар. — Если мне придется сражаться со зверями и демонами, я должен немного отдохнуть. Завтра. Оставь лампу и иди.

Не споря, Миранда кивнула. Она принесла несколько маленьких горшочков с мазями и искусно стала втирать огненные притирания в раны, оставленные плетями на спине варвара. Потом Миранда ушла. Лампа сама собой потухла.

Брэк попытался уснуть. Но не смог. Снова и снова он вставал и возвращался к окну в виде замочной скважины, пристально смотрел на холм, увенчанный разрушенным дворцом Гамура. Осклизлые, загнившие стены искрились в лунном свете. Огромные черные птицы (вороны?), хрипло крича и хлопая крыльями, кружились над останками башни. Наконец Брэк задремал, забывшись на время. Но сон его был чутким и не принес облегчения. Варвара разбудил холодный туман, одеялом укрывший весь мир.

Светало. На пороге появилась Миранда. С помощью крошечного ключика она сняла кандалы, сковывающие запястья варвара. Цепи загремели, упав на пол. Из свертка алой ткани женщина извлекла двуручный меч — клинок, которого не коснулась ржавчина. Рукоять меча украшало множество драгоценностей.

— Это — лучшее, что смогла я достать для тебя, Брэк. Этот меч был могучим оружием в руках Гамура Тысячи Когтей.

«Опасное оружие», — подумал Брэк. Но вслух он этого не сказал. Вместо слов он несколько раз взмахнул мечом, примериваясь.

— Баланс, кажется, неплохой, — с дикой, мечтательной улыбкой варвар прижал режущую кромку клинка к шее Миранды.

Но она даже не моргнула, хотя было видно, как задрожала жилка на ее шее.

— Что мешает мне убежать прямо сейчас, моя госпожа? — поинтересовался варвар.

— Мои евнухи и Йарах с Залдебом. Тебя станут преследовать как беглого раба и убийцу. Разве ты хочешь отправиться в Курдистан, все время оглядываясь через плечо?

Брэк мысленно грубо выругался и опустил меч.

— Очень хорошо, — сказал он. — Пошли на холм. Сегодня пасмурно, но я скорее пойду туда сейчас, чем ночью.

Они прошли к задним воротам дома и оседлали пару жалких белых ослов.

Миранда показала варвару дорогу по каменистой тропинке вверх по склону холма. Брэк удивился, увидев, что крыши домов городка запружены людьми, которые, несмотря на столь ранний час, вышли посмотреть на него и Миранду. На мгновение Брэк почувствовал себя жертвенным животным.

В бледном дневном свете заброшенный дворец Гамура выглядел ничуть не привлекательнее, чем вечером накануне. Клубы тумана притаились у подножия разрушенных башен и в заваленных обломками комнатах. Когда Брэк и Миранда приблизились, варвар ясно разглядел капли воюющей росы на стенах. Эти капли сверкали, распространяя смрад. Тошнотворная вонь ударила в лицо Брэку. Миранда прикрыла лицо краем шелковой накидки, а другой рукой хлестнула осла по боку короткой шнурованной плетью.

Они уже были на полпути к вершине холма, когда Брэк услышал позади цоканье подков.

Он обернулся. Его мускулистая рука опустилась на рукоять меча, украшенную драгоценными камнями. Их преследователь оказался человеком среднего роста, с бледным лицом. Он был в серой мантии с капюшоном и в плаще, какого Брэк никогда раньше не видел.

Конечно, талия незнакомца была подпоясана четками, и еще он носил маленький крест из точеного серого камня, который Брэк считал запретным символом. Обе перекладины креста были равной длины.

Тяжело дыша, незнакомец натянул поводья своей лохматой клячи.

— Безымянный бог забыл тебя, Миранда, — сказал он. — Я вернулся в город лишь около полуночи и узнал, что ты собираешься сделать новую попытку.

Незнакомец поднял маленький крест, держа его за нижнюю часть вертикальной перекладины. Брэк инстинктивно потянул назад своего осла.

— Прощу тебя, Миранда. — Незнакомец приблизился. — Умерь свою жадность. Не веди на смерть этого беспомощного раба.

— Беспомощного! — воскликнул Брэк. — Несторианец ты или нет, но ни один человек еще не мог так называть меня...

— Я никого не оскорбляю, — воскликнул незнакомец, чуть-чуть отодвинувшись. Потом он пристально посмотрел на Брэка. — Меня зовут Фриар Бенедик. Ты что-нибудь знаешь о моем ордене?

Этот вопрос, заданный так наивно, вызвал кислую улыбку на губах варвара. На севере, в Ледяных болотах, впервые познакомился он со священником этого экзотического, с точки зрения северянина, учения — Несторианцем, а также с доктриной Безымянного бога. Судя по словам того человека, которого звали Джером (вместе с ним Брэк попал в опасное приключение), на земле постоянно сражались две могущественные силы: Йог-Саггот — Темный бог и Безымянный бог Несторианцев. В своих приключениях Брэк не раз сталкивался лицом к лицу с гневом Йог-Саггота — как с самим богом, так и со служителями его, бродящими среди людей. Брэк понимал, что на каждом шагу по пути в золотистый божественный Курдистан служители Темного бога, в том числе ужасный Септенгундус, могут подстергать его. В любой момент они могут заступить путь варвару и попытаться отомстить.

В существование Йог-Саггота Брэк верил. К силе Безымянного бога он относился весьма скептически, хотя видел несколько доказательств могущества сил, сокрытых в каменном кресте. Да, варвар раньше встречался с монахами Несторианцами, в том числе с одним из них, которого звали Пол, — тем, кто принял смерть в Городе Драгоценностей на болотах Логола до того, как город был разрушен.

Все это промелькнуло в голове варвара, но вслух он всего лишь сказал:

— Я знаю.

— Не утруждай себя, споря с безумным дураком, — разозлилась Миранда. Она втиснула своего осла между ослом Брэка и лошадью Несторианца.

— Убирайся, Бенедик! Забирай свои безбожные слова и ничтожные легенды и рассказывай их в другом месте. Идеи твоего учения мне чужды. Для меня реальность — то, что обитает в стенах дома Тысячи Когтей. А с этим может разделаться сильный человек — человек, знающий о реальной награде, которую получит, если выиграет, вместо детских и эфемерных наград из тех, что обещаешь ты. — Дернув за поводья своего осла, она отъехала. — Брэк! Я приказываю, чтобы ты слушался меня и игнорировал этого болтуна.

Пристально посмотрев в глаза северянина, словно пытаясь убедить его в своей правоте, Фриар Бенедик сказал:

— Кем бы ты ни был, обрати внимание вот на что. Существа, живущие в стенах Гамура, — твари ямы. Души этих существ рождены проклятием, которое выдала из человека всепожирающая страсть — месть. Если ты знаешь мой орден, как говоришь, то знаешь силу этого символа. — Монах поднял крест. — Меч в стенах дворца станет простым ивовым прутком. Возьми крест вместо...

— Я не верю в это... — заявил Брэк, почти не прикрыв душой.

— Так или иначе, возьми его. Крест доказывал свою сверхъестественную силу много раз. Этот символ — концентрация Безымянного, чья божественная сила всемогуща...

С криком Миранда замахнулась плетью и хлестнула Фриара Бенедика по лицу.

Священник вскрикнул. Он пошатнулся и вывалился из седла, растянувшись на каменистой земле. Кровь потекла из длинной, глубокой раны на его лице. Однако у него хватило сил крикнуть ей:

— Каждый человек в городе знает: ты посылаешь невинного раба на смерть, так как твоя жадность не знает границ. Но Безымянный бог видит несправедливость! Это не пройдет тебе безнаказанно...

Миранда резко дернула за повод осла Брэка. Крик Несторианца затих позади, заглушенный топотом копыт, когда два осла помчались вверх по холму.

Брэк догнал свою госпожу. Вуаль гнева окутала его разум. Он воскликнул:

— Что за бессердечие...

В ответ Миранда повернулась и хлестнула его по шее.

— Молчи! По закону ты — мой раб. Повинуйся, не рассуждая, не спрашивая! — Пока Брэк вытирал кровь со своей мускулистой шеи, Миранда прищипорила своего осла, гоня его дальше вверх по склону.

Наконец она спешила. Туман клубился и змеился над землей. Ворон взвился с кучи щебня, покружил и исчез в тумане. К дворцу можно было пройти по прогнившим доскам старого подъемного моста. За ними лежала сломанная подъемная решетка. Вонь, идущая из руин, казалась отвратительной, зловещей.

Брэк спешил. Он заглянул через край давно высохшего рва. Пара толстых крыс прошмыгнула по сухому дну. Брэк заметил что-то еще — то, что, как казалось, недавно было человеческим телом. Труп вытянулся среди колючек диких растений, где когда-то журчала вода. Одежда и головной убор мертвеца выглядели безвкусными, но полностью еще не сгнили. Там, где на лице должно было быть мясо, Брэк увидел лишь обнаженную белую кость.

— А... — протянула Миранда, проследив за взглядом Брэка. — Его звали Акронос. Местный нищий. Вор. Он был последним, кто пытался войти во дворец в поисках сокровищ.

— Его одежды еще не выпцвели, — задумался варвар. — Но кости голые, так, словно... словно он пролежал здесь столетия. — После паузы Брэк спросил: — Когда этот вор отправился во дворец?

— Дня четыре назад.

— Четыре?... — глаза Брэка округлились. — Что случилось с его плотью? Ее расклевали... птицы?

— Нет, Брэк. Его одежды не разорваны. Разве не видишь? Это — дьяволы в стенах... — Неожиданно Миранда прижалась к огромному северянину. Ее волосы с седыми прядями развевались на сыром ветру. Рот ее был

крепко сжат, и впервые варвар заметил, что в это утро Миранда изрядно выпила. — Дьяволы убили его, Брэк. Они могут убить и тебя. Но этого не случится... если ты поведешь себя храбро и принесешь сокровища... тогда ты сможешь остаться со мной в награду, вместо того чтобы уезжать из города. — Ее пальцы погладили могучие мускулы на руке варвара. — Ты останешься здесь как свободный человек. За твою храбрость я награжу тебя всевозможными удовольствиями... — Она попыталась поцеловать Брэка, и ее глаза бешено сверкнули, когда он оттолкнул ее.

— Я уже заключил один договор, — проворчал он. — И не стану заключать еще один. — И, вытащив украшенный драгоценностями меч Принца Гамура, Брэк ступил на подъемный мост, не оглядываясь.

Чувствуя, что Миранда следит за ним, он не поддался искушению взглянуть на злобную гримасу, искажившую ее лицо.

Варвар прошел по рухнувшей ржавой решетке и вступил на широкий внутренний двор, затянутый густым туманом. В полутьме тут и там сверкали человеческие кости.

Пока они поднимались на холм, Миранда дала варвару точные и тщательные инструкции, как найти главный зал. Без колебаний Брэк нашел арку портала, который раньше служил главным входом во дворец. Однако даже воздух во дворе показался Брэку благовонным по сравнению с тем, какой был внутри.

Варвар прошел длинным коридором и пересек зал с очень высоким потолком, где грязными лохмотьями свисала со стен некогда богатая обивка. Крысы сновали и скреблись среди обломков, разбросанных на мозаичном полу. Длинные гирлянды пыли свисали с потолка. Они задевали лицо варвара, когда он проходил мимо. Неожиданно над головой Брэка захлопала крыльями черная тень.

С диким криком варвар выбросил вверх меч и нанес удар, рассекая надвое чье-то тело. Тварь упала, подергиваясь. Брэк наклонился, рассматривая останки. Он обнаружил, что убил летучую мышь. Существо имело небольшую голову, а из пасти зловещего создания торчали кри-вые зубы.

Пройдя чуть дальше, огромный варвар оказался в сводчатой комнате с бассейном в центре. Внизу, в пустом бассейне, лежал труп человека с многочисленными отверстиями в черепе и костях торса. Брэк затаил дыхание, тревожно оглядываясь. Что за дьяволы так дотошно ободрали тело и выгрызли дыры в твердой кости? Брэк почувствовал, как нечто злое собирается вокруг него. Широким шагом обошел варвар бассейн.

Впереди неясно вырисовывались ступени. Когда-то это была великолепная лестница. Наверху, в конце ее, в соответствии с рассказом Миранды находился вход в главный зал дворца Принца Гамура.

Брэк снова остановился. По спине у него, там, где кожи касалась длинная желтая коса, пробежали мурашки. Издалека до него донесся едва различимый шорох чьих-то шагов. Там бродил кто-то обутый в сандалии.

Варвар подождал. Шаги, едва различимые, вроде бы не приближались. Где-то капала вода.

Брэк взобрался на упавшую статую у основания лестницы. Его рот раскрылся от удивления, когда он понял, что раньше скульптура изображала непристойный акт совокупления мужчины и женщины. Крепко сжимая в руках меч, варвар стал подниматься по ступеням.

Взобравшись наверх, он обернулся. Он мог поклясться, что снова слышит шаги невидимого спутника.

— Кто здесь? — закричал Брэк. — Кто тут прячется?

— Прячется, прячется, прячется, — пробежалось эхо по бесконечным мертвым комнатам. — Прячется, прячется, прячется...

Брэк встал лицом к лестнице. Позади он услышал потаенное движение, сухой, злой звук — шорох, какой ничто смертное издать не может. Пальцы варвара сжались.

Внезапно откуда-то издалека донесся голос:

— Варвар? Ты слышишь меня?

— Кто говорит? — прогремел в ответ Брэк.

— Твой дорогой друг Залдеб, который следит за каждым твоим шагом.

— Вонючий работорогвец! Где ты? Покажи свое лицо, чтобы я мог подправить его мечом.

Где-то далеко раздался тошнотворный смех.

— Эй, чужеземец, я спрятался там, где ты меня не найдешь. И еще я прихватил с собой могучий лук. Под этими руинами прячутся шесть леопардов Гамура. Они до сих пор живы. Я уже выпустил их из загона. Когда они разорвут тебя на куски, я убью их издали своими стрелами. Потом я возьму сокровища себе.

— Ты неожиданно стал храбрым, — поддразнил Брэк. — У тебя кишка тонка выйти сюда...

— Миранда никогда раньше ни на кого не смотрела с такой страстью...

Брэк зло рассмеялся.

— И ты жаждешь ее? И ревнуешь?..

— Сегодня я докажу, что я — мужчина! — отозвался издали работороговец. — Я заставлю ее посмотреть на меня, а не сквозь меня, не так, как женщина смотрит на бутылку с вином! Когда я подарю ей драгоценности и одно из твоих обглоданных бедер, она увидит, что Залдеб достоин любви...

Дикий, резкий звук, долетев издали, нарушил тишину.

Брэк прикусил губу. Залдеб, обезумев от любви, выпустил леопардов. В этом Брэк был уверен. Не так далеко от него звери, возможно не кормленные, точили о мозаику пола длинные когти и тихо рычали.

Брэк обернулся и рубанул мечом складку грязно-зеленой занавески. Гнилая ткань отлетела. Перед ним лежал главный зал.

Это была круглая палата с множеством дверей. Поднимающиеся вверх высокие стены, маленькие круглые окна, серая полутьма. Брэк стал осторожно продвигаться к центру комнаты, где на боку лежало огромное каменное кресло.

Под ногой у варвара хрустнула серебряная чаша. Она перевернулась и загремела. Брэк посмотрел себе под ноги и резко, глубоко вздохнул.

Украшения и драгоценности из серебра, золота, меди, бронзы, железа были разбросаны по полу. Драгоценные камни — зеленые, фиолетовые, янтарные и красные — тускло искрились. Добычу Принца Тысячи Когтей давным-давно опрометчиво разбросали вокруг сгнивших раз-

валившихся сундуков и тюков. Сокровищ казалось так много, что их стоимость Брэк и вообразить себе не мог. Он шел словно по ковру из драгоценностей.

Неожиданно снова послышался сухой шорох. Раздался долгий пронзительный крик.

Брэк отвел взгляд от равнины драгоценностей и посмотрел на стены. Он пошел чуть быстрее.

Когда он только вошел в зал, то заметил лишь огромные пятна на стенах — темные пятна. Брэк принял их за следы времени. Теперь же пятна начали мерцать и светиться бледно-красным светом. Послышались стоны, словно души мертвых в муках взывали, пытаясь выбраться из стен. Огромные кляксы загорелись на стенах («Кровь жертв Гамура», — неожиданно подумал Брэк), расплылись и задвигались, пульсируя красноватым сиянием.

Стены ожили.

Черный туман стал собираться над каждым пятном, а потом начал расплзаться по залу. Крики стали громче, резче, словно невидимые демоны, перестав жаловаться, запели о том, как жаждут заполучить жизнь варвара.

Черный туман за клубился и стал собираться в большие облака. Эти облака застыли с разных сторон от Брэка, становясь гуще с каждой секундой. Усики одного из них прикоснулись к варвару. От них исходил нечеловеческий холод...

Брэк закашлялся. У него сперло дыхание...

Он скривился. Первый леопард, прокравшись по ступеням, замер у входа в зал.

В мгновение ока появились пять его компаньонов. Все они были невероятно большими, приземистыми, смертоносными. Ребра выпирали у них из-под шкуры. Огромные желтые глаза зло смотрели на варвара. Однако облака, вытекающие из стен, сдерживали зверей, и, несмотря на то что от голода у них подвело животы, они остановились, жалобно скуля.

Усик тумана оплел руку Брэка. Неожиданно ужасная боль резанула варвара по руке.

Он отпрыгнул от облака. Его ноги скользнули по груде драгоценных доспехов, и варвар с ужасным грохотом рухнул среди сокровищ.

Первый леопард метнулся было вперед, но остановился. Шесть животных топтались на месте, рычали и исходили слюной, царапая пол когтями. Но облака из стен сдерживали их. Нечеловеческие, пронзительные крики становились все громче.

Брэк знал, что смерть рядом.

Где-то в глубине своего загуманенного страхом разума варвар понимал, что единственная его надежда выжить — уничтожить демоническую жизнь, клубами вырывавшуюся из стен. Облака были живыми. Они кипели по обе стороны от него. Брэк снова отпрыгнул, когда еще один усик коснулся его ноги.

Варвар прикинул, что смог бы прорубить себе дорогу через шесть леопардов-убийц. Но пока он будет убивать зверей, демонические потоки обрушатся на него, поймают, задушат, убьют его...

Облака приближались, смыкаясь. Вой проклятых душ оглушал.

Использовать меч против демонов?

Бесполезно.

Согнувшись, рыча с варварской дикостью, Брэк чувствовал, как холодеет все внутри у него. Выхода не было...

Потом, словно во сне, перед ним возник образ.

Фриар Бенедик, вытянувший маленький каменный крест.

Брэк облизал губы, засмеялся. Раньше он уже видел, что символ Безымянного бога обладает странной силой, властвуя над порождениями тьмы. Трясущейся рукой Брэк поднял меч, прыгнул, побежал вперед, прямо к ближайшему облаку, крича, словно берсерк.

В тот миг, когда валы облаков сомкнулись, жуткий рев достиг невероятной, умопомрачительной силы. И тут Брэк понял, что кинул жребий и проиграл. Он не мог заставить себя исполнить задуманное. Невидимые, ненавистные духи, сокрытые в тумане, пополняли свои силы, высасывая его. Варвар чувствовал, как немеет его тело, чувствовал холод древней земли...

Ноги, руки и тело его сотрясались от боли почти в экстазе. Брэк покачнулся и сделал еще один шаг вперед. Он закричал во всю силу легких — дико, пронзительно

закричал, как в степи кричит воин, охваченный безумием богов убийства.

Брэк споткнулся. Адский туман захлестнул и сбил его с ног. Его разум загуманился, легкие горели, голова была готова взорваться от боли. Потом неожиданно Брэк обнаружил, что стоит у самой стены.

Но стена больше не казалась твердой, она стала мягкой. Она вибрировала, испуская зловоние смерти. На ощупь она напоминала губку.

Обе руки варвара легли на рукоять меча. Он высоко поднял клинок и изо всех сил обрушил его вниз. Его меч оставил глубокую вертикальную зарубку на трепещущей поверхности.

Казалось, удар получили одновременно сотни тысяч людей — крик был так силен, что у варвара заложило уши. Беспомощные демоны метнулись назад в стену, на которой поверх древнего кровавого следа легла белая зарубка — отметина, оставленная мечом варвара.

Рот северянина скривился в злорадной усмешке. Темный туман начал редеть. Облака стали вытягиваться в стены, там, где меч оставил метку на камне.

Каждая жилка дрожала в огромном теле Брэка, когда он поднял широкий меч и снова ударил изо всех сил. Клинок прочертил горизонтальную черту, которая пересекла первую чуть выше середины.

Белый, как вечность, крест Безымянного бога засверкал на стене перед Брэком.

Не в силах сдержать крик берсерка, Брэк заорал — испустил долгий улюлюкающий вопль, вложив в него все силы...

Потом его, красного от напряжения, заколотило от ужаса.

Вокруг несторианского креста черное облако расступилось.

С новым диким криком Брэк повернулся и бросился бежать вдоль стены, останавливаясь лишь для того, чтобы начертить очередной крест двумя ударами меча.

Так он обошел зал, рубя стены и гоня перед собой дьявольское облако. Облако кипело и испарялось. В конце концов часть его осталась лишь у самого входа в зал.

Мучительные крики дьяволов стали совсем иными, превратились в надоедливый, злобный визг. Неожиданно адское облако исчезло. Шесть изготавившихся к прыжку леопардов набросились друг на друга, прыгая и разрывая друг другу бока.

Облако обволокло их. Брэк увидел призрачное видение: как бы ни подлы были духи мести, как бы ни ненавидели людей живущие в этих стенах, они ударили по тому живому существу, что находилось ближе к ним. Мстительные духи жертв Гамура не смогли добраться до варвара, но они выпили горячую кровь леопардов...

Когти рвали плоть. Желтые глаза сверкали. Леопарды превратились в единую массу ужасного, трепещущего мяса. Шкуры зверей пропитались кровью.

Но вот хитросплетение тел замерло. Последний зверь дернулся и застыл. Черное облако исчезло.

Брэк вытер пот с глаз. Он, пошатываясь, шагнул вперед.

Самый большой леопард, весь залепанный кровью, приподнялся, и кишки вывалились из его распоротого живота; зверь посмотрел на Брэка.

Пасть леопарда открылась. Брэк увидел влажные от крови клыки. Леопард заревел, но это был не победный крик торжествующего хищника.

Из пасти леопарда вырвался крик, переполненный жадой крови...

Одержимый злом, леопард прыгнул.

Брэк вонзил меч в горячее, зловонное животное, летящее на него. «Я убил уже мертвую тварь», — пронеслось в голове варвара. Однако разбираться в происходящем времени не было. Брэк едва успел прыгнуть, уворачиваясь от щелкающих челюстей. Он отскочил, и тело зверя врезалось в землю. Тогда варвар повернулся, качнулся и с влажным хлопком отсек огромную голову.

Теперь поднялся другой леопард. Он понесся по разбросанным сокровищам, мертвый, но оживший на какое-то время. Брэк вонзил меч в его бок, вытащил клинок из туши и снова протаранил зверю бок, отразив выпад челюстей. Он рубил и рубил...

Четыре оставшихся леопарда тоже поднялись на ноги. Голоса демонов стен трубили в их глотках. Меч Брэка

взлетал и падал, вычерчивая сверкающую дугу — назад и вперед, вверх и вниз, разбрызгивая кровь...

Когда наконец Брэк остановился, он был насквозь пропитан кровью — с головы до ног.

Из недр его груди вырвалось рычание. Его губы растянулись в улыбке настоящей бестии.

Последние из леопардов Гамура, скорчившись, лежали в грязи у ног Брэка. Вдалеке тысяча проклятых голосов кричала из глубины земли. Их крики постепенно стихали.

И тут варвар услышал скрежет камней. Когда он еще только поворачивался, чтобы увидеть источник звука, он уже знал, в чем дело. Покрытые пятнами стены палаты Гамура потрескались, стали осыпаться. Посыпалась пыль. Единственное место, где мог найти убежище Брэк, — под опрокинутым тронном.

Живые стены, лишившись владельцев, крошились и ломались. Они трескались и оседали во многих местах, осыпаясь, рушились секция за секцией, крошась, крошась...

Когда Брэк через какое-то время выбрался из-под трона, он удивился — дышать в зале стало легче. К счастью, огромное кресло послужило ему хорошей защитой. Находясь в центре зала, оно оказалось в стороне от рухнувших каменных блоков. Вокруг, вдоль стен, выросли огромные насыпи щебня. Если бы трон стоял ближе к одной из стен, Брэк был бы раздавлен.

Слева варвар заметил секцию стены, которая упала, но не рассыпалась, потому что на этом обломке был вырублен несторианский крест. Знак креста остался нетронутым.

Брэк быстро повернулся, боясь силы, которую не мог понять разумом варвара.

Осторожно побрел он назад среди груд щебня. Стены зала наполовину обрушились. Многие большие секции падали с потолка. Пробираясь между сокровищами, Брэк чувствовал, что пол под его ногами качается. Неожиданно огромный блок у него над головой завибрировал и в потоках пыли рухнул вниз, кроша мозаику пола и разбивая вдребезги драгоценности.

Холодный, туманный воздух хлынул в помещение, смывая гнилое зловоние.

Брэк подобрал несколько драгоценностей — столько, сколько смог унести, — семь предметов. Потом он скатился по ступеням, промчался вниз длинным коридором и высочил за подъемный мост.

Миранда ждала его. Теперь она казалась еще менее красивой — старой и усталой каргой. Ее волосы растрепал ветер, словно это и не волосы были, а гнездо белых и черных змей.

Позади нее, на некотором расстоянии, появилось несколько незваных гостей — почти все население городка, Йарах-Бык и Фриар Бенедик.

Миранда обвила руками шею Брэка. Но варвар тряхнул могучими плечами, освобождаясь от ее объятий. Он пошел к толпе, не обращая внимания на широко открытые рты и знаки, которые делали люди, спасаясь от дурного глаза. Брэк был огромным воином со спутанной и окровавленной длинной косой. Его набедренная повязка из шкуры льва тоже была измазана кровью. Его грудь и лицо, руки и ноги — все было покрыто алыми пятнами. Он положил семь драгоценностей к ногам остолебеневшего Несторианца.

Миранда подбежала к варвару и впиалась ногтями ему в спину. Брэк повернулся, зарывчав.

— Добыча моя! — выдохнула женщина. — Эти сокровища принадлежат моему отцу. Наш договор...

— Договор был о том, чтобы я принес сокровища Гамура, — ответил Брэк. — Но больше мы ни о чем не договаривались. Вот — сокровища Гамура... — он потряс отделанную изумрудами чашу. — А остальное внутри, и все можно спокойно забирать. — Игнорируя странный, злобный взгляд женщины, он повернулся к Несторианцу. — Священник, знак, который ты носишь... — тут Брэк протянул руку к маленькому каменному кресту в руке Бенедика, но не коснулся его, — ...имеет силу, которая выше моего понимания. Но я видел, как эта сила сработала во дворце. Крест разогнал демонов и спас меня. Так что эта добыча — твоя. Я добыл эти драгоценности и вправе поступить с ними, как пожелаю. Если для тебя сейчас наступили тяжелые времена, то, продав сокровища, ты сможешь купить в этом городе дом. Хотя местные жители кажутся тупыми, и я думаю, что они ничуть не лучше,

чем эта женщина, что прятала последние диншасы, вместо того чтобы облегчить жизнь своим слугам. — Варвар повернулся и внимательно посмотрел на Миранду сквозь дымку боли, затуманившей его взгляд. — Ты, женщина, попала в ловушку собственного договора. Я принес драгоценности Гамура, и теперь я свободен.

С криком Миранда прыгнула на варвара. В ее руке был зажат крохотный кривой кинжал.

Брэк отшатнулся назад, потерял равновесие. Кто-то выкрикнул его имя. Рука Миранды с ножом дернулась, целясь в его грудь...

А потом женщина странно изогнулась. Она упала рядом с варваром на семь драгоценностей. Лезвие ее кинжала скользнуло по серебряному шлему, инкрустированному рубинами. Ее невидящий взгляд уставился куда-то в небо, кинжал выпал из руки...

Стрела торчала у нее из спины.

Брэк плечом раздвинул толпу. Он схватил пику одного из воинов Йараха-Быка. Люди испуганно вздохнули, удивленные таким поворотом дела. Брэк повернулся и швырнул пику далеко-далеко.

Над разрушенным парапетом дворца, над рвом стоял работоровец Залдеб. Он изящно повернулся... Вся толпа видела, как пика ударила в его тело, пробила грудь и вышла из спины.

Нетвердо шагнув вперед, Залдеб выронил лук. Он качнулся и рухнул в сухой ров. Крысы метнулись над краем рва, убегая прочь.

Брэк вытер рукой лоб, потом посмотрел на Йараха-Быка.

— Я хочу вымыться. Я хочу коня, на котором смог бы отправиться в Курдистан. — Он с трудом вздохнул. — Думаю, никто не станет оспаривать мое право на свободу?..

— Никто, — за всех ответил Фриар Бенедик со странным выражением лица.

— Во имя богов, никто! — воскликнул Йарах-Бык. Он пыхтя спешил и заковылял вперед. — Мой дом открыт для тебя, чужеземец. Скромное животное, на котором я езжу, — твое. — Потом он с жадностью посмотрел на драгоценности, лежащие под телом Миранды, и,

повернувшись, пошел через подъемный мост во дворец Гамура Тысячи Когтей. Перейдя подъемный мост, он побежал.

Неожиданно толпа с криками рванулась следом за ним. Смеясь, люди яростно толкались, спеша к награбленным сокровищам. Брэк посмотрел вслед воющей толпе, раставшей среди руин.

Улыбнувшись, Брэк нагнулся и запустил пальцы в волосы Миранды. Он снял ее тело с семи драгоценностей и, положив ее на землю, сказал Бенедику, одиноко стоящему рядом:

— Я думаю, на этих безделушках уже достаточно крови.

Вскочив на низкорослую лошадь Йараха-Быка, варвар поехал с холма в сторону города. Бросив прощальный взгляд на дворец Гамура, священник пошел за ним следом.

Руна 3

САД, ВЫТКАННЫЙ НА КОВРЕ

Глава 1

Пестрая лесистая местность была совершенно не похожа на скучный, нищий край, покинутый варваром три месяца назад. Тогда Брэка захватили в рабство. И он сумел освободить себя, победив демонов в заколдованном дворце принца Гамура...

Брэку не хотелось думать ни о мертвой женщине, ни о мертвом работорговце, ни о леопардах, ни о покрытом плесенью сокровище. Низкорослая лошадка Брэка шла легким шагом, согретая теплыми солнечными лучами, просачивающимися сквозь багровую листву.

Мягкий ветерок ласкал кожу. Какая-то блестящая птица на ветвях дерева наклонила голову и уставилась на всадника, огромного и могучего, одетого в набедренную повязку из шкуры льва.

Лошадь спускалась по едва заметной среди деревьев тропинке. В фигуре всадника была какая-то грубая грация, его длинная желтая коса подпрыгивала на спине в такт с движением лошади.

Чтобы получить эту маленькую послушную лошадку, варвару пришлось хорошо потрудиться. Лошадь оказалась очень подвижной, что пригодилось Брэку. После изгнания из диких земель севера, столкновения с демонами и других ужасных приключений, Брэк был вынужден в конце концов искать счастья в теплых краях Курдистана.

Солнце мягко пригревало. Шрамы Брэка, которые болели в дождливую погоду, медленно заживали. Варвар был спокоен и добродушен. Но когда неподалеку из-за

деревьев, раздался крик, Брэк резко остановился, натянув поводья, но затем снова расслабил плечи.

Глаза его блеснули. Это был не крик о помощи, а какой-то зловещий хохот.

Но откуда взялся этот смех посреди леса, где на расстоянии нескольких лье Брэк не встретил ни одного крестьянина?

Смех повторился. Брэк прищипорил лошадь.

— Нет, — прошептал варвар, — это не смех, а крик боли.

Крики вновь огласили лес.

— Вперед, малышка, посмотрим, что там, — сказал варвар своей лошади, и она перепрыгнула несколько кустов ежевики, вспугнув какую-то блестящую птицу. И тут Брэк услышал странный свистящий звук, словно среди деревьев пронёсся сильный ветер.

Лошадь Брэка рысью подскакала к зарослям, откуда доносился крик. Здесь деревья росли чрезвычайно густо, и Брэк едва мог видеть, что происходит в чаще. Когда же он рассмотрел открывавшуюся перед ним сцену, то расхохотался.

В воздухе вверх ногами висел человек, вокруг его лодыжки обвился конец гибкой ветки огромного раскидистого дерева, кора которого имела особый багровый оттенок. Серое одеяние человека показывало, что он священник культа Нестора.

Пойманный таким образом, священник дергался и изворачивался, как зверь в силке.

Его платье свисало, наподобие колокола, и лица не было видно. Брэк посмотрел на священника с отвращением.

— Вопли труса, — проворчал он, не тронутый страданиями несчастного.

Брэка порой ставила в тупик и даже пугала религиозная болтовня последователей неистового пастуха Нестора. Он плохо знал монахов этого культа. С несколькими, правда, варвар сталкивался, но все они показались ему пустыми людьми. А этот еще и вопит, и дергается. Впро-

чем, всегда есть исключения. Еще Брэк отметил, что несторианцы носят подштаники.

Монах был не один. Под деревом кто-то стоял и изо всех сил тянул Несторианца вниз. Это была женщина, скорее всего молодая. Одета она была в грубую цветастую юбку и блузку. На шее блестело ожерелье из зеленых камешков. Ее растрепанные волосы отливали ярко-рыжим цветом. И еще Брэк увидел нечто необычное. Дерево, на котором висел монах, — о боги! — оно дышало.

Там, где три главные ветви отходили от ствола, зияла дыра. Клейкая пасть открывалась и закрывалась, всасывая воздух беззубой пастью, отчего и казалось, что дует сильный ветер.

Щупальцеобразная ветка обвилась вокруг лодыжки монаха и извивалась и корчилась так, словно дерево старалось бросить священника в свою утробу, чтобы проглотить.

Внезапно похолодев, Брэк прищипорил лошадь. Развязав слабый узел перевязи и выхватив широкий меч, Брэк бросился к дереву.

Женщина повернулась и увидела подоспевшую помощь.

Молодая, с сильно накрашенным лицом, она бешено кричала и жестикулировала. А монах продолжал выть. Брэк увидел, что на дереве висят блестящие, черные, как эбонит, шаровидные плоды.

Утроба дерева открывалась и закрывалась, издавая громкий свист.

Вдруг по ноге монаха потекло что-то красное, блестящее на солнце.

— Отойди, женщина, — закричал Брэк, подбегая. — Я отрублю ветку.

Он высоко поднял меч, взявшись за рукоять двумя руками. Девушка отпрянула в сторону, чтобы не мешать. На секунду Брэк почувствовал сладкий запах дешевых духов.

Рев дерева усилился и, казалось, стал свирепым. Изпод нависшего колокола платья монах вскрикивал, делая небольшие паузы. Струйка крови дотекла до его колена и закапала по бедру к подштаникам.

— Береги руки! — завизжала девушка.

Но Брэк не понял, что она имела в виду, пока что-то шершавое, извивающееся не стукнуло его в грудь и в мгновение ока не обвилось вокруг горла.

Щупальце сжималось все плотнее.

Брэк яростно зарычал. Уперевшись ногами в землю, он силился разомкнуть захват. От напряжения и боли перед глазами Брэка все поплыло.

Не видя ничего, он рубил ветку мечом. Клинок соскальзывал с грубой коры.

Но варвар бешено рубил мечом направо и налево.

Неожиданно щупальце хрустнуло.

Дерево яростно завопило, гневный вой перешел в визг. Брэк отпрянул от еще двух щупалец, потянувшихся к его лицу. Одно из них расцарапало ему щеку, но варвар сумел увернуться. Из конца отрубленного щупальца вытекала отвратительная коричневая жижа, однако оно не ослабило хватку.

Выделявшаяся жидкость распространяла вонь. Варвар отбросил меч и стал разрывать щупальце руками. Он не мог остановиться. Невыносимое отвращение заставило его удесятерить усилия.

Наконец Брэк разжал щупальце. Под корой чувствовалось что-то живое, мускулистое. Брэк отбросил щупальце на землю, наступил на него ногой, затем пинком отшвырнул его, как недобитую змею. Тяжело дыша, Брэк наклонился за мечом, когда еще одно, а то и два щупальца ударили его в плечо.

— Что за чертово дерево? — прокричал он.

— Ведьмина яблоня, — крикнула девушка в ответ. — Я путешествую с монахом. Мы слишком близко подошли к дереву.

Монах все еще был, словно заглянул в двери ада. «Странно он ведет себя, не как подобает мужчине», — подумал Брэк.

Еще одно щупальце обхватило монаха за тощую талию и медленно стало подтягивать все ближе и ближе к своей пасти.

Ярость берсерка охватила Брэка. Он бросился на дерево с мечом и крушил его, пока не почувствовал гнилой запах жижи, закапавшей из рассеченных веток.

Брэк отрубил оба щупальца, державших монаха, и тот рухнул на землю, чуть не разбив себе череп о большой камень.

Монах перевернулся и высвободил из запутавшейся одежды лысеющую голову. Он на карачках пополз прочь от дьявольской яблони.

— Ты, дрянь, — с трудом проговорил монах. — Ты плохо помогала мне... — Он задыхался. — Я мог умереть...

Опираясь на руки девушки, он поднялся. Брэк свирепо посмотрел на бледного угрюмого монаха. Вдруг девушка вскрикнула.

Взбешенная потерей, ведьмина яблоня вытянула свои щупальца, чтобы обвить ими варвара со всех сторон.

Брэк высоко подпрыгнул, отрубив одно из щупалец, проскользнул под другим и понял, что так он не справится с дьявольским деревом. Брэк отбросил меч, нагнулся и, тяжело дыша от напряжения и боли, поднял огромный камень, о который чуть не убился монах. К правой ноге Брэка подползало щупальце. Варвар наступил на него. Другая ветка обвилась вокруг желтой косы воина. Брэк освободился, дернув головой и потеряв клочок волос.

Он сделал несколько спотыкающихся шагов, неся громадный валун высоко над головой. Мускулы на его руках дрожали под непосильной ношей. Брэк медленно подошел к дереву, чтобы бросить камень прямо в его утробу.

Валун попал в цель и исчез в раскрытой пасти. На секунду щупальца обвисли, протянувшись по земле. Потом раздался ужасающий звук.

Утроба дерева ревела, переворачивая внутри камень, издавая звуки страдания. Потом плоть широко открылась и извергла фонтан желто-бурой жижи. Брэк прикрыл ладонью глаза.

— Бежим! Скорей! — крикнул он девушке и монаху.

Все трое бросились прочь через колючие кусты ежевики. Вслед им полетели скользящие куски коры и страшные звуки из внутренностей дерева. Щупальца так бешено молотили землю, что из них брызгала коричневая жижа. Теперь утроба извергала блестящую желтую жидкость,

похожую на расплавленное золото. Брэк одной рукой толкал впереди себя своих спутников, а другой держал за повод лошадь. Назад он ни разу не оглянулся.

Глава 2

На закате спутники остановились для ночлега. Они оказались вместе не по своей воле — обстоятельства соединили их.

На лес быстро спустились сумерки. Путешественники устроились на поляне. Брэк с наслаждением уселся у костра, который разжег при помощи кремней. Их достала девушка из своего ветхого, в заплатках, дорожного мешка. Брэк не заметил его, когда они убегали от ведьминой яблони, но мешок, очевидно, был всегда при хозяйке: Брэк видел, что девушка им очень дорожит.

Варвар, забавляясь, смотрел, как девушка разложила перед собой кремни, железки, затем порылась в мешке и достала кожаный бурдючок с вином, завязанный узелок, в котором оказалась буханка заплесневелого хлеба; далее появились предметы одежды, дешевые украшения и несколько глиняных баночек с кожаными крышечками. Баночки были в розовых и алых пятнах, по цвету напоминавших губную помаду и пудру незнакомки.

«Какая размалеванная, — подумал Брэк, приятно растянувшись у огня. — Молода, но слишком потрепана жизнью».

Она была красива, с прекрасной фигурой. Варвару нравились ее раскованные манеры. Когда девушка наклонялась, из-за блузки выглядывала пышная грудь.

Брэк тихо хмыкнул. Он долго путешествовал в одиночестве, и его мысли заполняла королева Рея, но постепенно образ возлюбленной стирался из памяти.

— ...Где-то здесь, — проговорила незнакомка. — В моих пожитках есть все на свете... — Она достала еще какую-то одежду.

Из тряпок выпало что-то, блеснувшее в свете костра. Кинжал.

В глубине леса раздался звук, похожий на крик гагары. Девушка продолжала говорить:

— Я ношу с собой баночку с бальзамом, потому что мы часто давали представления в поселках, где нет ни лекаря, ни костоправа. Когда один из нашей компании оказался ранен в потешной битве на сцене, я стала лекарем, ухаживала за ним, перевязывала...

— Хватит нести вздор, женщина! — Неприятный голос Несторианца разбудил в Брэке ярость, которую варвар не мог себе объяснить. Монах сидел вытянув длинные ноги. Рана его затянулась, но выглядела уродливо из-за запекшейся крови.

— Девушка ищет что-нибудь, чтобы подлечить твою рану, монах, — сказал Брэк. — Обращайся с ней пожеливее. С той минуты, как мы убежали от проклятого дерева, ты только и делал, что жаловался.

В постоянно слезящихся глазах монаха отражались искры костра.

— Мне не нужны уроки хорошего тона от неграмотного...

— Клянусь богами, — сказала девушка со вздохом, — ведь он спас вашу жизнь, отец Гектор. Я ничего не смогла бы сделать одна.

Отец Гектор отвел взгляд в сторону:

— Я, кажется, уже поблагодарил чужеземца.

Брэк что-то буркнул себе под нос и промолчал, хотя никаких благодарностей от Несторианца не слышал.

— Потерпите немного, — сказала девушка, вытягивая из мешка еще одно одеяние. Брэк расхохотался.

Девушка подняла голову и улыбнулась. Блеснули зеленые камни ее ожерелья. Это простенькое украшение на шее девушки нравилось Брэку. Отец Гектор опять недобольно заворчал.

— Держи, святой человек. — Брэк отломил кусок заплесневелого хлеба и бросил его монаху через костер. — Подкрепись. — Монах прикоснулся к кресту, висящему на шнурке. Крест был из серого камня, с концами одинаковой длины. — Или продолжай свою беседу с тем Безымянным, которому вы, серые мантии, поклоняетесь.

Отец Гектор не мог не уловить антипатии в голосе Брэка, а большой варвар не мог, хотя и старался, ее не вызывать. Несторианец казался злобным, ожесточившимся на весь мир человеком.

— Следи за тем, что говоришь о богах. Богохульство есть...

— Я не боюсь мести твоего бога, — перебил Брэк, пожав плечами.

— Подозреваю, что и никакого другого бога ты не боишься, — сказал монах подозрительно. — Ты, по всей видимости, поклоняешься собственным ручищам да отвратительному орудию убийства, которое таскаешь с собой.

Бесполезно пререкаться с этим ненормальным субъектом, подумал Брэк, но не смог удержаться и сказал, погладив свой широкий меч:

— Эта штука всегда защитит меня, чего нельзя сказать о твоём боге. Вспомни-ка, твой бог не собирался тебя спасти. Я знаю, что твой бог существует, но всегда ли он присутствует там, где в нём нуждаются? А мой меч — всегда при мне. И когда я затыкаю им глотку какого-нибудь крикливого смутьяна, я не сомневаюсь в исходе дела. Я хочу знать, можно ли сказать то же самое о боге, который может быть, а может и не быть с тобой, когда ты его зовешь...

Отец Гектор был уязвлен жестоким насмешливым тоном Брэка. Монах вспыхнул от злости:

— Я поблагодарил тебя один раз, и этого достаточно, чтобы...

— Черт побери!

Монах повернулся к девушке:

— Что ты сказала?

Девушка вскочила, держа в руках баночку:

— У него есть имя. Будьте любезны обращаться к нему по имени. — Она откинула назад ярко-рыжие волосы. Подойдя к Брэку, девушка исподлобья взглянула на него: — Так как же тебя зовут?

Брэк назвал и рассказал, что он странствует по наиболее удобным дорогам на юг, к Курдистану.

— А меня зовут Шана.

Опустившись на колени, девушка стала накладывать на рану монаха бледно-голубую мазь. Тот морщился и ворчал, но Шана не обращала на это внимания и продолжала говорить с Брэком:

— Едва ли это удобная дорога. Этот край такой заброшенный. Я его ненавижу. Кроме ведьминых яблонь, растущих повсюду, здесь, говорят, много воров и разбойников. Ох, успокойтесь, святой отец!

Монах устало закрыл глаза.

— Я не встретил тут ни одного человека, достаточно богатого для того, чтобы его можно было ограбить, — усмехнулся Брэк. — И сам я не богат.

Шана снова улыбнулась теплой и мягкой улыбкой:

— Я тоже. По правде говоря, я выбрала эту дорогу только потому, что она самая короткая до Теннгилла.

— Теннгилл? — повторил Брэк.

— Провинция в нескольких милях отсюда, — сказала Шана. — У меня там двоюродный брат. Он фермер, у него хорошая жена и орава ребятишек. Я... — голос ее дрогнул, — я хочу пожить с ними, пока не решу, что со мной будет дальше. Я буду работать, конечно, чтобы прокормить себя, — твердо добавила она.

— Что будет дальше, сказала ты? С тобой приключилась какая-то беда?

— Наша трупна распалась.

— Трупна?

— Она хочет сказать, что путешествовала в компании бродячих актеров. Я уже сказал, девочка, что тебе лучше держаться подальше от этого занятия. Это подходит только шлюхам, — сказал Гектор.

— Большое спасибо, — ответила девушка. — Вот уже десять лет, как я работаю на дорогах, с тех самых пор как у меня появилась грудь, но я никогда не предлагала себя сама и не продавала себя ни одному мужчине. Мужчины, которые у меня были... они... — Она колебалась. Наклонившись, она развязала полоску тряпицы, которой бинтовала ногу монаха, и тихо закончила: — Они были у меня потому, что нравились мне.

— Что случилось с твоей трупной? — спросил Брэк. — Я никогда не видел представлений — так ведь это называется? Но я о них слышал.

Шана рассказала, что в одном из городов глава трупы Онсельм увлекся женщиной. Ее муж застал их вдвоем, вызвал Онсельма на дуэль и убил.

— Он был нашим гением, нашим учителем, нашим кормильцем. Именно он ссорился с местными властями по поводу оплаты представлений. С его уходом труппа распалась. В последней деревне, Мегаро, — тут что-то болезненное промелькнуло в ее взгляде и заставило содрогнуться, — мы решили разойтись, так как поняли, что без Онсельма у нас ничего не выйдет. Он проработал по дорогам больше сорока лет.

— А как вы двое оказались вместе? — спросил Брэк.

— Мы с ней встретились на дороге у опушки леса, — ответил Гектор, оттолкнув руку девушки, пытавшуюся поправить его повязку. Он встал, постанывая. Роста он был невысокого. — Мы пошли на юг, так как решили, что безопаснее будет держаться вместе.

Брэк старался спрятать злую усмешку. Гектор явно сомневался в правильности собственного решения.

— Ваша цель — избежать рук воинов и разбойников, о которых сказала Шана? — спросил Брэк.

— По правде говоря, у нас нечего красть. — Шана открыла бурдючок. Пила она по-мужски запрокинув руку. Вытерев бурдюк об юбку, она передала его Брэку. Варвар прижал губы к горлышку и ощутил на нем аромат Шаны.

Девушка приникла к земле, пододвинувшись поближе к костру.

— Хотя мы и без гроша, все равно нам нужно быть осторожными. Лесные люди так долго жили грабежом и разбоем, что, говорят, они теперь это делают ради удовольствия, вне зависимости, есть или нет добыча. Вместе в пути...

— Веселее, — кивнул Брэк. Он заметил, что Шана с ужасом озирается на темные деревья вокруг.

Листва шелестела на ветру. Ночь становилась все холоднее.

— А куда ты, монах? — спросил Брэк.

— Я миссионер.

Брэк так и думал.

Варвар вернул Шане бурдюк, и она вновь отпила вина, словно хотела при помощи его разогнать свой страх. Она предложила бурдюк монаху, но тот отказался, подняв руку, как будто ему предложили что-то грязное. Девушка

пожала плечами и, сделав еще несколько глотков, поежилась. Брэк вновь вопросительно посмотрел на нее.

— Теперь, когда мы немного успокоились, я должна вам обоим что-то сказать, на случай если дальше вы захотите идти отдельно.

Гектор нахмурился:

— Что-то, чего ты не сказала мне?

— Д-да. Я хотела сказать, но как-то не могла заставить себя.

— Слабость, — пробормотал монах.

Он осуждающе посмотрел на девушку. Она обхватила колени руками и наклонила голову, словно боялась смотреть в лица собеседников.

— Одна из главных причин, почему я бежала одна ночью из Мегаро, — это... Дело в том, что на нашем последнем представлении в Мегаро был один человек. Когда представление закончилось, он подошел ко мне и сказал, что я ему нравлюсь.

Ковыряясь в зубах, Брэк заметил:

— Разве женщины не находят приятным, когда им говорят, что они привлекательны?

Шана вскинула голову, в глазах ее отражался ужас:

— Ты не видел этого человека.

— Без сомнения, какой-нибудь пресыщенный старый сатир, — презрительно фыркнул Гектор. — Предложил тебе несколько дишасов за...

— Нет. Он сказал, — ее руки, сжимавшие колени, побелели, — он сказал, что не предложит мне ничего. Что ему не нужно предлагать мне ничего, потому что он колдун.

Какая-то птица одиноко прокричала в холодном лесу. У Брэка невольно пробежали мурашки по спине. Он молчал. Шана продолжала:

— Он сказал, что его зовут Пом.

— Без причудливых магических титулов? — фыркнул Гектор.

Шана смотрела на огонь так, словно не могла высказать то, что чувствовала. Голос ее был едва слышен:

— Просто Пом. Роста он примерно такого. — Она провела ребром ладони себе по груди. — У него странное детское тельце, тонкое и необычное, как будто его когда-то

разобрали на части и неправильно сложили. Или оно никогда и не было нормальным. Но голова у него большая, — она развела руки в стороны, — дыся, и весь он похож на привидение маленького мальчика. Его глаза — вы никогда не видели таких — круглые, белесые. И огромные. — Шана внезапно опустила голову и укусила себя за запястье.

Даже Гектор не нашелся что сказать. К костру подкрался страх, страхом пропитался воздух.

— Больше мне рассказывать нечего, кроме того, что я ускользнула от него. Он казался бедным человеком в изношенной одежде. Но он сказал, что колдунам не нужны красивые одеяния, потому что они владеют тайным, более прекрасным миром. У него была черная маленькая лошадь. К ее спине был привязан кожаный сундук. Небольшой, но очень старый. Он сказал, что если бы я ему отдалась, то он открыл бы сундук и показал волшебные вещи. Сад, где воздух пахнет бальзамом и где всегда сумерки, золотых металлических птиц, покоящих на деревьях возле бассейна, наполненного бриллиантами...

Девушка посмотрела на Брэка, словно ища защиты.

— Он описал это место как самое прекрасное, но мне почему-то показалось, что там таится зло. — Шана вновь отпила из бурдюка.

Отец Гектор стал теребить в руках каменный крест и озиаться по сторонам. Брэк и без того знал, что находится в компании труса.

— Ну что ж, — сказал варвар как можно беззаботнее, — я тоже направляюсь на юг. Мы отправимся дальше вместе, и к черту колдуна. — И секунду спустя: — Ты ведь не думаешь, что он идет за тобой следом?

Лицо Шаны ничего не выражало.

— У меня нет причин думать так. Кроме одной: его вождение так уродливо, он так стремится поглотить женщину, что, я полагаю, он мог бы...

— Ладно, — сказал Брэк, пожав плечами. — У меня есть клинок, чтобы защитить нас. — Он похлопал рукой по своему мечу. — А у нашего святого человека есть крестик, который поможет нам защититься от злых чар. В конце концов, твой колдун мог быть просто больным попрошайкой, разыгравшим тебя страшными сказками о пустом сундуке.

Шана с сомнением посмотрела на Брэка:

— Да, может, ты и прав. Я рада, что ты так сказал. Теперь я смогу заснуть. Будем путешествовать вместе.

Она достала из своего мешка еще один предмет — засаленный плед, завернулась в него и бросила на Брэка благодарный взгляд. Варвар мимолетно подумал о ее теле, скрытом под дешевой яркой одеждой, но решил, что сейчас не время. Положив меч на живот, варвар улегся на землю. Гектор бормотал какие-то заклинания своему Безымянному богу. Это мешало Брэку. Наконец монах замолчал. Костер почти потух.

Брэк долго вертелся. Он слышал, что Шана тоже не спит. Брэк впал в беспокойное сонное забытие.

И вот что ему приснилось.

Он лежал неподвижно на спине, не в силах пошевелиться, и видел сквозь озаренные луной вершины деревьев огромное животное — черного коня с тщедушным всадником на спине. Тишину леса разорвал грохот. Копыта коня мелькали в воздухе, из ноздрей его тянулись огненные нити. На секунду конь заслонил луну, затем исчез в серебряных тучах, улетев на юг.

Измученный Брэк сел. Он схватился за меч и поранился. Выругавшись, он засунул порезанный палец в рот. Затем, почти боясь того, что увидит, он поднял вверх голову... и увидел те же освещенные луной вершины деревьев.

Спал ли он? Или нет?

В посеребренном небе тлели две параллельные линии, похожие на розоватый пар. В холодном ночном воздухе ощущалось серное зловоние, как будто в мир выплеснулось нечто злое, затаившееся на время и обещающее в грядущем что-то страшное.

Варвар плохо спал остаток ночи.

Глава 3

Утро было пасмурным. Шел дождь. Над лесом гремел гром, длинные голубые вспышки молнии пересекали небо. Ливень продолжался необычно долго, поэтому Брэк был вынужден сесть на корточки под дерево. Нахмутив густые

брови, он смотрел на потоки воды. То и дело он поглядывал на Шану. Как и Брэку, ей уже до смерти надоели бесконечные жалобы отца Гектора.

Наконец ливень перешел в моросящий дождик. Спутники решили продолжить путешествие.

Гектор попросился ехать верхом на лошади Брэка. Варвар посадил его рукой на лошадь грубее, чем нужно, и был доволен, что монах поморщился от боли.

Потом он повернулся к монаху спиной и пошел вниз по дороге. Его желтая коса раскачивалась из стороны в сторону.

Дождь то переставал, то снова моросил. Лес постепенно редел. Наступали ранние сумерки. Из-за туч, сквозь которые лишь изредка просвечивало спрятавшееся солнце, быстро темнело вокруг. Брэк остановился, подняв руку, весь превратившись в слух.

— Странный звук... — произнес он.

Шана подошла к нему. Ее дорожный мешок висел через плечо. Изношенные туфли заскользили по грязи; девушка, оступившись, налетела на Брэка и смущенно вскрикнула.

Свободной рукой она откинула с лица прядь волос. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Большой варвар отвел глаза. Ему было неловко в таких ситуациях. Он был уверен, что девушка прочла в его глазах желание.

— Мы подходим к реке, — сказал отец Гектор, подъехав на лошади Брэка. — Каждому это ясно.

Варвар сдержал резкую реплику.

— Судя по шуму, река очень быстрая. Возможно, это из-за дождя. Мы не перейдем ее ночью, держу пари, — сказала Шана.

Брэка это почему-то беспокоило. Он сделал знак двигаться дальше, и вскоре они вышли на заросший берег. Вокруг было темно.

Неширокая река бежала с бешеной скоростью по торчащим из воды камням. Брэк едва различал окружающее в темноте.

Вода пенилась и бурлила, преграждая путь. На противоположном берегу Брэк смутно разглядел продолжение дороги среди валунов и оврагов. Варвар приник к земле,

водя указательным пальцем по грязи. Он изучал какую-то вмятину.

— Здесь след от копыта. Не один. Но сколько коней прошло здесь? Перешли ли они через реку или повернули назад, я не могу сказать. Может быть, это был один всадник, а может, и несколько. Проклятие, слишком темно!

Ругаться было бесполезно, следы стало совсем не видно: с каждой секундой тьма сгущалась. Дул пронизывающий ветер.

Брэк посмотрел на другой берег кипящей реки, слабо поблескивающей в темноте:

— Так как тропинка спускается сюда, то где-то поблизости обязательно есть брод. Но ночью...

— Если ты думаешь, что я намерен рисковать собой, переправляясь в темноте, то ошибаешься, — воскликнул монах Гектор.

Брэк поднялся, обтерев руку о набедренную повязку из львиной шкуры. Он крепче сжал рукоять своего широкого меча, лежащего на могучем плече.

— Мы не будем подвергать твою благородную персону таким опасностям, монах. Переночуем на этой стороне и с рассветом переправимся.

— Переночуем, если найдется сухое место, — устало сказала Шана.

— Поднимемся выше, — сказал Брэк, поворачиваясь в другую сторону, и вдруг впервые увидел чуть дальше по берегу, слева, человеческую фигуру, вырисовывающуюся на фоне темно-оранжевого прямоугольника.

Брэк вздрогнул. Человек стоял в проеме двери небольшого дома, и за спиной у него горел свет. Человек был крупным и высоким, сильного телосложения, с большой головой и вьющимися волосами. Он поднял руку и окликнул спутников:

— Путешественники?

— Да, — прокричал Брэк в ответ. — И мы ищем, где укрыться от дождя.

— Идите сюда. Мой дом к вашим услугам.

Отец Гектор зашипел сквозь зубы:

— Девушка говорила о жестоких людях в этих диких краях, о местных жителях, которые грабят...

Ругательства Брэка заставили священника замолчать.

— Меня тошнит от твоих пререканий и вечного недовольства, монах. Вон там стоит большой человек, но я вижу, что рядом с ним никого нет. Я устал и хочу есть, и я рискну посидеть у огня. Возможно, тебе он внушает ужас, мне — нет. Сиди здесь в безопасности и страдай всю ночь, если тебе нравится, но в таком случае слезай с моей лошади — она заслужила отдых в теплой конюшне. — С этими словами Брэк дернул за повод.

Отец Гектор был вынужден быстро соскользнуть на землю, прежде чем лошадь не скинула его внезапным движением вперед. На секунду лицо Гектора озарил яркий блеск огня из домика. Несторианец едва доходил Брэку до плеча. В поднятых вверх глазах монаха Брэк прочитал печаль и глупую ненависть маленького человека к тому, кто выше. Одной рукой держа на плече меч, другой — повод лошади, Брэк двинулся по хлюпающей грязи к домику.

Брэк держался настороже, но не был встревожен. Однако что-то неуловимое, как заноза, тревожило его в глубине души.

— Это, в конце концов, разумнее всего, — сказала Шана, направившись за Брэком. Гектор снова заворчал, но последовал за Гектором и Шаной.

— Добро пожаловать... Добро пожаловать, — приветствовал их высокий человек, когда все трое приблизились к нему. Он отступил внутрь маленького, с соломенной крышей домика. Через вставленную в солому трубу выходил дым от камина.

Огонь в камине освещал лицо незнакомца. Что-то в этом лице заставило Брэка внутренне вздрогнуть.

Человек был молод, широкоплеч, с узкими бедрами и красивым смуглым лицом. В нем чувствовались сила, энергия и выносливость. Ничего подозрительного. Однако Брэку он не понравился.

Антипатия варвара усилилась, когда незнакомец с нескрываемым интересом улыбнулся Шане. Он довольно долго смотрел на девушку, прежде чем сказал варвару, указав на угол домика:

— За домом есть большой стог. Можно покормить лошадей.

Затем он отступил еще дальше, в глубь домика, сделав полупоклон. Очень странное поведение для человека, живущего в лесу в одиночестве, подумал Брэк. Будучи выходцем из диких северных земель, Брэк пожил достаточно долго среди цивилизованных людей, чтобы понять это.

Незнакомец прикоснулся к руке Шаны, когда та проходила в дом, и улыбнулся широкой белозубой улыбкой, излучающей очарование и добродушие:

— Проходите, пожалуйста, здесь вы согреетесь и обсохнете. Меня зовут Ян. Я дровосек. Редко вижу тут кого-либо. Я рад познакомиться с вами.

Брэк нашел кипу травы и привязал лошадь под навесом. Ему показалось, что сквозь шум дождя он слышал, как в чаще ходит какое-то животное, но ничего не увидел и вернулся в дом. Зубы варвара стучали от холода. Он устал больше, чем думал. Что-то вертелось у него в мозгу, какая-то особенная мысль...

Дровосек, дровосек.

Кому же он продает свой лес в стольких милях от людей и жилищ?

Тепло камина разогнало беспокойные мысли. Он положил меч в сторону. Отец Гектор занял единственную табуретку в комнате. Правда, была еще кой-какая мебель: грубый стол, постель из одеял, брошенных поверх солом; над камином на железном крюке висел пустой почерневший чайник. У дровосека, казалось, не было никакого запаса одежды и личных вещей. В углах под потолком виднелась паутина. Брэк заметил черно-желтого паука, ползающего в паутине. Ян любезным тоном обратился к монаху:

— Полагаю, отец, что дама первой из вас имеет право есть. Не будете ли вы так добры?

Гектор с ворчанием встал. Со слабой улыбкой, скрывающей усталость, Шана села, поблагодарив Яна. Сбросив туфли, она грела свои грязные ноги.

Ян суетился вокруг, подвинул ближе к ней стол. Брэк стоял как каменный, глядя на благодарное выражение

лица Шаны и на то, как темные глаза дровосека следят за каждым движением девушки.

— Вот... вино... сыр. Ночью я ем простую пищу, но предлагаю вам все, что перед вами. Я думаю, хватит на всех.

Отец Гектор протянул руку:

— Передай мне вино.

Ян передал с готовностью, не сказав ни слова. Все это не понравилось Брэку. Возможно, варвар был слишком подозрителен, или же виновато оказалось что-то другое, в чем он ни за что не хотел себе признаться...

Шана обхватила колени руками, поставив ноги на перекладину табуретки. Ян протянул ей кусок сыра. Она приняла его с явным удовольствием.

Брэк редко встречал таких красавчиков, как этот дровосек. Его бесило, что Шана, по всей видимости, находит его привлекательным.

— Скажите мне, кто вы и куда направляетесь, — спросил Ян, усевшись на каменную плиту. На нем были узкие брюки, сапоги и куртка поверх голубой рубашки. Речь его казалась чересчур изысканной для человека, живущего вдаль от городов.

— Меня зовут Шана. Я работала в труппе бродячих актеров. — И Шана объяснила, как она решила отправиться в путешествие на ферму своего двоюродного брата. Она упомянула о навязчивом внимании одного человека, повлиявшем на ее решение, но не сказала, что он колдун, и не назвала его имени. Брэк вновь увидел в ее глазах страх, но это была короткая вспышка, которую Шана постаралась скрыть. Тогда Брэк подумал, что она сделала это, чтобы не показаться глупой трусихой перед Яном.

Брэку стало жарко, его душила ярость. Эта стойкая, умная женщина привлекала его больше, чем ему хотелось. С каждой минутой Брэку все больше не нравился внимательный, пристальный взгляд Яна. Он почувствовал себя крайне неуютно в его присутствии.

Внезапно острый взгляд Яна обратился к большому варвару:

— А ты? Львиная шкура говорит о том, что ты чужеземец.

— Я Брэк и иду на юг. — Брэк потянулся за сыром, не зная, что еще сказать.

— Вы согрелись? — спросил Ян у Шаны.

— Да, спасибо. Так хорошо сидеть у огня.

— Есть ли здесь еще что-нибудь, что могло бы оказаться вам полезно? — Ян жестом обвел комнату. Почему она выглядела такой необжитой? Такой пыльной? Дождь тихо, не переставая, стучал по соломенной крыше.

— Нет, спасибо, вы очень добры, — улыбнулась Шана.

О боги, Брэка охватила ненависть к этому свалившемуся на его голову молодому красавцу дровосеку!

Брэк хотел было что-то сказать, но вдруг услышал снаружи какой-то шум. Его лошадь заржала от страха.

Ян пристально оглядел всех. У Брэка сжалось что-то внутри, когда его лошадь начала бить копытами. Варвар оставил меч прислоненным к стене и вышел. Его лошадь неслась мимо домика прочь, и варвар едва успел поймать ее за повод. Брэк притянул ее к себе, лошадь немного затихла. Варвар погладил ее теплую морду, успокаивая нежными словами. Лошадь опустила голову и теперь стояла тихо. Брэк щурился от бегущих по его лицу дождевых капель. Тут он снова услышал из-за дома какой-то шорох.

Варвар затаился, затем обогнул угол дома, проскользнул вдоль стены и увидел неподалеку в зарослях неясно вырисовывающийся силуэт...

Брэк приник к земле. Секунду спустя он перевел дух. Бояться было нечего: это был всего лишь конь. Правда, очень большой и могучий. Но ничего необычного. Брэк сделал шаг вперед, тяжелые от грязи подошвы скользили.

Конь вскинул голову и оскалится на варвара. Брэк остановился и долго смотрел на него. Черный. Черный, как ненастная ночь.

Когда глаза варвара привыкли к темноте, он заметил какой-то предмет, возвышающийся на спине коня. Брэк подошел ближе. Конь вскидывал длинной спутанной гривой. Норовистое животное. Варвар издал какой-то особый

горловой звук. Конь каким-то образом понял его и не побежал. Брэк разглядел то, что находилось на спине коня: это был стянутый ремнем сундук, словно владелец коня готовился к отъезду. Сундук был небольшой, очень старый, со сбитыми углами.

«Он сказал, что, если бы я ему отдалась, он открыл бы сундук и показал мне волшебные вещи. Сад, где воздух пахнет бальзамом и где всегда сумерки...»

Брэка охватил страх, это был страх перед неизвестным, неведомым. Он повернулся и бросился к двери домика.

Дверь все еще была открыта. Прислонившись к стене, отец Гектор дремал. Шана сидела на табуретке у огня. Ее заслоняла фигура Яна, протянувшего руку за другим куском сыра. Он улыбался белозубой улыбкой, его черные кудри блестели. Брэк видел сильное и милое лицо Шаны словно сквозь тонкую завесу...

Он видел ее лицо сквозь плоть руки Яна.

Дровосек взял кусок сыра. Варвар проклинал себя за то, что оставил меч внутри. Он решил действовать неожиданно: быстро впрыгнуть в дверь и схватить стоящий у двери меч.

Ян понял значение протянутой руки Брэка. Милая улыбка исчезла с его лица.

— Что-то не так?

— Очень многое, — крикнул Брэк, схватив рукоять меча. — Еще не знаю что, но что-то отвратительное, как...

Ослепительный белый огонь вырвался из ладони Яна. Дом зазвенел, словно колокол. Голова Брэка загудела от боли. Подхваченный пламенем, меч Брэка перелетел через комнату и с грохотом упал на пол.

Глава 4

Брэк схватил грубый стол и отшвырнул его в сторону, чтобы добраться до Яна. Красивое лицо дровосека стало как-то странно искажаться. Темные глаза свирепо сверкали. Сквозь куртку Яна большой варвар видел стену во всех подробностях.

— Шана! Беги отсюда! — закричал Брэк, устремившись к Яну с протянутыми руками, чтобы вцепиться ему в горло.

Дровосек отступил, сделал какой-то магический жест в воздухе. Пелена ослепительного белого огня взметнулась перед Брэком, закрыв собой все, и оглушительный звон снова раздался в голове варвара.

Пламя, казалось, проникло в мозг Брэка и растопило его. Ноги варвара ослабели, он свалился на пол в судорогах, изо рта потекла слюна. Каждую клеточку тела пронизала боль.

Брэк оперся ладонями на дощатый пол и попытался подняться, но приступ тошноты и новой боли свалил его. Он с трудом приоткрыл глаза и обвел комнату затуманенным взглядом. Сквозь сапоги Яна был виден огонь в камине.

Вспышка магического огня разбудила Несторианца. Дрожа и что-то бормоча, он поднялся на ноги.

— Я чувствую здесь бесовский запах, это действие Йог-Саггота. — Пальцы Гектора сжали висящий на жидоте крест.

Ян яростно зарычал, прыгнул к Гектору и рванул крест. Шнурок, на котором висел крест, порвался. Шана испуганно вскрикнула, когда Ян швырнул крест в огонь. Брэк с огромными усилиями перевернулся на спину. Словно издав издав он услышал голос Шаны, в котором чувствовались ужас и догадка:

— Вы... вы не такой, каким кажется... — Она осеклась.

Дровосек схватил Шану за плечи.

— Да, — зашептал Ян, впившись в нее нечеловечески сверкающим взглядом. — Да, здесь все иллюзия. Но сейчас я покажу тебе то, что хотел показать с той минуты, как увидел тебя на площади при свете факелов. — Голос Яна, пока он говорил, превратился в дьявольский скрипучий визг, как будто детский крик, но с каким-то уродливым оттенком. Тело Яна начало покачиваться. Позади него появилось какое-то облако дыма... точнее, даже внутри... По тому, как Ян бросил Шану на пол, чуть не разбив ей голову о перевернутый стол, Брэк понял, что

его подозрения оправдались. Ян бросился к двери. Он становился все прозрачнее, все нематериальнее. Дождь хлестал ему в лицо, когда он высунул голову из домика. Брэк попытался подняться. Вдруг он увидел вторую голову и второе возникшее лицо...

Брэк зажмурил глаза, борясь с болью. Когда он их открыл, то увидел маленькое сморщенное тело в странной изломанной позе, приникшее к двери. На призраке была простая, изношенная одежда. Голова его выглядела огромной и лысой, тонкий носик и крошечный рот. Огромные белесые выпуклые глаза смотрели на Шану с таким выражением, словно она была обнажена.

Затем колдун Пом скрылся за пеленой дождя.

Глава 5

— Вставай, — приказал Брэк самому себе, стиснув зубы.

Он слышал, как стонет Гектор. Брэку удалось подняться на четвереньки, и он пополз, чтобы дотянуться до меча. Теперь он с ужасом осознал глубину вожделения Пома, заставившего колдуна обогнуть их на своем скакуне — конь в небе не был сном, — и устроить им западню, приняв вид дровосека в домике.

Брэку казалось, что он ползет по бесконечной равнине, по наклонной плоскости. Каждое движение требовало невероятных усилий. Он вытянул дрожащую правую руку. Пальцы сомкнулись вокруг рукояти... и раздался крик невыносимой боли.

Меч был словно раскаленный. Брэк, рыча, отдернул руку. Магический огонь заколдовал меч. До него было невозможно дотронуться. Брэк лежал пораженный и беспомощный...

Послышался звук шагов. Колдун вернулся.

В этот момент Шана зашевелилась и стала приходить в себя. По ее щекам струились слезы ужаса. Она попыталась встать. Пом придавил ее к полу, поставив ногу, обутую в туфлю, на шею девушке. Рядом с ним каким-то образом очутился старый кожаный сундук.

Развязывая ремни на крышке сундука, он заговорил детским голосом, сводящим с ума своими скрипучими интонациями:

— Вы обо мне почти ничего не знаете. Что ж, я вам расскажу. Я родился в темном сыром месте под землей. Моя мать была проституткой в таверне, а отец — довольно искусным колдуном, но... — Тут крышка сундука с треском раскрылась. Колдун не обратил на это внимания. Его огромные белесые глаза навывкате горели болезненным огнем желания. — Однажды отец обидел одного грозного бога. Поэтому я родился таким, каким вы меня видите, — изуродованным, проклятым. Ни одна женщина не прикоснется ко мне, если я ее не заставлю при помощи одного из видов магических чар, которыми владел мой отец.

Тут раздался голос Гектора:

— Что ты за презренное создание, если, имея, как ты говоришь, могущество мага, ведешь себя как обыкновенный дурень, стремящийся кого-нибудь изнасиловать?

— В том-то и вся загвоздка, монах. — Крошечные руки Пома с голубыми венами опустились в сундук. На секунду во влажных глазах отразились необыкновенные страдания. — Я колдун только наполовину. Даже моя магическая сила проклята и искорежена, как и мое тело. Когда я вас обманул, заставив увидеть во мне дровосека, — это было чародейство, да. — Пом облизал губы, вновь устремив взгляд на Шану. — Но я не могу удерживать чары, когда люблю женщину. — Рот его скривился. — Как видишь, мне нужно иметь соответствующую обстановку и соответствующие чары. Я брожу по свету больше ста лет, закованный в эту изломанную плоть — знак проклятия, наложенного на отца. И мной движут страсти, подаренные мне похотливой и склонной к пьянству матерью. — Глаза Пома загорелись ненавистью. — Она в самом деле любила свое ремесло. Проститутка, раздираемая страстями. — Голос его стал тише. Он говорил с каким-то дьявольским присвистом. — Как видите, у каждого из нас есть слабое место. Даже у волшебников.

Пом резким движением выхватил из сундука темную шелковую ткань, которая взметнулась вверх и в стороны.

Он расстелил ее рядом с сундуком. Брэк вновь попытался встать — силы потихоньку возвращались к нему. Пом бросил на Брэка настороженный взгляд, но, казалось, не слишком беспокоился. Наклонившись к девушке, он обернул свою крошечную руку темно-рыжими волосами и оттянул назад ее голову:

— Ни одна из женщин так не разжигала меня, как ты, девочка. От тебя исходит аромат разврата. Возможно, это меня и возбуждает. — И он впился губами в ее рот.

Поцелуй заглушил крик Шаны. Пом оторвался от нее и, просунув ей руки под мышки, с трудом приподнял девушку. Он дотасил ее до расстеленного на полу шелка:

— Возможно, сад моего отца так ошеломит тебя, что ты подчинишься мне. Думаю, так и будет. — Он шагнул на край шелковой ткани. Тотчас он и Шана в его руках исчезли.

Отец Гектор подполз к узорчатому куску ткани. Лошадиный подбородок Гектора отвис от изумления, смешанного с ужасом. Он поставил одну ногу на ткань.

— Не прикасайтесь к шелку! — закричал Брэк. — Он обладает властью переносить...

Слишком поздно. Монах уже поставил обе ноги на шелковый квадрат и... исчез.

Глава 6

В домике воцарилась пугающая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня в камине, стуком дождевых капель, стекающих по полу через открытую дверь, и ночным ветром, шевелящим лежащий на полу кусок шелка.

Брэк наконец смог подняться. Он доковылял до ткани, чуть не упав прямо на нее. Затем он осторожно присел рядом с ней на корточки, изучая замысловатые узоры.

В них был, однако, какой-то определенный порядок. На черно-зеленом фоне были вышиты правильные и неправильные фигуры. Ровные квадраты образовывались пересекающимися линиями. Неправильные фигуры были в беспорядке разбросаны по всей ткани.

И вдруг варвар понял.

Это был план какого-то сада, разделяющие линии — это изгороди, а неправильные формы — бассейны и гроты.

Он смотрел на шелк, и ему казалось, что где-то вдалеке слышится негромкое пение, очень приятный женский голос. Голос притягивал его. Брэк вздрогнул.

Он смотрел на расстелившийся перед ним сад, как какой-нибудь бог. Казалось, он видит сквозь нити шелка две крошечные пылинки и еще одну пылинку чуть поодаль.

Пом и Шана. Гектор. Живые — в саду из шелка.

Теперь он знал, что делать. Он потянулся за мечом, но меч все еще был раскаленным. Нет, без оружия ему там делать нечего...

Взгляд варвара упал на брошенный в угол мешок Шаны. Брэк кинулся к нему как сумасшедший, схватил кинжал и спрятал его в львиной шкуре на поясе. Затем, пошатываясь, подошел к шелку. Глубоко вздохнув и сжав похолодевшие ладони, Брэк ступил на ткань. Пение и тьма поглотили его.

Глава 7

Из-за нависших серых облаков проглядывало розовое, местами янтарное, небо. Были сумерки. Где-то вдали слышалось пение, этот манящий, неземной голос.

Брэка окружала изгородь, она была немного выше его головы. И изгородь, и трава под ногами варвара были глянцевого черно-зеленого цвета. Мрачный, но красивый сад. Однако Брэк чувствовал себя в нем очень неуютно.

Голову дурманил сладкий запах, в нем ощущался какой-то неуловимый оттенок. За спиной Брэка раздался плеск воды.

Брэк повернулся, слегка расслабив мускулы, и, действуя почти бессознательно, тотчас превратился в притаившегося степного охотника, выслеживающего дичь. Глаза его смотрели настороженно и злобно.

Тихо плескалась вода фонтана в украшенном изразцами бассейне. Вытекая из фонтана, вода падала в бассейн

серебряными капельками. И Брэку вспомнились слова Шаны: «...там всегда сумерки, и золотые птицы поют у бассейнов, наполненных бриллиантами».

Капли серебристой воды действительно напоминали падающие и перекатывающиеся по бассейну бриллианты. Блестящая изящная рыба подплыла к поверхности воды, взглянув на Брэка разноцветным глазом.

Но красота сада не радовала варвара. Он должен был найти отсюда выход. Обойдя бассейн, он увидел, что в изгороди есть узкий проход. Проход вел в такое же окруженное изгородью пространство. Правда, здесь росло много деревьев. На одной из низких веток сидела золотая металлическая птица — чудесное изобретение — и ворковала, ворковала...

На сложенных крыльях птицы отражались розовый и янтарный цвета неба. Раздающееся вдалеке пение навевало на Брэка сон. Женский голос дразнил, манил, соблазнял, и на какое-то мгновение единственной мыслью Брэка стало желание сжать эту женщину в объятиях. Но он вспомнил, что Шана в беде. Губы его решительно сжались, надо было действовать. Тут его внимание привлекли большие бледно-молочные плоды, висящие на ветках. Брэк почувствовал голод. Он сорвал один из плодов, поднес его ко рту, но остановился. У плода была мягкая упругая шкурка, он заполнял почти всю ладонь. Брэк сжал руку и выдавил мякоть. По ладони и запястью потекла вонючая жидкость, а внутри плода оказался извивающийся черный червь, почти в два раза длиннее среднего пальца Брэка. Варвар отбросил ужасный плод и с омерзением вытер руку о львиную шкуру.

Брэк миновал еще несколько изгородей, в каждой из которых был узкий проход. Казалось, отсюда нет выхода и проклятым изгородям нет числа.

Внезапно Брэк услышал голоса. А колдовское пение стало чуть ниже. Брэк лег на живот в длинную черную траву и пополз от отверстия в изгороди в сторону, откуда раздавались голоса.

Приглядевшись, он увидел, что дальше поднимается невысокий холм, на котором стоит строение с белыми

колоннами, очень похожее на миниатюрный храм. Внутри храма на ветру мерцала лампа. На ступеньках, ведущих внутрь, стояли Пом и Гектор.

Огромная лысина Пома блестела. Он казался спокойным и медленно поворачивал голову в разные стороны, вглядываясь в сад.

— Только на секунду отвернулся, а она удрала, — услышал Брэк голос Пома.

— Ты ее не найдешь, — сказал Гектор, голос его звучал трусливо.

— Да что ты? Конечно найду. Это мои владения. Я знаю здесь каждый уголок. То, что девчонка спряталась, сделает игру еще интереснее. Мне кажется, я сам хотел того, чтобы она сбежала, улизнула от меня ненадолго, чтобы получить удовольствие от погони...

Пом медленно повернулся и взглянул на Несторианца. Монах едва сдерживал свой страх. Он весь дрожал.

— Когда же я схвачу ее, — шепот Пома сливался с отдаленным пением, — я положу на траву, и тогда овладеть ею будет еще приятнее. — Странное изломанное тело колдуна, казалось, слегка дрожало. Он всматривался в сад.

Гектор схватил Пома за полы одежды. Колдун свирепо посмотрел на монаха.

— Я тебе помогу, — сказал Гектор.

— Что ты имеешь в виду?

— Помогу искать. Буду делать все, что ты скажешь.

Пом презрительно вырвал край одежды из рук монаха, губы его злорадно изогнулись:

— А я-то думал, что служители Безымянного бога сильные, честные люди.

— Я служу себе самому. Я, — Гектор облизал губы, — я хочу жить. Не знаю, как я попал в это дьявольское место, но если я помогу тебе... Я хочу заключить с тобой сделку. Верни меня туда, откуда мы пришли. В реальный мир. Моя жизнь — в обмен на мою помощь. — Он снова схватил Пома за одежду. — Сделка, колдун?

Брэка передернуло от отвращения при виде того, как монах ставит на кон остатки своей чести. Впрочем, это неудивительно, если вспомнить, как он вел себя раньше.

Пом взглянул на монаха:

— Я подумаю.

Гектор тяжело сглотнул:

— Ты не хочешь сказать мне сейчас?

— Нет. Ты презренный человек. Я предпочитаю немного с тобой позабавиться. Я позволю тебе помогать мне в охоте. Возможно, даже разрешу наблюдать, как я буду развлекаться с девчонкой. Потом я решу, вернуть ли тебя или убить, как я планировал. — Во влажных глазах Пома отражался розовый и янтарный свет сумерек. — Раньше я хотел медленно убить тебя, монах. Ищренно, как ты и представить себе не можешь, пока не испытаешь.

Гектор отпрянул назад:

— Сумасшедший. Сумасшедший.

Пом улыбнулся:

— Да, в самом деле. Но чего можно ожидать от хромого уродца, проклятого от рождения? И запомни, монах: это сад моего отца, и в нем ты либо принимаешь мои условия, либо не будет вообще никаких условий.

Гектор взглянул в небо, на изгородь — отсюда не убежать. Плечи его горестно опустились:

— У меня нет выбора. Начнем поиски?

Пом скрипуче прокашлялся:

— Ты грязный, достойный презрения тип. Но почему-то ты мне нравишься. Да, будем искать беглянку. Но сначала я вымою руки и умашу себя маслом, чтобы пахнуть приятно, когда найдем ее. Подожди меня здесь.

Пом скрылся в храме. Хромым уродцем, казалось, в любую минуту готов был опрокинуться из-за непомерно большой головы!

Брэк прислушался. Все то же пение. Воркование золотой птицы где-то на дереве. Но ни единого звука, указывающего, где притаилась испуганная Шана.

Варвар почувствовал знакомый ему страх, страх неподвластный воле. Если он не будет настороже, он ее не найдет. Как они выберутся отсюда, варвар еще не знал. Но Брэк отбросил эту проблему в сторону. Вначале надо найти девушку.

Пом вышел из храма. Он подал знак Гектору, и они спустились с холма. Вскоре они прошли через изгородь, где притаился Брэк. Варвар крепче сжал кинжал и пополз за ними. Было очень темно. Брэк двигался осторожно, прислушиваясь к их шагам.

Внезапно он натолкнулся на дерево. Над головой блеснула потревоженная золотая птица. Она распростерла крылья, и ее воркование сменилось яростным криком. Она нацелила когти в лицо Брэка и бросилась на него. Варвар отклонился в тот момент, когда птица была готова вырвать ему глаза. Когти распороли Брэку кожу на лбу, и кровь закапала из раны.

Птица взлетела и, сделав круг, стала опускаться, целясь клювом Брэку в лицо. Брэк взмахнул кинжалом, но лезвие скользнуло по крылу, не причинив птице вреда. Удар варвара отбросил ее в сторону. Но через несколько мгновений она вновь забила крыльями и поднялась ввысь. Птица свирепо кричала и кружилась над Брэком. Пома привлек этот шум. Птица взмыла в небо стрелой, и Брэк увидел нечто страшное. На кончике ее клюва блеснула черная капля.

Брэк понял, что это яд, приготовленный для него. Птица метнулась к варвару. Нож тут оказался бесполезен. Брэк сжал клинок зубами и, обтерев руки о набедренную повязку, схватил птицу в тот момент, когда клюв был на расстоянии ладони от его лица.

Птица била металлическими крыльями. Когти раздирали руки Брэка в кровь. Птица крутила головой и старалась клонуть Брэка в палец. Но варвар лишь крепче сжал руки вокруг ее шеи. Птица закинула голову для смертоносного удара клювом. У Брэка было лишь одно мгновение. Собрав все силы, он свернул птице голову и сильно дернул ее. Голова оторвалась от тела, обнажив куски золотой проволоки. Раздался взрыв, что-то полыхнуло внутри тела птицы, и пламя обожгло лицо Брэка. Он вскрикнул, как раненый зверь. Ослепленный, Брэк швырнул обломки. Все лицо у него жгло. Обломки стали плавиться, золото кипело и бурлило. Все превратилось в блестящую желтую жидкость, которая быстро впиталась в черную траву.

Нож выпал изо рта Брэка. Варвар яростно рычал. Ожоги сильно болели. В этот момент чьи-то костлявые руки схватили варвара сзади за шею. Его ударили коленом в поясницу и толкнули вперед. Захваченный врасплох, Брэк рухнул лицом на бортик бассейна.

Бешеное сопение Гектора в ушах Брэка превратилось в невнятный шум, когда монах сунул голову Брэка в бассейн и попытался удержать ее под водой.

Серебряный свет танцевал перед глазами Брэка. Он попытался вывернуть плечо и схватить монаха, но безуспешно. Вода заполнила ноздри, жгла обгоревшее лицо. Дышать было нечем, и легкие стали болезненно сжиматься. Брэк не ожидал, что монах окажется таким сильным. Теперь он понял, что монах, не колеблясь, решил взять его жизнь в обмен на свое спасение, и эта решимость придавала Гектору силы. Гектор еще тяжелее навалился на Брэка. Рассудок варвара затуманился. Брэк понял, что больше ему не дышать и не жить...

Эта мысль подхлестнула его волю, и он очнулся от предсмертного забытья. Собрав всю силу, которая в нем была, Брэк рванулся вверх... Гектор повалился на траву, завизжав по-кошачьи:

— Пом! Колдун! Где ты? Куда ты делся? Смотри, я повалил чужеземца! Теперь ты должен помочь мне!..

Брэк кинулся за своим кинжалом. Он приблизительно знал, куда тот отлетел, и, разрывая траву, стал шарить по земле. Гектор вскочил и набросился на Брэка сзади. Пальцы монаха давили на глазницы Брэка. И тут варвар отыскал кинжал. Взмахнув им, он поразил Гектора. Пальцы монаха, выдавливающие глаза варвара, разжались. Раздался булькающий звук, и что-то теплое потекло по спине варвара. Брэк отполз в сторону и обернулся... Кровь. Она лилась из горла Гектора. Несторианец встал на цыпочки, поднял руки к небу и прохрипел:

— Помоги мне. Помоги мне.

Никакого ответа не последовало от бога, которого монах молил о спасении. Лишь пел вдали о порочных удовольствиях женский голос. Гектор рухнул на траву лицом вниз. Из шеи, чуть ниже линии волос, торчал кончик кинжала.

Брэка охватила ярость. Он с такой силой пнул согнувшийся труп Несторианца, что тот свалился в бассейн и утонул. Брэк заглянул в воду и смутно разглядел костлявую лодыжку. Подняв лицо к небу, варвар издал победный вопль.

И тут раздался крик Шаны. Брэк сунул руки в бассейн и схватил труп, вытянув его так, чтобы достать кинжал. Затем он бросился сквозь лабиринт изгородей к открытому месту, туда, откуда слышался крик.

Он выбежал из сада, но поскользнулся и упал. На ступеньках храма он увидел Шану и Пома, склонившегося над ней. Изо рта колдуна капали слюны.

Девушка сжалась в комок. Пом разрывал одежду на Шане, навалившись на нее.

— Так или иначе... Шлюха, так или иначе ты станешь моей, — захлебываясь колдун, срывая с девушки последние ключья блузки. Тут он услышал ругательства Брэка. Колдун обернулся, глаза его сверкнули, словно две огненные луны. Тонкий ротик дернулся.

Брэк изо всех сил старался встать. «Вставай! Возьми свой нож! Вперед!» Но, истощенный борьбой с птицей и монахом, Брэк вновь рухнул на траву, выпустив кинжал из пальцев.

Пом оставил Шану на ступеньках почти голой. Нить ее зеленого ожерелья разорвалась, и бусины рассыпались, звеня по камню. Стук упавших бусин прозвучал странным контрастом со зловещим отдаленным пением.

Пом спускался по ступеням медленно, словно понимая, что враг его слаб и обречен. Колдун протянул вперед свои детские ручки.

Брэк не пытался подняться. Он понимал, что один удар белого пламени из рук колдуна сокрушит его. Он лежал на траве не прикрытой ничем мишенью. Спрятаться некуда, да и нет на это сил...

Глаза Пома горели маниакальной яростью. Тонкие пальцы слегка дрожали, словно от предвкушения убийства.

Брэк встал на колени, взял нож в руки. Пом выкрикивал заклинания, вытянув руки перед собой. На кончиках пальцев блеснул ослепительный свет...

Шана бросилась вниз со ступенек в тот момент, когда раздался оглушительный звенящий звук. Девушка, словно

безумная, с развевающимися волосами, обхватила руками ноги Пома за секунду до того, как белые молнии готовы были вырваться из пальцев колдуна. Пом повалился на землю. Руки Пома торчали вверх, в небо, и испепеляющее пламя полетело, рассеиваясь, к облакам.

Брэк отвел назад руку с кинжалом и метнул его. Удар был точен. Пом согнулся, схватившись за живот. Колдун был ранен. Он вырвал кинжал из раны. Больше Брэк не мог сделать ничего. Он в полном изнеможении рухнул на траву, уже не пытаясь бороться со смертью.

Где-то в саду завопили золотые птицы, почувствовав боль хозяина. Пом опустился на колени, глаза его помутнели. «Я не убил его, — подумал Брэк. — Сил больше нет. Но я не убил его».

Шана подползла к колдуну и, расцепив его пальцы, держащие кинжал, перерезала ему горло.

Внезапно в отдаленном пении послышались похоронные нотки. Золотые птицы смолкли. Пом лежал на боку на ступеньках белого храма. Кровь изо рта заливала его одежду.

Шана подняла голову. Лицо ее выражало оцепенение, волосы разметались.

Брэк вздохнул. Дышать было больно. Он слабо приподнял руку, чтобы дать девушке знак, что он жив. Брэк лежал и испытывал смутное чувство радости оттого, что жив. Но внезапно ему пришла в голову ужасная мысль: они в западне в заколдованном мире, откуда невозможно выбраться.

Брэк пополз к девушке. Это заняло много времени. Наконец он обнял Шану. Не говоря ничего, они долго лежали тесно прижавшись друг к другу, тяжело дыша.

И вдруг над ними возникли лица двух богов, заполнив собою почти все небо.

Глава 8

Это были боги с лицами злодеев. Один — толстый, рыжебородый, с выгаращенными глазами. Другой — тощий, рябой, со шрамом через все лицо от подбородка до пустой сморщенной глазницы.

Две головы возвышались над садом. Рты их шевелились, словно боги разговаривали друг с другом. Шана смотрела на них долго и неподвижно, затем тело ее обмякло в руках Брэка.

Брэк стиснул зубы, чтобы не поддаваться страху. Позади голов, заполнивших собой половину неба, вытянулись пульсирующие серые лучи. Они что-то смутно напоминали Брэку. Но он был слишком ошеломлен, испуган, к тому же ранен, чтобы разобраться в этом странном свете за головами богов.

Внезапно земля стала подрагивать, морщиться, затем подниматься и опускаться. Изгороди задрожали и треснули. Через секунду подземные толчки стали неистовыми. Небо потемнело, а отдаленное пение зазвучало болезненно, грустно.

Изгороди вырывало с корнем, из-под них летели комья земли. Раздался страшный треск, Брэк повернулся и увидел, что красивый белый храм закачался, дрожа всеми колоннами. Огромная трещина прошла через одну из колонн, расколов ее пополам. Крыша стала рушиться.

Камни полетели в разные стороны. Лампа потухла. Еще одна колонна разлетелась на куски. Один кусок с грохотом рухнул рядом с Брэком и лежащей без сознания Шаной.

Брэк взвалил девушку на плечо и, пошатываясь, спустился с рассыпающихся под ногами ступенек храма. Он чуть не свалился в разверзшуюся в земле расщелину.

Брэк рухнул на траву, земля поднималась и опускалась под его ногами. Небо, казалось, корчилося и готово было упасть на землю, а боги по-прежнему следили за происходящим.

«Какие-то особенные лица, — подумал Брэк в полузабытии, — угрюмые и необычайно глупые. Грубые крестьянские лица... Крестьянские лица».

Сад Пома раскололся, трещины потянулись во все стороны. Одна открылась под ногами Брэка так, что ноги его оказались на разных сторонах расщелины. Брэк перенес вес тела на одну ногу и стал балансировать на краю излома. Поддерживая лежащую на плече Шану,

он рванулся и перепрыгнул через раскрывшуюся в земле бездну, откуда исходил отвратительный запах. Небо становилось все темнее. Где-то колотили крыльями по воздуху металлические птицы.

В глазах у Брэка тоже потемнело. Он понимал, что вот-вот умрет. И еще понимал, что эти странные возвышающиеся над ними лица богов — последний шанс к спасению. Если бы только он не был так измотан! Если бы только он мог найти выход...

Храм уже превратился в руины. Камни падали в трещины в земле, и не было слышно даже звука падения, словно они улетали в бездну. Брэк дышал как загнанный зверь, крепко прижав к себе Шану. Он онемело смотрел на богов. Крестьянские лица...

Тьма поглощала сад. Но за головами богов забрезжил грязно-оранжевый свет. Словно от костра в том месте... которое, как казалось Брэку, он обязательно узнал бы, если бы не был загнан.

Шана застонала. Брэк зарычал, вглядываясь во тьму. Времени оставалось все меньше.

Крестьянские лица, смотрящие вниз — откуда? Из какого места? Крестьянские лица...

И вот когда крошечный мир сада превратился в сплошные руины, а грохот раскалывающихся земли и деревьев заглушил все остальные звуки, Брэк захохотал как безумец. То, что пришло ему в голову, то, что он задумал, было в самом деле безумием. Но другого выхода варвар найти не мог. Безумие лучше, чем слепая жестокая смерть.

Брэк вытянулся, задрал вверх руки... и схватился за рыжую бороду бога в небе.

Он глубоко запустил руки в бороду, вцепился в нее намертво.

Бог закричал, дернулся, потянул. Внезапно Брэк, с Шаной через плечо, стал подниматься вверх.

Он понесся прочь от вздымающейся земли, прочь из руин сада, несомый волшебной силой.

Варвар посмотрел вниз. Сад становился меньше. Ему показалось, что труп колдуна провалился в длинную расщелину в земле на дне... на дне чего?

Все померкло.

Глава 9

Первое, что услышал Брэк, был громкий вопль. При других обстоятельствах это рассмешило бы Брэка. Он почувствовал, что тяжесть упала с его плеча...

Испытывая сильное головокружение, он открыл глаза. И увидел, что стоит в домике дровосека, держась рукой за рыжую бороду бога. Нет, не бога, а просто огромного, с вытаращенными свирепыми глазами человека в грубой одежде. Человек осыпал Брэка проклятиями и пытался вырвать из его руки бороду.

Голова Брэка кружилась, но он разглядел, что дверь домика открыта. На дворе лил дождь, а за спиной трещал огонь.

Теперь варвар понял, что когда смотрел на богов из сада Пома, то видел этот оранжевый свет огня за их головами.

Второй человек держал в руках расшитую шелковую ткань Пома. Она была порвана в нескольких местах. А одним из кусков шелка этот человек, как платком, обвязал голову.

Это были не боги, а всего лишь лесные разбойники. Те, о которых рассказывала Шана...

— Шана! — позвал Брэк громко и увидел, что девушка почти голая лежит у его ног. Брэк провел по лицу ладонью. Кожа ужасно болела, обожженная при взрыве птицы. Сад Пома опускался и трясся, потому что... Варвар не понимал почему... Потому что эти бродяги-грабители залезли в дом и подняли с пола первый и единственный предмет, представлявший видимую ценность, — шелковую ткань Пома.

Почему грабители не полезли внутрь сада, Брэк не знал. Возможно, потому, что они просто взяли шелк в руки, а не встали на него ногами. Варвар слишком устал, чтобы разрешить такую запредельную тайну. Одно он знал точно — схватившись за бороду бога, он вытянул себя и Шану в реальный мир из страны, спрятанной на куске ткани.

Одноглазый разбойник сделал знак приятелю и положил руку на длинный изогнутый нож, висящий на поясе.

— Откуда ты взялся? — спросил одноглазый сквозь желтые зубы. — Откуда?

— Голая девица и дикий человек появились из ниоткуда — это демоны! — воскликнул рыжебородый. Брэк подумал, что вот-вот упадет в обморок. Эти двое — страшные противники в любое время. Они производили впечатление абсолютно безжалостных людей. А в его положении он не смог бы их одолеть. Все, что можно сделать, — это воспользоваться их страхом. Сделав усилие, Брэк наклонился вперед и взял за ножку перевернутый стол. У него хватило сил лишь на то, чтобы размахнуться им.

Но большего и не требовалось. Бандиты с криком вылетели из домика, и через секунду раздался топот копыт удаляющихся коней.

Брэк поднял обрывки шелкового сада и бросил их в тлеющие угольки костра. Тотчас из камина взметнулся черный вонючий дым. Дым наполнил хижину, глаза Брэка заслезились. Это было зловоние преисподней. Разломав стол о бедро, варвар подержал обломки над камином и подождал, пока дерево занялось. Раскидав горящие обломки стола по комнате, он поднял Шану, ее драгоценный мешок и свой меч — теперь остывший — и вышел из домика.

Когда он спустился к реке, за спиной послышался треск. Домик пылал. Тут Брэк поскользнулся в грязи и упал. Сил подняться у него уже не было. Закрыв собой девушку, он укачивал ее, как ребенка, стараясь защитить от дождя, холода и темноты.

Глава 10

Солнце припекало, трава была высокой и мягкой. Последний поцелуй Брэка и Шаны длился целую вечность.

Наконец они поднялись. За спиной у них вырисовывался у горизонта край леса, из которого они вышли несколько дней назад. Но спутники не оглядывались. Они смотрели на развилку дороги, обозначенную указательным столбом с двумя стрелками.

Солнце стояло высоко и припекало. Над лугом жужжали насекомые. Брэк и Шана остановились у распутия. Вдалеке вдоль дороги, идущей влево, мужчина и женщина косили траву. Тявкала собачка у фермы. Какой-то старик проехал по дороге на грубой телеге.

Облаченная в одежду из пресловутого мешка, девушка вынимала из волос травинки. Брэк подумал, что она прелестна. Он с некоторой неохотой кивнул на правую развилку дороги:

— Теперь мне туда, на юг.

— Да, Брэк. Другая дорога ведет в Теннгил, к ферме моего двоюродного брата. — Девушка положила руку ему на плечо. — Я не буду просить тебя, чтобы ты взял меня с собой, потому что ты не тот человек, который подолгу путешествует с кем-нибудь в компании.

— А я не буду просить тебя уйти, потому что я не могу...

Брэк неуклюже наклонился, взял ее за подбородок и поцеловал. Варвар долго смотрел в ее глаза, вспоминая жар сегодняшнего утра на лугу и их ночи в мрачном лесу, откуда, как казалось им несколько раз, они никогда не выберутся.

Шана потянулась, чтобы поцеловать его еще раз. Брэк почувствовал боль сожаления и на секунду заколебался. Но в ушах его зазвучала песня Курдистана, напоминающая оборотистое пение женщины, но слаще, чем в заколдованном саду Пома.

Старик на телеге подъехал к развилке. Проезжая мимо, он недружелюбно посмотрел на путников. Шана улыбнулась. Это не подействовало на старика. Тогда Брэк нахмурился.

Шана подняла свой мешок и пошла по дороге налево. Один раз она обернулась и помахала рукой. Она шагала уверенно, подняв голову. Ее рыжие волосы блестели на солнце.

Возможно, ее воспоминания об этом приключении будут слишком мрачными. Возможно, сад на клочке ткани будет сниться ей в ночных кошмарах, но ведь она снова будет кого-то целовать и смеяться и даже родит сильных сыновей. А это хорошо.

Когда Брэк проснулся на берегу реки тем же утром, он увидел, что лошадь его убежала и что домик дровосека превратился в угли. Брэк ничего не имел против долгой прогулки пешком. Солнце приятно грело плечи, целительный бальзам Шаны, которым она смазала его обожженные щеки и раны от когтей на лбу, заживил кожу.

Брэк тихо насвистывал незатейливую мелодию. Желтая коса и львиный хвост набедренной повязки ритмично подпрыгивали. Он положил широкий меч на свое могучее плечо, и солнце заискрилось на металле клинка...

Он шел на юг.

Руна 4
**ДЕВУШКА
В ДРАГОЦЕННОМ
КАМНЕ**

Желтоволосый варвар уснул, но выспаться ему не удалось. На него напал отряд зловещих карликов, тайком пробравшихся на постоялый двор...

Ставни большого окна в комнате, где остановился варвар, с треском распахнулись. Уродливая, страшная голова появилась за окном, закрыв часть звездного неба. Потом появилась другая голова... третья...

Хилые обезьяньи ножки карликов зашуршали по черепице крыши. Дюжина маленьких человечков спустилась во двор. Стороннему наблюдателю могло показаться, что в эту ночь на постоялом дворе прошел дождь из крошечных фигурок... Руки незваных гостей уцепились за подоконник. Потом один из малышей, напоминавший в своем шелковом плаще летучую мышь, проскользнул в комнату, где расположился варвар.

Одиноким, усталым после многодневного путешествия по холмистой равнине (теперь-то он наконец добрался до порта на берегу пурпурного моря, покрытого пеной), варвар Брэк остановился на пустующем постоялом дворе и в первый же вечер сильно перепил. Он истратил последние диншасы на вино, и алкоголь окончательно подкосил усталого воина. Теперь, уснув, Брэк вытянулся на столе, вздрагивая и бормоча в тревожном сне. А карлики осторожно пробрались в комнату через окно и проскользнули через тяжелые открытые двери.

Могучие руки варвара и длинная коса желтых волос свешивались со стола. На полу лежал на боку пустой винный кубок... При каждом могучем вдохе спина варвара чуть-чуть приподнималась. Широкоплечий воин был одет

лишь в узкую набедренную повязку. Огромный меч мерцал возле ноги могучего воина.

Карлики собрались вокруг стола, словно плакальщики вокруг катафалка. Их предводитель подался чуть вперед. Он наклонился и поднял винный кубок. Слегка подпрыгнув, он швырнул его в балку.

— Варвар просыпается, — воскликнул предводитель карликов. — Ножи к бою.

Винная чаша покатилась по полу, зазвенев. Брэк поднялся. Он начал тереть глаза. Потом от неожиданности и испуга у него аж живот свело.

Несколько карликов ухватились за край стола и залезли на него. С ужасным, яростным ревом Брэк отшвырнул одну из маленьких фигурок. Мельком взглянув в окно, варвар заметил блеск серебристо-белого металла. Северянин тряхнул головой. Нож, зажатый в крошечной руке, ударил в дерево рядом с ухом Брэка.

Остальные карлики бросились на него вслед за своим предводителем. Варвару пришлось мобилизовать все свои силы. Крошечные тела полетели в разные стороны.

Брэк встряхнул стол. В воздухе вокруг варвара зашвистели клинки карликов. Брэк одним плавным движением выхватил из ножен свой меч и поднял его над головой, держа за рукоять обеими руками.

Потом что-то остановило северянина. Карлики действовали осторожно, стараясь не поранить его, но при этом зачем-то безумно вопили.

Ни один клинок не коснулся кожи Брэка. Со стороны могло показаться, что карлики специально стараются не задеть варвара.

— Прочь! — взвыл Брэк. — Я предупреждаю вас... прочь, или я вас размажу по стенам.

Этот крик был своеобразной уступкой огромного варвара. Неожиданно ему показалось, что это преступление — броситься с мечом на людей, и без того обделенных природой. Нечестно сражаться с теми, кто и так обижен богами при рождении... А карлики яростно кричали и размахивали сверкающими кинжалами.

Варвар удивлялся, почему карлики стараются не поранить его. Может, он спит и ему снится какой-то кошмар?

— Окно! — закричал один из малышей, а потом крутанулся на пятках и выпрыгнул в распахнутое окно, на мгновение закрыв звезды.

— Оставьте его!

И словно насекомые или чумные крысы, карлики отступили точно так же быстро, как появились.

На ходу протирая глаза, Брэк помчался к двери, потом спустился во двор. Дюжина, или даже две дюжины карликов залезли на крышу и исчезли. Задняя часть двора примыкала к высокой стене, выходящей на мрачную улицу. Брэк слышал, как смолкли вдали шаги странных гостей.

Его хилая лошадка, привязанная в углу двора, переступала с ноги на ногу и тихо ржала.

— Свет, — пробормотал Брэк. — Где, шайтан побери, фонарь?

Станный шум послышался из здания постоялого двора. Где-то наверху кто-то начал сердито возмущаться:

— Что там происходит? Ты устроил весь этот шум, чужестранец?

— Слезай с койки и спускайся сюда, хозяин, — крикнул Брэк.

Наконец рядом с огромной бочкой, оставленной на дрова, варвар заметил погашенную лампу. Пока он высекал искры и зажигал лампу, появился глупый, похожий на свинью хозяин в ночной рубашке.

— Я слышал шум, — раздраженно заявил он. — Грабители?.. Но ведь в нашем городе не было ни беспорядков, ни шума по ночам со времен землетрясения, когда Великий Турос поднялся из воды неподалеку от берега. — Заметив что-то на земле, хозяин постоялого двора наклонился: — Что это за маленькие следы? — Он показал на крошечные следы в левом углу грязного двора.

— На меня набросилась компания маленьких убийц, — сказал Брэк. — Почему, только одни боги знают.

— Маленькие убийцы?

— Карлики.

Хозяин постоялого двора покраснел:

— Ты еще пьян. Следующий раз тебе нужно прикусить язык, а не бормотать святотатства.

Не поняв, о чем идет речь, Брэк зарычал.

— Так все и было. Их оказалась целая стая, и все они размахивали ножами, но почему-то не пользовались ими... — начал было рассказывать Брэк.

На лице хозяина постоянного двора появилось выражение, которое можно было принять за смесь ужаса и отвращения.

— Ты хочешь, чтобы тебя подвесили вниз головой? Сохрани свои пьяные фантазии при себе, или ты никогда не уедешь из этого города.

Тут Брэк снова яростно зарычал:

— Ты сомневаешься в реальности эти следов?

Хозяин постоянного двора внимательно посмотрел на землю:

— Я ничего не вижу, чужестранец.

— Во имя всех дьяволов! — закричал Брэк, рванувшись к нему.

Хозяин отступил:

— Чужеземец, в нашем приморском королевстве Турос Меньший нет никаких карликов, кроме тех крошечных людей, что носят королевские ливреи. Архимед из рода Диких Парусов — наш повелитель — лежит при смерти в своем дворце. Уже все статуи в городе закрыли черными тканями и вывесили черные флаги, приготовившись к его кончине. Когда бедствие и горе готово захлестнуть нас, ты же не посмеешь обвинять королевских слуг в грабежах.

— Маленькие человечки... они служат вашему королю? — удивленно переспросил Брэк.

— Конечно. Повторяю, нет других карликов в Туросе Меньшем. Так что лучше всего будет сделать вид, что вы ничего не видели, и неважно, что там случилось на самом деле.

— Черт побери! Я видел отряд крошечных дьяволов, которые...

— Ты ничего не видел, если хочешь дожить до следующего заката, — повторил хозяин постоянного двора и поспешил назад в свою комнату на верхнем этаже.

Разозленный, Брэк убрал меч в ножны. Он остался во дворе, освещенном лишь светом звезд.

Это проклятое королевство поразило его своим безумием больше, чем иные места, где он побывал за время своего долгого путешествия от северных горных равнин, где он родился. Решив найти свою судьбу в темном Курдистане, лежащем далеко на юге, Брэк направил свою лошадь через крутые отроги гор в полуразрушенный порт Турос Меньший.

Несколько дней назад, перебираясь через эти горы, Брэк почувствовал, как земля слабо затряслась. Он видел, как целые горные склоны сползали в ужасных обвалах... Прибыв в Турос Меньший и устроившись на пустующем постоялом дворе, Брэк узнал, что все это царство разрушило ужасное землетрясение, которое годы назад уничтожило первоначальный город Великий Турос, утопив его в водах моря, чьи берега покрывала пурпурная пена. Одно из последних землетрясений частично обнажило дно. В результате множество сверкающих зеленых и пурпурных шпилей зданий теперь поднимались из воды неподалеку от берега. Брэк и сам на закате видел облепленные грязью башни с вершины одного из холмов, на котором был построен Турос Меньший.

Остатки Великого Турса — города хозяев морей и купцов-путешественников, как сказал владелец постоялого двора, — снова появились из-под воды несколько ночей назад, когда тряслась земля. Из-под воды поднялась и часть мощеной дамбы, ведущей к древней столице. Природная стихия выпустила из своих лап добычу, и к этому прибавилось еще одно несчастье — король Архимед из Диких Парусов был сражен болезнью навроде чумы несколько дней назад. Дворцовые пророки предвещали скорую его смерть.

Задумавшись над всеми этими странными обстоятельствами, Брэк неожиданно услышал шорох постромок и звон брони за стеной на улице. Когда он поднял голову, ворота уже были широко открыты. Офицеры в кирасах из кованой бронзы были вооружены пиками. Множество ламп залили светом небольшой дворик.

Несколько воинов исчезли в доме, а потом появились с какой-то рваной сумой, которая тут же была открыта.

— Вот, командир, — сказал один из воинов. — Это было спрятано под козлами стола.

Воин запустил руку в суму и вытащил сверкающее золотое блюдо. За ним последовал украшенный драгоценностями кубок и еще одно блюдо.

Смутное подозрение закралось в голову Брэку. Он положил руку на рукоять меча. Командир отряда повернулся, отступил на шаг и указал пальцем на Брэка:

— Хватайте его. Посмотрите на него, он — чужеземец. Он не потрудился даже хорошенько спрятать награбленное.

Вокруг Брэка быстро образовалось кольцо пик, острых и сверкающих. Командир отряда подошел поближе.

— Сегодня ночью во дворец проник вор, — сказал он. — А теперь мы этого вора нашли. Тебе, простаку, было бы лучше забрать добычу и бежать из города. Теперь же тебя ждет наказание. Свяжите его, и пошли!

Мысль о том, что сделали карлики, заставила Брэка содрогнуться.

— Это смешно! — воскликнул Брэк. — Эта сумка не моя. Ее подбросила компания маленьких человечков, которые...

— Заткни свой жабий рот и не воняй, — перебил его командир. Пика ударила Брэка в висок.

Зарывав, огромный варвар обернулся. Одним ловким движением выхватил он свой широкий меч. Его лицо превратилось в маску взбешенного дикаря. Он замер, приняв боевую стойку, и лишь коса желтых волос болталась у него за спиной...

Один из солдат метнулся было к нему...

Теперь-то Брэк понял, почему карлики не причинили ему вреда. Это было не их делом. От ненависти и ярости красная пелена затянула мозг варвара. Его правая рука вылетела вперед, и кончик широкого меча рассек горло солдату.

Снова пика обрушилась на его голову, в этот раз на затылок. Еще, еще и еще.

Последовал еще один страшный удар, и меч выпал из руки Брэка. Варвар повернулся, уже чувствуя, что

падает. Врагов было слишком много. Брэк опустился на колени.

Потом Брэка связали, перебросили через круп лошади. Из этого недостойного и болезненного положения варвар увидел, как командир отряда солдат передал кошель неуклюжему хозяину постоянного двора. Последний остался стоять в тени в дверях, самодовольно улыбаясь.

«Значит, тут все в сговоре», — подумал было Брэк, но тут отряд отправился по темным, извилистым улицам. Звенели копыта. Факелы отбрасывали колышющиеся тени. «Значит, это хозяин постоянного двора, высмотрев подходящую жертву, послал весточку во дворец...»

Но зачем кому-то нужна жертва?

И что за царь правит Туросом Меньшим, если он пускается на такие трюки?

Брэк не знал ответа на эти вопросы. Он лишь знал, что у него большие неприятности, а его широкий меч уже отобрали.

Пока лошади цокали копытами по извилистым улицам, Брэк несколько раз мельком увидел вновь поднявшиеся из-под воды башни Великого Туроса, сверкающие далеко — в самом конце наполовину разрушенной дамбы. Потом стены дворца скрыли от него древние руины.

Дворец царя Туроса Меньшего был огромным скопищем каменных зданий, возвышающихся на берегу залива. Тут полным-полно было гниющих, никому не нужных купеческих галер, которые подтверждали, что Турос — порт. Брэка провели через огромный двор, где уже вывесили траурные знамена. Варвара бесцеремонно затолкали в огромный зал с высокими сводами. За окнами снова замаячили шпили Великого Туроса, сверхъестественно мерцавшие в свете звезд.

Солдаты сняли узы Брэка, и варвар послушно замер посреди зала, решив подождать, что же случится дальше. Где-то в глубине дворца ударили в гонг. Солдаты отступили. Огромные двери закрылись. Женщины-плакальщицы тонкими голосами затянули ритуальную песнь, которой

вторила печальная музыка, подхваченная гулким эхом многочисленных коридоров дворца.

Из-за филигранной ширмы выпорхнула девушка. Она была хрупкая, как фарфоровая статуэтка, и пришла одна, без оружия.

Но она вошла высоко подняв голову. Она носила одежды темного пурпура — цвет Туроса. Такие одежды Брэк видел на базаре в городах, расположенных очень далеко отсюда. На ее черных как вороново крыло волосах был золотой обруч, украшенный знаками зодиака, удивительной работы. Девушка была еще совсем юной, полногрудой, властной, с красивыми зелеными глазами. Она осмотрела плечи Брэка, длинную косицу желтых волос, одежду из львиной шкуры, а потом улыбнулась одними губами, красными, словно вишни.

— Они отдали тебе назад твой меч?

— Отдали мне?.. — Брэк задохнулся от удивления. — Нет, госпожа. Если они бы так сделали, то я тут же перерезал бы глотки по крайней мере двум из них.

Девушка засмеялась. Она присела на диван и властно указала на высокую амфору:

— Пожалуйста, выпей немного вина и успокойся. У нас не было выбора, вот и пришлось послать придворных карликов, чтобы те подложили тебе сумку с тарелками, а потом воинам пришлось арестовать тебя за преступление. Но теперь нам нет нужды ссориться и рычать, словно дикие звери, друг на друга... Я хочу, чтобы ты хорошо понимал сложившуюся ситуацию, потому что, видишь ли, за преступление, которое ты совершил, обычно подвешивают за ноги над горящими углями, пока у тебя мозги не закипят или ты не задохнешься от дыма. Однако существует способ избежать этого. Возьми немного вина.

Едва сдерживая ярость, Брэк заставил себя рассмеяться. Девушка определенно знала, что говорит.

Брэк встал, поднял амфору и налил вина в два кубка, наполнив их до краев. Потом тыльной частью руки он вытер губы.

— Меня зовут Брэк. Так как вы очень близко к сердцу принимаете мою судьбу, то, по меньшей мере, скажите, кто вы.

— Меня зовут Марджана, — ответила девушка. — Мой отец, Архимед из рода Диких Парусов, лежит при смерти. Когда болезнь убьет его, я унаследую его трон.

— Вы... — Брэк непроизвольно махнул рукой, — вы станете править королевством?

— Точно так. Но для этого мне нужна помощь. Помощь моей младшей сестры. Ни одна женщина в одиночестве не сможет управлять этим королевством разбойников и морских бродяг. Поэтому мне и придется послать тебя туда, куда ни один человек из этого города не отважится отправиться... Или, точнее, я боюсь, у него сил не хватит выполнить все необходимое. Ты должен будешь добраться до Морского Камня. И ты должен привести назад мою младшую сестру Марделу, если она еще жива, так как она должна сидеть рядом со мной на троне и помогать мне править.

Брэк скривился:

— Что это за Морской Камень, о котором вы говорите?

— Огромная драгоценность, синяя, как глубокая вода. Некогда она была установлена над троном моих дедов, королей, которые правили Великим Туросом.

— Где же находится этот чудесный камень?

Марджана медленно подняла руку. Изящным жестом она вытянула пальчик:

— Там.

Брэк проследил, куда нацелился пальчик девушки, и нахмурился. Через одно из раскрытых окон красавица указала на полуразрушенные строения, возвышающиеся посреди залива, на грязные, странные, фосфоресцирующие башни Великого Туроса, которые поднимались над плещущимися пурпурными волнами.

Перед тем как Брэк заговорил, Марджана продолжала:

— Когда я была моложе, при дворце отца жил колдун-интриган. Мой отец обнаружил это и приказал казнить злодея. Так и было сделано. Но раньше, чем это случилось, колдун успел сжечь священный порошок и начертить диаграмму на полу своих апартаментов. Вот тогда-то моя юная сестра Мардела и исчезла. До того как колдун умер после чудовищных пыток, он рассказал, что погрузил Марделу в вечный сон, заключив в Морской Камень, находящийся

во дворце Великого Турса, который уже много лет как исчез в морских волнах... А прошлой ночью, как ты, без сомнения, слышал, земля снова пришла в движение и снова затряслась. Летописи говорят, что такой же катаклизм погубил Великий Турос много лет назад. Но в этот раз горы тряслись даже сильнее, чем тогда. Башни снова поднялись из моря. Или часть их... Так что если Мардела и в самом деле заключена в Морском Камне, хоть живая, хоть мертвая, требуется лишь могучий меч, чтобы разбить камень и освободить мою сестру.

— Так пошлите своих людей, — фыркнул Брэк.

Девушка встряхнула головой:

— Великий Турос наполнен призраками. Даже сказочное вознаграждение и угроза смерти не может заставить их пойти туда. Мы искали сильного человека. Вся прогулка займет не больше часа. Если Марделы нет внутри камня... если колдун лгал... никакого вреда тебе не причинят. Но если она спит внутри драгоценного камня (она ведь в самом деле исчезла, когда колдун сотворил заклятие), тогда я хочу, чтобы она была рядом со мной, чтобы помочь мне править, когда мой отец перестанет дышать. Если ты сходишь за моей сестрой, я заплачу тебе сотню диншасов. Если ты откажешься, тогда тебя ждет наказание за преступление и ты погибнешь еще до заката солнца.

Брэк зарычал, задрожав от ярости:

— Я польщен тем, что вы так высоко цените мою помощь, но я не думаю, что справлюсь.

Марджана пожала плечами:

— Пусть все так и будет. Выбор ясен. — В тот же миг ее глаза засверкали так, что Брэк вздрогнул. — Но я могу предложить и другую награду, Брэк.

— В таком случае... — Брэк на мгновение замолчал. — Очень хорошо. Заключим сделку.

Теперь Марджана широко улыбнулась:

— Ты так быстро все решил?

Брэк пожал плечами:

— Мой кошелек пуст. Сотня диншасов пригодится мне на пути в Курдистан, лежащий на юге. Если я откажусь выполнить твоё поручение, я никогда не узнаю, что ожидает меня за горизонтом?

— Это точно. Тебя подвешат за ноги и прикончат как преступника.

— По крайней мере, вы прямо сказали мне, в чем дело.

Теперь Марджана поднялась, на мгновение скрывшись в вихре пурпурных одежд:

— Я буду более чем просто благодарна тебе, когда ты вернешься, варвар, и я буду не просто огорчена, если ты откажешься. Я очень люблю свою младшую сестру. Если возможно, я хотела бы вернуть ее.

Поддавив невольное восхищение этой девушкой, Брэк сказал:

— Прикажите подать мне простого мяса и вина, а также дайте отдохнуть несколько часов. Из-за всех этих приключений у меня выдалась тяжелая ночь, принцесса Марджана.

Девушка шагнула к нему, коснулась его щеки:

— Существует, однако, еще одна опасность.

— Я надеюсь, что нет...

— Адские Руки, — сказала принцесса.

Мурашки поползли по спине Брэка.

— Что такое Адские Руки?

— Возможно, это миф, но рыбаки утверждают, что видели их... или его. Огромный черный зверь с множеством лап, которые напоминают кнуты. Он раньше плавал среди утонувших башен. Говорили, что он в десять раз больше человека. — А потом принцесса насмешливо прибавила: — Ты боишься?

«Адские Руки». Название прозвучало в голове Брэка словно звон зловещей струны. «Адские Руки».

— Я не хочу выглядеть дураком, но я сталкивался лицом к лицу с различными демонами этого мира...

— Тогда возьми это. — Марджана сняла со своего пояса шарф темно-красного, почти черного, шелка, испещренный с одного конца крошечными белыми точками. — Мой собственный шарф, как знак того, что я желаю тебе успеха. — И девушка обвязала шарф вокруг пустых ножен Брэка.

Потом она поднялась на цыпочки, и теплые, даже чересчур, уста варвара слились с ее устами.

Обняв девушку за плечи, Брэк усмехнулся. Он на самом деле не знал, то ли проклинать ее лисью хитрость, то

ли восхищаться ею за то, что она так умело использует свою силу. Правители — странные люди. И совершенно уж точно — мир, по которому путешествовал Брэк, полон странных правителей на любой вкус. Если девушка хотела, чтобы ее младшая сестра вернулась, и могла заплатить за это сотню диншасов, Брэк считал бы себя дураком, если бы не попробовал заработать эти деньги, особенно принимая во внимание альтернативу.

Тем временем Марджана, хлопнув в ладоши, позвала своих карликов. Но Брэк, ни на кого не обращая внимания, смотрел в окно на испачканные илом шпиль, засверкавшие в первых лучах зари. Может, все это плоды фантазии — Морской Камень, в который заключена юная принцесса, и Адские Руки, плавающие в глубинах? Но скоро Брэк все узнает.

— Вот сюда, могущественный господин, — прошептал один из карликов, взяв Брэка за руку. Встряхнув головой и отогнав наваждение, огромный варвар отправился во внутренние покои дворца.

Когда на следующую ночь встала луна, Маджана и два ее карлика проводили варвара через лабиринт коридоров к обитой гвоздями двери, расположенной где-то в глубине дворца. За дверью открывался вид на пурпурно-черные воды залива, плескавшиеся где-то внизу. Неподалеку от этой двери к кольцу, вделанному в стену, был привязан ялик.

Без слов принял Брэк свой меч из рук одного из карликов.

— Возвращайся назад с Марделой, и да сопутствует тебе удача. Пусть твой меч так и не покинет ножен, — сказала Марджана Брэку, когда он залезал в ялик. Варвар отвязал фалинь и оттолкнулся шестом от берега.

Огни сверкали на башнях Туроса Меньшего. А шпиль Великого Туроса маячили впереди гнилыми останками, которые Брэк с трудом различал в темноте. Ночной ветер был пронзительным, широкий полукруг залива в лунном свете сверкал серебром. Воздух был наполнен солеными брызгами.

Брэк стоял в ялике широко расставив ноги и энергично работал шестом. На его ножнах развеялся темный, как

красное вино, шарф. Брэк быстро оставил позади последний из купеческих кораблей, стоявших на якоре у берега. Ялик по пустынным водам залива направился к поднимающейся со дна моря дамбе, чей словно обрубленный край виднелся впереди.

Приблизившись, Брэк заметил группу самых высоких шпиль над группой зданий, отторгнутых морем. Ялик ткнулся в разрушенную дамбу, Брэк привязал его, зацепив узел фалиня в трещину между каменными блоками, из которых была сложена дамба. После этого он вскарабкался на нее по скользким камням и остановился, рассматривая лежащий перед ним город.

Далеко в конце дамбы раскрыла зев огромная темная арка. Взяв в одну руку смолистую ветвь, а другую положив на рукоять меча, Брэк быстро пошел к арке, — крошечная фигура на фоне укрытой теньями громады башен, увитых гирляндами морских водорослей. Чем ближе Брэк подходил к зданиям, тем сильнее становилась вонь.

Оказавшись возле темной арки, Брэк остановился. Он высек искру и разжег факел, несмотря на порывистый ветер, который жалобно подвывал, пел, пронзительно завывал. Потом Брэк вошел под арку, которая раньше, должно быть, служила воротами в городской стене.

Варвар пересек широкую площадь, вымощенную большими мраморными плитами, наползающими друг на друга и вывернутыми под всевозможными углами. Некоторые из плит были и вовсе разбиты. На их месте были глубокие лужи, в которых пенилась пурпурная вода. Брэк решил, что под шаткими строениями, вытянувшими свои башни к луне, существует обширная сеть каналов.

Впереди поднималось гигантское таинственное здание со множеством башенок. Широкие ступени вели ко входу в него. Когда Брэк добрался до этих ступеней, его внимание привлекло странное свечение.

Он покрутил головой. То вспыхивающий, то исчезающий свет исходил из нескольких луж в левом углу площади.

По телу Брэка поползли мурашки. В одно ужасное мгновение варвару показалось, что из лужи на него смотрит нечеловеческий глаз невероятных размеров.

Поднявшись по каменной лестнице, Брэк тихо выругался. Налетел ветер и затушил его факел. Варвар попытался снова высечь искры, но воздух тут был слишком сырым. Вздохнув, Брэк отшвырнул наполовину сторовший факел в сторону, он обнажил свой меч, который вышел из ножен с тихим шорохом.

Брэк прошел между двух огромных колонн. Откуда-то из недр здания исходил жемчужно-голубой свет. Осторожно, шаг за шагом, Брэк отправился в глубь дворца по темному коридору к узкой сияющей штуковине, издали похожей на столб огня.

Неожиданно варвар налетел на какую-то конструкцию из сырого, сохранившего холод моря металла. Но Брэк быстро догадался, что в темноте наткнулся на полуотворенные двери. Узкая полоса света оказалась щелью между ними. Брэк убрал меч в ножны, впился пальцами в двери, толкнул. Он задохнулся от напряжения. Двери из тяжелого металла чуть-чуть подались.

Брэк уперся спиной. Огромные мускулы его плеч напряглись. И вот правая половинка дверей приоткрылась. Брэк протиснулся в помещение, залитое голубым светом.

Варвар едва удержался на крошечном каменном выступе, чтобы не полететь в воду.

Тяжело дыша, Брэк огляделся. Он оказался в гигантской палате, стены которой были украшены фресками фантастических цветов, изображавшими могучие суда королей Великого Турса. Бассейн, поверхность которого покрывала рябь, сверкал в синем свете. Видимо, во время землетрясения центральная часть пола тронного зала провалилась. Только несколько каменных блоков неясно вырисовывались в пурпурной глубине. От яркого синего света у Брэка заболели глаза. И все же он осторожно поднял голову и попытался рассмотреть то, что находилось в другом конце тронного зала.

Там на возвышении стоял массивный золотой трон. Над ним, вставленный в каменную стену, сиял Морской Камень, который был в пять раз выше Брэка.

Это была громадная, прозрачная драгоценность, имеющая тысячу или даже более граней, бездонная и холодно-синяя, как вода в открытом океане. И внутри нее за-

стыла человеческая фигурка — юная девушка без одежды, неведомым способом очутившаяся в центре камня.

Она склонила голову так, словно спала. Руками она прикрывала нижнюю часть живота. Волосы казались белыми, словно серебро. Красавица висела в тюрьме-кристалле высоко над головой Брэка.

— Значит, это правда, — прошептал Брэк. — Мардела, узница Морского Камня.

Варвар обрадовался, хотя девушка с белыми волосами выглядела безжизненной в своей колдовской темнице. Брэк быстро осмотрел помещение.

Он не мог пройти через воду по просевшему полу, так как, похоже, того и вовсе не существовало, но он мог обойти дыру по узкой полоске пола, сохранившегося у стен. Брэк хотел как можно скорее выполнить это поручение. Тени в палате, освещенной неземным синим светом колдовского камня, сотни лет просиявшего под водой, ничуть не беспокоили варвара.

Осторожно ступая, Брэк отправился по узкой кромке пола вдоль стен, обходя комнату по кругу. На полпути он остановился и осторожно повернул голову вправо.

Поверхность воды в центре зала пошла сильной рябью, забурилась, закипела. Глубоко-глубоко внизу под водой промелькнуло что-то желтое, светящееся.

Брэк снова обнажил свой меч. Он направился к покоившемуся трону. Может, там в глубине был Адские Руки? Или это всего лишь глаза какого-нибудь существа, наблюдающего за ним из затопленных подземелий заброшенного города? Были ли подземные коридоры дворца достаточно широкими, чтобы тварь могла плавать по ним, подбираясь к своей жертве?

Словно мертвая, висела девушка в сердце драгоценного камня. Брэк быстро прикинул, что же делать дальше. Он взобрался на ручку золотого трона. Свет драгоценности вблизи был таким ярким, что почти ослепил варвара. Брэк обеими руками сжал рукоять своего меча. Широко размахнувшись, он вознес безмолвную, краткую молитву неведомым богам и со всей силы обрушил меч на драгоценность.

Удар едва не свалил его. Решив, что ничего не получилось, Брэк занес меч для следующего удара. Неожиданно

трещина пробежала по самой нижней грани волшебного камня.

Словно паутина расплзлись трещины по лицевой стороне драгоценности, и с ужасным грохотом и звоном Морской Камень распался на груды обломков, дождем посыпавшихся вниз.

Брэк инстинктивно пригнул голову. Один из огромных осколков ударил варвара, сильно рассек ему плечо и сбросил его со стула. Мгновение Брэк лежал на спине, чувствуя, как кровь течет из раны на его руке.

Наконец он неуверенно поднялся на ноги. От страха дыхание его стало прерывистым. Гигантская ниша в стене, где раньше покоился камень, была пуста. Сквозь нее с шумом несли ветер. Вокруг Брэка весь пол был завален обломками кристалла — камнями с острыми краями, сверкавшими, как прежде сверкал Морской камень. Каждый камень излучал голубой свет. Тронный зал наполнился светом, засверкал.

Брэк осторожно шагнул вперед, но тут же порезал ногу об острый осколок. Другой большой кусок качнулся на краю дыры в полу, булькнул и исчез под водой. Из-за обломка размером с Брэка торчала прядь серебристых волос.

«Такое падение убilo ее, если она до этого еще была жива», — подумал Брэк. Обогнув огромный камень, он вскрикнул от удивления.

Мардела лежала на боку. Серебристые волосы охватили ее тело наподобие мерцающих одежд. Один из обломков рассек ей голень. Из небольшой неглубокой раны шла кровь.

Потянувшись, Брэк прикоснулся к плечу девушки. Она тихо застонала. Варвар коснулся губами ее щеки и почувствовал теплую плоть. Значит, девушка и правда спала внутри Морского Камня, заключенная туда с помощью колдовских чар. Но она не умерла.

Брэк осторожно перевернул ее и поднял, чтобы вынести из комнаты и руин Великого Турса. И тут впервые он рассмотрел ее лицо.

Крошечные морщинки разбегались от уголков закрытых глаз Марделы, прикрытых фарфоровыми веками. Она не была старой, но и юной девой ее назвать было

нельзя. Брэк скривился, потом усмехнулся. Ему показалось, что в воздухе запахло предательством.

Что-то черное, толстое, студенистое, толщиной с туловище варвара, обвилося вокруг ноги Брэка. Варвар оглянулся и завопил.

Розоватое пульсирующее кольцо поблескивало на теле черной твари, которая закручивалась вокруг ноги варвара.

Кольцо прикоснулось к плоти Брэка. Варвар запрокинул голову и заорал от боли, в то время как отверстие в центре кольца словно ненасытный рот стало сдирать кожу с ноги Брэка.

Обезумев, Брэк потянулся за мечом. Одним ударом варвар обрубил щупальце. Неожиданно раздался шум вспенивающейся, бурлящей воды. Когда меч рассек щупальце, жадная пасть, вцепившись в ногу Брэка, ослабила хватку. Брэк освободился от скользкого черного щупальца...

И в это время Адские Руки поднялся на поверхность из своего подводного логова.

Брэк едва не сошел с ума, когда увидел чудовище, поднявшееся на поверхность из бездонных глубин. Тело чудовища напоминало огромный, черный, мягкий на вид купол раз в десять выше Брэка. И этот купол поднимался все выше и выше, уходя к далекому потолку, в то время как одно гигантское щупальце за другим выползали из воды, скользя по полу к Брэку. Где-то там, в вышине, светились два огромных желтых глаза. Они пульсировали, пылали на куполе плоти.

Похоже, Адские Руки имел несколько дюжин похожих на хлысты щупалец. Одно из них устремилось к ногам Брэка и теперь качалось в локте от темно-красного шарфа Марджаны. Пасть в щупальце открывалась и закрывалась, издавая шипящие, сосущие звуки, в то время как остальные щупальца стали подбираться к Брэку со всех сторон, окружая его и готовясь сорвать с варвара кожу.

Брэк разрубил первое из них. Сильный поток вонючей смолянистой жидкости выплеснулся на камни. Другое

щупальце подплыло к голове воина и отдернулось, когда Брэк увернулся, отступив. Варвар ударился о большой обломок Морского Камня, и одна из острых граней рассекла спину воина.

Атакующие щупальца заматались над головой воина. Одно из них метнулось назад, к нижней части гигантского тела, где широко раскрылся огромный мерзкорозовый рот. И снова маленькие пасти на концах щупалец зашипели и стали издавать сосущие звуки, но теперь намного быстрее, словно чудовище пришло в ярость.

Щупальца осторожно, не торопясь подбирались к ножнам Брэка. Они покачивались туда-суда возле привязанного к ножнам шарфа, и только теперь Брэк понял, почему Марджана дала ему этот кусок шелка. Он был выкрашен не обычной краской, а той, которая и должна была притянуть Адские Руки, — человеческой кровью.

Брэк обругал себя за то, что свалил дурака и не понял этого раньше. Мраморные разводы делали шелк столь привлекательным, и также белый уголок — место, на которое крови не хватило...

Но слишком поздно было проклинать себя. Пытаясь не упасть, варвар безумно метался из стороны в сторону, уворачиваясь от щупалец. Адские Руки извивались, метался, поднимая фонтаны брызг. Но вот одно из щупалец поймало Брэка и обернулось вокруг его пояса.

Брэк был ослеплен кровью, льющейся из порезов, и водяными брызгами. Он почувствовал, как пасть на конце щупальца прижалась к его животу. А потом волна страшной боли пронзила тело варвара.

Другое щупальце пронеслось над головой варвара, промахнулось, но, изогнувшись в инстинктивном движении, поплыло назад к главной пасти твари. Брэк в дикой ярости принялся рубить щупальце, обхватившее его за талию. Он пилил его мечом, пока не отсек. И снова варвара обдало черной вонючей кровью твари.

Брэк содрал с себя обмякшее щупальце, морщась от боли, особенно когда отдирает кольцо. Весь вымазавшись в крови чудовища, Брэк отступил, нагнувшись над принцессой Марделой, по-прежнему не пришедшей в себя, в то

время как яростно свистящие и шипящие щупальца Адских Пальцев задвигались еще быстрее.

Шесть щупалец переползли через край пролома, заполненного водой, и все шесть потянулись к Брэку. Варвар поднял меч, а потом опустил его. Он устало вздохнул. Бороться с этими щупальцами мечом было тщетной тратой сил. Брэк не мог выиграть в этой схватке.

Длинная желтая косица варвара пропиталась кровью, Брэк тряхнул головой, отбросив косицу за спину, и тут его взгляд остановился на гигантском обломке Морского Камня. Варвар задохнулся... А щупальца подползали, скользили, подбирались к его ногам...

Не поворачивая головы, варвар скосил взгляд на источающий синий свет обломок Морского Камня. Быстрым движением Брэк убрал свой меч в ножны. Метнувшись, он спрятался за огромный обломок, который неустойчиво стоял на одной из узких граней. Брэк уперся плечом в этот камень, в два раза превосходивший его по размеру.

Навалившись на камень изо всех сил, то проклиная, то взывая ко всем подряд богам, варвар раскачал огромный обломок, и тот обрушился всем своим весом на одно из подползающих к варвару щупалец.

Инстинктивно щупальце схватило добычу. Оно обернулось вокруг обломка. Брэк видел, как ему на подмогу метнулось пять других щупалец и как вместе они подняли кусок Морского Камня высоко в воздух, понесли по воздуху и закинули в отвратительную розовую пасть чудовища.

Пасть захлопнулась.

Потом, когда острые, как ножи, края обломка прорезали себе путь в кишках твари, начался настоящий кошмар.

Проглотив инструмент своего собственного уничтожения, Адские Руки начал корчиться, круша щупальцами все вокруг. Ядовитый ихор засверкал в уголках его неожиданно открывшегося рта, а Морской Камень, двигаясь по внутренностям чудовища, рассекал и разрывал плоть твари, рассекал и разрывал...

Щупальца одно за другим соскользнули назад в воду. Зловещие желтые глаза начали пульсировать, то ярко вспыхивая, то становясь затуманенными. Свист твари

становился все пронзительнее, пока у Брэка не заболели уши. А потом чудовище опустилось в воду, потемневшую от ихора.

Ослабевший, израненный Брэк понял, что чудовище знает о том, что человек накормил его зазубренным обломком, который резал на куски его внутренности. Он почувствовал, что тварь это отлично знает, потому что уставившийся на Брэка глаз чудовища ярко вспыхнул, когда его взгляд встретился с взглядом варвара.

Последнее щупальце слабо подергалось на краю провала. Брэк пинком ноги сбросил его в воду. Адские Руки исчез в глубине. Свет его желтых глаз становился все слабее и слабее...

С трудом вспоминая, зачем он тут оказался, Брэк-варвар взял спящую принцессу Марделу на руки. Осторожно двигаясь вдоль стены, обошел он провал в центре зала. Он вышел из дворца и прошел под аркой. Мокрые волосы Марделы казались серебристыми в лунном свете. Брэк едва различал дорогу впереди, так как его глаза были затуманены смесью пота и крови. Вначале он даже и не увидел того, кто поджидал его на краю дамбы.

Справа от дамбы под пенящейся пурпурной водой то и дело вспыхивали два желтых огонька, не ярких, как раньше, а тусклых. Но Брэк, не замечая преследовавшего его врага, смотрел вперед.

Второй раз за эту ночь Брэк был неприятно удивлен. В конце мола, поджидая его, кто-то стоял.

Плащ колоколом вздулся за плечом незнакомца (теперь ветер бил в спину Брэку). Поджидавший варвара человек держал в руках натянутый лук. Отточенный наконечник стрелы ярко сверкал в угасающем лунном свете.

Неожиданно порыв ветра сорвал с лучника капюшон. Волосы Марджаны заструились по ветру.

— Кто-то сказал мне, что я должен спасти младшую сестру. Но похоже, все иначе.

— Стой, где стоишь, варвар, — закричала Марджана. — Эта стрела обгонит тебя, если ты вдруг решишься совершить какую-нибудь глупость.

— Твоя сестра жива, — сказал Брэк, шагнув вперед. Взгляд его замер на дрожащем наконечнике стрелы, наложенной на тетиву сильно натянутого лука. — Она жива. Но она не молоденькая девочка. Она — твоя старшая сестра. И скорее всего, именно ей должна принадлежать корона короля Архимеда. Я прав?

— Пока она была заключена там... — истерично завопила Марджана, — она была... угрозой... — Ветер унес ее слова, в то время как Брэк сделал вперед один шаг, а потом другой. — Если бы кристалл разбился... она ожила бы... в любой день... любую ночь... освободилась бы...

— Так это ты устроила мне хитрую ловушку, выставив меня преступником, а потом отправила выяснить, жива ли твоя сестра и в самом деле, — воскликнул Брэк. — Конечно, ты не могла послать никого из своих дворовых, к примеру карликов, потому что они сразу учуяли бы заговор. Они не отказались бы по просьбе своей госпожи обмануть чужеземца, но убить наследницу престола?.. Сомневаюсь, что их преданность простирается так далеко. Поэтому, посылая меня, ты и сделала мне подарок. Шарфик. Подарок, несущий смерть. Шарфик, пропитанный кровью, которую, как ты знала, непременно учует Адские Руки. Ты посчитала, что, имея такой шарфик, я, без сомнения, буду убит, да и твоя сестра тоже.

Только теперь по правую сторону от дамбы в воде Брэк увидел пульсирующее желтое мерцание, которое становилось то ярче, то темнее. Варвар понял, что, должно быть, и в самом деле под руинами Великого Турса существуют подземные каналы. Через них и приплыл Адские Руки, поднимавшийся сейчас из глубины, обезумевший, смертельно раненный, но решивший рассчитаться со своим убийцей.

Брэк услышал, как забулькала, запузырилась вода. Зашуршали, влажно захлопали щупальца, проползая вверх по дамбе.

— Ни шагу дальше! — закричала варвару Марджана, еще сильнее натянув лук. — Я убью тебя прежде, чем ты успеешь пробежать половину расстояния, разделяющего нас. Стой, варвар, стой! Иначе я...

Вскрикнув, принцесса выпустила стрелу. Брэк, опустив на камни Марделу, бросился вперед. У него уже не было

времени выбирать дорогу. Стрела впиалась ему в левое бедро. Она вошла глубоко — точно в дорожку высохшей крови, что натекла из левой руки варвара. Пальцами правой руки варвар на бегу торопливо развязывал узел шелкового шарфика.

Потом Брэк высоко поднял правую руку. Ветер подхватил легкую ткань. Она скользнула по воздуху и, прибитая ветром, прилипла к лицу Марджаны.

Как раз в это время два испачканных темным ихором щупальца выскользнули на дамбу. Привлеченные запахом крови, они обвились вокруг тела Марджаны.

Они подняли кричащую, извивающуюся девушку высоко над дамбой. Одно из ужасных колец прижалось к лицу красавицы, в то время как Адские Руки стал погружаться под воду, унося свою последнюю жертву.

Пошатываясь, ослабевший Брэк повернул назад. Он вернулся к тому месту, где оставил Марделу. Ее серебристые волосы сверкали на фоне черного камня. Она дышала легко, беззвучно.

Медленно Брэк приподнялся. Он поднял женщину и повернулся окровавленной спиной к дьявольским развалинам Великого Турса.

Без всяких помех варвар Брэк добрался до края дамбы, неся на руках истинную наследницу. Осторожно уложил он ее в ялик и, освободив фалинь, оттолкнулся шестом, направившись назад, к Турсу Меньшему...

Руна 5 БРЭК В ЦЕПЯХ

Глава 1

Процессия из семи двухколесных скрипучих повозок еще раз завернула за угол, и большой желтоволосый варвар, из чистого упрямства гордо возвышающийся на четвертой повозке, аж зарычал от удивления.

Его иссеченные шрамами руки сами потянулись к борту повозки, пальцы сжались, впившись в дерево. На руках варвара вспухли вены. Длинная рана, оставленная мечом на правом предплечье гиганта, снова начала кро-воточить.

Низкорослый, одетый в шкуры дикарь, сидевший в той же повозке, испуганно заверещал, когда великан случайно отдал ему ногу. В ответ варвар тряхнул запястьями. Ненавистные звенья цепи, соединявшей его стальные браслеты, зазвенели и провисли, образовав петлю. Взгляд варвара не оставлял сомнения в том, кому эта петля предназначалась.

Маленький человечек, от которого исходила нестерпимая вонь, отвернулся, пытаясь взглядом найти сочувствие у тех, кто вместе с ним и варваром ехал в этой повозке. Варвар же не обращал на дикарей никакого внимания. Распрямившийся во весь рост, он был единственным пленным во всех семи повозках, кто не носил свалывшихся меховых одежд. И еще, в отличие от остальных Брэк не был темноволосым и волосы у него не вились.

На мгновение варвар забыл гнев, который бушевал в нем с той минуты, как его схватили, связали и заковали в цепи. Это случилось на сухом плато два дня назад...

Брэк развлекался, глаза по сторонам, когда процессия завернула за угол и выехала из удушливой тени под лучи палящего солнца.

Огромный варвар увидел широкий проспект, вымощенный, раскаленный. По обе его стороны расположились лавки. Между ними крысиными норами темнели узкие переулки. В конце проспекта поднималось массивное здание из желтого камня, которое было больше и много выше, чем все остальные строения в этом обнесенном стенами городе.

Варвар внимательно рассматривал идолов, вытянувшихся по обе стороны проспекта, стоявших на расстоянии одного квартала друг от друга. Все статуи были одинаковы. Все они были вырезаны из одинаковых прозрачных кристаллов. Изображали они человеческое существо с головой животного. В вытянутых вперед собачьих челюстях идолов были зажаты тонкие диски. Твари сжимали диски оскаленными клыками, и это придавало им особую свирепость. Один и тот же образ повторялся до бесконечности, пьедестал за пьедесталом вдоль всего раскаленного проспекта, вытянувшегося под безоблачным небом.

Солдаты, конвоировавшие ту партию рабов, в которую попал и Брэк, неторопливо разъезжали вдоль процессии из семи повозок, изредка пощелкивая короткими кнутами. Но делали они это лениво. Их запыленные лица и оружие говорили о том, что они вместе со своими пленниками проделали долгий путь через пустынные земли. На левом запястье каждого воина (от скакавшего верхом командира и его помощника до двух десятков пеших воинов, сопровождающих процессию) был надет сверкающий медный браслет.

Жители города — мужчины и женщины — взирали на маленькую процессию из-под навесов и с балконов. Некоторые из них носили элегантные одежды, но большинство было одето попроще.

Одноногий мальчик с костылями кинул камень в повозку, в которой ехал Брэк. Большой варвар нахмурился, потом понял, что камень предназначался не ему, а низкорослым дикарям. Печально опустив головы, они сидели вокруг Брэка.

Камень попал в дикаря, сидевшего рядом с Брэком. Тот пронзительно вскрикнул, вскочил и, звеня цепями, принялся кричать на зрителей. Его гортанная речь была Брэку непонятна, но в ней не было злости.

Немедленно трое вооруженных всадников, сопровождавших повозку, обрушили свои кнуты на спины скованных пленников. Человек, в которого попали камнем, раболепно склонился и лишь пронзительно вскрикивал при каждом новом ударе. Кончик одного из кнутов попал Брэку по лицу. Взвыв, варвар поймал кнут и рванул изо всех сил. Он вложил в этот рывок все свое отвращение и униженную гордость и вырвал удивленного всадника из седла.

Тот завопил, разодрав о мостовую в кровь свои ладони и колени. Потом он попытался обнажить свой меч. Но его приятели загородили ему дорогу к варвару. Они подъехали поближе к телеге. Ее вознице пришлось резко вскочить со своего места и спрыгнуть на мостовую, чтобы увернуться от цепи Брэка, которая обрушилась на то место, где он только что сидел. Через мгновение в раскаленном воздухе снова защелкали кнуты.

Брэк неудачно попытался схватить один или два из них. Тщетно. Тогда он закрыл глаза и покрепче сжал перила повозки, стараясь не вздрагивать всякий раз, как кожаный кнут оставлял алый след на его спине. Брэк решил показать всем, что он не похож на хныкающих псов, сгрудившихся у его ног. Кроме того, он ни разу не вскрикнул.

Когда-нибудь он освободится от цепи, сковавшей его запястья, и тогда...

— Достаточно!

Голос, который Брэк слышал и раньше, заглушил свист кнутов и бормотание горожан, подавшихся вперед, чтобы лучше разглядеть странного, дикого, могучего незнакомца, всю одежду которого составляла лишь набедренная повязка из львиной шкуры и чьи желтые волосы были заплетены в длинную косу.

Еще один удар кнута обрушился на спину Брэка, и кто-то снова закричал:

— Достаточно!

Больше ни один хлыст не коснулся спины варвара. Брэк открыл глаза и увидел тощего, нахального молодого капитана.

Командир отряда подъехал поближе и устало покачал головой:

— Чужеземец, ты что, хочешь умереть? Я же говорил, что тебе может представиться шанс...

— Шанс одеться в цепи, — сказал Брэк и сплюнул.

Плевок попал на грудную пластину капитана и сполз по броне, оставляя влажный след на желтой пыли. Воин выпрямился в седле, и его палыцы крепко сжали рукоять хлыста.

Потом, словно от усталости или от страха, а может, и от того и другого, он лишь отмахнулся, словно никакого оскорбления и не было.

— У тебя еще есть силы сражаться, а у меня их нет, — вздохнул капитан. — Ладно, пусть кто-нибудь другой приведет тебя в чувство. И радуйся, что ты не похож на остальную мразь, которую мы отловили. Тогда бы ты точно был нам не нужен. И тогда тебя бы отправили поглубже под землю, чтобы ты там крутил тяжелое колесо до конца жизни.

— Ты ничем не отличаешься от этих вшивых уродов! — прорычал Брэк и махнул в сторону остальных пленников, скорчившихся вокруг и зло поглядывавших в сторону огромного варвара. Цепи Брэка зазвенели. — Я путешествовал, не причиняя никому вреда. Я направлялся...

Но капитан лишь пожал плечами:

— Точно так же мы поступали и раньше. Это обсуждению не подлежит. Все враги Повелителя Магнуса, являющиеся у его ног... — Резким движением он хлестнул плетью одного из пленных, оказавшегося у борта повозки. — Наши отряды нуждаются в новых рекрутах. А вот такой колдовской браслет поможет тебе не нарушить клятву верности. — Он поднял левую руку. Блеснул бронзовый браслет. — Я объясню, какой у тебя будет выбор: ты наденешь один из таких браслетов или... отправишься в могилу. — Он щелкнул бичом и прокричал, обращаясь

к кому-то в голове каравана: — Шевелитесь, будьте вы прокляты! Мы уже четырнадцать дней печемся под этим солнцем!

— Так же, как и мы! — крикнула пожилая женщина из толпы. — Если Дети Тумана не свергли Повелителя Магнуса с помощью копий, то уж с помощью магии победят его непременно.

Капитан внимательно посмотрел на нее:

— До сих пор нет дождя?

— Разве ты не видишь, что мы все омыты дождем? — прокричал кто-то из толпы. — Дети Тумана заколдовали небо!

— А! — Командир злобно отмахнулся. — Они не колдуны...

— Тогда почему огонь выжег долину Магнуса? — насмешливо поинтересовался другой голос. — Почему высохли резервуары? Скажи нам, капитан?

Остальные присоединились к этим требованиям. Брэк решил, что вот-вот начнутся беспорядки и горожане сметут повозки. Толпа собралась почти в тысячу человек. Но солдаты быстро разогнали ее, ловко орудуя кнутами и короткими мечами.

С ужасом Брэк заметил, что происходящее напоминает ему какой-то кошмар. Воздух дрожал от жары, и все предметы поодаль, даже снежные пики Гор Дыма далеко на востоке, казались нереальными. Эти горы, как говорили, опоясывали край мира и служили домом всем богам, которые правили так называемыми цивилизованными землями.

Пока изнемогавшего от жары Брэка везли к городу через плато, он видел высушенные плодородные поля. Каждый вечер он прислушивался к ворчливым разговорам солдат у костра и к бормотанию своих товарищей по несчастью — дикарей со спутанными волосами и ненавистью в глазах, — принадлежащих к огромному племени кочевников, обитавших у подножия далеких гор. Каждые несколько лет племя пыталось отвоевать немного земли у народа, правящего на плато. Брэку не повезло, так как он оказался пойманным вместе с ними, уже в самом конце своего долгого путешествия.

Он ехал в Золотой Курдистан, решив там искать свою судьбу.

Кто-то любознательный из толпы показал на Брэка:

— Кто он? Откуда он?

— От сказал, что из диких степей, что лежат на севере, — ответил воин.

— Убейте его... его присутствие — плохое предзнаменование.

— Не хуже чем отсутствие дождя уже целых три месяца, — прорычал воин, проехав дальше.

Возница повозки снова хлестнул лошадей, и караван покати́л дальше по пыльной улице между статуями, изображающими человека-зверя с диском в зубах. Брэк попытался усмирить свою ярость, хотя старые и новые раны — следы кнута, паутиной оплетавшие мускулы его спины, — злили варвара, так же как угрожающий вид воинов и насмешки, доносящиеся из толпы...

Воины этого города убили лошадь Брэка и взяли его в плен. Сломали его меч. Заковали варвара в кандалы. Снова смотрел Брэк на далекий восток, на холодные синие пики, поднимающиеся над крышами и над городской стеной. Горы Дыма, увенчанные ледяными шапками, маячили на горизонте. Через этот барьер, насколько знал Брэк, вело несколько перевалов, и там была дорога, уходящая на юг...

Но он никогда туда не попадет, если не освободится от своих оков. Если он не сохранит свой дух... и свою жизнь.

Брэк крепко прикусил нижнюю губу, попробовав собственный солоноватый пот, щурясь от адского сверкания полуденного солнца.

Глава 2

Большинство горожан на улицах этого города выглядели бледными, испуганными. Брэк заметил еще одну любопытную деталь, когда повозка проехала мимо одной из кристаллических статуй. Диск во рту фигуры со звериной головой имел горизонтальную трещину в цент-

ре. Северянин думал, что это трещина, пока не обнаружил, что на дисках других статуй есть точно такие же отметины.

Брэк подозвал одного из воинов. Тот подъехал, но не слишком близко.

— Почему все круглые штуковины, которые держат во рту статуи, имеют трещину?

— Потому что это — божественный образ Повелителя Магнуса, идиот. Все здесь находится в его власти... и он может казнить или миловать по собственному желанию. Но его колдун Оол слишком слаб, чтобы противостоять проклятой магии, которая обрушилась на наши земли.

Брэк вытер свою вспотевшую шею:

— Ты имеешь в виду засуху?

Воин кивнул:

— Резервуары пусты. Урожай погиб. Такого раньше никогда не случалось. Такого не происходило последнюю сотню лет, даже две сотни лет, пожалуй. Наша земля была зеленой и плодородной, до того как на нас обрушилось проклятие.

Брэк, чуть приподняв руку, показал на понурых волосатых дикарей:

— А враждебные вам колдуны — из людей этого племени?

— Нет. У Детей Тумана нет никаких колдунов! — Воин выглядел раздраженным. — У них нет никого, кто знал бы магию, разве что повивальные бабки.

«Или раньше у них не было колдунов», — подумал Брэк. Но он не стал говорить этого вслух, потому что чем больше смотрел, тем яснее видел усталость и ужас, затаившиеся в глазах воинов и горожан.

Когда повозки, покачиваясь, проезжали мимо желтых зданий в конце проспекта, он взглянул на свои закованные запястья. Теперь Брэк понял одну вещь. В дополнение к дикарям и вреду, нанесенному магией, это королевство уже давно пришло в упадок, обреченное правителем, который считал себя чересчур могучим. В любом случае не стоит об этом говорить, чтобы окончательно не прослыть дикарем, и попытаться...

Кем же эти люди считают его? Брэк никогда раньше не смотрел на себя со стороны.

Все происходящее только укрепило его желание бежать. Но ему нужно было выбрать подходящее время, быть хитрым и осторожным...

Если только он останется в живых после этой поездки. Брэка не слишком волновали настроения мужчин и женщин, выстроившихся вдоль проспекта. Они же бормотали что-то и показывали на варвара. Могучий северянин казался им предзнаменованием, и не слишком хорошим...

Неожиданно Брэк почувствовал усталость. Может быть, ему суждено тут умереть. Может быть, он так и погибнет, закованный и беспомощный, в стране, чей важный правитель потерпел поражение в войне с дикарями. Повелитель Магнус! Ни в каких землях, по которым раньше путешествовал Брэк, он никогда не слышал такого странного имени.

Другое неприятное воспоминание наполнило его пессимизмом. Почему его схватили? Что с ним собираются делать?

Опустив голову пониже, варвар стал рассматривать камни мостовой, и вдруг тени лошади и ехавшего рядом с повозкой солдат исчезли.

Резкие крики, проклятия с обеих сторон...

Неожиданно заверещали от удовольствия маленькие пленники, ехавшие в телеге вместе с Брэком...

Подняв голову, варвар задохнулся от ужаса. По спине его пополз ручеек холодного пота.

С неба исчезло солнце.

В небе маячил серый, тускло светящийся шар. Во все стороны до самого горизонта протянул свои усики этот шар... а ведь сейчас был полдень.

Лошади рванули по дороге, они ржали, лягались. Один из возниц спрыгнул и побежал по проспекту, не оглядываясь...

Не было ветра, не завывала буря. Только ужасное серое облако расплзлось во все стороны с вершины небес. Смятение на проспекте превратилось в истерический триумф.

Темное облако проползло над городскими стенами, двигаясь к горам и расплзаясь над равниной во все стороны. Одна молодая женщина упала на колени, разрывая одежды на груди, крича... И тут Брэк увидел холодящее душу зрелище. Гигантская статуя начала наполняться темно-красной жидкостью, напоминающей кровь...

Той же жидкостью стали наполняться все статуи, стоящие вдоль улицы.

Пришпорив коня, молодой капитан поскакал вдоль колонны повозок, хлеща кнутом по спинам горожан:

— Нет никакой опасности. Все в порядке! Это лишь еще одно чудо, сотворенное нашим врагом...

Но теперь все статуи потемнели, как и небо. Полдень превратился в ночь. Дети Тумана, сидевшие вокруг Брэка, радостно кричали... хотя многие из них выглядели точно так же испуганными, как и жители города. Свист кнутов и проклятия солдат оказались тщетными. Обезумевшая толпа горожан снова метнулась вперед. Неожиданно Брэк понял, в чем тут дело. Один человек из толпы вытянул руку в сторону варвара:

— Вы осквернили город. Провезли язычников через ворота...

— Прочь от них. Они — наши пленники! — завопил капитан, преграждая пророку путь. Толпа окружила повозку. Полные ненависти глаза, вытянутые клешнями руки. Брэк почувствовал, как повозка накренилась.

Дети Тумана начали быстро, невнятно говорить, пускать слюни, в то время как повозка наклонялась все больше и больше. Брэк знал, что произойдет дальше. Если толпа перевернет повозку, их разорвут на части...

И тогда Брэк прыгнул вперед, даже не посмотрев, куда приземлится. Обе его ноги ударили в плечи какого-то толстяка. Кто-то попытался схватить варвара, но Брэк, увлекаемый весом своего тела, рухнул на тротуар.

Какое-то мгновение он был окружен лесом грязных ног, подолами пыльных одежд. Подняв взгляд, Брэк увидел кольцо почти обезумевших лиц. Старики, юноши, женщины — и над ними небо цвета эбонита...

Вдали он заметил одну из статуй. Теперь она уже была красная до самых кончиков острых, звериных ушей.

— Это из-за язычников наступила тьма! — закричал кто-то.

У Брэка не было никакого оружия, кроме цепи, соединявшей его запястья. Вскочив на ноги и сложив пальцы, он стал раскручивать цепь, все быстрее и быстрее. Она ударила по щеке одного из зрителей. Хлынула кровь. Нож задел плечо Брэка. Варвар метнулся в сторону, продолжая раскручивать цепь.

Еще один человек подобрался слишком близко. Конец цепи угодил ему в глаз. Человек упал, завывая...

А потом на роскошном бульваре начался полный бедлам. Толпа подступала к Брэку со всех сторон — пятна искаженных лиц, широко раскрытые рты, сверкающие глаза, обещавшие убийства. «Неужели я так и погибну? — подумал варвар. — Пасть жертвой какой-то магии...»

Кристаллические статуи уже наполнились таинственной жидкостью и стали алыми от пьедесталов до макушек. Даже диски с трещинками приобрели дьявольский красный цвет. Небеса стали темно-серыми. Брэк отказался от всех своих прежних планов спасения. Он хотел лишь подороже продать свою жизнь. Если уж эти обезумевшие дураки убьют его, то пусть его жизнь не достанется им так легко...

Цепь, со свистом рассекая воздух, то и дело обрушивалась на обезумевших людей. Запястья варвара болели, лицо его было забрызгано кровью. Брэк пинался, рычал, плевался, размахивал цепью как только мог. Пот заливал ему глаза. Хотя небо потемнело, по-прежнему было жарко. Брэку показалось, что он попал в какой-то тусклый, раскаленный ад...

Чья-то рука схватила Брэка за лодыжку. Тогда варвар изо всех сил ударил кого-то ногой. Нападавший на него вскрикнул, отскочил, отдернув раздробленную руку. Со свистом цепь рассекла воздух... и неожиданно его враги отступили от варвара, от его болтающейся косы, кисточки на конце львиного хвоста, мечущейся из стороны в сто-

рону, от звенящей цепи, которая с легкостью могла вышибить мозги...

Неожиданно дорога перед Брэком оказалась свободной. И тогда варвар со всех сил помчался вперед и врезался в пьедестал одной из статуй. За его спиной толпа взывала от ярости. Она становилась все больше, так как все больше и больше людей выплескивалось на проспект из боковых улочек. Прижавшийся спиной к пьедесталу Брэк был окружен.

Варвар повернулся спиной к врагам и полез на пьедестал, его руки оставляли кровавые следы на камне. Наконец он забрался на огромный камень и остановился, прижавшись спиной к холодной статуе. А через мгновение он уже обрушил свою цепь на разъяренные лица собравшихся внизу людей, которые, вытянув руки, пытались дотянуться до него. Размахнувшись, Брэк изо всех сил стал хлестать цепями собравшихся внизу горожан...

Когда же варвар чересчур сильно размахнулся, его цепь ударила по статуе. С громким звоном длинная узкая трещина пробежала по ноге каменного колосса. И вдруг что-то полыхнуло, ослепив Брэка.

Полуденный свет...

Облако, закрывавшее небо, исчезло. У подножия статуи испуганные люди упали на колени, прикрывая глаза...

Цепь, сковывавшая руки Брэка, безвольно повисла. Задышавшись, варвар обошел статую по краю пьедестала и взглянул через проспект. Там стояла другая статуя, полупрозрачная, сверкающая, не испачканная кровью.

Точно такими же были все остальные скульптуры, выстроившиеся вдоль проспекта.

— Вы, проклятые дураки!.. — Раздавая направо и налево удары хлыстом, капитан пробирался через толпу в сторону Брэка. — Мы же пытались сказать вам, что это всего лишь колдовская иллюзия!

— Что иллюзия? — закричал кто-то.

— А варвар? — закричал другой.

— Он рассеял иллюзию, — объяснил капитан, натянув поводья как раз напротив задыхающегося Брэка,

прижавшегося спиной к статуе. Капитан заговорил с печальным видом: — Удар цепи...

А потом взмахнул своим кнутом. Брэк повернулся и увидел паутину трещин, разбегающуюся от левого колена сидящей статуи. И снова варвар почувствовал, как неведомо откуда взявшийся страх сжал его душу. Темнота и кровь внутри статуй были колдовским наваждением. Никакой красной жидкости на самом деле никогда не было. Они были монолитами.

Лицо капитана стало еще печальнее.

— Конец короткой и блистательной судьбы, — сказал он. — Теперь мы отправим тебя напрямик к самому Повелителю Магнусу. Потому что одно дело — убить трех воинов, когда тебя берут в плен... а осквернить статую повелителя — совсем другое дело.

— Осквернить!.. — воскликнул Брэк, держась за статую, чтобы не упасть. — Но ведь когда цепь попортила статую — исчезли чары!

— Жаль, но все так. Теперь у меня нет выбора, и я передам тебя на суд Повелителю Магнусу, чтобы он сам вынес приговор.

Пока преклонившая колени, раболепствующая толпа украдкой, прикрыв глаза пальцами или руками, поглядывала на Брэка, командир спокойно рассматривал варвара. На мгновение его взгляд встретился со взглядом Брэка, словно прося прощение. Но варвар был слишком разъярен. Он повернулся и плюнул на разбитый кристалл. Он ведь и так погиб, и отлично это знал. Осквернение идола доставило ему удовольствие.

Печальным жестом капитан махнул хлыстом своим воинам, уже собравшимся возле пьедестала. Потом он показал на Брэка и приказал:

— Стащите его вниз.

Глава 3

Брэка отвели в огромное здание, подобных которому он не видел раньше. Его втолкнули в гулкий зал и поставили на колени по приказу усталого капитана. Обшир-

ный зал с высокими окнами напоминал лабиринт переплетенных теней. Атмосфера была гнетущей.

За время путешествия по комплексу из желтого камня Брэк несколько раз хотел было снова попытаться освободиться. Но всякий раз решал выждать. Отчасти ему было даже интересно. Своеобразная разновидность болезненного любопытства. Перед тем как у него отнимут жизнь, ему хотелось увидеть правителя, который назвал себя Повелителем Магнусом.

И как всегда, оставалась слабая, неоформившаяся надежда на то, что, если он окажется достаточно умным (хотя в чем это может выразиться, варвар не представлял), он спасется. Именно поэтому он подавлял в себе желание вновь попытаться бежать...

— Можешь поднять голову и посмотреть на нашего Повелителя, — шепотом сказал Брэку нервный капитан, который стоял рядом с преклонившим колени варваром. Северянин повиновался.

В первый момент Брэк увидел лишь нижнюю ступень возвышения. Потом еще одну, и еще восемь, а на вершине стоял трон, некогда бывший великолепным. Но теперь он позеленел от времени.

Массивный трон имел высокую, крепкую, прямую спинку. Над ним возвышалась огромная голова еще одной чудовищной статуи. В челюстях она сжимала треснувший диск. А под ней сидел Повелитель Магнус.

Маленький коренастый человек. Он был таким низкорослым, что его сапоги едва доставали до пола. Одет он был в военный килт, и бронзовый браслет сверкал на его левом запястье. Правитель больше походил на простого воина, чем на правителя.

У него было морщинистое квадратное волевое лицо. Чистые белые волосы свисали ему на плечи. Приготовившись к презрительному приему, Брэк удивился. Правитель не разоделся, хотя, возможно, в этом виновата была жара. Три или четыре дюжины придворных и военных, окружавшие основание трона, разодетые с головы до пят, то и дело промокали свои щеки и лбы носовыми платками и часто вздыхали.

Две черты Повелителя Магнуса сразу бросились в глаза Брэку... и тревога его возросла. Первая — серьезный, безжалостный взгляд короля. Вторая — его тело. Икры и бедра, предплечья, плечи и туловище короля носили отметины бывших битв. Горные хребты и долины шрамов паутиной оплели все тело правителя. «Он не тот командир, который посылает свои армии в битву впереди себя, — понял Брэк. — Он сам ведет их в бой».

— Ты можешь обратиться к Повелителю, — сказал человек, стоявший в тени с одной стороны от огромного трона.

— Благодарю тебя, бесполой, — ответил капитан, преклонив колени. Брэк уставился на странного человека, замершего по правую руку от Магнуса.

Незнакомец средних лет был высоким, носил тяжелые одежды. Он выглядел чересчур полным. У него была овальная, совершенно лишенная волос голова, опаловые глаза. Кожа его казалась белой, как пузо только что пойманной рыбы. Встретившись взглядом с этим человеком-василиском, Брэк содрогнулся.

Тем временем капитан обратился к правителю, восседавшему на троне:

— С позволения великого Оола, Повелитель Магнус, я прибавлю к своему рапорту лишь рассказ о трагических событиях, о том, что случилось на проспекте...

«Оол, — подумал Брэк. — Значит, этот кастрат и есть колдун правителя? В самом деле странный человек». В то время как остальные в этой палате страдали от жары, одутловатые белые челюсти колдуна и его лоб цвета слоновой кости оставались сухими. Кисти его рук скрывались под чересчур длинными рукавами одеяний.

Повелитель Магнус устало кивнул:

— Я все видел, капитан Ксерах. Стоя на крыше, я наблюдал, как темнели небеса и краснели идола. Солдаты рассказали мне о беспорядках на улицах. — Суровым взглядом коротышка уставился на Брэка: — Это и есть раб-язычник, который причинил так много бед?

Неожиданно Брэк вскочил на ноги:

— Нет. Я не раб. Меня схватила эта падаль, поймала и связала... — Брэк потряс своими цепями.

— Молчи, варвар, или тебя убьют прямо тут на месте, — прошептал Оол.

— Да будь я проклят, если стану молчать! — взвыл Брэк.

Безволосый колдун склонил бледную голову. Три воина с копьями вышли вперед, нацелив оружие в грудь Брэка. Варвар приготовился защищаться.

— Давайте!

— Ты и в самом деле слишком болтлив для пленного, — равнодушно заметил Повелитель Магнус. Непонятно было, угрожает он Брэку или нет. — И разве ты не знаешь, что моя личность священна?

— Но ведь мой удар развеял чары, — повторил Брэк, внимательно глядя на толстощекого Оола. Правитель, казалось, не услышал его слов. — А остальные ничего сделать не могли...

— Конечно... и как только ты ударил, тьма отступила, — согласился Магнус. — Тьма, которую не могли... — его рот задержался, — правитель кисло улыбнулся, — породить наши враги. Ведь они — простые смертные. Никто из нас не мог сотворить такое! Более того, мы не станем строить предположения... Случившееся невозможно — невозможно, и все! — закричал он, хлопнув ладонью по изогнутому подлокотнику трона.

Только тогда Брэк понял, как зол старый правитель. Варвар и сам разозлился. А тем временем Повелитель Магнус продолжал:

— Дети Тумана не могут сотворить никакого колдовства. Более того, все, что я видел, — обман. Сухие и растресканные каналы для воды — обман. Люди сходят с ума и готовы восставать — обман. В полдень темнеет небо — обман... Цепи, которые могут повредить статуям, — чепуха. Все это нереально. Может, даже ты, чужеземец, — иллюзия?

Брэк позвенел цепями:

— Сними их, и я докажу тебе, что руки мои настоящие. Ты согласишься, что они реальны, когда я передышу твоих шакалов...

Капитан Ксерах громко сглотнул. Вздохи и проклятия раздались в толпе придворных, собравшихся возле трона. Мечи выскользнули из ножен. Неожиданно Повелитель Магнус рассмеялся.

Смех его прозвучал тихо, но заставил застыть некоторых придворных, точно так же как Брэка. Бесстрашно взглянул варвар на правителя.

— Ты решил быстро умереть, — сказал Повелитель Магнус.

— Кажется, у меня нет выбора, — ответил Брэк и потом добавил насмешливо: — Я оскорбил твой святой образ...

— И, — перебил варвара безволосый Оол (его печальный тон не соответствовал враждебности, которую Брэк прочитал в его глазах), — если мне не изменяет память, ты убил трех воинов капитана Ксераха, когда они пытались пленить тебя.

— Конечно, — кивнул Брэк. — Потому что у них не было никакой причины хватать меня.

— Того факта, что ты пересек мои владения, вполне достаточно, — заявил Повелитель Магнус.

— Для тебя. Но не для путешественника, направляющегося в Курдистан.

Магнус поднял руку, потер давно небритую щеку:

— Прекрати паясничать и гримасничать! Тебя не удивляет, почему тебя еще не убили? Очевидно, ты станешь цепляться за любой шанс выжить, если его тебе предоставят.

Выражение лица правителя ни о чем Брэку не говорило. Магнус что-то задумал, но что именно, он не говорил.

И все же в его словах было что-то обещающее. Брэк впервые почувствовал надежду.

Лицо Оола напряглось. «Осторожно, — подумал Брэк. — Все не так просто...»

Он облизал потные губы и сказал:

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду... Я не понимаю ничего или почти ничего из того, что приключилось со мной. И я скажу тебе снова... У твоих людей не было никакой причины хватать меня и скованным привозить в ваш город.

— Ты отрицаешь то, что человек, убивший трех солдат, должен быть наказан? — спросил Магнус.

— Но они напали на меня!

— Ты отрицаешь, что человек должен быть наказан за осквернение святынь?

— Я сделал это случайно. Совершенно случайно! Пытаясь спастись от толпы.

— И темноту ты тоже разогнал, — задумался Магнус. Неожиданно он вытянул палец, показывая куда-то вниз. Присмотревшись, Брэк увидел, что кончик пальца правителя обрублен — отсутствовал первый сустав, причем это случилось давным-давно. — Как твое имя, чужеземец? Откуда ты приехал? И самое главное... где нашел ты силу, чтобы разогнать тьму?

Огромный варвар ответил так:

— Меня зовут Брэк. Дом мой — северные равнины. Мой народ изгнал меня за то, что я насмеялся над богами...

— Ах, значит, ты любишь этим заниматься! — воскликнул Магнус, и уголки его рта скривились.

— Когда правление богов уничтожает человека, то да. Я направляюсь в Курдистан... или, точнее, направлялся, — прибавил он, с неприязнью взглянув на капитана Ксераха. — А почему и как я разогнал тьму... «Осторожно!» Брэку понадобилось несколько секунд, чтобы подобрать нужные слова, — я не скажу.

Оол хихикнул, сухо и протяжно.

— Другими словами, ты утверждаешь, что не имеешь настоящей силы.

С ненавистью посмотрев на колдуна, Брэк ответил:

— Я не утверждаю и не отрицаю этого, волшебник.

Магнус снова рассмеялся. Он внимательно посмотрел на Брэка, а потом сказал:

— Но возможно... я пошел неверным путем... Впервые я осажден врагами, против которых мои воины и колесницы бесполезны. Ты, варвар Брэк, — смелый муж. Выглядишь силачом. И кажется, владеешь магией... Или ты где-то выучился этому искусству, или у тебя природный дар.

Магнус встал. Только теперь Брэк понял, каким же низкорослым был правитель на самом деле. Но кряжистые плечи и иссеченный шрамами торс правителя выглядели крепкими, как железо.

— Ты и представить себе не можешь, что мы только ни делали, чтобы прекратить эту засуху. Она уничтожает наше королевство, и по разрушительности с ней не сравнятся ни дубины, ни кинжалы Детей Тумана. Так что, несмотря на свои преступления, мой могучий друг... и несмотря на то, что ты устроил резню на улице... я хотел бы поторговаться с тобой.

Холодным взглядом Повелитель Магнус обвел собравшихся вокруг трона:

— Ты не умрешь, варвар. И цепи носить не будешь...

У Брэка только отлегло от сердца, как правитель поспешил закончить фразу:

— ...если ты принесешь нам дождь.

— Принесу вам...

Варвар хотел было рассмеяться, но не смог. Он был слишком потрясен, поняв, в какую ловушку попал.

— Ты распахнешь для нас небо! — воскликнул Магнус. Теперь его голос звучал по-настоящему грозно. — Пусть небеса потемнеют!.. Но в этот раз пусть на землю падет дождь. Развей чары Детей Тумана, неважно, они или нет все это устроили... и тогда ты, варвар, не умрешь и с тебя снимут кандалы. Таким будет мое решение, варвар Брэк. Говорил ли ты правду, или твои «силы» всего лишь игра случая? Пока же никому чар засухи снять не удалось. Мой колдун ничего не может поделать... — Тут он махнул в сторону Оола. — Несмотря на сотни попыток, что он делает каждую неделю, ему не удалось пролить на землю ни капли воды. Теперь же...

Потом правитель обратил свой взор на молодого командира:

— Пока мы испытываем силы варвара, ты, капитан Ксерах, вместе со своими людьми стой на страже. Не своди с варвара взгляда, иначе ты умрешь.

Командир побледнел. Брэк начал было возражать, говоря, что прошлое «колдовство» получилось чисто слу-

чайно, но Магнус лишь отмахнулся от него, как от назойливого комара.

— Я уже принял решение. Замолчи.

С этими словами правитель отвернулся и собрался покинуть возвышение, на котором стоял трон. Взглянув на Брэка, евнух Оол последовал за своим повелителем, подскочив к нему. Магнус остановился. Оол, склонившись, начал что-то нашептывать на ухо правителю. Магнус задумался, потом обернулся и сказал Брэку:

— И еще одно... Пожалуй, самое важное. У тебя есть два дня и две ночи на то, чтобы вызвать дождь, ни больше ни меньше.

Снова Брэк пришел в бешенство, но Повелитель Магнус уже исчез, и Оол последовал за ним, словно белый призрак...

А Брэк подумал, что лучше было бы, если бы его убили на месте.

Глава 4

— Во имя богов, ты будешь ходить? — подскочив к варвару, воскликнул капитан Ксерах. Он проскочил через арку на маленький балкончик, откуда открывалась панорама города и виден был двор, на котором стояли четыре здания казарм.

Восседая на маленьком стуле, Брэк затуманенным взором смотрел на офицера, начисто лишённого юмора. А тот как угорелый метался по комнате. Сейчас он, как и варвар, разделся почти догола, оставив лишь узкую набедренную повязку.

Варвар и капитан расположились в крохотных апартаментах офицера в желтом каменном комплексе. В комнате было неприятно жарко, хотя солнце скрылось почти час назад. Но многочисленные пожары высвечивали профиль офицера, когда тот, перегнувшись через балконные перила, изучал ночной город.

Вершины крыш были очерчены красным мерцанием, исходящим из полудюжины мест. Рев толпы и грохот

разрушений доносился отовсюду. Глядя на огни, Ксерах рассеянно теребил браслет на левом запястье.

Апартаменты капитана состояли из двух узких комнат. Тут было мало мебели, но расстеленный для Брэка соломенный тюфяк перегородил большую комнату так, что теперь там было не развернуться. Хозяин комнат неожиданно обернулся и бросил мельком взгляд на Брэка, который и не собирался «ходить».

Огромный желтоволосый варвар, подхватив хвост львиной шкуры, служившей ему набедренной повязкой, стер пот со лба его кисточкой. После он потянулся к кувшину, что стоял на полу возле его ног.

Брэк глотнул сухого красного вина, так что оно потекло по подбородку на могучую грудь варвара. Поставив кувшин рядом с собой, варвар посмотрел на игральную доску, разложенную рядом с ним на низком каменном столике.

Игровая доска была разделена на квадратики двух цветов. На этих квадратиках стояли странные резные деревянные фигурки. Половина из них была покрыта темно-зеленым лаком. Другая половина не раскрашена.

Целых два часа капитан Ксерах пытался научить варвара мудреной игре. Немного поев и выпив после странного интервью с Магнусом в начале дня, Брэк никак не мог сосредоточиться на игре. Даже будучи трезвым, он вряд ли разобрался бы в ней.

Но Ксерах, очевидно, так расстроился из-за своего бессилия, что Брэк еще раз попробовал. Он взял в руки одну из фигурок... Как же ее называли?.. Крепость?

Ксерах внимательно смотрел, как варвар передвинул фигурку на соседний квадрат. С проклятием капитан бросился к доске, схватил фигурку и потряс ею перед лицом варвара:

— Это же «колдун», ты... идиот! «Колдун» не может так ходить. Я объяснял тебе это десять раз!

Настроение Брэка испортилось. Прорывав что-то нечленораздельное, варвар приподнял уголок игровой доски. Несколько фигурок свалилось на пол. А потом варвар одним взмахом смел оставшиеся и отшвырнул доску.

— Забери свои игрушки и выброси их на помойку! — закричал Брэк. Его глаза сверкали. Цепи, сковывавшие его запястья, угрожающе зазвенели.

На мгновение варвару показалось, что капитан Ксерах выхватит из ножен, висящих на стене, свой меч и набросится на него. Мускулы на шее капитана напряглись, но он овладел собой. Он глубоко вздохнул:

— Я и не ожидал, что какой-то неграмотный иностранец быстро овладеет игрой цивилизованных людей. Но, боги! Меня уже тошнит от твоих ошибок!..

— Я не просил, чтобы меня сюда загоняли! — закричал Брэк в ответ, и снова они едва не вцепились друг другу в глотки. Потом, вздохнув, Ксерах отступил.

Он опустился на матрас Брэка, в то время как варвар стоял и сердито перебирал цепь.

— Хорошо. Первая ночь уже на исходе, — мрачно проговорил Ксерах. — Еще один день, и Магнус отрубит тебе голову. — Воин попытался поймать взгляд Брэка, в его голосе звучали печальные нотки. — Ты ведь не знаешь никаких заклятий, которые могли бы вызвать дождь?

Ответ Брэка был кратким:

— Конечно нет. Я не знаю, почему рассеялась тьма, когда я ударил идола. Твой Повелитель — странный человек... я думаю, он не понимает того, что происходит вокруг. Но за время своих скитаний я видел людей еще более злых и глупых. Когда твой Повелитель казнит меня, ничего не случится.

Ксерах цокнул языком:

— Повелитель слишком стар... Об этом все говорят. Поверь, Магнус — храбрец...

— Его шрамы — достаточное тому доказательство.

— ... Но теперь слишком странные времена. Наш правитель не может справиться с магией, которую обрушили на нас Дети Тумана.

— По-видимому, его собственный колдун не слишком-то старается. Интересно, каким способом евнух пытается призвать дождь?

Капитан пожал плечами:

— Смотреть на то, что делает Оол, — смешивает ли он порошки или воеет, запрокинув голову, — запрещено

всем, кроме нескольких юных мальчиков, которые помогают ему. Они все специально подобраны и кастрированы... — Тут рот Ксераха скривился от отвращения. — Каждый день Оол выезжает за город на своей колеснице, чтобы творить заклятия, — это все, что я знаю. Он уезжает по сухому каналу, который обычно заполнен дождевой водой с отрогов Гор Дыма. — Ксерах махнул на восток: — Где-то там Оол занимается колдовством... втайне от всех. — А потом капитан насмешливо добавил: — Тебе хочется познакомиться хотя бы с одним из его методов?

— Я думаю, все его способы ничего не стоят. С другой стороны, сам-то я не чародей. К тому же я не собираюсь потратить все время, что отвел мне Магнус, сидя здесь и напиваясь до потери чувств.

Такое заявление позабавило Ксераха.

— Ты думаешь, что сможешь устроить представление похлеще Оола? Хочешь показать нам несколько магических трюков? — Тут он выразительно щелкнул пальцами.

Брэк нахмурился:

— Сомневаюсь. Но где-то должен быть ответ. И если все дело в колдовстве, то лучше всего поискать ответ вместе с Оолом, разве не так?

— Ты легко не сдашься, — заметил Ксерах не без восхищения. Брэк же внимательно смотрел на деревянные фигурки, разбросанные по полу возле его грязных ног. Ксерах забеспокоился: — Брэк, это не ответ! Кроме того, согласишься, дождь не пойдет... И ты умрешь... Потом мы все умрем. В этот раз... — неожиданно капитан вскочил на ноги и выскочил на балкон, — в этот раз, думаю, Магнус не сможет отразить нападение дикарей. Королевство погибнет... — Неожиданно Ксерах заговорил громче. — Горожане уже обезумели! Пьют, бунтуют, поджигают все подряд...

— И ты не собираешься что-то сделать, чтобы их остановить?

Ксерах резко обернулся:

— Да! Это мой долг, как я понимаю. Это... — неожиданно он взмахнул рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи, — дурацкое занятие!

— Извини, капитан, если сильно задел тебя, — равнодушно сказал Брэк.

— Не извиняйся, — остановил его Ксерах. — Я выполняю приказы. Это не так уж здорово. Я занимаюсь этим уже многие месяцы... Мне надоело... И судя по всему, никаких перемен не предвидится...

Снова молодой офицер облокотился о перила, вглядываясь в зловещие, алые силуэты городских крыш. В глазах его отражались красные отблески. В них читалось обманное ожидание. Все безнадежно.

Брэк снова уселся на стул. Он поднял деревянную фигурку, которая, если затуманенная вином голова не обманывала варвара, обозначала правителя.

— Разве нет человека, которому бы ваш Магнус доверял? Должен же он с кем-то советоваться? С какими-нибудь полководцами...

— Он сам — полководец, — ответил Ксерах. — Он правительство, глава суда — все. Раньше его плечи были достаточно сильны для такой ноши. Он быстро принимал решения...

Это соответствовало тому, как Брэк представлял себе крепкого воина-коротышку. Варвар долго молчал, изучая фигурку, зажатую в блестящих от пота пальцах.

— У правителя нет жены, с которой он мог бы посоветоваться? — наконец поинтересовался Брэк.

— Нет. Жены у него нет уже много лет... Зачем копаться в этих старых историях? — раздраженно спросил Ксерах.

— Я не знаю, — пожал плечами Брэк. — Я не хочу, чтобы меня казнили.

Ксерах изобразил вымученную улыбку:

— Тут мы сходимся во мнениях.

— Мы говорили о Магнусе. У него есть сын?

Ксерах покачал головой:

— Дело не в этом...

А потом он кратко изложил историю женитьбы Магнуса на королеве, чье имя Ксерах даже не называл, потому что она умерла сорок лет назад, до того, как капитан родился. Но люди рассказывали, что жена правителя была чрезвычайно милой и приятной.

Однажды Повелитель Магнус отправился в поход. Он ведь непрестанно воюет с Детями Тумана. А в тот раз они снова попытались завоевать королевство Магнуса. Один солдат из маленького гарнизона, что остался в городе («Я не знаю ни его имени, ни откуда он был родом», — объяснил Ксерах) вошел в апартаменты жены Повелителя, чтобы что-нибудь украсть. Люди рассказывают, что он был пьян.

— Госпожа закричала, и дурень перерезал ей горло. В темноте началась свалка... За солдатом погнались... Капитан, который в это время нес стражу во дворце, умер всего полгода назад. Так вот он клялся, что в ту ночь почти поймал преступника. Он даже метнул копье... Но убийца в сумятице исчез. Говорили, что он погиб, но тела его так никогда и не нашли... Как я уже говорил, имя его по сей день неизвестно. Магнус же был так опечален, что никогда не женился снова, лишь иногда приглашая женщин на ночь... Но и это прекратилось пять или шесть лет назад, — несчастным голосом закончил Ксерах.

Брэк отложил фигурку правителя в сторону и взял ту, которой неверно походил, — «колдуна».

— А придворный колдун... Ты думаешь, он верно служит Магнусу?

Ксерах пожал плечами:

— Если и не хорошо, то уж верно и старательно — определенно. Ты ведь слышал, что говорил Повелитель. Оол был странствующим шаманом. Он прибыл ко двору Магнуса очень давно и остался тут. Его всегда считали знатоком малых чар и священных ритуалов. Но то проклятие, что сейчас обрушилось на нашу страну, слишком сильное для него... Он не может его разрушить...

— То есть сделать так, чтобы пошел дождь?

Капитан Ксерах отвел взгляд.

Брэк вышел на балкон, посмотрел на подсвеченный пожарами город. Словно размышляя вслух, он проговорил:

— Все-таки я бы хотел посмотреть, как трудится Оол. Возможно, я обнаружу его ошибку или открою в себе силы, о которых пока не знаю...

В первый момент Ксерах выглядел удивленным. Он сразу почувствовал, что приближаются новые неприятности.

— Я скажу тебе, Брэк... Нельзя нарушать уединение колдуна. Даже входить в его покои запрещено.

Брэк покачал головой. Длинная желтая коса мягко ударила об иссеченную ударами хлыста спину варвара.

— Когда моя жизнь под угрозой, для меня нет ничего запрещенного.

Снова Ксерах не смог скрыть улыбки:

— Боги, да ты определенно деревенщина. В лучшие времена Повелитель Магнус водил в битвы сотни таких, как ты...

— Я имел в виду, что хочу освободиться от этих оков, а не служить твоему Повелителю или еще кому-то.

— Тебе придется еще послужить ему, — сказал Ксерах. — А за Оолом следить не стоит... Подумай! Ну зачем нам эти проблемы?.. Не откроешь ли ты мне свои тайные таланты?..

— Нет... И я не стану сидеть сложа руки. Если ты знаешь, как незаметно проследить за колдуном, то лучше расскажи мне об этом, чтобы я мог попытаться.

— Ладно, — согласился Ксерах. — Но помни, если я потеряю тебя из виду... — Человек дела, он провел пальцем поперек своего горла. Что-то загрохотало далеко-далеко. Колонна пламени ударила в небо. Где-то там, в городе, бесновалась толпа.

Наконец Брэк, поморщившись, кивнул:

— Ладно, тогда завтра, когда я отдохну... и протрезвею... Я хочу отправиться туда, где Оол творит свои заклятия. Можешь отпустить меня одного или отправишься со мной, а потом оправдаешься тем, что твой Повелитель приказал тебе не спускать с меня глаз.

— Без меня тебе не выехать за городские ворота.

— Не будь так уверен, капитан.

Ксерах медленно вытер пальцы о свои тощие бедра. Он внимательно посмотрел на Брэка. Не стоит его бояться. Необходимо попробовать.

— А что, если я не разрешу тебе отправиться в это путешествие, мой друг?

- Я отправлюсь все равно
- А я могу остановить тебя.
- Ты можешь попытаться, — мягко ответил Брэк.

По правде сказать, варвар чувствовал, что его план такой же никудышный, как и любой другой. Но больше Брэк ничего придумать не мог. Варвар казался сам себе зверем, на которого охотятся люди с собаками. Он знал о неотвратимом приближении смерти, но не хотел равнодушно ждать ее. Брэк предпочитал что-то делать... даже если потом все надежды окажутся тщетными.

С другой стороны, вполне возможно, план его был полной глупостью. Колдун Оол выглядел довольно внушительной фигурой. Если он со своим магическим мастерством устроился при дворе, почему он ничего не может поделаться с проклятием? Брэк мог согласиться с тем, что Оолу не хватает сил противостоять злему заклятию, однако казалось странным, что никто из придворных Повелителя Магнуса не задался вопросом, чем же в самом деле занят Оол. Почему все молча приняли его объяснения?

Возможно, их парализовал страх перед приближающимися войной и революцией. Может, чужеземец сумеет взглянуть на все происходящее свежим взглядом и найти простые ответы на все вопросы...

Ведь точно так же, как остальные, мог расстараться и Оол. Суровое, потное лицо Брэка напряглось от столь тяжких для варвара размышлений.

Тем временем капитан Ксерах игриво поклонился ему, а потом рассмеялся:

— Да будь ты проклят, Брэк, но ты — наглый разбойник... Все верно. Мы так и сделаем. На восходе поедem за колдуном. — Он пнул одну из фигурок, лежавших на полу, и добавил со злой усмешкой: — Хотя я считаю, что это так же бесполезно, как пытаться научить варвара придворным играм.

Брэк едва заметно улыбнулся и потянулся за кувшином вина.

В городе рухнуло одно из зданий, подожженных толпой.

Глава 5

Солнечные лучи жгли тело Брэка, обещая болезненные солнечные ожоги. Вместе с капитаном Ксерахом варвар скрючился в овраге у подножия горных отрогов, к востоку от города. Стена, крыши нескольких домов и столбы дыма были хорошо различимы сквозь облака пыли, поднятые ветром над пустынными, иссушенными полями.

Как и Брэк, капитан Ксерах отложил в сторону грубый плащ с капюшоном. Эти плащи они вынуждены были надеть, чтобы без лишних вопросов выскользнуть через городские ворота вскоре после восхода солнца. Теперь эти плащи лежали на камнях. Варвар и капитан прикрыли ими свои обнаженные ноги.

Ксерах носил простой килт ремесленника. И кроме того, у него был короткий меч и бронзовый браслет, с которыми капитан не мог расстаться. Больше он ничем не отличался от обычного селянина...

Неожиданно мужчины услышали странные звуки, доносящиеся издалека.

Брэк знал, почему Ксерах так взволнован. То, что они делали, было запрещено.

Прислушавшись, варвар решил, что звуки скорее странные, чем тревожные, больше таинственные, чем угрожающие.

Он услышал треск колес, стук копыт. Вначале эти звуки были громкими, потом стали стихать... больше похожие на яростный стук барабанов. И тут кто-то запел песню, слова которой невозможно было разобрать.

— Я посмотрю, что там происходит, — сказал Брэк.

Ксерах сглотнул:

— Очень хорошо, мы... — а потом резко добавил: — Нет, я останусь здесь...

Он прижал острие меча к горлу Брэка. Варвар быстро, но осторожно отпрянул. Дрожащая рука Ксераха могла совершить неверное движение.

— Постарайся, чтобы тебя никто не заметил...

Ксерах огляделся. Он явно нервничал. Тем временем скрип колес, грохот барабана и песнопения стали громче.

Брэк едва заметно кивнул капитану и полез вверх по склону холма.

Он двигался осторожно, и в каждом его движении чувствовался опыт охотника степей. Дважды он останавливался, шептал проклятия, когда цепь у него на запястьях звенела слишком громко.

Последний раз варвар повернулся, взглянул на капитана Ксераха, внимательно следившего за ним. Выглядел капитан очень испуганно. Брэк тем не менее лез все дальше. За время своего путешествия в Золотой Курдистан варвар-северянин не раз сталкивался с колдовством. Поэтому он не боялся встречи с нелепым колдуном.

Когда же Брэк устроился между двумя валунами, его губы уже высохли и потрескались от жары. Он посмотрел вниз и вверх по склону...

И заморгал в удивлении.

Как и сказал Ксерах, за валунами лежал вымощенный камнями канал. Он вытянулся на восток, к горам. Ветер нес песчаную поземку...

По дороге, протянувшейся вдоль канала, четыре белые лошади тащили отделанную золотом колесницу. В колеснице было пять человек, считая возничего.

Рядом с возничим, сжимая передние поручни колесницы, стоял Оол. Плащ развевался у него за спиной, голова была запрокинута. Оказалось, что именно он распевал таинственное, неразборчивое заклятие.

Позади колдуна жались друг к другу мальчики с жирными розовыми ногами, пухлыми руками и женоподобными личиками. Их длинные волосы были перехвачены обручами. У одного мальчика на шее висела пара барабанов. Другой барабанил по ним палочками. Третий одну за другой доставал лучины и поджигал их, а четвертый разбрасывал горящие палочки во все стороны, в то время как Оол продолжал читать заклятия.

Брэк грубо выругался. Вся эта поездка казалась пустой тратой времени. Точно такие же церемонии он не раз видел в молодости в диких землях севера. Если это все, что был способен сделать Оол, чтобы распахнуть

небеса и призвать дождь, то он и в самом деле был плохим колдуном.

Колесница проехала еще немного, а потом повернула и покатилась назад к выгодному наблюдательному пункту, который занял Брэк. Варвар решил вернуться к Ксераху. Колесница катилась вдоль канала... Ветер играл плащом колдуна. Он задрал широкие рукава одежды Оола аж до плеч. Неожиданно у Брэка свело живот. Варвар стал внимательно следить за происходящим, даже не смахивая пот с бровей. Он вглядывался все пристальнее, а колесница подъезжала все ближе и ближе...

Горящие лучины летели во все стороны, сыпали искрами. Грохотали барабаны. Брэк прикрыл глаза от солнечного света, внимательно глядя на руки Оола, сжимающие поводья...

Когда колесница проезжала мимо, легкое подозрение варвара переросло в уверенность.

Колесница прогрохотала мимо. Барабанный бой, стук копыт, скрип колес стали снова затихать. Брэк, спустившись в овраг, присоединился к капитану Ксераху, сидевшему на дне расселины.

Что же ему делать? Немедленно бежать к Повелителю Магнусу?

Нет. Правитель ни за что ему не поверит. Ведь Брэк был чужеземцем. Никто не прислушается к его словам. Его тотчас зачислят в лгуны. А если Оол узнает о том, что Брэк докопался до правды, он избавится от варвара каким-нибудь ужасным образом, быть может даже убьет его, раньше чем истечет отпущенное Брэку время...

Однако варвар знал, что должен делать. Пристально вглядываясь сквозь пыльный солнечный свет, он попытался запечатлеть в своей памяти образ волшебника в колеснице. Белые щеки. Жирные дряблые щеки. И руки... Варвар видел их всего лишь мгновение, но они больше всего поразили северянина.

Когда Брэк спустился к Ксераху, капитан в испуге сжал ему руку:

— Что ты видел?

— Ничего интересного, — ответил Брэк отмахнувшись, пытаясь сделать так, чтобы капитан не заметил его удивления. — Та же жалкая магия, что используют шаманы у меня на родине, чтобы вызвать перемену погоды...

Кратко он описал то, что видел, кроме рук Оола.

— Они били в барабаны и делали фокусы-покусы с факелами, чтобы вызвать гром и молнии. А еще Оол, завывая, произносил чары или что-то другое в таком же духе. Он, наверное, хотел вызвать бурю. Я никогда раньше не видел, чтобы это заклятие сработало, и рискну утверждать, что и теперь это не сработает.

«Потому что это и не должно оно сработать», — прошептал варвар сам себе.

— Капитан Ксерах, мы должны немедленно... — начал было Брэк, но осекся.

Он замолчал. Пойдет ли этот простой солдат на сделку, не понимая намерений Брэка? Позволит ли он варвару использовать оружие?.. Брэк не мог доказать своих подозрений... да. Обвинение, произнесенное сейчас, пусть даже услышит его только Ксерах, доверявший Брэку, лишь выставит варвара на всеобщее посмешище.

Наморщив лоб, Ксерах внимательно посмотрел на гиганта-северянина:

— В чем дело, чужеземец? Закончи то, о чем ты начал говорить.

Наконец Брэк сообразил, что ему делать дальше. Только вечером, под покровом темноты, ему удастся что-нибудь предпринять.

Но когда Брэк понял, что ему придется сделать (причем в одиночестве), он почувствовал страх. Если он рискнет и сделает все так, как решил, жизнь капитана Ксераха окажется под угрозой... И хотя Брэк никогда не любил никаких тюремщиков, Ксерах был ему симпатичен.

К тому же жизнь Брэка была под угрозой. В этом-то не было никаких сомнений.

— Мы должны немедленно вернуться в город, — сказал Брэк, пытаясь быстренько придумать какую-нибудь ложь. Ему было стыдно врать. — Я не видел ничего осо-

бенного. Скажу лишь, что евнух пользуется никудышными заклятиями.

Ксерах расслабился.

Они отправились в сторону города. Грохот барабанов, песнопение и скрип колесницы остались далеко позади.

Снова накинув плащи, изнемогая от жары, Брэк и Ксерах молча потащились к городу.

Глава 6

День и ночь. Подобно припеву в балладе какого-нибудь пьяного барда, эти слова крутились в голове у Брэка, когда он пытался расслабиться, развалившись на тюфяке и ожидая подходящего часа. День и ночь...

За окном уже давно царил непроглядная тьма. Ночь уже наполовину прошла. Когда же начнет светать, у него и вовсе не будет шансов. Свет раскаленного солнца сделает его план невозможным. «День, ночь. Дождь идет...»

«Нет, — мысленно поправил себя варвар. — Ночью, этой ночью мне нужно выяснить, почему дождь не идет».

Наконец хриплое дыхание капитана Ксераха в соседней комнате стало тише. Брэк перевернулся, приподнялся на локте, а затем медленно встал. Тело его тут же стало липким от пота. Заход солнца не принес никакого облегчения, никакой прохлады. Через арку, ведущую в спальню, до Брэка донесся храп Ксераха.

Варвар босиком прокрался к колышку, где висели ножны с мечом капитана. Брэк попытался вспомнить, где располагалась рукоять меча. Примерно в центре стены, так? Варвару приходилось двигаться крайне осторожно...

Шаг.

Еще шаг.

Осталось еще три.

Потом два.

Брэк замер.

По двору под балконом прошли солдаты. Три или четыре воина, точно варвар сказать не мог. Они распевали непристойную кабацкую песенку.

Наконец тяжелая дверь закрылась. Брэк двинулся дальше, дивясь, что у бойцов Повелителя Магнуса хватало духу петь, когда повсюду полыхали пожары. В городе выгорел целый жилой квартал, так сказал Ксерах Брэку за ужином. А в эту ночь пожары продолжались...

Но солдаты? Видимо, они, чувствуя собственное бессилие, хорошо напились.

Брэк прислушался. Во дворе царила тишина.

Он поднял руку, шаря по стене в поисках рукоятки гладия. Но каким-то образом, прислушиваясь к тому, что происходит во дворе, он потерял ориентацию. Протянув руку, он почувствовал, как запястье его толкнуло рукоять меча, в то время как пальцы сжались в пустом воздухе. Ножны громко стукнули о стену...

Мгновение Брэк стоял совершенно неподвижно, затаив дыхание. Но непоправимое случилось. Ксерах, разбуженный громким звуком, спросонья что-то невнятно пробормотал.

Брэк недолго сомневался. С Ксерахом каши не сваришь. Капитан запретит ему сделать то, что он задумал. Поэтому варвар выдернул короткий гладий из ножен, теперь уже не обращая внимания на звон цепей. Резко развернувшись, он рванулся к балкону и услышал, как за спиной его завозился капитан. Потом раздалось шлепанье босых ног.

Когда Ксерах выскочил на балкон, Брэк уже перекинул одну ногу через низкое ограждение. Сжав рукоять обеими руками, Брэк размахнулся и ударил мечом плашмя — так, чтобы не убить, а лишь оглушить капитана.

И снова варвару не повезло. Его удар не попал в цель. Ксерах двигался слишком быстро. К тому же он обозвал варвара грязным обманщиком...

Меч снова ударил капитана плашмя — и снова соскользнул. Капитан Ксерах упал на колени, громко вскрикнув.

Брэк снова прислушался, надеясь, что страж этажом ниже по-прежнему дремлет в караульной. Но в эту ночь варвару определенно не везло. Отдаленный топот подсказал варвару, что страж стал подниматься по лестнице, чтобы выяснить, кто кричал.

Нужно было принять ужасное решение. Остаться... и погибнуть. Или продолжать выполнять свой план, оставив Ксераха там, где он упал. Варвар знал, как накажут капитана...

Все мускулы Брэка напряглись. Теперь ему придется поторопиться с исполнением своего замысла... И вовремя вернуться к Ксераху.

Но если он не сумеет...

Ну, об этом лучше не думать.

Ксерах был добрым тюремщиком... Однако что-то в душе варвара заставило отбросить в сторону все сентиментальные соображения. Что-то более глубокое, более темное, столь же тяжелое, как цепи, связавшие его запястья.

Страж забарабанил в дверь покоев Ксераха, спрашивая недовольным голосом, что случилось. Ксерах зашевелился, застонал. Брэк заставил себе перекинуть через перила балкона вторую ногу и прыгнул во двор.

Он спасет капитана, если сможет. Но самое главное: он не станет жить в цепях.

Глава 7

Разозлившись из-за серии неудачных совпадений, которые разрушили весь его план, Брэк приземлился посреди двора. Он сделал все возможное, чтобы приглушить звон своих цепей, прижав их к голому животу, в то же время стараясь не упасть, чтобы не пораниться об обнаженный меч.

Он услышал, как привратник еще более настойчиво постучал в дверь комнат Ксераха. Но варвар не стал ждать дальнейшего поворота событий, а побежал к узкому проходу, ведущему во второй, больший двор дворца.

Стук и крики продолжались. Брэк едва успел нырнуть в тень, когда в комнате еще одного офицера зажглась лампа. Скоро все, чьи окна выходят в этот двор, поднимут тревогу и отправятся его искать. Проклятие!

Промчавшись по проходу, варвар остановился у края стены. Он распластался вдоль нее, прижавшись ко все еще теплому камню. У него за спиной один за другим загорались все новые светильники. Кто-то закричал, что пленник Ксераха сбежал.

Варвар заставил себя не обращать на это внимание. Он увидел усталого, прихрамывающего солдата, обходившего свой пост. Шел он очень медленно. Услышит ли он шум в соседнем дворе?

Дыхание Брэка со свистом вырывалось из легких. Глаза варвара отлично видели в алом свете далеких пожаров, подсвечивающих безоблачное, черное небо. Подобно хищному зверю, варвар следил за часовым, прикидывая, что делать дальше. Если этот солдат реагирует на шум в соседнем дворе... если он повернет кругом и отправится обратно через площадь, вместе того чтобы обходить ее по кругу... Брэк собирался убить его.

Но солдат неожиданно исчез в дверном проеме, над которым висел фонарь. Без сомнения, услышав шум в соседнем дворе, он наплевал на него с высокой колокольни. Видимо, он захотел выпить прохладного вина, прежде чем отправиться разузнать, что же все-таки случилось. Какой бы ни была причина, но часовой скрылся.

Оглядевшись, Брэк попытался прикинуть, мог ли кто-нибудь его увидеть. Наконец, решив рискнуть, он выскочил из тени и бросился к лестнице, ведущей в двухэтажное здание желтого цвета, расположенное напротив прохода.

Как он узнал, задавая Ксераху вопросы небрежным тоном, покои евнуха Оола располагались именно там. Нижний этаж здания занимали две дюжины прислуживающих колдуну розовощеких мальчиков. Никому другому в здание входить не разрешалось — так говорил Ксерах. Никаких исключений. Даже Правителю Магнусу.

Тяжело дыша, Брэк добрался до лестницы, ведущей к арке входа, скорчился у ее подножия, глядя вверх. Он ожидал увидеть часового у входа. Но никого тут не было.

Крепко стиснув рукоять меча, варвар стал подниматься по лестнице, стараясь, по возможности, приглушить лязг своей цепи. Но слишком мало у него было времени, чтобы соблюсти все необходимые меры предосторожности...

По-прежнему Брэк не имел четкого представления о том, что его ожидает. Может, ему повезет и он проникнет в личные покои Оола. Там он наверняка найдет доказательства измены колдуна. Но в чем конкретно они могут выражаться? Брэк и представить себе этого не мог. И все же он был убежден, что его подозрения верны. Поэтому он поднялся по лестнице, перепрыгивая через три ступени.

Когда варвар добрался до верхней площадки лестницы, то в сердце его неожиданно закралось сомнение. Может, положение Оола столь надежно и придворные так боятся его, что колдун не нуждается ни в какой личной охране? Однако Брэк почему-то не мог в это поверить. И все же, помня об опасности, грозящей Ксераху, он не стал останавливаться, чтобы поразмыслить над этим вопросом...

Добравшись до верхней площадки, Брэк сразу же свернул направо, к арке без дверей, где лениво покачивались тонкие занавеси. За ними, в глубине темных покоев, он различил таинственное белое мерцание. Оттуда до него донеслось таинственное и необъяснимое громыхание, от которого по спине варвара поползли мурашки.

Какой-то звук заставил Брэка стремительно обернуться.

Пораженный, он затаил дыхание, глядя на одного... нет, двух... о боги, трех пухлых мальчиков, поднимающихся из тени ограждения террасы. Сидели ли они там все время? Из-за спешки и темноты Брэк их не заметил.

Глаза мальчиков блестели. В них отражались огни горящего города. Один из мальчиков захихикал и, цапнув землю сандалией, шагнул вперед. Следом за товарищем вперед шагнули и двое других.

Троица сделала вперед еще один шаг. На лицах у них по-прежнему было веселое, полубезумное

выражение. «Может, они одурманены каким-то наркотиком?»

Настороженный, ожидающий атаки, Брэк немного успокоился. Жилище Оола на самом деле охранялось. Значит, колдуну было что скрывать.

Детским, лепечущим голосом обратился к варвару один из мальчиков:

— Никому не дозволенно входить и тревожить сон нашего господина.

— Мне кажется, вот это, — тут Брэк помахал гладием, — довольно веский аргумент, чтобы вы пропустили меня.

Из глубины покоев мага до него донеслось неестественно сильное гроыхание. Белокожие мальчики, взявшись за руки, стали смеяться над Брэком. Голоса у них были тонкими, женскими.

Мальчики были безоружными, но они смеялись над варваром!

Брэк отступил. Внутренности ему сжал страх. Трое мальчиков продолжали приближаться к варвару мелкими шажками, крепко взявшись за руки. Лица их вдруг запылали белым светом, похожим на тот, что исходил из глубин покоев.

Взор Брэка затуманился. Он заморгал. Нет, беда стряслась явно не с его глазами. Вокруг мальчиков расплылось облако тумана.

Мальчик, стоявший посредине, открыл рот и снова рассмеялся. И тут Брэк вздрогнул от ужаса. Он увидел, как рот мальчика стал расти. Он растягивался одновременно вверх, вниз и в обе стороны, становясь огромной, призрачной, чудовищной пастью с острыми, заточенными клыками, влажно сверкающими в полутьме. Каждый зуб был с голову Брэка.

Внезапно перед Брэком возникли три гигантских слюнявых рта. Все три рта тянулись к варвару, словно хотели сжать его череп и раздавить его...

«Колдовство! — подумал Брэк. — Морок! Мальчикам не нужно никакого оружия, потому что Оол наложил на них злые чары...»

Однако, судя по всему, пасти были совершенно реальными. Та, что находилась прямо перед варваром, потяну-

лась вперед и громко клацнула зубами, едва не отхватив левую руку Брэка.

Теперь Брэк не видел мальчиков. Перед ним стояла стена тумана, из которой высовывались три раздутые пасти. Огромные рты с розовыми губами, щелкающими зубами, гримасничающие и подбирающиеся все ближе, ближе...

Рот, находившийся слева, трижды лязгнул зубами, а потом из пасти метнулся вперед громадный змееподобный язык. Словно предвкушая пиршество, он облизал нижнюю губу. С кончика языка сорвался сгусток слюны размером с кулак...

Загипнотизированный Брэк едва расслышал звук справа от себя. Он резко повернул голову, как раз вовремя, чтобы заметить, как гигантский рот навис над ним. Челюсти с огромными зубами распахнулись во всю ширь, готовясь к смертоносному укусу.

Мысленно Брэк взвыл от страха. Однако внутренний его голос не смолкал: «Чары! Морок! Ты уже видел такое! Борись с ними...»

Стиснув обеими руками рукоять меча, Брэк каким-то образом нашел в себе силы броситься под смыкающиеся челюсти и ткнуть мечом в туман, насколько позволяли его скованные руки. Где-то в этих призрачных клубах молочного тумана его меч наткнулся на твердое тело.

Из тумана раздался человеческий вопль. Скрежещущий зубами рот, челюсти которого едва не откусили голову варвару, исчез. Два других замерцали и потускнели. Теперь сквозь туман варвар разглядел умирающего мальчика, растянувшегося на плитах террасы. Из его пронзенного горла хлестала черная кровь.

Один из ртов устремился к варвару. Но в этот раз Брэк ничуть не боялся. Он расставил пошире ноги и ткнул мечом в туман под чудовищным ртом.

И эта пасть тоже исчезла. Одновременно еще один страж вскрикнул от боли.

Осталась всего одна пасть. Но иллюзия ослабела. Сквозь ее мерзкий, громадный язык просвечивали огоньки звезд. Варвар перебросил меч в левую руку, вытянул

ее и убил третьего мальчика, притаившегося за щелкающими зубами...

Наваждение пропало. Осталось лишь три мертвых тела.

Хватая воздух широко разинутым ртом, Брэк стер пот со лба. Сердце у него стучало так сильно, что варвару казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Крики мальчишек-охранников наверняка разбудили спящего волшебника.

Брэк выглянул из-за каменного ограждения террасы, но увидел лишь одинокого солдата, снова равнодушно обходящего площадь. Единственные звуки, что услышал великан варвар, — шарканье сапог часового и странный, приглушенный грохот, исходящий из глубины дома колдуна.

Он нагнулся и коснулся рукой одного из своих жалких противников. Пальцы варвара стали липкими от крови. Нет, те ужасные рты не были настоящими. Осознание этого придало варвару смелости. Он повернулся и, сделав три шага, коснулся кончиком меча края одной из занавесок, приподнял ее.

В глубине покоев снова замерцал и заплескал сверхъестественный белый свет.

Брэк попытался разглядеть источник света. Тот, похоже, исходил из-за еще одной драпировки. Но наверняка этого варвар сказать не мог.

Он снова прислушался.

В доме стояла тишина. Где же Оол?

Если бы Брэк каким-то образом перебил злых мальчиков без единого звука, то колдун, наверное, мог бы и не проснуться. А может, их крики тоже были иллюзией? Эта мысль до такой степени придала Брэку храбрости, что он отважно шагнул за занавес. Откуда-то издалека снова донесся глухой гром.

По спине у Брэка поползли мурашки, когда неожиданно над самым его ухом раздался шипящий голос:

— Даже во сне я поддерживаю мысленную связь со своими защитниками. Видишь ли, они берут от меня часть колдовской силы. Когда они погибли, я проснулся. Я готов оказать тебе подобающий прием, любопытный чужеземец.

При последних словах невидимого Оола меч в руке варвара вспыхнул ярким пламенем. Брэк вскрикнул и выпустил оружие. Клинок взлетел к потолку, озарив на миг странным светом все помещение — великолепно меблированные покои. Потом меч раскалится добела. На пол стал капать расплавленный металл. Капли упали на деревянный мозаичный пол и прожгли в нем дыры. И тут Брэк еще раз увидел доказательства тому, что был прав. На левом запястье Оола варвар снова разглядел знак, который впервые увидел, когда ветер задрал рукава одеяний колдуна...

Знак этот больше напоминал опоясывающий запястье браслет-шрам. Некогда руку этого человека стягивал тугой браслет.

— Значит, ты пришел, чтобы погибнуть, — улыбнулся Оол. — Я тебя не разочарую...

Громадные невидимые руки, которые Оол создал всего лишь моргнув, приподняли Брэка и швырнули на пол. От удара в голове его загудело. Тело онемело от боли.

Бледный колдун медленно приблизился к тому месту, где, корчась, лежал варвар-великан. Чуть поджав губы, Оол поднял босую ногу и поставил ее на грудь поверженного гиганта. Правой рукой он сделал колдовской пасс.

На мгновение Брэку показалось, что на него обрушился вес целого здания. Варвар стиснул зубы, замотал головой из стороны в сторону, дико зарычал...

Но он не смог пошевелиться. Его удерживал магический вес мягкой, холодной и влажной ноги Оола. Брэк отчетливо видел белое лицо мага, непристойно сверкающее в свете, исходящем из недр здания. Колдун поднял левую руку, демонстрируя знак на своей коже.

— Именно это ты заметил, чужеземец? Ну... — Тут он равнодушно пожал плечами. — Посмотри напоследок.

Глава 8

Брэк лежал прижатый к полу осклизло-белой ногой, ощущая слабый зуд во всем теле. Боль от удара при падении стала меньше, но варвар по-прежнему не мог

двигаться. Придавил его не реальный вес, а одно из заклятий Оола.

Судя по тому, что Брэк увидел во вспышках белого света, то и дело озарявшего Оола, колдун явно наслаждался происходящим — веселился.

— Ты храбро сыграл свою роль перед Магнусом, тут я отдаю тебе должное. Но ты был заранее обречен. Считай это проявлением милосердия с моей стороны. Ведь это я предложил, чтобы тебе отвели два дня на совершение твоего несуществующего ритуала. Никто не сможет вызвать дождь в этой стране, потому что я собрал и удерживаю его.

Он плавно взмахнул рукой в сторону громыхающего источника света.

— Тебя подкупили Дети Тумана, — охнул Брэк.

— И они тоже, — согласился Оол. — Но в основном я делаю это для себя. Видишь ли, — тут белые губы растянулись в жестокой улыбке, — много лет назад Повелитель Магнус отнял у меня то, что невозможно возместить. Не собственной рукой, конечно. Но руку, совершившую это грязное дело, направлял он. Я бежал на запад в земли Шеда и несколько лет находился в обучении у чародеев. У меня, как я обнаружил, имелся природный талант... такой же, как у большинства людей. Наверное, даже у тебя. Но если этот талант не развивать и не учиться его использовать, он пропадает. Однако не будь я благословлен наличием такого таланта, то отыскал бы и другие способы отомстить. В любом случае, когда мое обучение закончилось, я вернулся ко двору Магнуса совсем другим человеком. Никто бы не узнал меня. В первую очередь я хотел завоевать доверие правителя. Не один год служил я ему верой и правдой.

— Пока не пришло время и не настал подходящий момент нанести ему удар в спину.

Оол кивнул:

— Ум у тебя поострее, чем у многих северян, которых я встречал. Ты умеешь последовательно мыслить — строить предположения, разгадывать загадки... Да, ты прав. Я ждал и поддерживал тайную связь с Детями Туиана. Я всегда призывал их подождать, пока они не соберут

достаточно большое войско... а правитель Магнус не состарится. Наконец час настал. — Оол поджал влажные губы, внимательно рассматривая своего пленника. — Через несколько недель, месяц или два... но скоро с востока нахлынут Дети Тумана. К тому времени у обезумевших подданных Магнуса не останется ни сил, ни духу сопротивляться. Мне кажется, что даже армия восстанет. Такова чудесная сила обычного дождя...

Брэк снова попытался вырваться. Но сверхъестественная тяжесть по-прежнему вжимала его в землю.

— Значит, это ты заставил небо потемнеть и наполнил хрустальных идолов кровью?

— Конечно, — улыбнулся Оол. — Будут и другие... э-э-э... демонстрации подобного рода, прежде чем я pošлю Детям Тумана свой последний сигнал. Увы, одну мою иллюзию ты разрушил. Думаю, ты сделал это, ударив цепью по одному из идолов. Я лежал вон там. — Колдун показал на скомканные простыни, распространявшие вокруг себя сладковатую вонь. — Находясь в состоянии транса, я мысленно творил иллюзию. И вдруг неожиданно я пробудился... То же самое произошло, когда ты убил моих мальчиков... Но довольно об этом, хотя тут ты проиграл, а я победил...

Колдун снова улыбнулся, увидев, как яростно засверкали глаза Брэка. Варвар снова попытался пошевелиться. Бесполезно. Босая нога прочно удерживала его на месте. Он мог лишь сжимать и разжимать кулаки.

— У тебя есть ряд качеств, достойных восхищения... Мне хотелось бы знать, что привело тебя в наше королевство? Вход в эти покои запрещен, даже правителю. Я давным-давно позаботился об этом, так чтобы меня никто не беспокоил, когда я буду заниматься своим... делом.

— Тебя выдал узор на запястье и то, что рассказал мне капитан Ксерах, — ответил Брэк.

Безволосые брови Оола дернулись. Новая вспышка света осветила лысую голову колдуна.

— Но когда же ты!.. На людях я прячу руки в длинные рукава.

— Вчера я следил за тобой, когда ты творил свои так называемые чары на берегу пересохшего канала. Когда

ты проезжал на колеснице мимо скал, где я прятался, ветер задрал тебе рукав.

Оола это искренне развеселило.

— Ничуть не сомневаюсь, что тебя, мой друг, изгнали твои же соплеменники. Никакой чародей мелкого пошиба не потерпит, чтобы человек с твоей наблюдательностью шпионил бы за ним.

— Но устроить такую засуху — далеко не спектакль.

— Я не устраивал засуху, — поправил Оол. — Я заточил дождь. Этому я тоже научился в Шеде. Потом я решил, что это превосходное оружие мне когда-нибудь пригодится. И вот время настало.

— Значит, ты будешь править Детьми Тумана, когда они захватят королевство Магнуса? — Брэк с трудом выдавливал из себя каждое слово.

Немного помолчав, Оол ответил:

— Не думаю. Я, несомненно, буду советовать им, что и как делать. Они станут прислушиваться к моим словам. Но и без моего руководства они победят. — Белое овальное лицо колдуна исказилось. — Я желаю только одного — свалить с трона заносчивого Магнуса!

— Он-то, по крайней мере, умрет мужчиной, — с трудом вдыхая воздух, пробормотал Брэк. — А вот тебе это никогда не удастся.

Бледное лицо Оола скривилось. Он почти по-женски завизжал, нагнулся и отвесил гневной рукой оплеуху Брэку. Удар получился резким, злобным, но огромный варвар не почувствовал его, так как случилось кое-что другое, более важное, ради чего он и произнес это оскорбление...

Вес, прижимающий Брэка к полу, сместился. Давление чуть-чуть уменьшилось. Все еще склонившийся над варваром, Оол стал легкой добычей. Если Брэк сможет достаточно быстро ударить...

Скованные руки Брэка приподнялись на дюйм. Еще на дюйм...

Нагнувшись, чтобы ударить Брэка по лицу, Оол ослабил силу, прижимавшую варвара к полу. Варвар смог немного передвинуться и, приподняв плечо, схватил колдуна рукой за левую голень и крутанул.

Напрягая все свои силы, Брэк сумел оттолкнуть потерявшего равновесие колдуна. Оол опрокинулся на спину, разметав полы льняного халата.

Падая, колдун задел табурет, опрокинул его, замахал руками и завопил. Брэк с трудом поднялся на ноги. Белый свет, исходивший из-за драпировки в глубине здания, омывал его огромное тело, перевитое канатами мускулов. Гулкий грохот прокатился по помещению, когда Брэк ринулся к занавесу и скрывавшейся за ним тайне.

За спиной варвара яростно визжал и нечленораздельно вопил Оол. Брэк ожидал, что его в любую минуту поразит колдовская молния, обуглит плоть на его костях, сожжет его тело. Страх подгонял воина...

Оол замер, приходя в себя после неожиданного падения. Брэк сжал мерцающую белым светом драпировку из грубой ткани. Варвар потянул. Звякнули кольца. Ткань порвалась.

С криком ужаса Брэк вскинул руку, закрывая глаза.

В нише на невысоком каменном пьедестале стояла колба из странного прозрачного стекла. Колба, закрытая пробкой, была не более четырех пядей в высоту. А внутри нее... внутри...

По коже у Брэка поползли мурашки. Во рту у него появился привкус желчи от ужаса. Варвар видел, как кружатся и кувыркаются в колбе миниатюрные грозовые тучи. Они двигались с невероятной скоростью, колотились о стенки стеклянной тюрьмы, переворачивались и неслись дальше. Крошечные молнии трещали и плавились в колбе, выплескиваясь на стенки неестественным огненным дождем...

Как сказал Оол: это были грозы небесные, магически заточенные в сосуд.

За спиной варвара раздался шум. Колдун с трудом поднялся на ноги...

Перепуганный чуть ли не до безумия, Брэк схватил ужасную колбу и услышал визг Оола:

— Не трогай ее!

Колба вибрировала в руке Брэка, испуская белый свет, грохоча раскатами заточенного грома. Колдун уже поднялся на ноги, и силуэт его четко вырисовывался на фоне

террасы, где лежали мертвые мальчики-стражи. Гибкие белые руки Оола поднялись. Чародей уже готов был произнести смертоносное заклятие...

И тогда варвар изо всех сил швырнул колбу о стену.

Оол, увидев летящую в него колбу, белую и громыхающую, начал бешено жестикулировать. Колдун попал в колбу и отбил ее. Но когда он понял, куда та полетела, то завопил еще сильнее.

Колба упала на пол.

Стукнулась о мозаику.

И разбилась...

Вспышки молний ослепили, а грохот грома оглушил Брэка. Сорвавшиеся с привязи ветры подхватили варвара, подняли к растрескавшемуся потолку, понесли его кувырком и швырнули о стену. Закрутившиеся в воронку ветры устремились в небо...

Смерч бросил Брэка через слепящую белую тьму, лишив чувств. Но перед тем, как перед глазами Брэка потемнело, он услышал последний вопль Оола, потонувший в реве свирепого проливного дождя.

Глава 9

Окровавленный и едва ощущая свое тело, корчась от боли, но не выпуская из рук голеней обмякшего тела колдуна, варвар отправился на поиски Правителя Магнуса.

Найти его оказалось нетрудно. Барабаны гремели. Пронзительно выли трубы. Радостными, почти истерическими голосами вопили и пели горожане, пока варвар, хромя, тащился по длинному пустынному коридору, в котором не горел ни один факел. Их задул могучий порыв ветра, вместе со струями дождя ворвавшийся в высокие стрельчатые окна.

Зашатавшись, Брэк упал на колено. Он выпустил голеней Оола, прижал ладони к векам, борясь с болью.

Брэк очнулся в покоях колдуна и обнаружил, что половина потолка исчезла. Обломившаяся балка раздавила череп Оола...

Протасив мертвого чародея по коридору, Брэк заметил кровавый след, протянувшийся за ними...

Очнувшись же, Брэк с удивлением обнаружил, что его завалила куча обломков. Все тело его было покрыто синяками, порезами и, судя по боли, левая нога варвара могла оказаться и сломанной.

Большая часть мальчишек Оола разбежалась, увидев, что их хозяин мертв.

Брэк выкарабкался из-под обломков. Потолка и второго этажа у жилища колдуна теперь не было. Вырвавшиеся на свободу ветры уничтожили его. А теперь страну заливал дождь. Огромные капли барабанили по крышам дворца. Варвар протасил мертвого Оола по пустым площадям и дворам...

Впереди коридор резко поворачивал. Стиснув голеней трупа, Брэк, спотыкаясь, побрел дальше. Когда он проходил мимо окон, его омыло холодным душем дождя.

Наконец, борясь с болью в левой ноге, Брэк добрел ко входу в огромный зал и остановился.

В зале к тому времени собралось не меньше тысячи человек. Они все бурно ликовали. Были вскрыты бочки с вином, и многие придворные лежали под красными струями вина, купались в них. Другие вопили и плясали: стражники и дворяне, дамы и горничные — все без разбора.

И тут одна девушка в мокрых от вина одеждах увидела сгорбившегося в дверях Брэка.

Веселье в зале разом прекратилось. Все головы повернулись в сторону варвара. Челюсти придворных отвисли.

Словно какой-то могучий раненый зверь, варвар поволок свою жертву дальше по длинному проходу, открывшемуся в толпе, к подножию трона, где восседал Повелитель Магнус с чашей в руках.

Снаружи в темной ночи барабанил и стучал дождь. Лицо Магнуса сморщилось от недовольства, когда он увидел грязную, окровавленную фигуру варвара, тащившего за собой труп.

Остановившись у подножия трона, Брэк поднял голову.

— Так это ты вызвал дождь... ценой жизни моего чародея? — спросил Магнус так, словно не мог одобрить убийство. По толпе пробежал удивленный ропот, но он стих, когда правитель поднял руку.

Вначале Брэк лишь кивнул головой, а потом, собравшись с силами, проговорил:

— Я лишь освободил то, что твой вероломный маг заточил в колбе. Он хотел погубить это королевство. Много...

На мгновение Брэку показалось, что на троне сидят три Магнуса. Потом их осталось двое. Варвар протер глаза. Ему пришлось напрячь все свои силы, чтобы не упасть.

— Как я слышал, много лет назад один солдат ограбил покои твоей жены и сбежал. Но прежде копье одного из твоих капитанов ранило его... Посмотри на руку чародея, которую он всегда прятал от тебя... от всех... с первого дня, как снова прибыл к твоему двору. Он некогда носил твой колдовской браслет. Сорви с него набедренную повязку... — Брэк-то уже проделал это, чтобы проверить свои подозрения. — Копье, поразившее Оола в темноте, лишило его того, что не желает потерять ни один мужчина...

Варвар покачулся, почувствовав головокружение, когда солдаты и придворные бросились вперед, чтобы раздеть труп и выставить на всеобщее обозрение бесполоую, обезображенную промежность Оола.

Какая-то женщина упала в обморок. Льяную повязку быстро вернули на бедра колдуна.

Правитель Магнус долго с удивлением и ненавистью смотрел на труп. Тогда Брэк, превозмогая боль, снова заговорил:

— Он сбежал в страну Шед и там обучался колдовству. А потом он вернулся и втерся к тебе в доверие под именем Оола. Не один год состоял он в сговоре с Детьми Тумана, ожидая своего часа для...

Тут Брэк прервал свой рассказ, согнувшись вдвое в приступе кашля.

— ... для того, чтобы свергнуть тебя. Если хочешь, я расскажу всю историю поподробнее... но в более подходящее время. — Серdito глядя, он посмотрел направо,

потом налево, но не увидел того, что искал. — А где капитан Ксерах?

— В темнице. Его растянули на дыбе за то, что он позволил тебе сбежать.

— Я ударил его совершенно неожиданно. У него не было возможности помешать мне. Отпустите его.

Молчание.

— Я сказал отпустите его!

Повелитель Магнус сделал знак. Два старших офицера бросились к дверям, тогда как Брэк продолжал:

— Прежде чем уйти, я объясню, как уничтожил человека, который непременно сверг бы тебя, Повелитель. Но мне нужно твое решение...

На Брэка снова накатил ужасный, болезненный приступ головокружения. Боль поднялась по левой ноге и торсу. Варвар напряг раненую левую ногу, вонзил ногти себе в ладонь. Новая боль привела его в чувство.

— Ты помнишь, что пообещал мне, если через два дня и две ночи пойдет дождь? Ты сказал мне, что освободишь меня.

Неожиданно на маленьком, иссеченном шрамами личике Повелителя Магнуса появилась улыбка. В тишине, которую нарушал лишь шорох дождя, Повелитель объявил:

— Варвар, ты плохо меня расслышал. Я сказал так: ты не умрешь и цепи носить не будешь. Я никогда не говорил, что освобожу тебя. На самом деле я никогда не собирался этого делать... и точно подбирал слова, когда вел с тобой переговоры. Мне всегда были нужны крепкие, быстро соображающие воины — отныне и впредь ты один из них. Вместо цепей ты будешь носить бронзовый браслет, какие носят воины моей армии.

Глава 10

Неожиданно Брэк возмущенно завопил:

— Да проклянут тебя боги за обман! Я сбегу!

Глядя на своего нового раба с едва скрываемым восхищением, Повелитель Магнус ответил усталым, довольным кивком:

— Хорошо. Но я этому помешаю...

Брэку было все равно, почему Повелитель Магнус обманул его и решил заполучить себе на службу. Он лишь чувствовал страшную боль, и ненависть переполняла его сердце. Лица, фигуры, свет факелов, укрепленных в кронштейнах...

Почувствовав свое бессилие, варвар запрокинул голову и издал долгий, лающий вой звериной ярости.

Рванувшись вперед, он попытался взобраться по ступенькам трона, дотянуться до своего пленителя. Но Брэк слишком ослаб. Он упал на спину, растянувшись на труп Оола.

В зале неожиданно воцарилась тишина, нарушаемая только шорохом дождевых капель. Правая рука потерявшего сознание варвара соскользнула с плеча мертвого мага и ударилась об пол. Последний раз тихо лязгнула цепь...

Руна 6

СОКРОВИЩА КОЛДУНА

Глава 1

Весь день, несмотря на холод и мокрый снег, хлеставший по лицу, Брэк гнал краденого коня все выше и выше в горы, в сторону дальнего перевала. Сам перевал он уже не видел: снежная буря скрыла от варвара горный кряж, сквозь который тот проходил словно прорубленный ударом топора. Но Брэк упрямо двигался вперед, хотя от холода у него уже давно стучали зубы и он буквально валился с ног от усталости после шестидневного перехода без еды и почти без отдыха.

— Шевелись, приятель, — торопил он усталую лошадку. — Здесь не место отдыхать. Если повезет, то уж там, за перевалом, у нас будет вдоволь времени для отдыха и еды.

Этот перевал был последним шансом Брэка. Перейдя его, он пересечет границу владений Повелителя Магнуса и будет вне досягаемости всеильного владыки, в войске которого он прослужил почти год, хотя и против своей воли. Так, по крайней мере, растолковал ему старик, которого три дня назад Брэк подкупил на вонючем постоялом дворе, где остановился на ночлег.

Чтобы добыть эти сведения, Брэку пришлось раскошелиться и отдать старику свои последние диншасы. Как и большинство подданных Магнуса, старик вначале напрочь отказался говорить с незнакомцем о чем-либо, кроме погоды. Но стоило им сговориться в цене, как язык у старика сам собой развязался и он выложил ему все, что нужно, и даже нарисовал

примерную карту местности с кратчайшим маршрутом до перевала.

Поначалу карта сослужила Брэку хорошую службу, но теперь, впиваясь коленями в бока измученного животного, облепленный снегом, слепящим глаза, он был совсем не уверен, что беззубый бродяга не надул его. Местность была не похожа на изображенную на карте, и варвара мучили предчувствия. Ему казалось, что он сбился с пути...

Это был унылый край.

Со всех сторон высились неприступные и уродливые утесы. Хотя метель и улеглась, вершины гор заволокли тяжелые снеговые тучи. По словам старика, временами в горах свирепствовали такие яростные бури, что путешествовать становилось невозможно... По-видимому, сейчас и было начало такого периода.

На востоке, как еще раньше заметил Брэк, вершины гор смыкались в почти сплошную неприступную стену. Если верить рассказам солдат из войска Магнуса, Горы Дыма — место, где родились древние боги. Лишь немногим довелось узнать о том, что находится там, к востоку от этого могучего природного барьера, и, уж конечно, никто об этом не болтал лишнего, разве что в запале жесточайшего спора. Как утверждала молва, там жили волшебники, но кто же в своем уме станет упоминать имя мага без веской на то причины?

Около полудня Брэк пересек границу леса и теперь взбирался вверх по горной тропе, выющейся среди огромных валунов. Он понимал, что прежде, чем добратся до самого перевала, скрытого за разыгравшейся снежной бурей, ему придется побывать в самом сердце Гор Дыма. Это была невеселая перспектива, что и говорить, но варвара гнали вперед желание обрести свободу и боязнь встречи со слугами Магнуса. За время службы он насмотрелся на мучения схваченных дезертиров, которые могли длиться по нескольку дней, пока казнь не освобождала несчастных от невыносимых страданий.

Внезапно его внимание привлек тонкий протяжный звук, прорывавшийся сквозь шум отдаленной бури. Он звучал всего мгновение, потом прекратился, но через мгновение возник опять.

— Неужели у меня начинается лихорадка? — пробормотал варвар. Он понимал, что из-за сырости и грязной воды, которую он вынужден был пить, ему не миновать болезни. Брэк ударил себя ладонью по почти отмороженному уху, но от этого завывание не прекратилось. Порывы ветра то удаляли, то приближали его. Тогда варвар снова хлопнул себя теперь уже по другому уху, да так сильно, что сосульки, выросшие на его свисающей по спине желтой косичке, звонко зазвенели и отвалились. Все напрасно: звуки стали явственнее и пронзительнее, и Брэк понял, что ему это не чудится, а действительно неподалеку кричит человек.

Вот уж где Брэк никак не ожидал встретить еще кого-нибудь. Но как бы там ни было, это был, вне всяких сомнений, настоящий человеческий крик. И вряд ли это был дозорный Магнуса, так как звуки раздавались впереди него.

Он проворчал, что в его положении ему лучше не совать нос не в свои дела, но потом только пожал плечами.

— Поторопись, дружок, — буркнул он своей тудяге лошадке и еще сильнее сжал коленями ее бока.

Буря несколько приутихла, но неизвестно откуда взявшийся снег снова запорошил глаза, мешая обзору местности. Следуя по тропинке, которая в этом месте делала крутой поворот, Брэк обогнул большой валун, не снижая скорости, пронесся по скользкой корке льда и выехал на открытое место, смутно видневшееся впереди.

Его прохудившийся плащ из неплотной серой ткани колоколом раздулся у него за плечами, а полы его дешевой туники, надетой поверх набедренной повязки из львиной шкуры, хлопали на ветру. Косица и хвост львиной шкуры болтались за спиной. Брэк взобрался на пригорок, а потом предпринял рискованный спуск по обледенелому склону.

Неожиданно он оказался в западне, образованной горами. Ветер тут стих. Брэк увидел, что находится в довольно обширной чашеобразной котловине, со всех сторон окруженной отвесной стеной скал. На дальнем крае ее металась какая-то странная человеческая фигура. Она прыгала из стороны в сторону и отчаянно размахивала руками. До варвара долетели истошные крики до смерти напуганного человека. Одновременно до него донеслось какое-то непонятное и от этого еще более пугающее клацанье и щелканье. В этих звуках не было ничего человеческого.

Сжимая одной рукой рукоять меча, Брэк другой натягивал поводья, чтобы сдерживать напуганную лошадь. Когда лошадь, скользя по льду, наконец остановилась, варвар увидел, что размахивающее руками привидение — женщина.

Она бежала вперед странными зигзагами, выбирая дороги между камнями необычной округлой формы, которыми было усеяно все пространство долины. Чтобы не упасть, она отчаянно размахивала руками, а ее распущенные волосы метались у нее за спиной из стороны в сторону. При этом она что есть силы вопила.

Брэк пришпорил лошадку и пустился навстречу незнакомке. Как только он сделал это, клацанье усилилось. Звуки раздавались со всех сторон: клац-клац-клац! Внезапно кобыла варвара громко заржала и в страхе отпрянула назад.

Варвар посмотрел себе под ноги и содрогнулся от ужаса. Небольшого размера бурый камень прямо у него на глазах раскололся надвое. Края трещины раздались вширь, и каменная морда вдруг оскалилась на него острыми осколками-зубами.

За время своих странствий по белу свету Брэк много чего повидал, и его трудно было чем-либо удивить или напугать. Но чтобы камень оживал и бросался на тебя в атаку с оскаленной пастью — такого он еще никогда не видел!

Бедняжка лошадь споткнулась и заскользила по льду. Брэк пытался спасти положение, переместив вес на одну сторону, но было слишком поздно. Одна нога лошади

оказалась рядом с широко раскрытой пастью ожившего валуна. Каменные зубы вцепились в копыто, раздался ужасный треск смыкаемых челюстей и в следующее мгновение как ножом срезанный кусок ноги откатился в сторону, а из раны ручьем хлынула кровь. Животное дико взвизгнуло и встало на дыбы.

Брэк съехал набок, едва успев выпутаться из поводьев. Он с грохотом свалился на землю, так и не выпустив из руки рукояти меча. Придя в себя, он увидел, что его лошадь лежит, завалившись на бок, и отчаянно дрыгает оставшимися тремя копытами, а к нему со всех сторон катятся, перемещаясь боком, как крабы, и клацающая челюстями, эти жуткие валуны.

Варвар рванулся к лошади, но в это время снова слышался вопль женщины. Он повернулся в ее сторону, и это чуть не погубило его. Что-то тяжелое навалилось ему на ногу. Отпрыгнув назад, он едва успел увернуться от камня, отвратительные челюсти которого чуть было не сомкнулись у него на лодыжке.

Брэк отскочил на несколько шагов назад. Камни-перекатыши сгрудились у беспомощно лежавшей лошади: повсюду раздавалось клацанье и щелканье челюстей, вгрызающихся в тело жертвы. Лошадь дико визжала от боли, и кровь струилась из множества ран.

Взревев от ярости, Брэк ринулся вперед. Он перемахнул через несколько камней, хищно очерившихся на него своими каменными зубами. Вонзив меч в шею лошади, он направил его острие прямо в мозг бедного животного. Лошадь дернулась в предсмертной судороге и с благодарным стоном затихла.

В то же самое мгновение Брэк почувствовал, как острые зубы твари скребутся о толстую кожу его солдатского сапога. Он стремительно повернулся на месте и ударил камень мечом, вонзив его прямо в оскаленную пасть. Внутри валун оказался мягким и пористым, как губка, и меч Брэка легко прошел его насквозь. Отчаянно сжимая и разжимая челюсти, валун откатился назад и развалился надвое. Струя смрадного желтого пара вырвалась наружу из его распоротого чрева. Этот валун лежал недвижно, зато другие перекатыши стягивались к нему

со всех сторон, хрустя и треща челюстями. Наталкиваясь друг на друга, перекачиваясь через труп пони, они двигались на Брэка.

Глава 2

С лицом, искаженным яростью, Брэк высоко подпрыгнул и, приземлившись на четвереньки, оказался на некотором расстоянии от лязгающих челюстями камней. Увернувшись от столкновения с ближайшим из них, он устремился к месту, где в последний раз видел женщину.

Она рухнула прямо в канаву, образованную ручейком, протекавшим по долине, разбив при падении тонкую корку льда, и теперь лежала лицом вниз, неловко поджав под себя одну ногу. Подол ее деревенского платья намок. Она, по-видимому, была без сознания. С десятков камней катились со всех сторон в ее сторону. На бегу Брэк заметил еще один полуобглоданный труп лошади. Вокруг и на самом скелете сидело несколько валунов. Нестройный хор их жующих челюстей был слышен издали. Брэк прибавил ходу.

Один камень был уже у самой кромки воды, подкачившись к вытянутой ноге женщины. Брэк, не мешкая, рубанул его своим мечом, но валун, вовремя уловив направление удара, чуть сдвинулся в сторону, и клинок со звоном отскочил от его каменной поверхности.

Сила удара оказалась такова, что одна нога у Брэка подвернулась и, потеряв равновесие, он свалился на одно колено прямо в воду. Это послужило знаком для других камней немедленно придвинуться к нему вплотную, окружив его со всех сторон.

Быстро вскочив на ноги и найдя нужную точку опоры, Брэк крепко сжал обеими руками рукоять меча, а затем, издав боевой клич, которому научился у своих отцов в диких степях севера, бросился на врагов, рубя и круша их отвратительные морды с такой силой, что звон ударов его клинка и треск раскалываемых камней был слышен по всей округе.

На долину спустились сумерки, и Брэку стало труднее различать каменные морды своих врагов. Перекачавшись не переставали атаковать, и варвар с хрустом переламывал им челюсти, работая мечом направо и налево, рубя по зубам, протыкая глотки и вспарывая внутренности. Ярость красной пеленой застилала ему глаза.

Он видел, что валуны, боясь воды, не переступают границу ручья, но это не остановило Брэка, и он не отступал ни на шаг, а наоборот, выйдя из воды на берег, стал теснить врагов на их собственной территории.

Наконец, изнемогая от страшной боли в мышцах, он опустил оружие. Вытерев обе стороны меча о прибрежный песок, он принялся изучать урон, который нанесла его клинку эта битва. Приглядевшись, он увидел, что меч, хоть и был весь в зазубринах, для дела еще вполне мог сгодиться. Страхнув сосульки с бороды и бровей, он вперил мрачный взгляд в темноту сгущающихся сумерек.

Чужая лошадь и его кобыла теперь уже были двумя грудями белых костей. Камни, насытившись кониной, дружно отступили. Их пасти больше не показывали своего оскала. Варвар наблюдал, как последний из них скрылся из виду, откатившись в сторону ближних утесов, которые уже были еле видны из-за опустившейся вечерней мглы и вновь начавшейся метели.

Он оглядел неподвижно лежавшие поблизости валуны. Они не подавали никаких признаков жизни, и их разрушенные округлости ничем не напоминали зубастые морды, которыми они были всего минуту назад. Было непостижимо, как эти безобидные камни могли так легко превращаться в чудовищ. От этой мысли Брэк внутренне содрогнулся. Потом, переведя дух, тяжело вздохнул. И в этот момент он услышал слабый стон.

Женщина пришла в себя.

Она лежала на боку прямо в воде и не отрываясь смотрела на него. Она шарилла рукой по земле, когда перехватила устремленный на нее взгляд Брэка. Варвар

попытался изобразить на замерзших губах что-то вроде улыбки, но это не возымело на незнакомку никакого действия. Девушка, видимо, была еще в шоке.

Уже стемнело, но он смог рассмотреть, что у незнакомки светлые волосы и красивые формы тела под намокшей и заляпанной грязью накидкой. Смуглая кожа и черные глаза выдавали южанку, и, если бы не затравленный взгляд и страх, ее можно было бы даже назвать красивой.

Протянув руку, Брэк неуклюже потянулся к ней, но она даже не пошевелилась. Только смотрела на его растопыренные пальцы широко раскрытыми глазами.

— Моя лошадь мертва, да и твоя тоже, — сказал он. — Нам надо найти где укрыться.

Механически он перевел взгляд на груду костей — все, что осталось от его кобылы, — и его сердце наполнилось печалью. Все эти дни лошадка оставалась его единственным другом и надеждой. Варвар рассчитывал на переход через Горы Дыма.

Но в следующий момент все внимание Брэка было вновь приковано к девушке. Он видел, что у нее начинается истерика. Пытаясь придать голосу мягкость, он снова протянул ей руку:

— Не бойся. Я тебе не сделаю ничего плохого.

— Это Гарр тебя подослал! — крикнула девушка, отшатнувшись от варвара и стуча зубами от страха. — Я знаю, ты заодно с ними. С повелителем Гарром и магом Валоником!

— Я не с ними, а с тобой сейчас, — с досадой ответил Брэк. — И вставай, пожалуйста, иначе мы здесь оба замерзнем.

Видя, что девушка не реагирует, Брэк с решительностью засунул меч за пояс и нагнулся, чтобы поднять незнакомку силой. Поначалу она не давалась, но, когда он бесцеремонно взвалил ее на плечо, она прекратила всякое сопротивление.

«Вот уж не повезет, так не повезет, — подумал варвар, с трудом карабкаясь по заснеженной тропинке. — Остался без лошади, а тут еще тащи на горбу бабу, у которой ум за разум заходит. Все ей вокруг волшебники

мерещатся. Нет, видно, древние боги, обитающие в этих местах к востоку от границы известного людям мира, решили сыграть надо мной злую шутку. Они, наверное, поспорили между собой, что не дадут мне выбраться из этих гор».

Затем, задумавшись над словами незнакомки, Брэк снова нахмурился. Но если ее обвинение в том, что он заодно с магом, не пустой бред; может, она и вправду знает больше, чем кажется на первый взгляд. Брэку доводилось слышать легенды о том далеком времени, когда духи земли были повержены богами древности, которые заковали их в цепи и заточили в горах, навсегда запретив им проявлять свое бесовское желание отведать крови жизни. Поговаривали, правда, что только колдуну дана была сила на время освободить их от цепей с помощью особых заклинаний, хотя ни одному из волшебников, попадавших на пути Брэка, не удавалось сделать этого.

Но что это должен быть за волшебник, который мог выпускать их темные силы на волю, действуя на расстоянии? И если такой маг действительно существует, то какой бедой это может обернуться для одинокого странника?

Преодолевая усталость, Брэк продолжал взбираться вверх по откосу. Только к самой ночи ему удалось подыскать подходящую пещеру.

Глава 3

У Брэка все еще оставалось в сумке несколько кусков сушеного мяса, и он поделился ими с девушкой. Она сидела и молча жевала один из этих кусков, изредка со страхом поглядывая на варвара. У нее были странные глаза с опаловым мерцанием.

Ему удалось набрать вязанку хвороста, наломав веток чахлого кустарника, растущего на этих высотах, и кроме того, в глубине этой пещеры он обнаружил кучу старого мусора, который, по-видимому, служил ложем жившему здесь когда-то животному. Свалив все это в углу пещеры

и запалив огонь, он на время изгнал из нее мерзостную сырость, хотя, сгорая, древесина издавала ужасную вонь. Сейчас он сидел на корточках напротив девушки и смотрел, как блики пламени играют на ее обветренном лице.

«Ей, наверное, не больше двадцати», — прикинул он, хотя на вид, из-за своей нервозности и напускной суровости, она выглядела старше. Она вздрагивала от любого звука, идущего снаружи, а когда было тихо, все время к чему-то прислушивалась.

— У тебя все платье мокрое. Лучше сними его, — посоветовал он.

— Нет, — вскрикнула она, доедая последний кусок мяса, и в ее глазах промелькнуло выражение ужаса. — Ни за что!

Он пожал плечами:

— Хочешь упрямиться — твое дело. Но это глупо. Я не собираюсь приставать к тебе. Особенно в такую холодину.

Он ободряюще улыбнулся, но на нее это не подействовало.

— Ты же варвар, — сказала она, словно в этом было все дело.

— Да, так меня называют, ну и что? Кстати, меня зовут Брэк.

Желая как-то разрядить ситуацию, он стал рассказывать ей о себе, начав рассказ со своего рождения в диких северных степях. Потом он рассказал ей о том времени, когда решил искать счастья в теплых краях Курдистана, далеко от родных мест. Он вытянул свою огромную ручищу и показал ей рубцы, оставшиеся на месте, где кузнец за мзду разрубил ему железный наручник, полагавшийся всем солдатам армии Магнуса.

— Целый год ушел на то, чтобы вырваться из солдатчины, но я это сделал. И вот я здесь, а где — не знаю, — грустно закончил он и, скрестив руки на груди, попытался улыбнуться. — Ну а ты, может, расскажешь что-нибудь о себе?

После некоторого колебания она кивнула в знак согласия:

— Меня зовут Нари.

— Ну что ж, неплохо для начала. А откуда ты родом, Нари?

При воспоминании о родине лицо ее помрачнело.

— Я из королевства Гильгамаш, что находится во многих лигах к западу отсюда.

— Я слышал о Гильгамаше, но побывать там не довелось.

Она крепко обхватила колени руками, словно защищаясь от кого-то невидимого. Ее снова охватил озноб: тепла костра явно не хватало, чтобы высушить ее мокрое платье.

— Вот и хорошо, что не довелось. Потому что там живут одни негодяи. Они на все готовы, чтобы ради собственной выгоды...

Она оборвала себя на полуслове, но он сделал жест, как бы прося ее продолжать.

— И что же привело тебя сюда, в пасти этих клыкастых камней?

При этих словах она вздрогнула и изменилась в лице.

— Боже! Я и охнуть не успела, как моя лошадь пала и твари окружили меня.

И она несколько наигранным и рассчитанным на эффект жестом закрыла лицо руками.

Брэк подождал, пока не улечутся неприятные воспоминания, а затем сказал уже более твердым тоном:

— Нари, я по натуре человек спокойный. Но мне очень не нравится, когда мне дурят голову. Мне это кажется несправедливым. Вот то, что ты не хочешь отвечать на мои вопросы, — это несправедливо. Можно было бы по крайней мере объяснить мне, что делает в Горах Дыма одинокая девушка вроде тебя. Тебе знаешь, почему я здесь, — я спасаюсь бегством, и знаешь что мне надо добраться до перевала и найти дорогу на юг, — сказал он, и взгляд его посуровел. — А почему ты здесь, Нари?

— Я тоже спасаюсь бегством, — чуть слышно прошептала она.

— От того волшебника? — спросил Брэк. — Который даже на расстоянии может вселять демонов в камни?

— Да, это Валоник, — сказала она. — И ему ничего не стоит оказаться здесь. — Она снова содрогнулась от страха, но потом отрицательно покачала головой: — Нет, я спасаюсь от Гарра. Он называет себя повелителем Гильгамаша, а на самом деле всего лишь незаконнорожденный сводный брат настоящего правителя, который ныне правит страной. Гарр на год старше его и поэтому считает, что у него больше прав на трон. А Валоник у него в услужении, хотя не знаю почему. Я отправилась в Горы Дыма, потому что поверила Гарру.

Внезапно в голосе девушки появились новые, гневные нотки. Она пододвинулась к огню, и лицо ее оживилось.

— У меня есть тайна, варвар. Она досталась мне, когда я была еще ребенком. Все эти годы нищеты и лишений — годы, проведенные в жалких лачугах, всего на шаг от грязных лап рабовладельцев, — все эти годы я берегла свою тайну как зеницу ока. Но вот появился Гарр с его планами захватить власть, и я рассталась с ней, предложив ее в обмен на обещание сделать меня королевой, когда он сядет на трон. Я отправилась сюда с ним и Валоником, ибо только он может сделать видимыми знаки, которые мой отец...

Девушка осеклась на полуслове, но потом быстро, как бы подгоняя себя, заговорила снова:

— Гарр глуп. С помощью моей тайны он мог бы легко переманить на свою сторону войско и захватить трон силой. Но он солгал мне. Он думал, что я уехала вперед, но я тайком вернулась к тому месту, где они совещались с Валоником, и услышала, как они насмеются надо мной — простой девчонкой с улицы, вздумавшей стать королевой. Я сбежала от них за ночь до того, как секрет мой должен был раскрыться полностью, сбежала вперед по той же дороге...

Здесь она остановилась, и Брэк увидел, как сверкнули ее глаза, что навело его на размышления, которые были такими мрачными, что его рука сама собой потянулась к рукояти его громадного меча.

— Так, значит, Гарр и его маг гонятся за тобой, чтобы выведать твою тайну. И может, они уже где-то поблизости?

— Да, — ответила девушка, и глаза ее снова наполнились ужасом.

Брэк тихо обругал себя за то, что теряет время в пустых разговорах. Затем он поморщился: в такую бурю, да еще без коня, ему все равно далеко не уйти.

— Сколько у них бойцов?

— Трое. Все — разбойники и убийцы, сбежавшие из армии.

«Пятеро против одного, да еще один из них волшебник, а я без коня», — прикинул Брэк.

Шансы были явно не в его пользу. Конечно, если девушка не лжет.

— А что это за тайна, из-за которой они за тобой гонятся, Нари?

Лицо ее приняло подозрительное выражение.

— Цена ей — трон, варвар. А у тебя его нет. Так что тебе она не пригодится.

Брэк снова выругался про себя, но настаивать не стал. Ее ответ мог быть вызван либо честолубием, либо желанием пустить пыль в глаза. Девушка решила приврать, чтобы набить себе цену. Варвар подцепил веткой последний ошметок мяса из углей и принялся медленно жевать его. Потом поднялся на ноги и с хрустом в костях потянулся.

— Ну хорошо, — сказал он. — Тебе лучше поспать немного. Но вначаленими свою мокрую робу и высуши ее. Вот, возьми, наденешь взамен.

Брэк отстегнул свой серый плащ и бросил его девушке.

Вначале она отрицательно покачала головой, отказываясь от предложения северянина. Пара полурастаявших сосулук упали с ее волос прямо на руку, и девушка долго смотрела, как они тают у нее на ладони. Наконец, подняв глаза на Брэка, она устало и покорно кивнула, выражая согласие:

— Ладно. Но ты должен будешь выйти.

— Как хочешь.

Ее показная скромность показалась Брэку фальшивой, но у него не было желания спорить с девушкой.

— Только не думай, что ты мне этим делаешь огромное одолжение, — сказал Брэк и, круто повернувшись, так

что хвост его львиной повязки взметнулся в воздух, прошел к выходу из пещеры. Вдыхая колючий ночной воздух, он спустился вниз по склону. Буря на время улеглась, и небо над головой прояснилось, хотя вдаль у самого горизонта снова собирались грозовые тучи. Бездонная мгла ночного зимнего неба возвышалась над ним темным куполом, тускло освещенным тонкой полоской луны да яркими точками далеких звезд.

Видимо, ее версия соответствует истине, решил он. Камни-кусаки наверняка были ловушкой и вряд ли предназначались для варвара. Стало быть, по пятам за девушкой действительно гонится могущественный чародей и рвущийся к власти претендент на трон. Парочка, что и говорить, не из тех, с кем ему хотелось бы встретиться на дороге. Перспективы представлялись более удручающими, чем казалось еще час назад.

Взгляд Брэка устремился вверх смутно виднеющегося входа в пещеру на восток, где поднимались мрачные и неприступные Горы Дыма. Ему показалось, он видит в них темный проем перевала, до которого ему предстояло добраться. Видимо, карта старика не врал.

Слева от ущелья, в месте, которое было до этого скрыто разыгравшейся бурей, высилось странное темное нагромождение камней. Оно выделялось на белом фоне, образованном массивами ледникового льда. Луна, выскользнув из-за туч, осветила на миг его своим бледным сиянием, и на Брэка глянула безглазая и безногая морда гигантского человеческого черепа.

Или это снова его воображение играет с ним шутки, порождая миражи? Варвар снова содрогнулся. Решив, что прошло достаточно времени, чтобы девушка могла переодеться, он повернулся и стал карабкаться назад к пещере.

По-видимому, либо он не рассчитал время, либо девушка промедлила, но когда он приблизился ко входу в пещеру, то увидел, что Нари, стоя спиной к нему, занята тем, что раскладывает на теплых камнях свою

промокшую одежду. Спина у нее была красивая, и Брэк, как мужчина, сразу оценил это, скользнув взглядом по ее изящным формам. Однако то, что открылось ему в пламени костра на смуглой спине девушки в следующий момент, заставило Варвара широко раскрыть глаза от удивления. Он все еще стоял у входа, глядя на нее, когда Нари грациозным движением подняла с земли плащ и, обернув им плечи, скрыла от его взгляда свою тайну.

Брэк бесшумно отошел от входа и снова приблизился к пещере, теперь уже шумно кашляя и шаркая ногами. Когда он вошел в пещеру, Нари, съехившись, сидела у стены, с тревогой следя за каждым его движением.

— Снаружи страшный холод, и не видно никаких всадников, — сказал он. — Может, Повелитель и его маг повернули назад?

— Нет, — уверенно ответила девушка. — Они найдут меня. А то, что не слышно стука копыт, еще ни о чем не говорит. Я же сказала, что у Валоника есть другие способы передвижения. Его зеркало...

Тут она снова осеклась.

— Демон тебя возьми, ну хоть раз бы ты до конца договорила! Твои странные недомолвки могут взбесить кого угодно.

Впервые Нари, похоже, приняла слова варвара близко к сердцу.

— Извини меня, Брэк. Гарр и ему подобные очень плохо со мной обращались, и это не могло не оставить свой след. Я не хочу, чтобы ты подумал, что я тебе не доверяю. Наоборот, я тебе очень благодарна за то, что ты сделал для меня. Но я думаю, что лучшей благодарностью тебе будет, если я не стану делиться с тобой той тайной, из-за которой Гарр и Валоник идут по моему следу, — закончила она с виноватой улыбкой. — А теперь разреши мне поспать немного.

— Спи, — ответил Брэк. — Спокойной ночи.

Варвар взял меч и пошел к выходу, решив, что стоит подежурить. Он встал у входа и огляделся вокруг, скользя взглядом от дальних звезд к видимому участку дороги.

Мысли его вернулись к загадке, которую задала ему девушка, спящая сейчас в пещере.

Дело было в том, что вся спина у нее, от затылка до поясницы, оказалась испещрена странными знаками. Окрашенные в разные цвета, они образовывали узор, который на первый взгляд мог бы показаться бессмысленным, если бы не одна маленькая деталь: композиция была явно не закончена, обрываясь наполовину.

Тем не менее кое-что ему все-таки удалось рассмотреть: между лопаток у девушки был рисунок, поразительно напоминавший череп, который он только что видел снаружи. Обе фигурки были так схожи, что у Брэка даже ладони вспотели от предчувствия непонятной и неизвестно откуда исходящей угрозы.

Частично, правда, он понимал, откуда исходит угроза. Если наполовину раскрытая тайна на спине девушки и тайна черного утеса-черепа у перевала были как-то связаны, то им обоим несдобровать. Гарр и Валоник наверняка идут по той же тропе, по которой предстояло пройти ему.

Глава 4

Несколько часов спустя, после захода луны, усталость все-таки свалила огромного варвара. Прекратив свой бесполезный дозор, он решил устроиться на ночлег тут же, у входа в пещеру. Костер почти догорел, и последние тлеющие угли тускло мерцали опаловым блеском. Съезжившаяся фигурка Нари смутно виднелась в глубине пещеры. Дыхание девушки было ровным и легким, хотя чувствовалось, что ее мучат кошмары, потому что время от времени она постанывала во сне. Он напряженно вслушивался в ночную тишину, но ни стука копыт, ни звуков голосов не было слышно. Положив холодный меч себе на колено, он крепко сжал рукоять закованенными пальцами.

Старая туника плохо защищала от обжигающего ветра, но он уже давно привык не обращать внимания на такие невзгоды. Через некоторое время сон сковал его усталые

члены. Проснувшись в серой предрассветной тьме, он не мог определить, сколько времени он проспал.

Но по-видимому, это продолжалось не так долго, так как снаружи все еще царила полная тьма. Не желая просыпаться, Брэк в раздражении ворчал: что-то мешало ему спать — какое-то слабое свечение, которое он чувствовал сквозь закрытые веки. Оно то ослабевало, то снова усиливалось. Наконец Брэк открыл глаза и чуть было не закричал от смутения и страха.

Прямо перед ним у входа в пещеру кружилось, распространяя сияние, небольшое серое облако. Оно было неплотным, так как сквозь него Брэк мог видеть, хотя и не очень отчетливо, далекие звезды. Вращаясь вокруг своей оси, облако издавало низкий свистящий звук.

Затем его дымчатая пелена вдруг перешла в яркое белое сияние, осветив всю внутренность пещеры и разбудив Нари, которая проснулась со сдвинутым криком ужаса.

Рука Брэка, державшая меч, вдруг покрылась липким потом, и он спешно вытер ее о тунику и еще крепче сжал рукоять. Став на одно колено, он приготовился вскочить, чтобы при необходимости отразить нападение неизвестной силы, но в этот момент увидел, что сверкающее облако сгущается, принимая облик человеческой фигуры.

Человек-облако висел над самой землей, почти касаясь ее ногами. Руки призрака прятал в широченных рукавах своей мантии, расшитой кабалистическими знаками. Голова его казалась неестественно большой и была совершенно лысой, обнажая очертания уродливого черепа. Гололая макушка переходила в сужающееся книзу лицо с крупными, выступающими наружу скулами и надбровными дугами, которые придавали ему зловещий, фантастический вид. Высоко над тонким орлиным носом водрузились круглые, как плошки, глаза, которые все время что-то высматривали и искали. Их ярко-желтый цвет неприятно контрастировал с остальной белизной привидения.

За спиной у Брэка в темноте пещеры раздавались пронзительные крики Нари.

Увидев, как Брэк, пряча за спиной меч, вскакивает на ноги, человек-привидение в презрительной улыбке

скривил губы. Не успел Брэк сделать шаг-другой в его сторону, как облако стало распадаться на части и колдун стал таять в воздухе, превращаясь в тонкие струйки дыма.

От пронзительного крика Нари в ушах у Брэка зазвенело, но он продолжал наступать. Желтые глаза оглядели поочередно его и девушку, и до сознания Брэка дошло, что их заметили и опознали. После этого и глаза призрака потускнели и стали таять в воздухе.

Брэк дико взревел и бросился, размахивая мечом, на страшилище. Он сделал выпад, и острие его меча вошло в облако. В тот же самый момент вихрь на какую-то долю секунды остановился и раздался ужасающей силы удар, который, словно разряд молнии пробежав по лезвию меча, проник в руку Брэка. Этим ударом его отбросило вглубь и швырнуло о стену, где он и остался лежать, сжимая рукоять меча, острие которого со звоном стукнулось о каменный пол пещеры.

А через несколько мгновений облако растаяло без следа. Свистящий звук прекратился, и привидение исчезло.

Брэк протер глаза и энергично тряхнул головой, пробормотав проклятие. Поднявшись на ноги, он почувствовал сильную боль в спине, и рука у него занемела из-за полученного удара.

Каким-то неестественным образом тот, что скрывался в облаке, приостановил на секунду свое исчезновение, чтобы продемонстрировать Брэку свою мощь, пустив по его мечу убийственный заряд. Глаза призрака сочли нападение варвара вызовом, и он ответил на него с подобающим презрением и гневом.

Снова наступила тишина, и даже облачко пепла, поднявшееся из потухшего костра в момент схватки, постепенно осело на землю. Взору Брэка снова представилась унылая череда горных вершин вдали, пики которых слегка окрасились первыми лучами рассвета.

Тяжело ступая, он прошел назад в пещеру, где Нари продолжала, сидя на корточках, раскачиваться из стороны в сторону в нервном припадке. Рыдания раздирали

ее грудь, и Брэку пришлось шлепнуть Нари по лицу ладонью, чтобы привести в себя. Девушка вскрикнула от боли, но это возымело свое действие: Нари постепенно успокоилась.

Брэк обхватил ее за плечи и пристально поглядел ей в глаза:

— Ну что? Я вижу, ты узнала чудовище? Об этом говорят твои крики. Что теперь?

Нари всхлипнула и попыталась что-то сказать в ответ, но с губ ее сорвалось только бессмысленное бормотание. Наконец она совладала с собой и утвердительно кивнула головой:

— Да, это был Валоник. Это он, волшебник.

— Но не сам волшебник, ведь так? Что это было, может, его дух, который он послал, чтобы выследить нас?

Нари смахнула слезы со щек:

— Нет, не дух... По крайней мере, колдун всегда знает, когда высылать его на разведку. Он может создать себе двойника. Просто делает из дыма еще одного волшебника. — Она вся сжалась в комок и задрожала. — Я видела, как он проделывал этот трюк для Гарра, когда дорога становилась опасной и надо было разведать путь впереди. Он может посылать свои призраки на огромные расстояния.

Брэк недовольно нахмурился:

— Это я уже слышал. И надо полагать, что он использовал призрак, чтобы напустить на нас демонов камня. Непонятно, правда, как призрак может заколдовать камни... Кстати, а что это за зеркало?

— Оно похоже на обычное зеркало, несмотря на свою колдовскую силу, только стекло блестит с обеих сторон. Оно вставлено в специальную рамку, так что маг может, при желании, вращать его. Валоник всегда держит это зеркало при себе и никому не позволяет до него дотронуться.

— Слышал я, что с помощью магических зеркал можно видеть невидимое, но чтобы кто-то использовал их для управления демонами — нет, такого слышать не приходилось, — сказал Брэк. — Однако то, что предстало

перед нами, было живым и мыслило как человек. Оно следило за нами.

Нари кивнула:

— И Валоник теперь знает о том, что оно видело здесь. Валоник — злодей, но говорят, он — величайший из всех магов. Гарр подкармливает его из своей оскудевшей казны, чтобы удержать около себя. Он обещал ему, что сделает его верховным жрецом в Гильгамаше после того, как ему удастся захватить трон, встав во главе мятежной армии. Поговаривают даже, что Валоника многие правители изгоняли из своих владений, и теперь он вовсе старается, чтобы возвести Гарра на трон и самому стать властителем.

— И все-таки он глуп, — сказал Брэк, выражая вслух мысли, таившиеся у него в душе. — Он хочет, из-за твоей тайны, заполучить тебя живой и вместе с тем насылает на нас своих демонов камня. Знаешь, как-то одно с другим не вяжется.

Нари отрицательно покачала головой:

— Камни напали на лошадей и тебя. Теперь, когда я обдумала все, я вспомнила, что меня-то они ни разу не тронули. Демоны действовали по приказу Валоника.

В этот момент у Нары снова сдали нервы, и она, содрогаясь в рыданиях, бросилась Брэку на шею. Пытаясь утешить девушку, варвар нежно коснулся рукой ее волос. Он заметил, что у девушки были расширенные от страха зрачки.

Сдерживая нервную дрожь, Нары отшатнулась от Брэка:

— Теперь, когда он нас обнаружил, они с Гарром будут здесь в два раза быстрее.

— Да, верно, — уныло согласился Брэк. — Теперь и нам надо бежать в два раза быстрее.

— А куда?

— К перевалу, чтобы перебраться через Горы Дыма, — ответил Брэк. Именно туда он шел до сих пор, и этот маршрут был ничем не хуже любого другого. Возможность избежать встречи с Гарром и Валоником была здесь ничуть не меньше, чем в любом другом случае.

— Нет, это ничего не даст, Брэк. Мы все равно не успеем их обогнать, — возразила Нары.

Брэк понимал, что девушка, по-видимому, права, но другого выхода у них не было. Улыбнувшись с грустью в глазах, он сказал:

— Но надо хоть попытаться.

Она молча согласилась. Брэк вышел из пещеры, оставив ее переодеваться. Затем, завернувшись в свой плащ, он пошел вперед по каменистой тропе, выходящей по склону холма. Горные вершины опять скрылись из виду в дымке снежных облаков. Похоже, погода снова портилась: в горах начиналась буря, и варвар с досадой отметил про себя, что капризы здешнего климата уже начинают ему действовать на нервы. Впереди, в прогалине затянутого облаками неба, Брэк ясно рассмотрел темную громаду утеса-черепа.

Глава 5

Пока они шли, снова поднялся сильный ветер, и Брэку приходилось сгибаться в три погибели, чтобы противостоять разбушевавшейся стихии. Нары часто спотыкалась о камни, хватаясь за него сзади. Так они и шли, взбираясь все выше и выше по склону.

Брэк уверенно шел вперед, но его внимание только наполовину было занято дорогой. Воспоминание о черном утесе-черепе и похожем на него рисунке на спине девушки не давало ему покоя, разжигая любопытство варвара. Кроме того, сердце его начинало тревожно колотиться, когда он вспоминал желтые глаза, устремленные на него из серого облака.

Гонимый порывами ветра, снег бил им в лица, и крупные снежинки садились на брови и щеки, слепя. Ветер завывал, как голодный пес, засыпая снегом все пространство вокруг.

Они часто спотыкались и падали на скользких склонах. Ноги Брэка были ободраны о каменистые выступы, и из царапин сочилась кровь. Он мысленно воздавал хвалы толстой коже сапог, которыми Повелитель Магнус

снабжал солдат своей армии. Снег запорошил тропу, и ее стало почти совсем не видно. Солнечный диск растворился в снежном мареве, превратившись в бледное, размытое пятно, которое совершенно не грело.

Наконец после утомительного восхождения, которому, казалось, не будет конца, и без всякой надежды на то, что они хоть на шаг продвинулись к цели, Брэк решил сделать привал. Они примостились с подветренной стороны огромного валуна, защитив себя тем самым от пронизывающего ветра. Брэк прислонился к камню и, развернув плащ, накрыл им себя и девушку. Нари, стуча зубами от холода, прижалась к нему:

— Нам никогда не добраться до перевала, варвар.

— Ну, в молодости мне и похуже бури были нипочем... Но конечно, наши шансы выбраться отсюда сильно уменьшаются, если мы попадемся в лапы Гарру и его ку-деснику.

— Да, тебя-то они наверняка убьют, — согласилась она. — А вот меня они убивать не станут.

— Звучит обнадеживающе, — пробормотал Брэк. — А почему так?

— Потому что карта места, где находится сокровище, у меня на спине видна только наполовину, и, если я умру, Валоник не сможет...

Она не dokonчила фразу и прикрыла рот рукой, понимая, что из-за усталости выдала свою тайну. Она не отрываясь смотрела на варвара, и снежинки, падая, застревали у нее на ресницах. Страх снова овладел ею, и она попыталась высвободиться из объятий Брэка.

— Сокровище, — произнес он медленно. А вот это, пожалуй, уже больше похоже на правду. Тот, кто хочет захватить власть силой, нуждается в деньгах, чтобы поднять на мятеж армию законного правителя.

— Брэк, я не хотела... Я сама не знаю, что говорю.

И снова она осеклась на полуслове, увидев, как сурово сжались губы варвара. Но когда он заговорил, голос у него звучал со всей сдержанностью, на какую он был способен.

— Нар, мы оба играем в кошки-мышки со смертью. Сейчас, видимо, время игр окончилось. Я только хочу

знать, от кого я тебя защищаю и зачем. Почему Гарр и маг охотятся за тобой? Хочешь — говори, хочешь — молчи, но, если ты будешь молчать, я тут же собираюсь и ухожу на перевал один. Какой смысл мне тянуть тебя с собою?

Она снова прижалась к нему, а затем, вздохнув с облегчением, начала свою историю.

Ее отец сам был известным магом, и его имя — Крим Шань — пользовалось уважением при дворе Желтых Императоров Тосбоола, далеко на западе. Десять лет тому назад он отправился вместе с сыном императора Йанем, молодым искателем приключений, в экспедицию на поиски сокровищ. Путь их лежал в страну, расположенную по ту сторону горного хребта Гор Дыма.

Молодой принц оказался прав, отправившись сюда, ибо вместо пропасти на краю света, или изрыгавшего пламя ада, где росли, укрываясь от мира, боги, экспедиция обнаружила богатое горное поселение, которое решено было ограбить и опустошить. Солдаты Йаня разграбили дотла королевство и вывезли с собой все его запасы драгоценных металлов и огромные сундуки, доверху наполненные бесценными сокровищами.

Однако главный волшебник ограбленного королевства перед смертью наслал на них ужасное проклятие, и на обратном пути при переходе через Горы Дыма караван постигло несчастье. В ущелье разразилась страшная буря, и Йань и все его войско погибли, погребенные под лавинами снега. Спаслись только сам Крим Шань и трое других. Сокровища провалились в трещину, образовавшуюся в леднике во время снежного обвала. Таким образом, с одной стороны, у них не было ни средств, ни возможностей извлечь сокровища из пропасти, а с другой — вернуться домой они тоже не могли, зная, что известие о гибели принца обернется для них смертным приговором. Поэтому они решили искать убежища в Гильгамаше. На полпути они сделали остановку, так как Крим Шань решил послать в Тосбоол верного человека, чтобы тот мог выкрасть и доставить ему

его дочь. По дороге на юг трое из его спутников погибли, а самого Крим Шаня свалил тяжелейший недуг. Он умер, оставаясь единственным человеком, знавшим место, где пропало сокровище Тосбоола. Однако, прежде чем умереть, он добрался до Гильгамаша вместе со своей единственной наследницей Нари. В то время ей было всего восемь лет от роду. На пороге смерти, уже находясь при последнем издыхании, Крим Шань, призвав на помощь свои колдовские чары, начертил на теле девочки детальный маршрут, ведущий к пропавшему сокровищу.

Затем, натерев ее спину особой мазью, он сделал так, что рисунок исчез и восстановить его можно было, только применив соответствующее снадобье. Он потребовал лист пергамента и перо и на нем записал свое завещание. Вручив его своему рыдающему ребенку, он тут же отдал богу душу.

Нари только постепенно стала понимать истинную ценность отцова подарка. В пергаменте говорилось, что любой истинный маг может восстановить карту на коже девушки, применив для этого горячие настои соответствующих трав.

Брэк молча дослушал до конца историю Нари.

— И ты решила дожидаться, пока не появится стоящий человек, кому ты могла бы передать свою тайну. А тебе не хотелось самой достать сокровище, вместо того чтобы делиться им с кем-то другим?

— Вначале — да, — сказала она, — но тогда у меня не было денег на экспедицию, да и возглавить ее я не могла: я же женщина. А в детстве я была всего лишь голодной и грязной нищенкой, попрошайничающей на улицах, чтобы остаться в живых. Я уже тогда мечтала о богатстве, но со временем мне захотелось большего. Мне нужен был защитник, человек, который бы заставил людей уважать меня. — Тут Нари криво усмехнулась, а потом продолжала: — Как-то я услышала о Повелителе Гарре. Я пришла к нему, и мы заключили сделку, так сказать, ударили по рукам: я ему — свое тело с картой, а он мне — королевский трон.

Она с сожалением покачала головой:

— Как я была глупа тогда, предположив, что такой человек, как он, будет уважать меня. Но по крайней мере, мне удалось сбежать и уничтожить колдовское зелье до того, как карта была восстановлена полностью. Пусть теперь этот гордый и неверный пес кусает локти!

— Ну а зачем ты ему сейчас нужна, если он не может воспроизвести карту?

Нари еще теснее прижалась к Брэку. Чувствовалось, что она совсем упала духом.

— Я оказалась глупее, чем сказала тебе, Брэк. Волшебник знает еще один способ, с помощью которого можно сделать карту видимой. Это...

Брэк молча обдумывал ее признание. Теперь ему стало ясно, что означает появление черной скалы-черепа у нее между лопатками, — отметина, которую невозможно было не заметить. Местность соответствовала карте, что он уже видел у нее на спине, и, по-видимому, объясняло причину, по которой начертания остались незаконченными. Может, если повезет...

— Как ты думаешь, мы могли бы вдвоем вытащить сокровище, если бы нам удалось найти его?

— Не думаю. Оно лежит на большой глубине в расщелине. Слуги Гарра привели с собой животных, навьюченных специальным снаряжением и веревками, с помощью которых они хотят спуститься в трещину и разбить лед. Он собирался послать своих людей за подмогой в Гильгамаш, как только ему удастся вытащить первые сундуки с драгоценностями и оплатить их работу.

— Тогда нам лучше всего вообще забыть об этом, — попытожил Брэк. Он встал, стряхивая снег с лица. — Пора идти дальше. Мы уже достаточно отдохнули.

С тяжелым вздохом Нари тоже поднялась на ноги. Корка снега, сквозь которую она провалилась, доходила ей до лодыжек. На лице у девушки застыло выражение полного уныния.

— Мой отец думал, что оставляет мне бесценное наследство, — с горечью сказала она, — а оно обернулось для меня проклятием! Если нам удастся спастись, варвар, я стану жить по-другому. Я сохранию свою тайну

до тех пор, пока не найдется человек, которого я узнаю достаточно, чтобы доверить ее ему... Что случилось, Брэк?

Брэк предупреждающе поднял руку. Сквозь метель он услышал тихое позвякивание лошадиной сбруи. Он сделал Нари знак, чтобы она отошла в сторону, а сам замер, и его рука легла на рукоять меча. Внезапно из снежной пелены показалась морда коня, и из-под надвинутого на лицо капюшона на него глянули желтые глаза волшебника.

— Повелитель Гарр, — крикнул наездник, — мы их нагнали!

Глава 6

Летящий из-под копыт снег поднимался в воздух белыми змейками; четверо всадников вынырнули из снежной мглы вслед за наездником в сером плаще, который, прищипорив своего жеребца, быстро отъехал в сторону, дав им дорогу.

Брэк закрыл собой Нари и, обнажив меч, с грозным рыком встал в боевую стойку.

Эти четверо были в темных плащах, кожаных шапках и нагрудниках. Кривые, отделанные резьбой сабли сверкнули у них в руках. Они гарцевали вокруг Брэка, сжимая его в кольцо вздымающимися боками своих скакунов. Он попробовал достать их мечом, но не тут-то было — держась на расстоянии, всадники выжидали удобного момента для нападения. Один из них, ростом повыше остальных и с усами, припорошенными снегом, отрывисто рассмеялся и легонько стеганул своего коня богато украшенными поводьями.

— Так это и есть чужеземец, которого ты видел, Валоник?

— Беги, Нари! — крикнул Брэк и бросился в атаку.

Его меч взметнулся в воздух, но воин, предупрежденный криком, вовремя отскочил в сторону, и удар Брэка только слегка задел его нагрудник. В тот же самый момент другой всадник попытался достать его своим ятаганом.

Брэк успел увернуться, но сабля просвистела у него над самым ухом.

Всадник снова рубанул ятаганом, и на этот раз его конец сильно оцарапал плечо Брэка. Не обращая внимания на брызнувшую из раны кровь, огромный варвар высоко подпрыгнул и что есть силы вонзил меч в грудь противника. Солдат пронзительно завопил и вывалился из седла, потащив с собой меч Брэка.

Высокий усач выкрикнул приказ, и тотчас же двое оставшихся воинов соскочили с коней и бросились на спину Брэка. Их маневр оказался таким неожиданным, что Брэк не удержался на ногах и упал на четвереньки, а враги надели на него сверху, молотя его по спине кулаками и пиная тяжелыми сапогами.

У Брэка все поплыло перед глазами. Тряхнув головой, он попытался подняться на ноги, но было слишком поздно. Стоявший рядом солдат держал саблю наготове. Другой подобрал окровавленный меч Брэка и предусмотрительно отшвырнул его подальше в сугроб. Брэк слышал крики Нари о помощи и тщетно пытался разглядеть ее в снежной круговерти метели. Наконец он увидел, как девушка, утопая в снегу, пытается убежать. К сожалению, она была слишком близко от своих преследователей, и варвар понял, что шансов спастись бегством у нее нет никаких.

Завернутый с головы до ног в плащ, маг Валоник пустился, прищипывая коня, за беглянкой вдогонку. Он быстро настиг ее и, схватив за волосы своей костлявой рукой с длинными ногтями, повалил в снег. В его желтых глазах мерцали огоньки злого торжества, когда он притащил ее туда, где двое солдат охраняли пленного Брэка.

Гарр стряхнул с усов снежную крупу и спешил, продемонстрировав незаурядную сноровку бывалого наездника. У него было изрытое оспой лицо и бельмо на левом глазу. С властным и самоуверенным видом он подошел к Брэку и наотмашь ударил его по лицу кожаной перчаткой.

— Ну что, чужеземец, Нари уже поведала тебе свою печальную историю? Наверное, она уговорила тебя помочь ей выпутаться из беды?

Брэк молча с вызовом глядел на Гарра. От гнева оспины на щеках Гарра потемнели.

— Валоник, этот неотесанный мужлан не проявляет должного уважения к властителю Гильгамаша! — крикнул он.

Волшебник швырнул Нари в снег и не спеша слез с лошади. Руки его точно так же были спрятаны в обширных рукавах расшитой знаками мантии, как и у его двойника, который возник из облака у входа в пещеру. Брэк сразу узнал колдуна, и по спине у него поползли мурашки. Во взгляде мага были жестокость и уверенность в себе, к которым теперь примешивался оттенок злорадства.

— Властитель Гильгамаша, говоришь, — крикнул Брэк. — Ты сын шлюхи, а не властитель Гильгамаша!

Один из охранников ударил варвара ногой в пах, и Брэк согнулся пополам от боли. Гарр довольно усмехнулся:

— Я попрошу тебя, Валоник, перед тем, как убить его или оставить здесь подыхать, преподай ему хороший урок, чтобы он научился искусству уважения.

— Весьма уместное предложение, — согласился маг. — Да и нам надо немного поразмяться после долгого путешествия.

Гарр, снова улыбаясь, повернулся к Брэку.

— Ползи ко мне, варвар, — тихо сказал он. — Ползи на коленях и воздай дань уважения своему господину.

Брэк вскочил на ноги со звериным рыком, но тут же свалился на землю под ударами солдат. Валоник взмахнул руками, словно набрасывая на Брэка невидимую сеть, и одновременно произнес целую тираду непонятных монотонных заклинаний.

В первое мгновение ничего не случилось. Брэк уже было вздохнул с облегчением, но в следующее мгновение какая-то неодолимая сила обрушилась на него, сковав железной хваткой все его члены. Он и опомниться не успел, как уже лежал, распластавшись на груди, в снегу.

Напрягая все силы, он попытался сбросить с себя дьявольское наваждение. У него даже в глазах заребило от напряжения. Но тщетно: вместо этого он увидел, что колени у него сами собой подгибаются, грудь отрывается от земли и вот он уже, упершись руками в снег, стоит перед Гарром на четвереньках.

Даже голова варвара против его воли, склонилась вниз, демонстрируя покорность.

Силясь выпрямиться, Брэк так напряг шейные мышцы, что у него опять все поплыло перед глазами. Это ему ничуть не помогло: голова ни на йоту не сдвинулась вверх.

Затем, слыша за спиной ехидный смех Валоника, он почувствовал, как его колени сами собой двигаются по снегу. Шаг за шагом полз он вперед, пока наконец не оказался прямо перед Гарром. Медленно руки варвара стали сгибаться, и вот он уже почти касался лбом сапога самозванца. Неимоверным усилием воли варвар попытался выпрямиться, но в следующее мгновение был снова придавлен к земле.

Гнев красной пеленой застлал сознание Брэка. Но этому гневу не было выхода. Варвар силился бросить проклятие магу, но ни одного звука не слетело с его губ. Как ни старался Брэк разрушить колдовские чары, пытаясь заставить тело не двигаться, все было бесполезно. Он слышал, как хохочет Гарр и где-то в стороне, как безумная, рыдает Нари.

Брэк снова призвал на помощь все свои силы и напряг мышцы так, что все тело заныло от страшной боли, но стряхнуть с себя заклятие, которое как в тисках держало его в униженной позе у ног Гарра, он был не в состоянии. Вид беспомощного варвара так развеселил самозванца, что он хохотал до икоты.

— Прекрасно! — задыхаясь от душившего его смеха, выкрикнул он. — Но хватит, Валоник, хватит!

— Что с ним делать, мой господин? — спросил Валоник. — Вернуть в нормальный вид перед казнью или оставить как есть?

— А сколько времени продлятся чары?

— Я думаю, достаточно для того, чтобы дать ему замерзнуть в снегу до смерти. Или, может, немногим меньше. Забавно будет знать, что бедняга проводит свои последние минуты размышляя над тем, как сдвинуться с места... А снег будет подниматься все выше и выше... В любом случае, когда заклинание ослабнет, варвар уже будет не в состоянии нам помешать.

— Тогда оставь его как есть, — решил Гарр. Он довольно ухмыльнулся: — Из него выйдет отличная статуя, на удивление путникам, которые пройдут здесь весной.

Затем, повысив голос, он стал отдавать приказы. Один из солдат спешно завалил снегом труп своего погибшего товарища, а другой взвалил к себе на луку седла связанную Нари.

Тщетно Брэк пытался усилием воли заставить повернуться голову — ничего не выходило, и ему оставалось полагаться только на свой слух. Он слышал, как бряцает снаряжение уходящих по снегу лошадей, как стонет несчастная Нари. Потом до него донеслись слова Валоника, который сказал Гарру, что девушку нужно будет при первой возможности раздеть донага и продолжить операцию восстановления карты тем способом, который еще есть в их распоряжении.

Смех Гарра был последним, что слышал Брэк, прежде чем отряд скрылся из виду. По-видимому, Гарр остался доволен тем, как развивались события. Гарр был уверен, что к вечеру этого дня они смогут выйти на место, где пропало сокровище. А это означало, что трон Гильгамаша перейдет к нему еще до того, как на перевалах стает снег.

Приросший к земле руками и коленями, Брэк чувствовал, как его медленно засыпает снегом.

Глава 7

Через некоторое время Брэк понял, что ветер меняет направление и понемногу начинает стихать. Снег пошел реже, и вскоре буря улеглась, по-видимому переместившись дальше на восток. Прямо перед собой, насколько позволяла ему его поза, он снова увидел суровые стены Гор Дыма, и только вершины их на востоке были скрыты облаками. Солнце тусклым, холодным светом озаряло всю эту картину.

Пригвожденный к месту, Брэк даже веками не мог моргнуть, чтобы стряхнуть снег, налипший на ресницы. Дальний перевал был сейчас хорошо виден, как, впрочем, и зловещая скала-череп.

Хотя сознание варвара работало хорошо, все его тело как бы омертвело. По длинной тени, падающей на снег, он понял, что время близится к закату. До захода солнца оставалась какая-нибудь пара часов. Если сейчас его организм еще как-то боролся с холодом, с наступлением ночи стужа наверняка его убьет.

Варвар снова напряг мышцы, сосредоточив всю свою волю на одной-единственной задаче: поднять правую руку, которая уже по локоть утонула в снегу.

Безуспешно: рука оставалась недвижимой. У Брэка возникло ощущение, будто весь он скован неодолимой, невидимой броней.

Он попробовал еще раз, скрипя зубами от невероятных усилий хоть чуть-чуть сдвинуть омертвевшую руку с места, но опять ничего не получилось, хотя от напряжения по всему телу прокатились волны боли.

И тут его охватила такая ярость, что в глазах все потемнело и весь мир стал красным. Ярость заливала мозг, и вместе с ней в тело пришла страшная боль, которая только с новой силой распаляла его гнев. Нет, с остервенением твердил себе Брэк, он не умрет, пока собственными глазами не увидит, как Гарр и Валоник корчатся у его ног в предсмертных судорогах.

Проклиная себя за малодушие, он попытался поднять руку, чтобы сжатым кулаком пригрозить своим врагам.

Внезапно костяшки его пальцев слегка шевельнулись, и варвар почувствовал, как его пальцы сгибаются в суставах и отрываются от земли. Но его попытка сжать пальцы в кулак не удалась.

Мозг варвара все еще кипел от ярости и холодной, беспощадной ненависти, более утонченной, чем тот гнев, который он испытывал в схватке с противником. Брэк чувствовал, как в душе его собираются новые силы. Он копил их, стараясь представить себе, как будет выглядеть рука, когда он сожмет ее в кулак. Наконец, когда все движения до мельчайших деталей ясно обрисовались в его воображении, он выпустил пучок накопленной энергии, направив ее на свою руку.

На мгновение ему показалось, что он достиг желаемого результата, но затем понял, что все усилия были

потрачены напрасно: рука по-прежнему опиралась ладонью о землю.

От бессилия Брэк застонал и был поражен, услышав звук собственного голоса впервые, может быть, с того момента, как заклинание Валоника сразило его.

Он снова собрал воедино всю свою волю и стал мысленно приказывать пальцам: а ну-ка сжимайтесь, сжимайтесь! Варвар застыл, стиснув зубы, и все его тело заныло от страшного напряжения. Острая боль электрической вспышкой ударила по глазам, и варвар почувствовал, что теряет сознание...

Но пальцы стали медленно, медленно сжиматься...

Их концы коснулись ладони и теперь оказались сжаты в кулак.

Хриплый смех торжества вырвался из горла варвара, и в то же время кулак его слегка поднялся... и вот он уже держит его, потрясая им в воздухе.

Глаза заболели сильнее, но варвар и не думал сдаваться. Если боль — это та цена, которую надо платить за возможность двигаться, он готов заплатить сполна.

Прошло несколько минут, прежде чем Брэку удалось с помощью освободившейся руки перевернуться на бок. Еще больше времени понадобилось, чтобы выпрямить ноги и спину. Боль не отступала ни на шаг, усиливаясь с каждым движением и заставляя его делать временные передышки. Но каждый раз, когда она становилась особенно невыносимой, он призывал на помощь воображение и представлял, как нагло смеется Гарр, как горят злобой желтые глаза Валоника, как стонет девушка, попав в лапы негодяев. Мало-помалу все тело Брэка стало подчиняться его воле.

Когда он наконец поднялся на ноги и выпрямился во весь рост, от его фигуры по снегу протянулась длинная тень.

Варвар думал, что от долгого пребывания в снегу руки у него будут сильно отморожены. Вопреки его ожиданиям, пошевелив ими, Брэк не почувствовал никакого онемения. Пальцы, правда, слегка пощипывало, но это

был хороший знак. Может быть, подумал он, ярость не дала крови замерзнуть и спасла руки. Или, может, виной тому заклинание Валоника: будучи сильным, оно тем самым уберегло его и от таких естественных изменений, как обморожение.

Основательно размяв затекшие мышцы шеи, Брэк стал пристально вглядываться в сторону перевала, куда ушли его обидчики, на утес-череп, который был их ориентиром на пути к цели. Ему тоже предстояло пройти этой дорогой.

Благоразумие подсказывало варвару как можно быстрее двигаться к перевалу. Но оно уже давно сдало свои позиции, проиграло битву, еще когда он лежал скованный заклятием, стараясь изо всех сил сжать пальцы в кулак — символ мести! Кроме того, варвар переживал за Нари, но на карту было поставлено больше, чем простое желание спасти жизнь странной девушке, спина которой стала картой пути к сокровищу. Еще ни одному человеку не удавалось уйти от расплаты, так унизив гордого жителя диких степей земель севера!

Его все еще шатало от слабости, и организм плохо повиновался его командам, но Брэк чувствовал, что может передвигаться, и это вселяло надежду. Он отправился на поиски меча и наконец с радостным криком извлек его из глубокого сугроба.

Мурлыча себе под нос боевой напев предков и увязая по колено в снежных заносах, Брэк начал лихо карабкаться вверх, волоча за собой свой львиный хвост и энергично встряхивая косой желтых, как лен, волос. Взгляд варвара был устремлен на череп-утес — ближайшую цель его путешествия. Утес находился всего в каких-нибудь двух-трех лигах от Брэка, и по мере того, как выветривались последние остатки колдовских чар, варвар шел все быстрее и быстрее.

Валоник упомянул о том, что, хотя большой варвар и доживет до конца заклинаний, у него вряд ли хватит сил передвигаться. Маг не предвидел возможности внезапного потепления, хотя именно такими перепадами славился климат этого богом забытого края, расположенного у восточного конца земли.

За то время, что Брэк боролся с чарами, выпало очень немного снега, и ему ничего не стоило найти следы, оставленные всадниками и дюжиной их выючных животных.

Он продолжал упорно взбираться вверх, часто срезая углы, образованные поворотами тропы, и временами взбираясь на ближайшую скалу осмотреть дорогу впереди. День подходил к концу, и в долине сгущались сумерки. Небо над горами окрасилось холодным синим цветом. То тут то там вспыхивали первые звезды.

Брэка очень беспокоило, что он может в темноте сбиться со следа. Порывы ветра заматали снегом следы, и поэтому все внимание варвара было приковано к тропе. С приходом ночи ему придется часто останавливаться, отыскивая следы путников и их лошадей в снегу. Если ветер не уляжется, им удастся от него сильно оторваться.

Неожиданно Брэк привстал и прислушался. На губах у него появилась жестокая улыбка. Оказывается, он не так уж сильно и отстал. До его слуха донеслись звуки, которые не могли быть ничем иным, кроме человеческих голосов. Сначала был слышен только один голос, затем послышался другой, — видимо, солдаты Гарра ругались между собой, одновременно понукая своих лошадей.

Брэку захотелось узнать причину их перебранки, и его любопытство было удовлетворено, когда он подполз к самому краю покрытого льдом выступа скалы. Вцепившись заочневшими руками в камни, он принялся разглядывать лежащее внизу ущелье.

В теснине, погруженной в тень, он все-таки смог различить фигуры двух солдат, суевившихся около маленького каравана выючных животных. Он увидел, что вторая пара мулов завязла в глубоком снегу оползня, а остальным, кроме ведущей пары, ничего не остается, как только бестолково топтаться на месте, дергая свои поводья. Большая часть поклажи оказалась уже снята, и сейчас солдаты пытались перетащить тюки от дальних мулов мимо пары, попавшей в беду. Было ясно, что они пытаются с помощью ведущей пары перетащить все вперед и только после этого заняться вызволением из снега застрявших мулов.

Значит, Гарр и Валоник ушли вперед и сейчас подыскивают подходящее место для ночлега.

Наблюдая за перипетиями внизу, Брэк размышлял над тем, как ему получше проскочить мимо солдат незамеченным и, обогнав их, настичь тех, с которыми он жаждал расквитаться и которые к тому времени останутся без охраны. Изучая свой предполагаемый путь, он далеко свесился с выступа. Затем, отползая обратно, он навалился локтем на край выступа. При этом отвалился кусок скалы, который с шумом, ударяясь о другие выступы, полетел вниз.

Глава 8

Стоящие внизу люди подняли головы, и один из них показывал рукой на варвара. Брэк продолжал отползать, когда другой солдат натянул лук и пустил в него стрелу.

Брэк прижался к земле, и стрела просвистела мимо, но в спешке он слишком резко перебрисил свой вес на одну сторону. В поисках опоры нога его соскользнула по ледяной корке, и варвар свесился с края выступа. Он чувствовал, что, несмотря на все попытки удержаться, его неумолимо тянет в пропасть.

Падая, он ухитрился уцепиться за самый кончик выступа, до крови расцарапав себе руки об острые камни. Сейчас ему нужны были все силы его могучих рук, чтобы удержаться. Каким-то невероятным образом он сумел-таки удержаться и повис в воздухе, нелепо болтаясь из стороны в сторону. Меч в ножнах, раскачиваясь, хлопал варвара по бедру.

Внизу, потешаясь над ним, ликовали солдаты. Оба уже держали луки наготове, и Брэк понял, что еще мгновение — и по крайней мере одна из пущенных стрел вопьется в его беспомощное тело. Тщетно пытался он подтянуться на руках...

Внезапно послышался треск, и камень, за который он держался, дрогнул у него в руках. Повернув голову, он, к ужасу своему, увидел, что поперек выступа пробежала трещина, а это означало, что через минуту-другую огромная глыба отколется от скалы и полетит вместе с ним вниз, в ущелье.

Посмотрев вниз, он увидел, что один солдат уже пустил стрелу, и в следующее мгновение почувствовал, как она вонзилась ему в ногу. Другой солдат уже натягивал тетиву своего лука.

Шансов не было никаких, и варвар лихорадочно озираясь, прикидывая в уме, какой из возможных вариантов наименее вероятный путь к смерти. Он начал раскачиваться, то подтягивая под себя ноги, то рывком выбрасывая их вперед, пока все тело его не стало похоже на стержень раскачивающегося маятника. Еще одна стрела просвистела мимо в каких-нибудь нескольких сантиметрах от уха. Брэк ругнулся и принялся раскачиваться еще сильнее. Послышался снова треск, и трещина начала расходиться.

За какую-то долю секунды до того, как выступ откололся, Брэк разжал руки. Он камнем полетел вниз, чуть отклонившись в сторону, решив попытаться ухватиться за крошечный выступ в скале. Зацепиться за него ему, конечно, не удалось, но это замедлило его падение и позволило еще немного откатнуться в сторону. Там, ниже, была небольшая площадка, которой он собирался воспользоваться, чтобы как-то смягчить удар о землю. Наконец, ударившись о площадку, он пролетел еще несколько метров вниз и со всего размаху бухнулся в глубокий снежный оползень.

Кусок выступа с грохотом пронесся мимо него, крутясь в воздухе словно колесо гигантской колесницы. Один из солдат завопил во всю глотку, а второй так и застыл на месте, разинув рот от удивления. В следующий момент глыба рухнула на них, подняв в воздух столб снежной пыли. Мулы, как безумные, заметались из стороны в сторону, обрывая построения, отчаянно лягаясь и вставая на дыбы.

Брэк кое-как выполз из снега и энергично потряс головой, стараясь прийти в чувство. Руки у него были все в крови от ссадин, и из ноги тоже сочилась кровь от раны, но варвар продолжал свой опасный спуск, то вставая на ноги, то съезжая на зад, до тех пор пока не достиг конца ущелья.

Прежде всего Брэк занялся животными. Вытащив меч, он перерубил построения и ляжки, связывающие пары, и мулы, почувствовав свободу, стали энергично карабкаться вверх по тропе.

Некоторое время Брэк молча смотрел на погром, учиненный упавшей глыбой. Оба солдата и два мула были погребены под ее тяжестью. У одного края обвала весь снег был забрызган свежей кровью. С другой стороны из-под глыбы торчала рука и конец солдатского сапога, а рядом валялся лук с оборванной тетивой.

Теперь его шансы чуть-чуть улучшились, решил про себя Брэк, ковыляя вверх по тропе. Рана в ноге давала о себе знать, ставя под вопрос успех задуманного им плана. Впервые с того времени, как спали чары Валоника, он почувствовал, как мороз хватает его за конечности. От холода у него даже зубы стучали.

Однако, несмотря на боль в ноге и саднящие ушибы и царапины, Брэк продолжал идти.

Сейчас ему было труднее сосредоточиться, так как голова у него уже работала не так хорошо, как раньше. В одном месте варвар пошел по ложному следу и обнаружил это только тогда, когда, взбираясь по узкому ущелью, уперся в сплошную стену из льда. В результате ему пришлось повернуть назад и вернуться к месту, где он отклонился от правильного пути.

К тому времени когда в небе возшла луна, осветив все вокруг своим призрачным светом, он отыскал проход в горах и вышел на открытое место. Спрятавшись за огромный обледенелый валун, он стал осторожно всматриваться вдаль, изучая ландшафт, открывшийся ему внизу.

Перед ним простиралась небольшая заснеженная лощина, своим дальним концом упиравшаяся в уходящие ввысь стены Гор Дыма. На полпути к ним темнела все та же странная громада утеса-черепа.

Вся поверхность долины была расчленена надвое глубокой трещиной, у ближнего края которой были поставлены два покрытых мехами шатра. Поначалу Брэку показалось, что Гарр уже отыскал сокровища, но потом он отбросил эту мысль, так как никакого движения в лагере не наблюдалось. У одной из палаток стояла

на привязи лошадь, и по ее очертаниям Брэк узнал огромного скакуна Гарра. Внутри одного из шатров горел яркий свет.

Некоторое время Брэк продолжал наблюдать за шатрами, но, убедившись, что все тихо, выполз из своего укрытия и стал осторожно спускаться вниз, стараясь не задеть лежащих в снегу камней, которые могли с грохотом покатиться вниз и тем самым выдать его присутствие. Ветер дул ему в лицо, поэтому до его слуха не доносилось никаких звуков.

Конь, привязанный у шатра, действительно оказался жеребцом Гарра. Почувств человека, он тревожно заржал, и Брэк прижался к земле, отлично понимая, что укрыться на этой гладкой ледяной поверхности ему негде. Света было достаточно, чтобы заметить серый плащ варвара, четко выделявшийся на белом снежном фоне.

Сердце варвара учащенно стучало. Капельки крови из раненой ноги оставляли темный след на снегу. Однако звериный инстинкт Брэка подсказывал ему, что он у цели, обостряя все чувства и заставляя бесшумно и расчетливо ползти вперед.

Жеребец Гарра бил копытом в снег, и из его ноздрей вырывались клубы белого пара. Брэк застыл на месте, пытаясь понять, что так беспокоило животное, затем пополз дальше и вдруг тихо выругался.

Как же это ему раньше не приходило в голову? Людей-то в шатре было двое, а конь стоял один. Куда же подевался этот чертов маг Валоник?

Брэк не видел следов его лошади на тропе, ведущей из последнего ущелья. Стало быть, пока он разведывал путь к долине, Валоник мог преспокойненько отправиться назад для выяснения причины задержки солдат. А это означало только одно: сейчас волшебник прячется где-то у него в тылу.

Большой варвар оглянулся назад, чтобы удостовериться в правильности своей догадки, и похолодел от ужаса: за большим валуном, в том самом месте, где он еще недавно прятался сам, застыла фигура всадника. Это был Валоник. Сколько времени он там находился, следя за

передвижениями Брэка к шатрам, сказать было трудно. Однако, увидев, что его обнаружили, колдун прищипорил лошадь и не спеша поехал к варвару.

Брэк рывком обнажил меч, одновременно чувствуя, что у него от волнения пересохло в горле. Снег, словно брызги, разлетелся из-под копыт коня Валоника, желтые глаза которого смотрели на Брэка властным и заволакивающим взглядом. Не сделав никакой попытки принять бой, он молча приближался к стоящему с мечом наготове варвару.

В глазах колдуна горели злые огоньки и на костлявом лице играла самодовольная ухмылка. Расстояние между ними уменьшилось до ста, а потом и до пятидесяти шагов. Когда их разделяло всего тридцать шагов, Валоник вытащил из-за пазухи какой-то предмет, тускло сверкнувший в лунном свете. Вспомнив описание Нари, Брэк сразу же признал в нем недорогое двустороннее колдовское зеркало.

Валоник крутанул диск своим крючковатым пальцем, и тот завертелся у него в руке, испуская во все стороны лучи света.

Глава 9

Держа перед собой крутящееся зеркало, Валоник остановил коня в двадцати шагах от Брэка. До слуха варвара снова донеслось жужжание, которое навело на него такой страх у входа в пещеру.

Как ни старался Брэк отвести взгляд от жужжащего диска, сделать этого он не мог. На какую-то долю секунды он словно увидел себя со стороны. У варвара от страха зашевелились на затылке волосы.

— Значит, ты пошел по нашему следу, — крикнул ему Валоник. Голос колдуна звучал издали, словно Брэк сидел на дне глубокого колодца. — Чужеземцы издавна славились своей выносливостью, но никак не умом. Ну что ж, дальше тебе пути нет.

— Выходи на бой! — бросил ему вызов Брэк. — Покажи, на что ты способен!

— Ерунда, — ответил Валоник. — Я никогда не дерусь там, где за меня это могут сделать другие. Такие, как вы, варвары! — закончил он с издевкой в голосе. Тем временем зеркало в его руках все кружилось, посылая в глаза Брэка лучи слепящего серебристого сияния.

С львиным рыком Брэк бросился в атаку на волшебника. Однако не успел он сделать и трех шагов, как прямо перед ним возникло серое с металлическим оттенком облако, и он чуть не задохнулся от ужаса, увидев, как оно, ступаясь, принимает знакомый ему облик неуклюжей фигуры с громадным мечом, зажатым в полупрозрачных руках.

Брэк дрогнул и отступил. Он с ужасом смотрел на черты лица и желтую косичку, мотающуюся за спиной у призрака. Тот как две капли воды походил на Брэка, вплоть до кисточки на львином хвосте набедренной повязки, которая красовалась на фантоме.

Перед Брэком в угрожающей позе стоял он сам.

А между тем зеркало в руках волшебника продолжало петь свою колдовскую песню, и вот уже второй прозрачный Брэк встал во весь рост перед варваром. Сквозь его прозрачный череп поблескивали ночные звезды.

Палец Валоника крутанул диск, ускоряя его вращение, и за вторым фантомом появился третий, а за ним и четвертый. И все оскалились, обнажив стиснутые зубы.

С каким только противником не сталкивала Брэка судьба во время его странствий. Однако ни разу ему еще не приходилось биться с самим собой.

И вот уже с десятков полупрозрачных существ прыгали перед ним, поражая его своим внешним видом и способностью имитировать любое его движение. Валоник почти совсем исчез за этой движущейся стеной, и только желтые глаза его и сверкание серебряного диска были видны из-за спин сверхъестественных созданий.

Брэк крепче сжал рукоять меча и смело бросился в атаку на шеренгу пляшущих призраков, мысленно вознося молитвы богам своей юности. Он рубанул сплеча.

Но и тут он опять просчитался: при первом же соприкосновении его клинка с двойником-призраком страшный удар поднял Брэка в воздух и отшвырнул на приличное расстояние на снежный наст с такой силой, что у варвара затрещали все кости и он завопил от боли.

Его меч оказался бессильным против существ, вышедших из дьявольского сосуда. Более того, он стал оружием, направленным против него самого.

Призраки сменили тактику, подступая со всех сторон, пока Брэк вылезал из снежного сугроба, и вынуждая варвара занять оборону, тем более что его ненужный теперь меч только тянул вниз тяжелым грузом в онемевшей от разряда руке. Неотступно надвигаясь на Брэка, они заставили его попятиться назад. Атаковать призраков было бесполезно, и Брэк понимал, что, как только их кольцо сомкнется, они силой своих разрядов тут же разорвут его на клочки и разбросают по всему заснеженному пространству долины. Слыша, как нарастает тонкий свистящий звук, издаваемый зеркалом, и видя, как, наступая, смыкают ряды призраки, Брэк шаг за шагом отступал.

Внезапно у него в голове зародилась слабая надежда, и, подчиняясь ей, он стал потихоньку уходить влево. Призраки упорно преследовали его, отталкиваясь от снега, словно огромные воздушные шары. Он понимал, что висит на волосок от смерти, но почему-то сознание этого только придавало ему смелости.

Краем глаза варвар видел, что Валоник по-прежнему гарцует на том же самом месте, откуда он начал атаку. Продолжая отступать, Брэк, к удовольствию волшебника, издавал жалобные стоны, которые становились все громче, перекрывая жужжание зеркала. Делать это ему не составляло труда, ибо он действительно едва удерживался от того, чтобы не заорать благим матом от страха при виде надвигавшейся фаланги своих полупрозрачных двойников.

Внезапно до его слуха донеслось позвякивание уздечки коня Валоника. Волшебник либо почувствовал опасность его маневров, либо просто решил занять более выгодную позицию для обзора.

Брэк резко повернулся в его сторону. Стараясь не впадать в панику от сознания того, что он уже в пределах досягаемости призраков, варвар, призвав на помощь всю свою ловкость, сжал рукоять меча и, подняв его, что есть силы метнул в противника, наподобие копья.

Волшебник разразился громкими проклятиями и поднял коня на дыбы. Его желтые глаза вспыхнули как два факела, когда меч Брэка, кувыркаясь в воздухе, полетел в него. Скакун Валоника взвился в воздух, но было поздно. Клинок ударил по зеркалу, и оно со звоном разлетелось на множество осколков.

Привидения, одно за другим, с громкими хлопками взорвались, превратившись в облачка желтого дыма.

Валоник истошно завопил. Его желтые глаза стали огненно-красными, а из руки, державшей зеркало, вырвался наружу громадный столб пламени. Вопли Валоника перешли в пронзительный визг и стоны, по мере того как его рука обугливалась и оплавлялась, пуская в воздух клубы дыма. Там, где капали в снег оплавленные куски плоти, из воронок в снежной корке поднимались маленькие облачка едкого пара.

Лошадь Валоника отчаянно била копытами о землю, пытаясь сбросить седока, но магу все-таки удалось удержаться в седле, и, буравя Брэка своими покрасневшими глазами, он стал судорожно шарить рукой в сумке, висевшей сбоку.

Брэк тем временем кинулся на поиски своего оружия. Схватив меч обеими руками и высоко подняв его над головой, он смело бросился на врага. Он высоко подпрыгнул над землей, и его меч, описав дугу, опустился на Валоника в тот момент, когда тот вытаскивал свою скрюченную руку из сумки. Клинок легко прошел сквозь череп мага и, войдя в плечо, вышел из него.

Раздался дикий, устрашающий вопль, который, казалось, поднялся до самых небес. Затем лошадь рванулась вперед, неся на себе окровавленный труп Валоника. Она понеслась в сторону шатра, из которого в тот момент показался Гарр, держа в одной руке кинжал, а в другой — полуобнаженную Нари. Ни тот, ни другая не знали о победе Брэка.

Лошадь Валоника мчалась прямо на освещенный изнутри шатер. Волшебник все еще каким-то чудом держался в седле. Его обгорелая рука болталась у луки седла, пугая животное, которое во весь опор несло вперед не разбирая дороги.

Гарр и Нари оказались на его пути, и как раз в этот момент самозванец, оглянувшись через плечо, увидел скакуна. Вскрикнув от неожиданности, Гарр отшвырнул Нари в сторону, в то время как конь Валоника, едва не сбив его с ног и разметав на скаку стены шатра и угли очага, галопом пронесся мимо.

Обезумевшее животное с мертвецом в седле мчалось прямо к трещине, проходившей неподалеку от шатров. Не снижая скорости, они вскоре оказались у края бездны. На миг лошадь, словно ошалелый танцор, остановилась как вкопанная перед пустотой, а в следующее мгновение с пронзительным визгом исчезла в пропасти.

В течение нескольких секунд стены трещины отражали эхо их воплей. Затем наступила тишина.

Глава 10

Что-то блеснуло в темноте ночи, и, обернувшись, Брэк увидел, что Нари борется с Гарром. Огонь от разбросанных угольев костра отражался на лезвии кинжала в руке Нари, который она, должно быть, вырвала у Гарра, воспользовавшись тем, что его внимание отвлеклось на лошадь. Громко вскрикнув, Брэк побежал на помощь девушке.

Но не успел он добежать до них, как все уже было кончено. Нари взмахнула ножом над запрокинутой назад головой Гарра, который поднял руку, пытаясь отвести удар. Клинок вошел ему прямо в горло, и Нари вогнала кинжал в рану по самую рукоятку.

Кровь хлынула изо рта Гарра. Шатаясь, он сделал три шага и рухнул лицом в снег.

Чувствуя страшную слабость во всем теле, Брэк приблизился к телу Гарра. Нари склонилась над трупом, пытаясь вытащить кинжал из раны. На мгновение ее голая

спина открылась его взгляду, и он увидел, что теперь она вся, от шеи до поясницы, покрыта странными рисунками. Он сразу узнал в них и долину, и саму трещину, над которой высился череп-утес.

Присмотревшись, он увидел нечто такое, от чего ему стало не по себе. Брэк даже тихо выругался. Карта теперь была полной, но при этом вся нижняя часть спины девушки была в страшных волдырях ожогов, и он понял, почему в шатре был разведен костер.

Нари повернулась к нему, держа в руке нож, с которого все еще капала кровь. Если она и чувствовала боль, то виду не подавала.

— Да, Гарр получил-таки свою карту, — сказала она. — Он добыл ее без всякого снадобья, так, как сказал ему Валоник. Он сам все сделал, и ему доставило большое удовольствие терзать мое тело.

— Я уже видел, — сказал Брэк. Он с трудом держался на ногах от истощения сил, и с каждой минутой ему становилось все хуже и хуже.

— Ну что ж, зато теперь сокровище — целиком твое. Все остальные мертвы. Пойдем посмотрим, может, в шатре Валоника есть лекарство, которое тебе поможет.

Нари странно усмехнулась:

— Мне уже ничто не поможет. Гарр издевался надо мной. Он меня избивал и насмехался. Он мне сказал, чем я в действительности являюсь для него. И он осквернил меня...

Девушку начало трясти. Внезапно в ее голосе появились странные причитающие интонации, как у маленькой девочки, баюкающей свою куклу.

— Отец оставил мне сокровище Тосбоола, — тихо причитала она, — и оно теперь мое. Гарр хотел отнять его у меня, да не смог. Он злой и жадный...

Сурово сдвинув брови, Брэк посмотрел на девушку. Он понял, что крах ее надежд, страшные события последних дней и пытки, которым она подверглась этой ночью, вконец сломали ее, доведя до безумия. Он тяжело вздохнул, размышляя над тем, как теперь ему с ней управиться и убедить в необходимости залечить раны на спине. И в этот момент Нарі бросилась на него с ножом.

Брэк едва успел отпрянуть назад, с трудом передвигая свои затекшие от усталости ноги. Отшатнувшись, он закрыл голову руками, но кончик ножа все-таки царапнул его по переносице. Еще немного, и варвар мог бы лишиться глаза.

Нари быстрыми шагами отступала назад, готовясь к новой атаке. Ветер пахнул дымом в лицо Брэка, и он увидел, что шатер Гарра занялся огнем. Нарі продолжала отходить в сторону шатра, по-видимому не чувствуя жара пламени.

Брэку пришлось обойти пожарище стороной, и, когда он снова увидел девушку, она была уже довольно далеко. Он тихо позвал ее, стараясь, чтобы голос его звучал дружелюбно:

— Не уходи от меня, Нарі. Мне только хочется помочь тебе. Ты же сама знаешь, что ты больна.

— Да, я больна, — согласилась дочь колдуна. — Мы все больны. Все люди. Все мы жадные и злые...

— Нарі, остановись! — крикнул Брэк, но было уже поздно. Пятясь, она оступилась на краю трещины и полетела вниз. Ее крик еще долго звенел в ушах Брэка.

Забрезжил рассвет, ясный и нестерпимо холодный. Брэк уже был на ногах, облачившись в плащи, которые он нашел в шатре Валоника. Кроме того, там были еще и продукты и небольшой мешок золотых монет. Подкрепившись и взяв деньги, он отправился на поиски своего меча и коня Гарра.

В суматохе событий прошлой ночи жеребец Гарра, порвав привязь, ускакал в долину, но найти его было не трудно, и, когда Брэк позвал его, конь подошел и откликнулся ласковым ржанием в ответ на ласку Брэка.

Сон и еда придали Брэку новые силы, а рана к тому времени затянулась. Но он все же чувствовал себя страшно измученным, подъезжая на коне к краю трещины. В свете утреннего солнца, которое уже показалось из-за Гор Дыма, пропасть была хорошо видна.

На ее ледяном дне можно было различить останки коня Валоника. Неподалеку от него лежал и сам маг. По

иронии судьбы Нари упала рядом с ним, и ее откинута рука покоилась на лице волшебника, как бы лаская его небрежным жестом.

Большая часть ледяного покрова была запорошена снегом, но там, где упала лошадь, открылась полоса чистого льда, и Брэку сразу бросился в глаза блеск золотых слитков и рассыпанных из разбитых сундуков драгоценностей.

Брэк теперь оказался единственным из живущих на свете, кто знал о существовании этих сокровищ.

И варвар решил оставить их мертвецам.

Черный утес-череп, охранявший вход в долину, казалось, нахмуясь глядит на одинокого путника. Брэк внутренне содрогнулся и потеплее закутался в плащ, с удовольствием прислушиваясь к позвякиванию монет о рукоять меча. Он слегка натянул поводья коня и отъехал от края пропасти.

В последний раз Брэк громко произнес имя Нари. Затем он повернул коня к перевалу и направился по сверкавшему на солнце снегу вперед, к свободе, к Золотому Курдистану...

Сквозь сон Джарел услышала далекий плач. Открыв в темноте глаза, она долго лежала без движения, прислушиваясь, пытаясь понять, что ее разбудило. В темную опочивальню, находившуюся в башне замка, доносились привычные ночные звуки: звон оружия стражников, ходивших между зубцами башни, и мягкий шелест их шагов по парпету, устланному соломой, чтобы не тревожить ночной покой хозяйки замка Джойри.

Внезапно из темноты ночи возникло воспоминание: объятия закованных в кольчугу рук и наглое бородатое лицо, и Джарел, чувствуя, что глаза наполняются беспомощными слезами, сжала алые губы, проклиная свою слабость.

Лежа без движения, она вспоминала Гийома — ненавистно прекрасного в своих доспехах, ухмыляющегося с высоты ее собственного трона в парадном зале замка Джойри, среди окровавленных тел ее солдат. Гийом — его крепкие объятия, его рот, тесно прижимающийся к ее губам. Воспоминание о наглых поцелуях победителя до сих пор вызывало в девушке гнев. Но был ли то гнев? Или ненависть? Пока не свершилась месть и он не пал мертвым к ее ногам — откуда она знала, что чувство, вскипавшее в ней при воспоминании о его наглых объятиях, избииении ее воинов и захвате замка Джойри, не было ненавистью? Ведь она — никому не покорявшаяся владычица сильнейшей в королевстве крепости — больше всего гордилась неприступностью и своей, и Джойри: никто из мужчин не смел прикоснуться к ней, если она не звала сама.

Нет, не ненависть была ответом всеподавляющей наглости Гийома. Не ненависть. Слишком много легких любовных увлечений пронеслось через ее жизнь — как ей было распознать, что скрывалось за этой пьянящей яростью, пока не оказалось слишком поздно? Впрочем, теперь все было кончено.

Тогда она спустилась по тайному ходу, известному, кроме нее, лишь одной живой душе, в темный безымянный ад, закрытый для всех носящих крест, за воротами которого кончались владения Бога и начиналась власть неведомых и ужасных богов. Ей вспомнился проколотый звездами мрак, ветер, доносящий отдаленные вопли, подстерегающие со всех сторон неясные опасности. Ничто, кроме ярости, не заставило бы ее спуститься туда, и ничто, кроме ярости, не помогло бы выжить на тех темных путях, где искала воительница достойное Гийома оружие.

Оружие было найдено — поцелуй Черного бога. Холодный и тяжелый. Джарел принесла его назад, чувствуя где-то внутри себя неимоверный груз, сжимаясь и содрогаясь от этого прикосновения. Это бремя отравило все ее существо, но она и не подозревала тогда, какую ужасную силу оно таило, словно адово семя, вызревающее, чтобы убить ее возлюбленного.

Оружие оказалось достойным. Джарел мрачно улыбнулась, вспомнив, с каким торжеством он, ни о чем не догадываясь, принял поцелуй ада...

Джарел представилась сцена ужасной мести, когда, стоило их устам встретиться, ледяное бремя перешло с ее души на его. Она вновь увидела, как неведомое зло захватило тело завоевателя: свинцовое отчаяние, непереносимое для существа из плоти и крови.

Да, достойное оружие. Джарел рисковала своей душой, чтобы отыскать его, и, насмерть поразив врага проклятием, слишком поздно поняла, что теперь никогда не сможет полюбить другого. Гийом, высокий и прекрасный в своих доспехах, — короткая черная борода, прорезанная белизной улыбки, наглое выражение исполосованного шрамами насмешливого лица. Гийом — воспоминания о его поцелуях будут до конца дней преследовать ее по

ночам. Но теперь Гийом мертв. В темноте Джарел закрыла лицо руками.

Сон вернулся незаметно. Во сне она блуждала в непроглядной, сквозящей смутными образами тьме, где из тумана еле слышно доносился жалобный плач. Голос казался знакомым, но с новым, горестным выражением — скорбный тихий плач, заблудившийся во мраке.

— О Джарел, — тянулась тончайшая ниточка плача. — О Джарел, убийца моя...

И во сне ее сердце замерло, и, хотя ей не раз приходилось убивать, этот еле слышный в бесплотном мраке сна голос показался Джарел знакомым, и она затаила дыхание, прислушиваясь. Голос звал ее снова и снова.

— О Джарел! Это Гийом, убитый тобой Гийом. Будет ли конец твоей мести? Смилуйся, о моя убийца! Освободи мою душу от пытки Темного бога. О Джарел, Джарел, молю — пощади!

Пробудившись, Джарел полными слез глазами в раздумье смотрела в темноту, вспоминая этот жалобный тихий плач — все, что осталось от громкого, звучного голоса Гийома. Темный бог? Ведь Гийом умер без покаяния, со всеми грехами на совести, и его душа должна была низринуться прямо к воротам ада.

И все-таки возможно ли это? Оружие ее мести — адский поцелуй (чтобы получить его, она осмелилась проникнуть в неведомые подземные глубины) поверг нагую душу Гийома, заблудшую и одинокую, в ад, и теперь она мыкается в безымянном мире, под незнакомыми звездами, среди скользящих во тьме причудливых призрачных фигур. И завоеватель просит у нее пощады — тот Гийом, что при жизни не просил пощады ни у одного живого существа.

Наверху, на башне, раздался бой часов, и, провалившись в беспокойную дремоту, Джарел вновь оказалась в смутной тьме, где тихий голос звал в тумане, жалобно умоляя о пощаде. Гийом, гордый Гийом, с его громким голосом и насмешливыми глазами, Гийом,

проклятый, стонал: «...Пощади меня, о моя убийца!..» И Джарел снова проснулась в слезах и вскочила, невидяще глядя по сторонам в полумраке, уверенная, что еще слышит эхо тихого плача. И когда плач затих в ее ушах, она поняла, что ей предстоит еще раз спуститься в подземелье.

Она лежала, с дрожью заставляя себя принять правду. Джарел была бесстрашной и неукротимой воительницей, превосходившей в битве любого из своих воинов. Слава хозяйки Джойри — рассказы о ее красоте, подобной красоте клинка, ее безоглядной отваге, ее искусстве в бою разошлись далеко за пределами ее владений. Но при мысли о том, что потребуется от нее для освобождения души Гийома, Джарел стиснул холод ужаса, а сердце болезненно сжалось. Опять спускаться вниз, в гибельный, освещенный лишь звездами мрак, полный опасностей, для которых не существует даже названия, — отважится ли она? Отважится ли?

Наконец, проклиная свою нерешительность, она поднялась с постели. При свете звезд, что пробивался в узкое окно, она надела замшевую юбку и короткую кольчужную тунику, пристегнула к стройным сильным ногам наголенники, принадлежавшие давно погибшему римскому легионеру, и, как и в ту незабываемую ночь, когда собиралась в первое путешествие, взяла обнаженный обоюдоострый меч.

Джарел спускалась по темным переходам спящего замка. Подземелья Джойри глубоки, и путь по сочащимся влагой промозглым подземным коридорам, мимо темниц, где догнивали в цепях забытые кости врагов, был долог. Ей, не боявшейся никого из людей, было жутко в этом кишачем призраками мраке, и она крепче сжала меч и охватила дрожащими пальцами нательный крест. Тишина давила на уши, тьма черной повязкой закрывала напряженные глаза.

Последний сырой коридор, глубоко под землей, кончался глухой стеной. Свободной рукой она начала вынимать незакрепленные камни, освобождая узкий проход, в который едва можно было проскользнуть, стараясь не вспоминать, как на этом самом месте в ту ночь упал

Гийом, с поцелуем Черного бога, горящим на его губах, и глазами, полными невыразимой муки, — здесь, на этих камнях. На фоне мрака ей ярко представилось освещенное факелами подземелье и расprostертое на полу длинное, закованное в броню тело Гийома. Этого ей не забыть никогда. Наверное, и после смерти она будет помнить смолистый дым факелов и гробовой холод каменного пола, когда она опустилась на колени у тела сраженного ею воина, комок в горле и рыжие волосы, что упали ей на лицо, скрывая от бесстрастных солдат слезы. И Гийом, Гийом...

Решительно прикусив губу, Джарел сосредоточилась на своей работе. Перед ней образовался проход, достаточный для ее стройного тела. Она протиснулась в плотный мрак, ступила на полого спускающуюся поверхность и осторожно пошла вниз, нащупывая ногами дорогу. Когда пол выровнялся, она опустилась на колени и стала ощупью искать на плитах под ногами знакомый круг. Вот и он, и странное холодное кольцо из неизвестного металла в его центре, металла, никогда не видевшего дневного света, такого гладкого, холодного и чуждого, что, когда она взялась за него и потянула, ее пальцы дрожали. Крышка была тяжелой, и, как и в прошлый раз, ей пришлось взять меч в зубы — она не решалась положить его на пол — и тянуть ее обеими руками. Крышка поднялась с тихим странным вздохом, словно оторвалась присоска.

Мгновение Джарел сидела на краю, свесив ноги в люк, собирая всю свою храбрость для прыжка. Не смея больше медлить, боясь, что еще через мгновение уже не решится прыгнуть, она набрала в грудь побольше воздуха, крепче сжала в руке меч и прыгнула.

Это был, должно быть, самый странный в мире спуск — не лестница, не колодец, а уходящая вниз спираль, не предназначенная для людей, в стенах которой безымянный странник какой-то забытой эпохи сделал зарубки для рук и ног, так что Джарел могла немного замедлять спуск. Она плавно скользила вниз по спирали, хватаясь за зарубки и притормаживая, когда спуск казался ей слишком быстрым.

И снова появилась знакомая дурнота — странное внутреннее головокружение, словно спуск шел не только сквозь пространство, но и сквозь измерения, и само ее тело изменялось с каждым витком спирали. И еще воительнице казалось, что скольжение было слишком медленным для свободного падения. Внутри спирали терялось ощущение тяготения, витки головокружительно разворачивались один за другим и дурнота все усиливалась, пока Джарел не потеряла всякое ощущение времени и расстояния. Покорившись судьбе, она скользила вниз, в темноту.

Прошло немало времени, прежде чем спираль начала распрямляться, спуск стал пологим и Джарел поняла, что достигла конца. После этого ей пришлось ползти по пологому склону на четвереньках, но наконец она выбралась на ровное место и с трудом поднялась на дрожащих ногах, сжимая в руке меч, напряженно всматриваясь в непроницаемый мрак, подобному которому не было ни в этом мире, ни за его пределами. Мрак был полон опасностей, но, не особенно заботясь о них, воительница двинулась вперед, думая об ужасах, подстерегающих ее впереди.

Джарел осторожно продвигалась вперед, размахивая перед собой мечом, чтобы не столкнуться с разбегу с каким-нибудь притаившимся во мраке чудовищем. Пробираясь во тьме под взглядом невидимых глаз, ощущая рядом чье-то выжидающее присутствие, было крайне неудобно. Дважды девушка слышала тяжелое дыхание, по камням где-то близко прошлепали огромные влажные лапы, но никто не касался ее и не пытался преградить ей путь.

Тем не менее, достигнув конца прохода, Джарел дрожала от напряжения и страха. Никакого видимого признака, что он кончился, не было, но, как и прежде, она неожиданно почувствовала, что очутилась в огромной подземной полости, ощущая со всех сторон чудовищное напряжение вздыбленных масс земли. Даже тьма была здесь другой — и у девушки перехватило дыхание.

Джарел крепче взялась за меч и, нащупав на шее распятие, перекинула цепочку через голову.

В тот же миг вспышка ослепительного света, как удар в лицо, хлестнула по ее привыкшим к темноте глазам. Она стояла в горловине пещеры, высоко на склоне холма, а под ней лежала местность, залитая небывалым, ослепительным светом. Это был день, день над жуткой землей.

Джарел вскрикнула и, прикрыв рукой ослепленные глаза, попятилась назад, в темноту пещеры. Ночь в этой земле была ужасна, но день — нет, она не решалась взглянуть на этот неведомый ад при свете. Ей вспомнилось, как в прошлый раз, содрогаясь от ужаса, она спускалась с холма, стараясь не смотреть на свою отвратительно изуродованную тень, волочившуюся по камням. Нет, надо ждать, и неизвестно, как долго, ибо, хотя она уходила из замка ночью, здесь был день, и кто знает, сколько длится день в этой земле.

Джарел забралась поглубже в пещеру, пока от ужасного света не остался лишь блик на темной стене, и села в ожидании, прислонясь спиной к скале, положив меч на обнаженные колени. Размытое пятно света на стене имело необычный оттенок, которого не бывает у земного света. Казалось, свет мерцал, становясь то бледнее, то ярче, затухая и разгораясь наподобие отсветов костра.

Несколько раз кто-то проходил мимо входа в пещеру, на мгновение закрывая свет, а однажды на стене появилась огромная сгорбленная тень, словно кто-то остановился и заглянул в пещеру, всматриваясь в темноту. При мысли о том, какие твари рыскали здесь при свете дня, Джарел вздрогнула, как от холодного ветра, и потянулась к распятию, забыв, что его больше не было на шее.

Она ждала долго, сжимая похолодевшими руками колени, наблюдая за отсветами на стене. Через какое-то время она слегка задремала чутким, не приносящим отдыха сном, готовая проснуться при малейшем движении или звуке. Казалось, прошла вечность, прежде чем пятно света на стене пещеры начало бледнеть.

Джарел следила за блекнувшим световым пятном. Оно не двигалось по стене, как солнечный луч, но оставалось неподвижным, медленно затухая, и, теряя свой неестественный оттенок, окрашивалось вечерней синевой. Джарел встала и сделала несколько шагов взад и вперед, разгоняя кровь в затекшем теле. Но она не отваживалась выйти ко входу в пещеру, пока от светлого пятна на стене не осталось лишь еле различимое мерцание.

Джарел снова оказалась на вершине холма, глядя на землю, бледно освещенную раскинувшимися по небу непривычными созвездиями, в очертаниях которых имелось что-то неуловимо и вместе с тем пугающе знакомое. Глядя на звездные узоры в небе, девушка вновь ощутила, что находилась где угодно, но только не в пещере, пусть даже и огромных размеров. Воздух был свеж, на небесном своде горели звезды, и о подземных коридорах можно было забыть — подземелье осталось позади.

Перед ней в сумерках простиралась незнакомая местность. Ландшафт со времени ее первого путешествия изменился до неузнаваемости. Мощный столб не отбрасывающего тени света, что двигался по небосклону в отдалении, бесследно исчез. На месте равнины блестела широкая река, а на земле тут и там бледно мерцали светлые заплата, словно поля темноты, засеянные светящимися зернами.

Джарел с опаской вышла из пещеры, готовясь к нападениям тех мелких гадов, что в прошлый раз искушали ее ноги. Но их не было. Надеясь, что избежала тошнотворной борьбы, она пошла вниз. На этот раз спуск показался ей длиннее. Камни выворачивались из-под ног, колени секла острая трава. На ходу девушка размышляла, с чего начать поиски, ибо в темной, изменчивой местности не было никаких ориентиров, а голос Гийома был не более чем смутным воспоминанием из сна. Даже дорогу к озеру, где обитал золотой бог, было теперь не найти — все вокруг стало другим.

Без помех достигнув подножия холма, Джарел наудачу побежала в темноту, с уже знакомой нереальной легкостью, словно танцуя, как если бы притяжение тут было меньше того, к которому она привыкла, и земля убегала

из-под ее легких ног. Это казалось сном — стремительный, как ветер, полет сквозь тьму.

Одна из светлых заплата, что издали напоминали поля, вблизи действительно оказалась чем-то вроде поля. Мерцающее свечение исходило от мириад трепещущих огоньков, посаженных ровными рядами, и, когда Джарел побежала достаточно близко, обнаружилось, что это были маленькие, чуть крупнее светлячков, насекомые со светящимися крыльями, которыми они отчаянно били в воздухе, метаясь из стороны в сторону в тщетных попытках освободиться. Каждое создание держалось на тонком стебельке, словно так и выросло из земли. Ряды огоньков уходили в темноту.

Строить предположения о том, кто и с какой целью посадил эти странные растения, было бесполезно. На бегу она срезала угол поля и случайно разорвала несколько стеблей. Освободившиеся сияющие пленники мгновенно бросились на нее, словно рассерженные пчелы, и там, где светящиеся крылья коснулись кожи, стало невыносимо жечь. Джарел удалось отбиться от них, и она понеслась дальше, осторожно обходя другие поля.

Пересекая ручей, бормотавший про себя в темноте странным, шепчущим голосом, удивительно напоминающим человеческую речь, Джарел на мгновение остановилась послушать и разобрала несколько слов. Но слова эти показались ей такими жуткими, что она, боясь слушать дальше, стремглав бросилась прочь.

Внезапный порыв ветра разметал ее рыжие волосы. Вдалеке кто-то еле слышно плакал. Джарел застыла на месте, прислушиваясь, и ветер стих, замерев вместе с ней. Но Джарел была почти уверена, что это — голос из сна, и после секундного колебания повернула в том направлении, откуда раньше дул ветер.

Теперь она приближалась к реке. Почва становилась все более неровной, от реки доносился приглушенный шум стремительно текущей воды, и тут в лицо ей ударил новый порыв ветра. И снова девушке послышался еле различимый отголосок знакомого плача.

Добежав до берега, Джарел остановилась и взглянула вниз, туда, где между крутых берегов неслась вода.

Она выглядела здесь иначе, чем в земных реках, и, несмотря на свой стремительный бег, казалась вязкой. Когда Джарел наклонилась к ней, на девушку взглянуло чудовищно искривленное неровной поверхностью лицо, каким оно никогда бы не могло отразиться в земной реке, а вода под отражением мгновенно вздулась бурным, словно на дне неожиданно возник камень, и это внезапное изменение было пугающим: река, бросая длинные голодные волны на скалистые берега, казалось, собиралась кинуться на Джарел, и девушка поспешно отпрыгнула прочь. При мысли о том, что могло случиться, если бы она помедлила чуть дольше и клокочущие волны успели бы подняться выше, по коже воительницы побежали мурашки.

Как только она отступила, волнение мгновенно стихло. Через несколько секунд поверхность реки разгладилась. Слегка дрожа, Джарел продолжала путь вверх по течению — туда, откуда налетали порывы ветра.

Внезапно она оказалась в полосе крошечной тьмы и рванулась вперед, панически боясь упасть в темноте в реку, но миновала странное место без происшествий. И тут земля начала подаваться и дрожать под ее ногами, словно студень, так что она еле удерживала равновесие. Но порывы ветра продолжали то налетать, то стихать, и каждый раз ей казалось, что слабый плач звучит все яснее. Ей почудился далекий стон «Джарел...», и она ускорила бег.

Над горизонтом возникло бледное сияние, и Джарел испугалась, что ночь уже кончается и занимается заря. Но нет — она вспомнила, что в то ужасное утро ее стремительного бегства бледный свет опоясал равномерно весь горизонт, как будто солнце поднималось здесь огромным кругом одновременно по всему горизонту, постепенно наливавшемуся зловещим сиянием. На этот раз свет был зеленоватым и продолжал усиливаться, пока наконец из-за далеких холмов не показался край огромной зеленой луны. Звезды вокруг нее побледнели. Лунный диск пересекло облако и, извиваясь, точно в агонии, расплылось туманом и исчезло, оставив зеленый лик чистым.

Теперь по щербатому лику луны лениво перемещались смутные тени, похожие на темные тучи, медленно плывущие в ее атмосфере. Если это были тучи, то луна светила, излучая лишь слабый свет, раз темные пятна затеняли ее поверхность. Но и этого света было достаточно, чтобы на земле под ногами Джарел проявились громадные тени, извивающиеся и меняющие формы, по мере того как темные пятна затеняли и открывали зеленый диск. Ночь от этого стала более смутной и нереальной, чем сон, а от мертвенного зеленого свечения болели глаза.

Джарел бежала среди теней, чудовищных, жутко отличающихся от отбрасывающих их предметов, хотя одинаковые предметы отбрасывали разные тени. Взглянув раз на свою собственную тень, что спешила за ней по земле, Джарел вздрогнула и больше не решалась смотреть. Невероятная искаженность сочеталась в ней с неуловимым и оттого еще более пугающим сходством. Временами по земле ползли тени, которые ничто не отбрасывало, — мутные пятна причудливой формы, они беззвучно скользили мимо и растворялись во мраке. И это было хуже всего.

Джарел бежала навстречу ветру, напрягая слух, чтобы не пропустить повторение далекого крика, сторонясь теней и вздрагивая всякий раз, когда ее путь бесшумно пересекала стелющаяся по земле темная клякса. Свет луны, медленно поднимавшейся по небосклону, озарял ночь мертвенно-зеленым сиянием, плодя на земле жуткие движущиеся тени. Иногда лениво ползущие по лунному диску пятна собирались вместе и закрывали весь огромный диск, и Джарел пробегала несколько шагов, радуясь кратковременной темноте, пока пятна снова не расходились, открывая отсутствующе вззирающий вниз мертвый зеленый лик, по которому, словно трупные пятна по лицу мертвеца, ползли темные облака.

Во время одного такого затмения что-то яростно хлестнуло ее по ноге, скрипнув зубами по металлу наголенника. Когда диск луны очистился, на наголеннике блеснула длинная царапина, по которой стекали капли светящегося яда. Джарел сорвала пучок травы, чтобы

стереть яд, прежде чем он стечет на незащищенную ногу, и от прикосновения к яду трава начала отчаянно извиваться у нее в руке.

Вверх по течению река все больше сужалась и меле-ла — было ясно, что приближается исток. Порывы ветра все отчетливее доносили до нее тихий жалобный зов, лишь отдаленно напоминающий насмешливый голос Гийома. Начался крутой подъем, и Джарел карабкалась вверх по склону. От реки остался лишь ручеек.

Журчание воды напоминало чье-то неразборчивое бор-мотание. Внизу быстрый речной поток угрожающе ревел, голос же ручья был нетороплив и ясен, состоял из всплес-ков — коротких звонких нот, словно слогов, в которых сквозил злобещий смысл. Джарел, страшась понять смысл этой речи, старалась не прислушиваться.

Склон становился все круче, а нежный голос ручья все звонче и яснее выводил свою ядовитую серебряную песенку. На фоне звезд над ее головой обрисовался гро-моздящийся на вершине холма силуэт вроде громадного неуклюжего человека, такого же недвижимого, как служив-ший ей основанием холм. Джарел поудобнее перехватила эфес меча и замедлила бег, осторожно огибая темную фигуру. Вблизи в зеленом свете луны стало видно, что это был просто припавший к земле истукан, казавшийся в темноте черным, с тускло отсвечивающей поверхностью. Его тень беспокойно металась по земле.

Указывавший путь ветер теперь совершенно стих. Джарел, затаив дыхание, стояла перед безмолвным ис-туканом. Незнакомые узоры звезд змеились по небу, оза-ряя ее злобещим светом, а кругом все застыло в оцепе-нении, кроме непрестанно шевелящихся теней.

Черная статуя изображала скорченную фигуру чело-века с приплюснутой, втянутой в плечи головой, не-уклюже ковыляющего, опираясь на землю простерты-ми перед собой руками, и нечто невыразимо-скверное в ней напоминало Гийома. Неуловимые совпадения линий и углов уродливого истукана пародировали стройную, изящную фигуру Гийома, высокую посадку головы. Не-возможно было указать ни на одну явную черту сход-ства, но сходство было несомненным. Джарел увидела,

что статуя олицетворяет все, что было уродливым в Гийоме: жестокость, наглость, тупая сила. Статуя была портретом его пороков, и достоинств было оставлено в ней ровно столько, чтобы лишь оттенить их отврати-тельность.

На мгновение девушке почудился призрачный силуэт Гийома — такого, каким она его не знала: насмешливое лицо искажено гримасой отчаяния, сильное тело корчится в тщетных попытках освободиться от гнусного истука-на — уродливого образа собственной души. И ей откры-лась его кара — праведная и в то же время бесконечно несправедливая.

На какую же утонченную пытку обрек его поцелуй Черного бога! Ужасающе полное осознание собственных грехов, заточение в их зримом воплощении, вечная мука в отвратительном образе, столь неопровержимо изобра-жающем его самого — его низшее и худшее «я». Была в этом справедливость — при жизни Гийом был грубым и жестоким человеком. Но уже то, что заточение было для него пыткой, подтверждало наличие в нем высшего, благородного и утонченного существа, рвущегося на сво-боду из невыразимо ужасной темницы — самого себя. Все лучшее в нем превратилось в одно из орудий пытки, вместе с пороками терзая душу.

Стоя перед скорченным черным истуканом, Джарел впивалась в него взглядом, пока ей не открылась его тайна. Глаза ее наполнились горячими слезами, в горле встал комок. Яростно отбросив все сомнения, она огля-делась вокруг, ища способ разрушить наложенное ею в неведении заклятие.

И тотчас в ночном мраке вокруг нее начало сгущаться что-то мрачное, невидимое, и Джарел почувствовала все возрастающий гнет темной силы — холодной, враждеб-ной всему человеческому. Присутствие Черного бога. Черный бог явился защитить свою жертву от той, что была чужда его мертвой черноте, — от той, что плакала и дрожала, лучилась любовью и печалью, тосковала в отчаянии.

Неумолимая сила все теснее сжимала Джарел, замо-раживала ее слезы, обращала ее тепло и нежность в

серый лед, сковывала ее холодной неподвижностью. Воздух, неподвижный, посеревший от холода, стыл в мертвящем, бесчеловечном присутствии Черного бога. Перед Джарел возник образ узилища, в которое Черный бог увлекал ее, — недвижные сумерки, вечное оцепенение смерти. Чудовищная тяжесть давила со всех сторон. Душа леденела, и жуткая, свинцовая, нечеловеческая безнадёжность медленно вползала во все уголки ее существа.

Джарел превращалась во что-то холодное, темное и твердое, в черную тень самой себя, в скрюченную черную статую — тюрьму для последней теплящейся в ней искры сознания.

И тут издалека, словно из другого времени и пространства, возникло воспоминание: крепкие объятия и насмешливое лицо Гийома. Нет, это происходило не с ней, а с другой женщиной, где-то далеко-далеко. Воспоминания огнем пробежали по затвердевшему, холодному и неподвижному телу воительницы — Джарел почти забыла, что тело принадлежало ей, — и память той неведомой, яростной страсти, что была одновременно ненавистью и любовью, на миг разбила сковывавший ее лед. Девушка упала на колени к ногам черного истукана и, громко всхлипывая, зарыдала, а слезы, словно горячее пламя, растапливали ее заледеневшую душу.

Душа ее постепенно отогревалась. Лед медленно таял, ослабляя свою хватку, и жуткая тяжесть нечеловеческой безнадёжности мало-помалу ослабевала. Горячие слезы текли между ее пальцев. Но над ней осязаемо навис холодный, выжидающий Черный бог. И Джарел поняла, что с ее недолговечной человеческой слабостью ей нечего надеяться выдержать это бесконечное, бесстрастное ожидание. Настанет время, когда слезы иссякнут, а затем...

Джарел плакала, понимая всю безнадёжность борьбы против смерти и забвения. Она — лишь ничтожная искорка тепла и жизни, тщетно сопротивляющаяся мраку, — маленький тлеющий, обреченный погаснуть огонек. Мощи Черного бога — смерти и разрушению — не было пределов, а воительница могла противопоставить ему лишь слабое мерцание, что именуют жизнью.

Внезапно в глубине затопленной отчаянием души Джарел возникло какое-то волнение. Одна за другой через ее сознание прошли туманные, неясные чувства, накатывая и исчезая, словно волны. Смех, веселье, скорбь, плач, отчаяние, любовь, зависть, ненависть. А когда чувства схлынули, девушка подняла лицо от ладоней.

Вокруг темной фигуры закружился туман. То разрежаясь, то собираясь, он постепенно сгустился в хоровод зыбких, как видения, фигур — пляшущих девушек, окруживших скорчившийся истукан мельканием легких ног и разлетающихся волос. Каждая из девушек была Джарел, и настроений на их лицах было столько же, сколько девушек: Джарел смеющаяся, Джарел рыдающая, Джарел содрогающаяся от ярости, Джарел нежно любящая. Их пляска становилась все быстрее — хаос мелькающих рук и ног, буйство отчаяния и веселья — всех человеческих эмоций. Воздух вокруг них пульсировал, мерцал, и очертания черной фигуры смазались, словно та задрожала.

Эти волны человеческого тепла били в нависшее холодное облако Черного бога. Жизнь и тепло раздвигали казавшуюся непобедимой черную пустоту. Джарел чувствовала, что чернота вокруг нее начинает трепетать, словно пелена на ветру, и расползаться. Медленно, медленно она поднималась в воздух и растворялась, а неистовые фигуры веселья, скорби и всех других человеческих чувств вились вокруг статуи, и пульс их жизни бился в воздухе жаркими волнами, наступая на серый холод Черного бога.

Какой-то частью сознания Джарел радостно осознала, что представившийся ей образ жизни — ничтожной искорки, тлеющей и гаснущей в беспредельном мраке, — был ложным, что без света нет и тьмы, что смерть и жизнь зависят друг от друга и что она, защищенная теплом жизни, достойная противница Черного бога. Воительница призвала на помощь все свои жизненные силы и бросила их против тьмы, против холода и тишины забвения. Сила жизни переполняла ее, и она чувствовала себя бессмертной.

Джарел не знала, как долго длилась борьба. Но хотя вокруг еще висела холодная пелена, в ее жилах уже играло вино победы. И тьма неожиданно отступила. Исчез Черный бог, а вместе с ним и кружащийся хоровод. Ночь опустела, и Джарел переполняло торжество.

Но черная фигура — с ней происходили удивительные перемены. Черные отвратительные очертания заколебались, как туман, они трепетали и переливались, словно плаваясь... Зеленую луну опять закрыла вуаль облаков, а когда свет вернулся, от статуи осталась лишь черная скользящая по земле тень, тень с очертаниями Гийома — или того, что могло быть Гийомом...

Лунные тени ползли по мертвому диску, и тень на земле двигалась — чудовищное олицетворение тех мерзостей, что мог бы совершить Гийом, отвратительных тварей, в которых он мог бы превратиться. И Джарел открылось, почему бесформенные тени выглядели столь омерзительными. Это были лишь смутные, неясные намеки на то, что могло и еще может случиться, воплощения спящих в каждом живом существе гнусностей. И эти выморочные образы были еще отвратительнее оттого, что за неправдоподобием их кошмарности сознание интуитивно угадывало правду...

Налетел резкий порыв ветра, и тень беззвучно заструилась по камням. Джарел бросилась за ней. После битвы с Черным богом ноги ее дрожали, но тень скользила все быстрее, и она боялась отстать. Тень неслась вперед то быстрее, то медленнее. Ее уродливые очертания менялись, раз от раза становясь все более зловеще-многозначительными. Джарел нетвердыми шагами поспешила им вслед. Меч тяжело оттягивал ей руку, голова клонилась к земле.

Через несколько минут она совсем заблудилась. За холмом река исчезла. Неверный свет луны сбивал с толку, а звезды в небе складывались в незнакомые, ничего не говорящие ей узоры. Луна теперь висела прямо над головой. Когда ее закрывали облака и ночь смыкалась вокруг, бесформенная тень Гийома вместе с остальными пропадала в черноте. Джарел беспокойно ждала возвращения света, чтобы продолжить погоню.

Темная клякса ползла теперь по холмистым лугам, между виднеющимися тут и там деревьями причудливых форм. Под ногами стелился бархатистый ковер травы, а от деревьев, мерцавших в лунном свете белизной цветов, волнами доносились ароматы. Мелькавшая впереди тень Гийома достигла одинокого высокого дерева с пышной кроной, с которой к земле протянулись длинные трепещущие ветви. Приблизившись к нему, тень замерла на мгновение, подрагивая, и вдруг слилась с тенью его ветвей. Тень дерева, пока ее не коснулась тень Гийома, выглядела чудовищем с хищной сплюснутой головой и вытянутыми в стороны извивающимися щупальцами, но вдруг щупальца рванулись вперед, обнимая прищельца, и обе тени слились в одну, притаившуюся под деревом, неимоверно злобную тварь.

Джарел остановилась у края тени, беспомощно глядя на нее. Она не решалась наступить на мерзкое черное пятно, хотя и чувствовала, что оно не в силах причинить ей вреда. Соединившиеся тени исходили злобой, но они были страшны только подобным им тварям. Стоя у дерева, Джарел тщетно пыталась понять, как вырвать тень ее возлюбленного из лап поглотившей ее твари. Что-то подсказывало ей, что его тень присоединилась к другой не по своей воле. Злобные инстинкты дерева воззвали к злобе Гийома и завладели им, хотя остававшаяся в нем светлая сторона с отвращением противилась этому.

Что-то легко коснулось плеча Джарел и скользнуло вокруг руки, и девушка в панике отпрыгнула назад. Слишком поздно. Свисающие ветви дерева, извиваясь, протянулись к ней, а одно уже успело обвиться вокруг тела. Только теперь воительница поняла, что тень служила ясным предостережением против таившейся в растении опасности — притаившегося чудовища с шевелящимися, готовыми к атаке щупальцами. Меч Джарел, сверкнув в зеленом свете луны, ударил по гибкой ветви, но та мягко подалась под ударом и, упруго изогнувшись, снова бросилась на девушку, чуть не сбив с ног. Джарел повернулась к дереву и отчаянно размахивала мечом, видя, как вокруг нее смыкаются ветви. Но тут меч вошел

наконец в упругую мякоть, и, содрогнувшись всеми ветвями до самого корня, дерево ослабило хватку, а отрубленная ветвь упала, извиваясь, на землю. Из нее сочился густой черный сок. Ветви дерева безжизненно обвисли. Тень раскрыла судорожно извивающиеся щупальца, и освобожденная тень Гийома выскользнула из их объятий и пронеслась по траве. Джарел, еще дрожа, последовала за ней.

Теперь она внимательнее смотрела на росшие вокруг деревья. Листья одного маленького куста, несмотря на безветрие, непрестанно трепетали на раскачивающихся ветках, а его тень была тенью маленького зверька, который все прыгал на незримую преграду и, отброшенный, падал, чтобы снова прыгнуть в паническом ужасе. Тонкое голое дерево медленно раскачивалось на фоне звездного неба, и ветви его беззвучно сплетались и расплетались, сотрясаясь в безмолвной муке, что было красноречивее слов. Оно, казалось, мучительно заламывало руки от тупой, нескончаемой боли. Его тень смутно напоминала тень корчащейся женщины.

Джарел миновала и другое дерево — оно призывно протягивало в лунном свете усыпанные чудесными цветами ветви, распространяя вокруг волны одурманивающего аромата, и издавало низкое завораживающее гудение, напоминавшее гул пчелиного улья. На земле под ним притаилась тень свернувшейся, готовой к броску змеи.

Джарел была рада, когда деревья наконец остались позади. Девушка и ее спутник-тень понеслись налево, вниз по пологому склону, среди других ничем не отбрасываемых, бесформенных теней, неустанно струившихся по земле. Словно облака по ветру, они беззвучно уносились вдаль. Запутавшись, Джарел потеряла, нашла и снова потеряла ту тень, которую преследовала. У нее кружилась голова, и трудно было сохранять равновесие. Земля под ногами расплывалась в мелькании текучих теней, так что не видно было, куда ступает нога, а преследуемое ею смутное нечто головокружительно меняло на ходу свои очертания.

Теперь Джарел не сомневалась, что тень ее возлюбленного стремится к определенной цели. В скольжении темного пятна чувствовалась целеустремленность. Она смотрела вперед, пытаясь угадать, куда направляется тень. С холма открывалась залитая мертвенным зеленым светом безликая равнина, испещренная туманными пятнами. Сквозь туман в сумраке ночи проступали лишь бесформенные темные и светлые пятна, да кое-где на черном фоне виднелись серебристые змейки ручьев. Теперь Джарел совершенно заблудилась. Река осталась далеко позади, и девушка не видела холмов, напоминающих тот, с которого началось ее путешествие.

Они пересекли еще одну полосу зыбкой почвы, и тень опередила Джарел, пока девушка с трудом пробиралась по студнеобразной поверхности. Перед ними возник светлый ручей, и тень перемахнула его не останавливаясь. Узкий и быстрый, ручей басисто бормотал в темноте. Посередине его из воды поднимался одинокий камень. Джарел не рискнула замедлять бег и, затаив дыхание, прыгнула на камень. Тот со стоном, словно живой, подался у нее под ногой, но девушка уже перескочила на другой берег.

Их путь снова лежал вниз по склону. Тень скользила все быстрее и целеустремленнее. Склон становился круче и круче, пока не перешел в склон оврага. Джарел оступалась, из-под ног у нее покатались камни. Тень скользнула через край, вниз по крутому склону, и исчезла в стоявшем на дне оврага, словно черная вода, глухом мраке. Джарел, увидев, что потеряла ее из виду, тихо вскрикнула в отчаянии и рванулась вперед.

Она все глубже и глубже погружалась в осязаемое забвение. Наконец тьма сомкнулась над ее головой, и девушка стала вслепую пробираться вперед — в этой тьме растворился, пропал даже свет звезд. Какое-то время Джарел слепо блуждала во мраке, но тут показалась луна.

Словно лицо прокаженного с ползающими по нему черными пятнами, она перевалила через край оврага, и ее зеленый свет ударил в глаза, причиняя мучительную

боль. Не похожий на свет земной луны, он, казалось, нес в своем излучении яд. И этот неземной, необъяснимый свет произвел на дне оврага невозможные для земного света изменения. Пронзив черноту, он раздробил ее на мириады мечущихся теней, но не плоских, какими подобает быть теням, а выпуклых, трехмерных, и они заметались вокруг в головокружительной пляске обретшего форму ничто. Тени, не встречая преграды, пролетали мимо и сквозь девушку.

Среди них Джарел различила тень Гийома, чьи очертания вновь ужаснули ее: столь похожи и в то же время столь непохожи были они на того Гийома, которого она знала, столь отвратительно воплощали все скверное в нем, всю скверну, таящуюся в человеческой природе. Реальные прототипы других теней были ей неизвестны, и потому Джарел не могла понять скрытый в них смысл. Но ни одна деталь мерзкого образа, что некогда был Гийомом, не ускользнула от ее взгляда, и увиденное потрясло ее.

— Гийом! — услышала она свой всхлипывающий голос. — Гийом! — И поняла, что это был первый членораздельный звук, который сорвался с ее губ с того момента, как она попала сюда. При звуке ее голоса вившаяся волчком тень замедлила движение и приостановилась, а затем крайне неохотно поплыла к ней между продолжавшими кружиться остальными.

И тут вокруг Джарел опять внезапно сомкнулось нечто неизмеримо холодное и неподвижное. Присутствие Черного бога. Снова девушка промерзала насквозь в вечной пустоте сгущающейся вокруг ее души, и снова рядом возник образ серого, сумрачного, бесформенного ужаса, и чудовищный груз свинцовой безнадежности придавил ее содрогающуюся душу. Если бы Джарел могла предугадать эту атаку, то сопротивлялась бы, но нападение было таким внезапным, что, не успев еще собрать силы для обороны, она уже была заморожена бесчеловечным холодом до самого сердца, так что не чувствовала своего тела, и начала медленно превращаться в черную тень, одну из тех, что кружились среди других в выморочной, лишенной цветов пустоте...

Но вдруг этот холод пронзило проснувшееся в ней огненное воспоминание об объятиях закованных в кольчугу рук. И снова Джарел почувствовала вспышку страсти — ненависти или любви, — и тепло наполнило ее тело бодрящей волной.

Джарел боролась. Она собрала все свое человеческое тепло и бросила его против холода, бросила всю страсть чувств против затоплявшего ее существо и поглощающего ее душу жуткого безразличия.

Победа далась нелегко. Были мгновения, когда, казалось, холод уже победил, когда Джарел чувствовала себя отделившейся от уже не принадлежащего ей замерзающего тела, чтобы кружиться среди других теней — смутным нечто, с внушающими омерзение очертаниями, выпуклой тенью, нежитью. Она уже начинала улавливать отдаленное биение безумного ритма пляски теней, и, пока ее душа стыла и обмирала, нереальный облик продолжал неистово плясать вместе с остальными. И эта попытка длилась долгие минуты.

Но каждый раз Джарел удавалось вновь собраться с силами, и она вновь прорывалась в скованное тело, и стряхивала ледяное бесчувствие, и вновь бросала силы жизни против Черного бога.

И хотя на этот раз она была уверена в победе, легкое сомнение закралось в ее сознание и не желало уходить. Сколько бы она ни отбивала нападения Черного бога, ей было не под силу уничтожить его. Он всегда будет возвращаться. Джарел не смогла уничтожить его — перед мысленным взором опять возникла картина ничтожной искорки жизни, теплящейся в вечном мраке. И хотя без света не может быть тьмы, верно и обратное, и если бы силы Черного бога оказались уничтожены, если бы мрак был развеян — исчез бы и свет. И жизнь. Извечные враги зависели друг от друга...

Все это Джарел поняла каким-то отдаленным уголком сознания и продолжала бороться. Она сознавала это смутно, поскольку не была искупленной в философских размышлениях. Собрав всю свою волю, она призывала на помощь воспоминания о любви и ненависти, о страхе и упоении битвы, радости и восторга. Все, что было в

ней живого, пульсирующего, теплого, она бросила против холода Черного бога. Воспоминания создали вокруг нее защитную стену, не пропускавшую внутрь злобу Черного бога.

Победа, как и в первый раз, пришла неожиданно. Внезапно вокруг вспыхнул свет, и Черный бог отступил. Вспышка ослепила Джарел, и она прикрыла глаза, а когда открыла их, ущелье снова затопил привычный лунный свет. Плотный жидкий мрак исчез вместе с пляшущими тенями. Вспышка света уничтожила их, и, пока она затухала, Джарел оглядела сумрачный овраг в поисках того, что оставалось от Гийома. Но его тень исчезла вместе с остальными. От осязаемого мрака, заполнявшего все, не осталось и следа, не было видно ни одной тени. Но ветер, дувший вдоль оврага, принес слабый плач.

Погоня возобновилась. Теперь Джарел упала духом. Лишь прерывающийся плач, доносящийся из темноты.

— Джарел, — раздавался голос. — Джарел... Джарел. — И она, не видя ничего перед собой, бежала на этот зов. Гийом был теперь только голосом, и она следовала за ним, полагаясь на свой слух. Пустынный ландшафт ковром разворачивался перед ней.

Джарел выбралась из оврага и оказалась на широком веерообразном склоне, плавно уходящем в темноту. Где-то неподалеку слышался шум падающей воды. Вода текла поблизости, но было не видно — где. Оставалось только бежать вслепую, напряженно ловя слабый плач. Он звал ее вверх по склону, оттуда вдоль подошвы холма, затем мимо ручья, падавшего тонкой струйкой с обрыва и злобно шептавшего на лету.

Шум ручья заглушил голос, и, миновав ручей, Джарел остановилась и долго прислушивалась, различая лишь тяжелые удары своего сердца и тихие, незнакомые звуки лежащей вокруг земли, пока наконец не раздался стон:

— Джарел... Джарел...

Она бросилась на голос, и он зазвучал громче:

— Джарел! Джарел, убийца моя!

Это был головокружительный бег, в котором единственной путеводной нитью служил голос, а вокруг, во

мраке, кишели неведомые опасности. Тело и душа девушки были настолько истощены второй схваткой с Черным богом, что туманная тьма колебалась перед глазами, а земля под ногами, казалось, вздымалась волнами.

Один раз она упала и мгновение лежала без движения, восстанавливая дыхание. Но земля оказалась странно теплой и слегка поднималась и опускалась, словно мерно дыша. Джарел встревоженно вскочила на ноги и, точно во сне, понеслась по темной траве дальше.

Казалось, что как во время погони за тенью (когда та скрывалась от нее в скоплениях теней, сливаясь с другими), так и теперь голос вел ее через места, полные звуков, где воительница с трудом различала его сквозь лепет ручьев, шум водопадов и завывание ветра. Она прислушивалась к звукам, никогда не слышанным ею раньше: тонкие, еле различимые шепоты, носящиеся по ветру, лепет травы, рассказывавшей что-то на незнакомом языке, странный, почти членораздельный писк пролетающих мимо лица насекомых. Пения птиц было не слышно, хотя однажды что-то огромное, темное и бесформенное пронеслось, тяжело хлопая крыльями в воздухе. Зато из болот, которые она то и дело огибала, доносилось кваканье лягушек, и, услышав его, Джарел вспомнила о твари, с которой встретилась на болоте во время своего первого путешествия, и по ее спине пробежал холодок.

В каждом звуке здесь слышались злобные нотки, переплетавшиеся с нотками полнейшей безысходности, человеческой безысходности, которая сквозила даже в шелесте травы и в бормотании ветра, — и эти неясные, непостижимые звуки были столь тоскливы, что на глаза девушки не раз наворачивались слезы. И всегда сквозь тоскливый плач неясно доносился тихий смех, исполненный злобы, которой не нашлось бы названия ни в одном человеческом языке. Кроме этих звуков, были еще и другие, ничего ей не говорившие, и об их происхождении она предпочитала не задумываться.

Сквозь эту какофонию непонятных голосов Джарел следовала за своим единственным. Он длинной дугой вел ее по холмам, над тихо бормочущими сквернословия

ручьями. Вдруг до Джарел донеслись едва слышные звуки удивительной музыки. В этой музыке не было ни композиции, ни гармонии. Она, казалось, состояла из отдельных групп нот, не связанных между собой всплесков музыки, как если бы тысячи невидимых созданий, не слыша друг друга, выводили каждый свою тихую, примитивную мелодию. Джарел приближалась к светлomu пятну на темном фоне земли, и звуки становились все громче. У края пятна она остановилась, пораженная.

Музыка здесь струилась из земли — были видны отдельные мелодии, поднимавшиеся, колеблясь, в тихом воздухе. Джарел никогда не смогла бы описать увиденное, настолько картина этой зримой музыки превосходила понятия человеческого языка. Одна за другой над землей поднимались полупрозрачные ноты, и каждая тоненько выводила свою простую мелодию. Между звуками, при всем отсутствии единства, не было диссонанса. На мгновение Джарел представилось, что музыка растет из земли и что можно бродить в ней и собирать побеги звуков в букеты, и если тщательно их подобрать, то они, соединившись, образуют одну сложную мелодию.

Джарел не рискнула бы долго слушать эту музыку, если бы не таившееся в ней странное, невнятное бормотание. Пока она медлила, это бормотание усилилось и проникло в ее сознание тихими, хихикающими полутонами, и тут девушка поняла, что сама бессмысленно смеется неизвестно над чем. Испугавшись, она прислушалась, силясь различить голос Гийома. И с ужасом услышала его из эпицентра безумного смеха. А смех все усиливался, становился громче, заглушал более тихие звуки, и наконец все поле заполнилось оглушающим ревом безумного неудержимого хохота, отдававшегося в голове волнами боли.

— Гийом! — вскрикнула она в изнеможении. — О Гийом! — И при звуке ее голоса смех прекратился, на темный мир упало безмерное, глухое молчание. И в этой тишине раздался пронзительный тоненький плач:

— Джарел...

И с ним ожили и другие звуки, задул ветер, и плач исчез вдаль. Погоня продолжалась.

Теперь мертвый шевелящийся лик луны спустился к самому горизонту и по земле протянулись длинные тени. Джарел казалось, что широкое кольцо неба над горизонтом уже начинает бледнеть. От усталости и безнадежности это было ей почти безразлично, хотя девушка знала, что наступление дня означает для нее смерть более ужасную, чем может представить себе человек на земле, и наверняка вечные мучения в одном из виденных ею образов, в которых она узнавала запечатленные проклятием души. Извивающееся дерево, уродливый истукан, как Гийом, или лишь разносящийся по ветру плач — навечно. Но Джарел слишком устала, чтобы бояться. Она, спотыкаясь, брела дальше, прислушиваясь к голосу, все тише и тише звавшему ее издалека.

Погоня кончилась неожиданно. Впереди была река, над гладкими водами которой повис изогнутый темный мост. Пересекая реку по мосту, Джарел увидела смотревшее на нее из воды отражение с растянутым в отчаянном беззвучном крике ртом, хотя ее губы были сомкнуты. В водах реки она увидела свою смерть, свое лицо, искажающееся до полной неузнаваемости в тоске и муке. Но она лишь бросила быстрый взгляд на пугающее видение и побежала дальше, не обращая внимания ни на отражение, ни на местность вокруг, ни даже на разгорающуюся над горизонтом зарю.

Преследуемый ею тоненький голос раздался совсем рядом, и Джарел очнулась от оцепенения и огляделась по сторонам. Мост не кончился на другом берегу реки. Он расширился, его края поднялись, и он превратился в темный храм, со скульптурами вдоль стен, и скульптуры эти были настолько страшны, что напоминали окаменевший кошмар. Этот храм, его колонны и изображения олицетворяли весь пройденный ею мрачный ад. Скульптуры воплощали все угадывавшиеся в тенях мерзости, всю человеческую скорбь, тоску и безысходность, слышавшуюся в плаче ветра, всю ехидную злобу воды. В резьбе проступали закованные человеческие души и духи зверей, истязуемых всевозможными пытками. Некоторые из них были уже знакомы Джарел, но многие

были ей неизвестны и, к счастью, непонятны. Было очевидно, что эти неведомо за что наложенные проклятия были справедливы ровно настолько, чтобы казаться ужасно несправедливыми своей чрезмерностью. Джарел закрыла глаза и стояла, слегка покачиваясь, чувствуя вокруг торжествующую пульсирующую злобу, слишком потрясенная, чтобы хотя бы задуматься о том, что будет дальше.

Слабый голос раздавался теперь над самой ее головой. Девушке показалось, что она слышит неистовое биение крыльев, как будто какая-то маленькая суетливая птичка кружилась у ее лица.

— Джарел, Джарел! — иступленно взывал голос, снова и снова, в последнем, отчаянном призыве. И она, растерянная, беспомощно стояла, слыша, как душа Гийома бьется у самого ее лица, ощущая всем существом злобное торжество храма.

Когда, опять неожиданно, присутствие Черного бога, словно плащ, окутало ее, Джарел была почти рада этому. Это было что-то знакомое, с чем она знала, как бороться. Как будто очень издалека, она услышала затихающее эхо звавшего ее голоса, а вокруг нее сгустились холодные сумерки, и душа начинала обрастать серым льдом. Воительница призвала на помощь воспоминания ненависти, любви и злобы, чтобы бросить их против бога, и подумала, что кто-нибудь, проживший мирную жизнь, не испытывавший страстей, что выпали на ее долю, вряд ли смог бы сопротивляться смертельному холоду Черного бога. Джарел вспоминала смех, песни и веселье, кровь, смерть и яростный звон брони, поцелуи во мраке и крепкие объятия мужских рук.

Но Джарел уже выбилась из сил... Над горизонтом разгоралась жуткая заря, а сила Черного бога питалась забвением. И девушка начала понимать, что проигрывает. Воспоминания, которые она бросала в Черного бога, не имели силы здесь, в серых сумерках его сумеречного обиталища, и она почувствовала, как первая струйка свинцовой безнадежности проникает в ее сознание. Воля к сопротивлению начала поддаваться, и Джарел испугалась, что из теплого живого существа из плоти и крови

превратится в неподвижную, скованную льдом, бестелесную тварь, обитателя сумеречного мира.

Черный бог не смог заморозить в ней лишь одну маленькую искорку и теперь подступал к девушке, стараясь вытянуть ее из той холодной массы, в которую превратилось ее тело, и беспощадно тянул и тянул, а у Джарел почти не осталось сил... Лишенная тела, она безвольно носилась взад и вперед в неведомых ей раньше потоках, ударяясь о невидимые препятствия, плача без слов. Смутные, неясные, пульсирующие сгустки вихрем носились в темноте, влекомые воздушными потоками, — маленькие затерявшиеся существа, бестелесные, беспомощные, тихо стонущие во мраке.

Но когда один из маленьких смутных сгустков пронесся сквозь нее, в момент соприкосновения Джарел уловила тончайшую вибрацию своего имени и поняла, что это был тот самый голос, что пробудил ее от сна, голос, который она преследовала, — Гийом. И в этот миг в ней вспыхнуло чудесное яркое пламя. Оно стало расти, разгораться, наливаться жизнью...

Джарел снова оказалась в своем теле, среди уродливых скульптур храма, в оттаивающем, согреваемом теле, с которого дождем опадали куски ледяной брони, а горячее пламя все разгоралось, и вот уже огонь наполнил все ее существо, а холодная бледная тьма, не в силах сопротивляться, таяла в этом горячем, торжествующем пламени.

Упоенная этим буйством тепла, воительница не сразу поняла, что победила. Ей было почти все равно. Вокруг нее происходило что-то чудесное...

Воздух заколебался, и со всех сторон понеслись вверх, дрожа, тихие, высокие звуки, струясь, словно развевающиеся ленты, на фоне тишины. Пламя внутри нее постепенно утихло, бледнело и наконец незаметно угасло, а в ее опустошенной душе воцарилось полное умиротворение. Она устало побрела назад через мост, оставляя за спиной тихий, словно склеп, храм. Пульсировавшую в нем злую силу остановила на время эта чудесная вспышка того, чему не было места в этом освещенном звездами аду: живого, человеческого «я», сотканного из любви и печали, тоски, жертвенности и торжества.

Джарел не догадывалась, что означала оставшаяся позади мертвая тишина. Даже не подозревала о том, что ей удалось совершить. На фоне бледнеющего неба она разглядела возвышавшийся перед ней знакомый холм и поняла, что всю длинную ночь бежала по кругу, возвращаясь к началу своего пути. Она была слишком обессилена, чтобы испытывать облегчение или удивление по этому поводу.

Она начала нетерпеливо карабкаться вверх, не испытывая торжества победы, которая, она знала, осталась за ней. Джарел освободила тень Гийома, голос — из тени, а из бесплотного голоса выпустила на волю его душу. И хотя Джарел не была уверена в том, что сделала все так, как надо, она обрела покой, ибо теперь зов Гийома не терзал ее душу — и этого было довольно.

Перед ней зияло отверстие пещеры. Джарел поднялась вверх по склону, устало волоча меч, обессиленная телом и душой, совершенно опустошенная, но умиротворенная выше всяких пределов...

Э. Гамильтон

ЧУДОВИЩЕ ПУСТЫНИ

Он пришел к нам из пустыни, ввалился в круг, очерченный на песке светом костра, и рухнул как подкошенный. Митчел и я испугались, вскочили. Человек, путешествующий в одиночестве, странно выглядит в пустыне Северной Африки.

Несколько минут мы хлопотали над незнакомцем, и нам удалось привести его в чувство. Пока Митчел держал чашку у потрескавшихся губ незнакомца, я оглядел бродягу и увидел, что он постепенно приходит в себя. Его одежда давно превратилась в тряпье, руки и колени были покрыты многочисленными ссадинами. Когда он жестом попросил еще воды, я дал ему снова напиться, зная, что в любом случае он долго не протянет. Вскоре незнакомец смог говорить. Говорил он монотонным, каркающим голосом.

— Я — один, — сказал он в ответ на наш первый вопрос. — Некого больше там выглядывать. Кто вы... торговцы? Думаю, так... Нет, я археолог. Копаясь в прошлом. — Незнакомец на какое-то время замолчал. — Не всегда стоит выкапывать древние секреты. Многие из прошлого должно оставаться спрятанным.

Незнакомец заметил, как мы с Митчелом переглянулись.

— Нет, я не сумасшедший, — продолжал незнакомец. — Вы узнаете... Я вам расскажу... Выслушайте меня. — Тут он с усилием сел. — Уходите из пустыни Игиди. Запомните то, что я вам расскажу. Меня тоже предупреждали об опасности, но я не внял угрозам и

попал в настоящий ад!.. Но постойте, я расскажу все по порядку...

Мое имя теперь не имеет значения. Я оставил Магадор более года назад и отправился через холмы Атласа в пустыню, в надежде обнаружить какие-нибудь руины времен Карфагена.

Я провел многие месяцы в поисках, путешествуя по грязным арабским деревушкам, расположившимся то поблизости от оазисов, то посреди черной пустыни. Я забирался все дальше и дальше в дикую страну. Все больше и больше руин находил я. Рассыпавшиеся останки храмов и крепостей, которые были разрушены уже в те века, когда Карфаген стал большой империей и правил всей Северной Африкой. Вот тогда-то я на одной массивной каменной плите обнаружил надпись, которая привела меня в Игиди.

Это была запись на искаженном финикийском языке. История одного из карфагенских купцов. Небольшой рассказ. Я запомнил его слово в слово, и звучит он так:

«Купцы, не торгуйте в городе Мармурте, который лежит за горами. Я — Сан-Драбат из Карфагена, приехал в этот город с четырьмя спутниками в месяце Есчном. На третью ночь на нашу стоянку пришли священники и схватили моих приятелей. Я, спрятавшись, избежал плена. Моих спутников принесли в жертву злому богу города, который обитал там с начала времен и для которого мудрые люди Мармурта построили огромный храм, какого никогда не существовало на Земле. Там люди Мармурта поклоняются своему богу. Я сбежал из города и оставил тут это предупреждение для других купцов, чтобы не ездили они в Мармурт и избежали смерти».

Можете представить, какое впечатление произвел этот рассказ на меня. Сведения о городе, еще неизвестном современной цивилизации, об обломке неведомой культуры, утонувшем в океане времени. Я всегда считал, что когда-нибудь обнаружу такой город. Ведь что мы

знаем о Карфагене, кроме нескольких имен? Нет города, нет цивилизации, которая была бы столь основательно стерта с лица Земли, как Карфаген. Римский Сципион сровнял с землей его храмы, дворцы и приказал посыпать землю солью... Орды римских завоевателей пронесли над пустыней, где некогда располагался мегаполис.

Я обнаружил плиту с записью на окраине одной из арабских деревень и попытался найти кого-нибудь, чтобы он сопровождал меня, но никто не соглашался. Я ясно видел горный перевал — трещину между возвышающимися синими утесами. На самом деле до него было много миль пути, но эти обманчивые пустыни... мне казалось, что перевал находится очень близко. На моих картах этот горный хребет был нанесен как один из отрогов Атласа, а равнина за горами обозначена как «пустыня Игиди». За перевалом лежала пустыня — вот все, что я узнал, заглянув в карту. Я должен был взять с собой достаточно припасов, прежде чем отправиться на поиски таинственного города.

Но арабы оказались умнее меня! Хотя я предлагал сумму, которая сделала бы бедняков богачами, никто из них не соглашался поехать со мной, стоило им узнать, куда я направляюсь. Никто из них не бывал за перевалом, не заезжал так далеко в пустыню в том направлении, но все они утверждали, что за горами гнездо дьяволов, излюбленное место злых джиннов.

Известно, как крепки суеверия арабов. Я не смог убедить их и отправился на поиски в одиночку, с двумя верблюдами, которые несли запасы провизии и фляги с водой. Три дня ехал я по пустыне под палящим солнцем и утром четвертого дня добрался до отрогов гор, нашел узкую расщелину. На дне ее оказалось много валунов. Долгий и тяжелый путь ожидал меня...

Но стоило мне преодолеть завалы, дорога стала сносной, и вскоре я уже спускался в обширную долину, в центре которой, всего милях в двух от меня, сверкали белые руины.

Помню, я успокоился, когда увидел, что до руин всего около двух миль. Я уже принял существование города

как факт, так сильно поверил в него, что если бы по ту сторону горного хребта его не оказалось, я был бы удивлен намного сильнее.

Из ущелья можно было разглядеть только хаос белых обломков, но, когда я подошел ближе, некоторые из них превратились в разломанные каменные блоки, стены, колонны. Большая часть руин, как и следовало ожидать, оказалась похороненной под песком. И тут я сделал любопытное открытие. Я остановился посмотреть, из какого камня древние строители сложили свой город. Это оказался гладкий одноцветный камень, очень похожий на искусственный мрамор или очень хороший бетон. Разглядывая развалины, я заметил, что на каждой плите и каждом блоке, на разрушенных карнизах и колоннах — повсюду выцарапан некий символ (если, конечно, это был символ) — грубое изображение неземного существа, больше похожего на осьминога, с круглым, деформированным телом и несколькими длинными щупальцами или лапами, торчащими из тела, на вид негибкими и суставчатыми, словно лапы паука. «Тварь могла изображать паука», — подумал я тогда, хотя некоторые детали были нарисованы неправильно. На мгновение я задумался об избытке изображений этого существа, а потом решил, что эта загадка неразрешима.

Да и сам город оставался для меня тайной. Что мог я найти в засыпанных песком грудях каменных обломков, чтобы пролить свет на события прошлого? Я не мог даже поверхностно исследовать город из-за ограниченных запасов воды и пищи. Озадаченный, я вернулся к верблюдам и вывел их на открытое место среди руин. Там я и устроил лагерь на ночь. Когда же пришла ночь, я уже сидел у маленького костра. Полная, навевающая грусть тишина, царившая в этой обители смерти, пугала. Не слышно было человеческого смеха, криков животных, птиц, жужжания насекомых. Темнота и тишина окружали меня, текли надо мной, и их пронзали лишь сверкающие копыта света моего костра.

Размышляя, я услышал за спиной легкий шорох. Я повернулся, чтобы увидеть его источник, и окаменел.

Как я уже упоминал, мой лагерь находился на площади, ровной как зеркало. Неожиданно на песчаной поверхности в нескольких ярдах от меня появились странные ямки-дырочки. В свете костра их было отлично видно.

Но кроме этих ямок ничего вокруг не изменилось. Никого не было поблизости. А потом в песке появилась новая ямка, и одновременно прозвучал мягкий, скрипящий звук. Пока я стоял и смотрел, пытаюсь понять, что происходит, звук повторился, и одновременно еще одна дырочка появилась в песке.

Когда я это увидел, ледяные стрелы страха пронзили мое сердце, а потом, взыв в приступе безумия, я выхватил из костра горящую головешку и швырнул ее в сторону странных ямок. Она пролетела кометой красного пламени. Послышался легкий шорох. Что-то там все же двигалось, хоть я и не видел ничего. Я почувствовал, как тварь, оставлявшая следы, отступила, если, конечно, это было живое существо. Что же это на самом деле, я тогда и вообразить не мог. Абсолютно ничего не было видно. Один след, потом другой... Словно по волшебству появлялись они на гладком песке (если, конечно, это были следы).

Тайны окружали меня. Даже во сне я не мог обрести покоя. Кошмары пришли ко мне из мертвого города. Все грехи прошлых веков сфокусировались в моих снах. Странные тени бродили в моих кошмарах — неземные исчадия ада с далеких звезд появлялись и исчезали...

Я мало спал в ту ночь, но, когда наконец встало солнце, мой страх и сомнения исчезли. Первые же золотистые лучи рассеяли их словно дым. Неудивительно, что в древности люди поклонялись солнцу!

И с новой силой и отвагой я взялся исследовать таинственный город. В надписи, которую я вам раньше процитировал, давно умерший купец-авантюрист упоминал огромный храм. Где же его руины? Удивившись, я решил, что лучше всего мне будет заняться поисками и исследованиями руин храма, которые должны были бы оказаться чем-то впечатляющим, если древний купец из Карфагена не соврал.

Поднявшись на ближайший холм, я огляделся и, хотя не нашел никакой обширной груды плит, что могла бы сойти за храм, заметил две огромные фигуры из камня, возвышавшиеся на противоположном конце города. Они казались черными на фоне розового восхода. Я свернул лагерь и направился к этим статуям. Но только после полудня я добрался до них. Теперь я смог хорошенько рассмотреть их. Две огромные статуи, вырезанные из черного камня, каждая около пятидесяти футов высотой. Они стояли в стороне от городских построек, повернувшись лицом к городу. Скульпторы изобразили людей, одетых в странные чешуйчатые доспехи, но их лица я не могу описать. Они казались нечеловеческими. Одежды, пропорционально сложенные тела выглядели человеческими, но лица, их выражение лишь намекали на родство с родом человеческим. Ваяли ли эти скульптуры с живых существ? Странные люди жили в этом городе, раз они установили такие статуи...

Я огляделся. С обеих сторон от скульптур вышло то, что некогда было могучей стеной, ныне превратившейся в обширную груды плит. Но между статуями стены никогда не существовало. Видимо, здесь раньше располагались ворота. Я удивился, почему два стража ворот остались совершенно невредимы, а стены и город за стеной обратились в руины. А потом понял, что статуи сделаны из другого материала.

Теперь я впервые обратил внимание на длинную улицу позади статуй. Она уходила в пустыню на полмили или даже больше. По обеим сторонам дороги стояло два ряда каменных фигур. Я решил осмотреть эту улицу и прошел между двумя гигантскими статуями. Миновав их, я заметил надписи, выбитые на постаменте каждой статуи.

В четырех или пяти футах от земли в постаменты были вделаны таблички, размером с квадратный ярд каждая. На этих табличках были изображены странные символы — несомненно, надписи на забытом языке, неизвестном мне, однако один символ, особенно броса-

ющийся в глаза, оказался мне знаком, — рисунок паука или осьминога, который, как я уже упоминал, я обнаружил на обломках каменных городских построек. Таблички на статуях были совершенно одинаковыми, и, разглядывая их, я так ничего особенно и не узнал. После этого я осмотрел пустынную улицу, вытянувшуюся передо мной, и задумался над загадкой вездесущего символа, а потом, забыв о нем, стал изучать многочисленные скульптуры.

Длинная улица напоминала аллею сфинксов в каком-нибудь египетском городе. Вдоль таких улиц-аллей рабы проносили фараонов в храм. Но статуи по обе стороны аллеи оказались не сфинксами. Это были звери, неизвестные мне, столь необычные, словно создания иного мира, так я сказал бы... Не стану даже пытаться их описать. Это то же самое, что попытаться описать дракона слепому от рождения. Конечно, от них веяло злом, больше всего они напоминали рептилий. И еще... они пугали меня.

Я прошел между ними и добрался до конца аллеи. Встав между последними двумя фигурами, я ничего не увидел впереди, кроме желтого песка пустыни. Я замер в замешательстве. Что же означал знак на табличках в пьедесталах двух огромных статуй в начале аллеи?

Но вот я заметил нечто странное в пустыне, открывающейся передо мной. Она была плоской! И этот плоский участок, круглый по форме, занимал несколько акров. Его поверхность казалась совершенно ровной. Со стороны все выглядело так, словно огромная песчаная равнина придавлена чудовищным весом, так что на ней не осталось даже самой крошечной неровности. По ту сторону непонятного образования и вокруг него пустыня вздымалась барханами, по которым гуляла песчаная поэмка. Однако ничего не двигалось на ровной плоскости круга, лежащего предо мной.

Заинтересовавшись, я подошел к краю круга и остановился в нескольких ярдах. Когда я достиг его края, мне показалось, что невидимые руки нанесли мне страшный удар в лицо и грудь, отшвырнув назад.

Прошло несколько минут, прежде чем я пришел в себя и снова осторожно пошел вперед. Во мне проснулось сильное любопытство. Я подобрался к краю круга, вытащил пистолет и медленно шагнул вперед.

Когда моя рука с пистолетом достигла границы круга, она ударилась о что-то твердое. Дальше я не мог продвинуться ни на шаг. Мне показалось, что я наткнулся на стену, но никакой стены видно не было. Вытянув руку, я нащупал твердую преграду.

Теперь я знал: передо мной стена и я не смогу силой преодолеть ее. Когда, вытянув руки, я коснулся края круга, мне показалось, что я чувствую гладкие стены, сложенные из совершенно невидимого материала. Значит, ученые-мудрецы прошлого открыли, как делать невидимым любой материал, и создали невидимую преграду, с которой я сейчас столкнулся. Такое было возможно. Даже наши ученые могут сделать некоторые предметы частично невидимыми, с помощью рентгеновских лучей. Значит, местные жители обладали обширными знаниями, которые оказались забыты в последующие века, как секрет жидкого золота, ковкого стекла и другие, о которых мы обнаружили упоминание в древних рукописях. Конечно, я удивился, как древние люди сделали так, что и через века их постройка оставалась невидимой.

Чуть отступив, я стал подбирать камешки и швырять их в сторону невидимой стены. Но как бы высоко я их ни подкидывал, достигнув линии круга, они со звоном отскакивали от невидимой преграды. Так я определил, что стены вздымаются довольно высоко. Я загорелся желанием пробраться за эту стену и исследовать фантастическую постройку изнутри. Но как это сделать? Неожиданно я вспомнил о двух гигантских статуях и их табличках... Сначала ведь я никак не мог понять, почему статуи установлены в таком месте.

Неожиданно я осознал всю нереальность этого места. Огромная невидимая стена передо мной, круг песка, большой и неизменный, и удивительные статуи... Что-то

внутри меня всколыхнулось, и я снова вспомнил предупреждение: «Не торгуйте в городе Мармурте...» Теперь я не сомневался, что передо мной храм, о котором упоминал Сан-Драбат. Уверен, он был прав: ничего похожего не существовало нигде на земле.

Я хотел попасть внутрь храма. Успокоившись, я решил логическим путем найти ворота. Они, судя по всему, должны были находиться в конце аллеи скульптур, так, чтобы те, кто шел по улице, могли войти в храм. И я быстро обнаружил в стене отверстие в несколько ярдов шириной.

Я почувствовал, что должен пройти через эти ворота, и шагнул на плиту из какого-то таинственного материала, точно такого же гладкого на ощупь, как поверхность стен, но совершенно невидимого. Я попал в коридор, ведущий в храм. Ощупью продвигался я вперед.

Наверное, я странно выглядел, но некому было глядеть на меня. Я знал, что вокруг стены, но ничего не видел, кроме огромного круга песка. Мне казалось, что я иду по воздуху в футе над землей. Под моими ногами лежали толстые плиты, они, как я теперь понял, и создавали этот круг.

Медленно шел я по коридору с вытянутыми вперед руками, словно слепец. Пройдя совсем немного, я уперся в гладкую стену, перегораживающую коридор. Я попал в тупик. Но я не был обескуражен. Я знал, что где-то здесь должна быть дверь, и начал шарить вокруг в поисках ее. И я нашел ее. Мои руки наткнулись на круглую ручку в стене, и, когда я надавил на нее, дверь открылась. Я почувствовал, как в лицо мне дохнул ветер. Путь вперед был открыт. Стена, перегораживающая коридор, исчезла, и я смог свободно идти вперед. Но не смел. Вернувшись назад к ручке в стене, я обнаружил, что, поворачивая и нажимая, можно закрыть дверь. Механизм древних по-прежнему исправно работал. Стоило только слегка надавить на ручку рукой, как он срабатывал. В конце коридора открывался проход, каменная плита отодвигалась, словно занавес в театре.

Убедившись в том, что дверь легко открывается, я смело прошел дальше и обнаружил, что попал на широкий круглый двор. Поняв это, я вернулся туда, где коридор выходил во двор, собираясь уйти из этого странного места.

Но тут я споткнулся о ступень. Она оказалось первой ступенью широкой лестницы поистине титанических пропорций. Медленно и осторожно я стал подниматься по ней, ощупью находя дорогу и пытаюсь убедить себя в реальности происходящего. Иногда мне казалось, что я карабкаюсь по воздуху. Жутко!

Все выше и выше поднимался я, пока не оказался в сотне футов над землей. Тут ступени стали значительно уже. Еще несколько шагов, и лестница осталась позади. Передвигаясь таким образом, я обнаружил, что нахожусь на широкой площадке, которую ограничивали перила. На четвереньках пересек я ее и уперся в стену. В ней тоже была дверь. Я открыл ее и вскоре понял, что очутился в большой комнате.

Решив передохнуть, я уселся на полу и только тут, неожиданно для себя, почувствовал присутствие чего-то злого, угрожавшего всему существующему в Природе. Я ничего не видел, не слышал, но меня пронзила мысль о каком-то демоническом, древнем зле, в прошлом обитавшем в этом месте. «Но умер ли обитавший в этих стенах ужас?» — подумал я. Что бы ни вызвало во мне такие мысли, дальше идти в логово неведомого чудовища я не смог себя заставить. Я повернул назад и подошел к краю площадки, оперся на невидимые перила и стал разглядывать песок далеко-далеко внизу.

Садящееся солнце, повисшее в западной части неба, напоминало огромный шар раскаленного докрасна железа. В его огненных лучах две большие статуи отбрасывали длинные тени на желтые пески. Неподалеку мои стреноженные верблюды беспокойно переходили с места на место. Я стоял высоко в воздухе, в сотне футов над землей. Воображение мое рисовало огромный двор и коридоры, лежащие подо мной.

Какой же вид, должно быть, открывался отсюда — с вершины гигантского храма — в те времена, когда

город жил своей жизнью! Я представил себе длинную процессию жрецов в темных гротескных робах, идущих из города между гигантских статуй. Они тащили с собой несчастных, таких, как тот самый купец, чтобы принести их в жертву своему богу.

Солнце нырнуло за горизонт. Я повернулся и замер. На мгновение мне показалось, что сердце мое остановилось. У самого входа в таинственный храм неожиданно появилась ямка в песке. Она появилась точно так же неожиданно, как прошлым вечером в пустыне. Загипнотизированный, я смотрел на эту ямку как на ужасную змею. На глазах у меня в песке снова начали появляться следы. Они шли не по прямой, а по зигзагообразной линии. Сначала два с одной стороны, потом два — с другой и еще один — в центре. Оба ряда следов разделяло ярда два... Цепочка следов неуклонно приближалась к храму. А я по-прежнему не видел чудовища!

Похоже... сравнение неожиданно поразило меня... Ямки напоминали следы многоногого насекомого, только огромных, неслыханных размеров. От такой мысли страх охватил меня. Я помнил, как пауки карабкаются по руинам и статуям. Теперь я знал, кто живет в этом городе. Вот о ком предупреждала надпись. Вот кто был злым богом города. Когда я понял, что чудовище направляется ко мне, страх охватил меня, ведь я оказался в одиночестве в невидимом храме и к тому же без оружия...

Могло ли такое странное создание существовать на Земле на Заре Времен? Может, чудовище всегда жило здесь и люди, придя в эти края, провозгласили его своим богом и построили храм в его славу! Хотя нет. Скорее всего, древние знали секрет невидимости и это именно они сделали невидимым и храм, и его обитателя... И он стал невидимым, могучим и бессмертным! Бессмертным! Так и должно быть, если учесть, сколько времени минуло с тех пор. Некоторые виды попугаев живут столетия, но уж что я точно знаю — доисторические чудовища мертвы много веков. Когда город умер, некому стало приносить жертвы

невидимому богу. Так как же тогда эта тварь выжила в пустыне? Неудивительно, что арабы боялись ездить в этом направлении! Чудовище несло смерть всему, что попадало в город. Но тогда, если честно, меня больше всего интересовало, как же лично мне выбраться из этой переделки живым.

Такие мысли появились у меня, пока я смотрел на приближающуюся Смерть, на все новые следы на песке. Однако мне все же удалось вырваться из пут парализовавшего меня ужаса. Я подбежал к огромной лестнице и спустился вниз во двор. Я и не думал, что смогу спрятаться где-то в огромном зале. Только представьте себе: спрятаться в невидимом дворце! Но я должен был попробовать, и, нырнув под лестницу, по которой только что поднимался, я ощупью добрался до стены, опустил на корточки, надеясь, что тени, протянувшиеся от ближайшего бархана, скроют меня от взгляда чудовища, возвращающегося в свое логово.

Я даже знал, когда чудовище миновало ворота, через которые я вошел в храм. Цок... цок... цок... — мягкий, приглушенный звук. Я услышал, как чудовище на мгновение остановилось у открытых дверей в конце коридора. Наверное, оно удивилось, обнаружив открытую дверь. Мне стало интересно, насколько разумным было это таинственное существо? Потом... Цок... цок... Тварь пересекла двор, и я услышал, как она прошла мимо меня и стала подниматься по ступеням. Я даже боялся дышать, а потом мне показалось, что я вот-вот закричу от облегчения.

Конечно, страх сковал меня. Я сидел на корточках у стены, пока эта тварь поднималась по ступенькам. Только вообразите себе! Вокруг ничего — лишь огромный ровный круг гладкого песка. А сам я висел в воздухе в нескольких дюймах над ним, в то время как тварь прошла по воздуху надо мной. Страх заставил меня сжаться в комок.

Цокающий звук стих — наверное, тварь скрылась в большой комнате наверху, в той, куда я побоялся войти. Теперь мне пора было бежать из ужасного храма. Я поднялся и с невероятной осторожностью, стараясь сту-

пать бесшумно, пересек двор и подошел к выходу из храма. Но когда позади осталась уже почти половина пути, я натолкнулся на другую, невидимую стену и отлетел назад. Металлическая ручка моего ножа, болтавшегося в ножнах на поясе, громко звякнула, ударившись о плиты пола. Боже, помоги мне, я неправильно определил месторасположение двери!

Я лежал не двигаясь и чувствовал, как холодный страх сжимает мое сердце. И снова я услышал: цок... цок... Чудовище задвигалось, но потом остановилось, замерло. Может, оно увидело меня? Я бы не удивился. Но могло ли оно видеть? На мгновение надежда согрела меня, а потом тварь снова стала приближаться, спускаясь по невидимой лестнице. Цок... цок... цок...

Едва не потеряв контроль над собой, я вскочил на ноги и сделал еще одну безумную попытку отыскать дверь. Трах! Я врзался в другую стену. Снова встал на ноги, но теперь я весь дрожал. Чудовище тоже остановилось. Успокоившись, насколько это возможно, я пошел дальше вдоль невидимой стены. Все мои мысли сосредоточились на том, как найти выход из этого волшебного храма. Думаю, именно тогда я окончательно заблудился. Боже, в какую невероятную переделку я попал!

Тварь, охотящаяся на меня, не издавала никаких звуков. У меня снова появилась надежда. Но по иронии судьбы случилось так, что я натолкнулся на тварь. Моя вытянутая рука коснулась одной из лап чудовища — толстой, холодной, покрытой жесткими волосками. Я задохнулся от ужаса. Чудовище же стояло совершенно неподвижно и ждало, пока я шел прямо в ее объятия... Драма мухи и паука.

Тварь схватила меня, но лишь на мгновение. Ее холодное прикосновение наполнило мое сердце столь глубоким отвращением, что, рванувшись, я снова оказался на свободе. Обезумев, я помчался через двор и снова споткнулся о первую ступеньку огромной лестницы. Ничего не соображая, я побежал наверх. За спиной я слышал шаги чудовища. Неожиданно часть перил, за

которые я держался левой рукой, закачалась. Видимо, за бесчисленное число лет один из каменных блоков, стоящих на краю лестницы, ослаб. Обрадовавшись, я выломал из перил огромный кусок невидимого камня и вместе с ним добрался до верхней площадки лестницы. Она была довольно широкой, так что здесь вполне могли разойтись два человека. Неожиданно я почувствовал прилив сил. Я отчетливо слышал, как чудовище поднималось по лестнице следом за мной. Подняв невидимый каменный блок над головой, я изо всех сил швырнул его вниз, целя туда, где, по моим расчетам, должна была находиться ужасная тварь.

Действительно, после грохота на какое-то мгновение воцарилась тишина. Потом снова послышался низкий жужжащий звук, постепенно перешедший в гудение. И в этот миг где-то на середине лестницы прямо из воздуха потекла струйка пурпурной жидкости. Она сделала видимыми несколько ступенек, расползаясь по ним в лужу крови. Она окрасила в красное блок и волосатые лапы твари. Я не убил древнего бога, но, по-видимому, приковал к месту, придавив одну из его лап.

Послышался грохот. Пурпурный поток стал слабеть. Но теперь, видя испачканные кровью конечности, я смог представить себе древнее существо, которому поклонялись жители Мармурта многие века назад. Тварь напоминала гигантского паука. Ее конечности оказались длинной в несколько ярдов, а тело — волосатым и противным. Стоя на верхней площадке лестницы, я удивлялся, как может быть видимой кровь невидимой твари? Но все случилось именно так, хотя причину этого я понять не мог. И все же я добился определенного преимущества. Теперь я мог видеть чудовище. Держась края лестницы, я начал спускаться. Проходя мимо твари, я почувствовал невыносимую вонь раздавленного насекомого. Чудовище прилагало огромные усилия, пытаясь освободиться и добраться до меня. Но оно так и не сумело высвободить свою лапу из-под камня. Я благополучно спустился во двор храма, по-прежнему дрожа всем телом.

Пройдя через огромный двор, я в этот раз очень быстро отыскал дверь, пробежал по коридору, потом по

длинной улице, проскочил между двух огромных статуй. Их освещал лунный свет, так же как и таблички со странными символами в виде пауков. Но теперь-то я знал, что они значат!

Хорошо что мои верблюды бродили вдали от невидимых стен, так как страх мой едва ли позволил бы мне вернуться за ними, если бы они бродили возле храма...

Всю ночь я скакал на север. Когда же настало утро, я не стал останавливаться, а продолжал гнать верблюдов. В ущелье один из верблюдов споткнулся и упал, расправив при этом бурдюки с запасами воды.

Воды почти не осталось, но я по-прежнему двигался на север и загнал второго верблюда. Потом мне пришлось идти пешком. Вскоре я мог лишь ползти на четвереньках... Ноги отказались меня нести, но изо всех сил я стремился уйти как можно дальше на север, прочь от храма Зла и древнего бога. Не знаю, сколько я прополз, пока не увидел свет вашего костра... Вот и все...

Незнакомец замолчал. Митчел и я переглянулись. Потом, поднявшись, Митчел отошел подальше от костра и долго вглядывался в южную часть горизонта. Не знаю, о чем он думал. Я же стал внимательно разглядывать археолога-неудачника.

На следующее утро незнакомец умер, шепча что-то об огромных невидимых стенах. Мы завернули его тело в прочную ткань и, взяв его с собой, продолжили наше путешествие через пустыню.

В Алжире мы послали телеграммы по адресам, которые нашли в бумажнике незнакомца. Позже, согласно одной из полученных нами телеграмм, мы погрузили тело на корабль, а через несколько месяцев получили письмо. Родственники археолога написали, что похоронили несчастного на маленьком кладбище в Новой Англии, в деревне, где прошло его детство.

После этого я и Митчел часто разговаривали об этом человеке и таинственном городе, затерянном в пустыне.

Мы говорили об этом у лагерных костров и в гостиницах приморских городов. Если археолог убил невидимое чудовище, то, значит, сейчас его высохшие останки лежат на огромной лестнице... Или же твари удалось освободиться и она, по-прежнему невидимая, бродит по пустыне и отдыхает в своем невидимом храме?

А может быть, археолог просто сошел с ума от жары и жажды и вся эта история — порождение болезненной фантазии?.. Но не думаю, что это так. Я считаю, что археолог говорил правду... Скоро я точно узнаю об этом. Мы с Митчелом решили отправиться туда, где среди невидимых стен и башен, спрятавшись за невидимыми стенами, обитает бог Зла.

СОДЕРЖАНИЕ

Руна 1	
КОЛДУНЬЯ (Пер. М. Пируса)	5
Руна 2	
ДЬЯВОЛЫ В СТЕНАХ (Пер. А. Тишинина)	175
Руна 3	
САД, ВЫТКАННЫЙ НА КОВРЕ	
(Пер. А. Курич)	203
Руна 4	
ДЕВУШКА В ДРАГОЦЕННОМ КАМНЕ	
(Пер. А. Иванова)	243
Руна 5	
БРЭК В ЦЕПЯХ (Пер. В. Федорова)	267
Руна 6	
СОКРОВИЩА КОЛДУНА (Пер. В. Пападаки)	317
Конан-клуб	
Кэтрин Мур	
ТЕНЬ ЧЕРНОГО БОГА (Пер. А. Александрова)	367
Э. Гамильтон	
ЧУДОВИЩЕ ПУСТЫНИ (Пер. Л. Соловьевой)	395

**Джон Джейкс
СОКРОВИЩА КОЛДУНА**

Перевод с английского
Ответственный редактор
Александр Тишинин
Художественный редактор
Павел Борозенец
Технический редактор
Татьяна Раткевич
Корректоры
Татьяна Виноградова
Людмила Борисова
Ольга Карпеева
Верстка
Владимир Титов

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 20.10.96.

Формат 84×108^{1/32}. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 21,8.

Изд. № 158. Заказ № 160.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»
Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

СЕМЬ ДОРОГ В МИР FANTASY
ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

**«РУССКОЕ FANTASY»
«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ»
«КОНАН. САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ»
«КОНАН. САГА О БЛАГОРОДНОМ
ВАРВАРЕ»
«САГА О КОПЬЕ»
«САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ»
«САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ»**

Телефоны для оптовых покупателей:
в Москве (095) 273-35-24, в С.-Петербурге (812) 239-63-11

ПРИГЛАШАЕМ ВАС В ДАЛЕКОЕ СТРАНСТВИЕ!

Издательство «Азбука» представляет новый издательский проект – ретроспективу лучших произведений зарубежных фантастов под общим названием

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Внимание, все истинные поклонники фэнтези! Вам будут предложены самые лучшие романы, написанные за последнее десятилетие и прочно занявшие лидирующие места во всех хит-парадах фантастической литературы. Вас ждет грандиозное путешествие в десятки удивительных, неповторимых миров, созданных безудержной фантазией знаменитых фантастов. Каждый роман – своеобразная панорама загадочных, лежащих за пределами нашей привычной реальности, неведомых земель. Земель, где разворачивается невиданная по своему размаху битва между силами Добра и Зла, между воинами Света и отвратительными порождениями Тьмы.

Открыв любую книгу из серии «САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ», вы позабудете, что такое скука. Вы сами не заметите, как очутитесь в прекрасном, чарующем мире оживших легенд и преданий седой древности. Рядом с вами, плечом к плечу встанут закованные в броню бесстрашные витязи. Вы услышите, как звенят, скрещаясь в смертоносном единоборстве, сверкающие клинки. Вы увидите таинственное свечение невесомой паутины колдовских заклятий. Вы почувствуете холодное дуновение ветра, что поднимают огромные крылья взмывающего к небесам дракона.

**МЫ СТАНЕМ ВАШИМ ПРОВОДНИКОМ
ПО НЕВЕДОМЫМ ЗЕМЛЯМ!**

Не пропустите ни одной книги!

196105, Санкт-Петербург, а/я 192

Издательство «Азбука». Редакция фантастики.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЯ

САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ

Элизабет Бойе. В 3 т. Лот № 403.

“ЛЕГЕНДЫ СКАРПСЕЯ”

- Т. 1. “УЧЕНИК ВЕДЬМЫ”
- Т. 2. “ВОИН И ЧАРОДЕЙ”
- Т. 3. “СЕРДЦЕ ДРАКОНА”

Цена каждой книги с учетом почтовых расходов - 18 900 р.

Д. Эддингс. В 3 т. Лот № 405

“БЕЛГАРИАД”

- Т. 1. “СОЗДАТЕЛИ ЧУДА”
- Т. 2. “ОБИТЕЛЬ ЧАРОДЕЕВ”

Цена каждой книги с учетом почтовых расходов - 18 900 р.

М. Линдхольм. В 2 т. Лот № 404

“ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ВЕТРОВ”

- Т. 1 “ПОЙ ВМЕСТЕ С ВЕТРОМ”

Цена с учетом почтовых расходов - 18 900 р.

Если вы хотите заказать эти книги, вам необходимо заполнить почтовую открытку, указав в ней номер лота, название книги, имя автора, количество необходимых вам экземпляров, и послать ее по адресу: 109033, г. Москва, а/я 66, “Книжная лавка”.

Не забудьте указать свой обратный адрес. Предварительной оплаты не требуется. Книги будут высланы наложенным платежом сразу после получения вашего заказа.

Желающие заказать всю серию должны написать в конце открытки:

“Плюс все книги серии”.

Издательство «Азбука»
представляет новый проект

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

Мы рады предложить всем любителям героического фэнтези большой цикл произведений российских и зарубежных авторов, создавших неподражаемые образы могучих, бесстрашных Героев. Каждая книга этой новой серии – стремительный вихрь поединков, погонь, грандиозных сражений и кровавых схваток. Каждый роман – это боевая песнь непобедимых воителей, смысл жизни которых составляет непримиримая битва с порождениями Хаоса и Тьмы.

В каждом томе «Саги» всех истинных поклонников фэнтези ждет выпуск «Вестника Конан-Клуба». На его страницах будут опубликованы письма читателей, статьи о литературе «меча и колдовства» и, конечно же, вести и рассказы самых известных зарубежных фантастов.

В серии «Сага о Бессмертных Героях» вышли:

Лин Картер. «Сказание о Тонгоре»

Том 1. «Черный ястреб»

Том 2. «Царство Теней»

Майкл Резник. «Торир Рыжебородый»

Александр Мазин. «Фаргал. Трон императора»

Карл Эдвард Вагнер. «Кейн. Ветер ночи»

Джон Джейкс. Том 1. «Брэк. Знак демона»

Том 2. «Брэк. Сокровища колдуна»

Готовятся к выходу:

Карл Эдвард Вагнер. «Кейн». Том 2.

Лот № 407. Цена каждой книги с учетом почтовых расходов 18 900 р.

Если вы хотите заказать эти книги, вам необходимо заполнить почтовую открытку, указав в ней номер лота, название книги, имя автора, количество необходимых вам экземпляров, и послать ее по адресу: 109033, г. Москва, а/я 66, "Книжная лавка".

Не забудьте указать свой обратный адрес. Предварительной оплаты не требуется. Книги будут высланы наложенным платежом сразу после получения вашего заказа.

Желающие заказать всю серию должны написать в конце открытки:

"Плюс все книги серии".

Джон Джейке — известный американский писатель — уводит читателей в удивительный, но суровый мир, заселенный загадочными племенами и народами. Темный бог Йог-Сотот распростер свою черную длань над «цивилизованными» странами. Ему противостоит Безымянный бог, которому служит, пусть даже порой не подозревая об этом,

ВАРВАР БРЭК

Пробираясь в далекую волшебную страну, он встречает на своем пути приспешников бога Зла.

Но ни дьявольская колдунья, ни чудовища из подводных бездн, ни деревья-вампиры не могут устоять против стального клинка и отважного сердца могучего северянина. А впереди, среди таинственных скал и вечных снегов, его ждут

СОКРОВИЩА КОЛДУНА

4 600202 000585